Москва

АЛЬМАНАХ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НАРОДОВ РОССИИ

Поэзия и проза

2026

Союз писателей России

АЛЬМАНАХ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ

Москва
2026

УДК 82
ББК 84
А57

А57 Альманах современной литературы народов России. Сост. Андреев А.Н., Халилов М.Г. — М.: Издательство журнала «Москва», 2026. — 312 с.

ISBN 978-5-89097-109-8

2026 год объявлен в России Годом единства народов России. Союз писателей России откликнулся на это важное для страны событие собственной культурной инициативой, результатом которой стал «Альманах современной литературы народов России», в который вошли произведения авторов, составляющих гордость национальных литератур.

УДК 82
ББК 84

ISBN 978-5-89097-109-8

© Союз писателей России, 2026
© Авторы, 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые коллеги!
Дорогие друзья!

2026 год объявлен в России Годом единства народов России. Президент РФ В.В. Путин подписал Указ «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России». В Указе, в частности, сказано: «В целях укрепления национального единства, мира и согласия между народами Российской Федерации постановляю:

1. Провести в 2026 году в Российской Федерации Год единства народов России».

Союз писателей России отреагировал на это важное для страны событие собственной культурной инициативой. С целью изучения современного состояния национальных литератур народов нашей страны было решено провести ряд межрегиональных научно-практических Конференций национальных литератур народов России. Подобные Конференции предложено было провести в г. Грозном (Конференция национальных литератур народов Северного Кавказа, юга России и Крыма, июнь 2026 г.), в г. Казани (Конференция национальных литератур народов Приволжского, Северо-Западного, части Уральского и Сибирского ФО, июнь 2026 г.), а также провести в формате онлайн Конференцию национальных литератур народов части Сибирского и Дальневосточного ФО (июль 2026 г.).

Итоговая Общероссийская Конференция национальных литератур народов России запланирована на ноябрь 2026 г. в г. Москве.

В рамках подготовки конференций был дан старт проекту, целью которого было объявлено создание в электронном виде трех региональных «Альманахов современной литературы народов России (проза и поэзия)», а именно: «Альманаха современной литературы народов Северного Кавказа, юга России и Крыма (проза, поэзия, драматургия)», «Альманаха современной литературы народов Приволжского, Северо-Западного, части Уральского и Сибирского ФО (проза и поэзия)» и «Альманаха современной литературы народов части Сибирского и Дальневосточного ФО (проза и поэзия)».

На основе трех указанных региональных Альманахов мы издали один итоговый федеральный «Альманах современной литературы народов России», куда вошли лучшие произведения авторов, составляющих гордость национальных литератур. И вот сейчас мы имеем честь представить «Альманах современной литературы народов России. Поэзия и проза» вниманию самой широкой российской общественности.

С целью отбора лучших произведений национальных авторов в профессиональных переводах было создано многоступенчатое Специальное жюри, включающее в себя сеть региональных Экспертных Советов, возглавляемых авторитетнейшими специалистами. В составе Советов шесть

докторов наук из разных регионов нашей страны, а также известные всей читающей России писатели и поэты.

Если посмотреть на наш проект в контексте реформирования функций СПР, следует отметить, что СПР поставил перед собой весьма амбициозную задачу. Она заключается не в том, чтобы просто издать «Альманахи» и провести Конференции, посвященные Году единства народов России; это, безусловно, важно, но мы не хотим ограничиваться выставочными и, так сказать, одноразовыми мероприятиями. Наша задача, как мы ее себе представляем, состоит в том, чтобы создать инструменты и, в идеале, технологию диагностики, дающей представление об объективном состоянии национальных литератур народов России здесь и сейчас.

Это не только амбициозная, но и очень сложная задача. Каким должен быть механизм первоначального сбора и отбора материалов? Кто должен за это отвечать? Кто должен назначать ответственных? Какими должны быть критерии отбора произведений (объем, качество, жанровый состав)? Какими должны быть критерии качества переводов? Кто должен их утверждать? Как распределить полномочия федеральных и региональных структур СПР? Вопросов много. Создание технологии требует выстраивания организационной структуры с прозрачным и понятным функционалом.

Писательское сообщество — это сообщество талантливых и, как следствие, чувствительных и ранимых людей; любой основанный на конкуренции и рейтингах проект в таком сообществе — это система весьма тонких настроек. А если учесть, что мы ставим целью укрепление национального единства разных народов, степень сложности задачи кратно возрастает.

Никто не знает, как решать эти задачи, все приходится создавать и изобретать самим; и проблемы, и способы их решения постоянно возникают и варьируются в процессе продвижения нашего проекта. Собственно, анонсированные Конференции для того и нужны, чтобы создать эффективную технологию диагностики и передать ее в руки тех, кто собирается продолжить наше дело дальше.

В идеале, конечно, мы хотим создать такой проект, который будет действовать на долгосрочной основе, постоянно, на протяжении многих лет.

Зачем нужен проект, который условно можно назвать «Альманахи современной литературы народов России как отражение литературного процесса»? Альманахи и Конференции, повторим, — это не самоцель, а инструменты определенной технологии. Если СПР собирается хотя бы отчасти управлять многонациональным литературным процессом, если мы хотим понимать его природу и тенденции развития, нам необходимо иметь представление о том, что сейчас пишут в регионах, почему пишут именно это, что сегодня читают, почему читают именно это, кто это читает и что надо сделать для того, чтобы писали и читали то, что нужно писать и читать.

Как развиваются национальные литературы и языки в процессе взаимодействия с великой русской литературой и великим и могучим русским языком? Что надо сделать для того, чтобы процесс взаимодействия стремился стать процессом взаимообогащения?

Сами по себе эти вопросы не решаются, ими надо заниматься, если

мы хотим иметь гармоничное соцветие национальных литератур, где всем комфортно и где само понятие «многонациональное» осознается как культурный ресурс.

Созданные нами региональные «Альманахи», уже опубликованные в электронной версии, доступны и самым разным читателям, и широкой общественности, и специалистам-исследователям. Это, в свою очередь, должно пробудить интерес к развитию национальных литератур.

Теперь несколько слов о концепции изданных «Альманахов» (всех). При составлении «Альманахов» эксперты руководствовались не чутьем и наитиями, а вполне определенными принципами, которые мы сейчас прокомментируем.

Во-первых, согласно нашему писаному и неписаному уставу, в каждом конкретном «Альманахе» могут быть представлены только ныне здравствующие писатели (дай Бог им здоровья на долгие годы!). Это положение очерчивает концептуальные рамки «Альманаха»: в нем представлены не лучшие писатели всех времен, определившие лицо той или иной литературы (это уже задачи иного проекта), а лучшие из живущих, что дает представление о состоянии современной литературы.

Во-вторых, писатели должны быть членами СПР, ибо проект финансируется из бюджета СПР.

Могут быть исключения? Из второго пункта могут. Но они не отменяют принципов.

Следующий принцип — критерии художественности.

Обратим внимание: в итоговом «Альманахе», который вы держите в руках, представлены поэзия и проза, но нет драматургии (она представлена двумя произведениями только в «Альманахе современной литературы народов Северного Кавказа, юга России и Крыма»). Значит ли это, что в обозначенных национальных литературах напрочь отсутствует драматургия как таковая?

Нет, это значит совсем другое. Изначально мы предусматривали номинацию «драматургия», однако в процессе экспертного обсуждения содержательного состава «Альманахов», мы пришли к выводу, что уровень и качество драматургии не соответствует высокому уровню требований Экспертного совета, и предложенные пьесы не стоит делать предметом широкого литературного обсуждения.

Поэзия и проза в отдельных случаях представлены текстами проходными, чтобы не сказать заурядными. Можно было их убрать, чтобы общий уровень «Альманахов» стал заметно выше? Можно. Но вместе с текстами ординарными мы убрали бы и то, что можно назвать маркером актуального уровня развития национальной литературы. У нас, как говорится, нет других писателей, а те, что есть, пишут то, что могут. Зачем же приукрашивать положение вещей, «лакировать действительность», как говаривали раньше?

Кроме того (и это главное), иногда тексты, которые, на первый взгляд, выглядят как не соответствующие высокому художественному уровню, воспринимаются как таковые в переводе на русский, к нашему великому сожалению. В оригинале же эти тексты выглядят намного ярче и содержательнее. Мы вынуждены констатировать: уровень переводов зачастую

не соответствует уровню оригиналов. Проблема перевода — особенно поэтического перевода — приобретает, по нашему убеждению, глобальный культурный характер. Мы эту проблему видим и, безусловно, собираемся ее решать. На этом, в частности, будут сконцентрированы наши ближайшие проекты.

Нам кажется, что такого рода информация, такие литературные «сигналы» тоже очень важны для понимания сути литературных процессов. Здесь тот самый случай, когда «на зеркало неча пенять», — напротив, зеркало стоит поблагодарить. Во всяком случае, мы на это надеемся.

Мы отдаем себе отчет в том, что наши «Альманахи» — это особого рода издание, рассчитанное на широкий общественный резонанс, издание, которое будут пристально рассматривать в разных ракурсах, и даже один «неоднозначный» или дискуссионный момент может отразиться на репутации всего «Альманаха» и всего нашего проекта. Тем не менее, мы руководствовались интересами развития нашей многонациональной литературы, а не стремлением делать вид, что проблем не существует. Во всяком случае, эксперты подошли к данному вопросу именно так, а не иначе.

Наконец, остановимся еще на одной проблеме, решить которую однозначно совсем не просто. В каждом национальном образовании (регионе) есть ряд авторов, пишущих на русском языке, которые при этом вполне вписываются в национальные реалии (национальная принадлежность в этом случае не имеет решающего значения).

Права таких авторов были несколько ущемлены, хотя мы старались в каждом конкретном случае подходить к проблеме индивидуально. Общий наш протокол, свод писаных и неписаных правил («Альманах современной литературы народов России (поэзия, проза)») приоритет отдает переводной литературе; однако иногда именно пишущие на русском являются лицом и «брендом» национальной литературы. Это тоже наши реалии, и это еще одна проблема, которую предстоит решать. Пока в концепции наших многонациональных «Альманахов» никак не представлены области и регионы, где пишут только на русском. В перспективе, конечно, регионы с преобладанием русского и русскоязычного населения (и, соответственно, с литературой на русском) должны присутствовать в альманахах.

Уже сам процесс создания «Альманахов» (и региональных, и федерального) обострил многие проблемы, требующие безотлагательного решения. Например, проблему переводческих школ (как поэтических, так и прозаических) — точнее, их отсутствия. Переводческие школы — это ведь не только про перевод выдающихся образцов национальных литератур на русский, это и про перевод образцов русской классики на национальные языки. Перспективы и возможности здесь очевидны — как очевидно и то, что эти возможности пока не востребованы.

Проблема сложная. Да, переводчики у нас есть; возможно, их не так много, как хотелось бы, хотя и нетак мало, как представляется национальным литераторам. Проблема не в количестве — проблема в том, что у нас в стране нет института перевода, нет переводческих школ. В этом вопросе и эксперты, и авторитетные представители национальных литератур единодушны. Вопрос стоит так: если мы не в состоянии обеспечить

качественный перевод с национальных языков на русский и с русского на языки национальные, — придется забыть об эффективном взаимодействии литератур. Плохой перевод — это даже не имитация деятельности одного из ключевых для нашей страны сегмента литературного процесса; это, если называть вещи своими именами, способ погубить саму идею взаимодействия национальных литератур.

Как решать эту проблему?

Решение будет предложено в первоочередных проектах СПР.

Следующей большой проблемой, точки зрения экспертного сообщества, является отсутствие в стране института литературной критики. Зачем нужна критика?

Она нужна для того, чтобы управление смыслами, составляющими ценностное ядро нашей цивилизации, и, следовательно, управление литературным процессом в России было продуманным и эффективным, если просто.

Наконец, последнее (по порядку, но не по значению). Переводческие школы, как и институт критики, нужны и важны не сами по себе; они необходимы как инструменты обозначения иной, глубинной проблемы, а именно: проблемы исчезновения национальных языков и литератур. Эта болезненная проблема существует, и делать вид, что она не актуальна, значит лишь усугублять ее.

Итак, в сухом остатке мы имеем как минимум четыре глобальные проблемы, без решения которых наш многонациональный литературный процесс неизбежно, увы, переключается в режим стихийной саморегуляции, самосохранения, элементарного выживания со всеми сопутствующему литературному хаосу издержками.

Проблемы национальных литератур, на наш взгляд, выстраиваются в таком причинно-следственном порядке.

Главной, сущностной является проблема исчезновения национальных языков и литератур (1). Здесь мы бьем в набат.

Инструментами решения этой проблемы, с нашей точки зрения, являются совершенствование института переводческих школ (2) и возрождение института литературной критики (3).

Инструментом решения проблем перевода и критики, по нашему убеждению, является настройка функционала СПР (4).

Говоря о нашем проекте в целом, нельзя не отметить: проведена огромная, прежде всего — черновая, подготовительная, невидимая глазу работа. Но и эта работа — лишь следствие той подвижнической деятельности наших писателей и поэтов, которые работают не за деньги, не за блага, а за совесть, прославляя нашу Родину, обогащая светом Истины, Добра и Красоты культурный код нашей российской цивилизации. В результате наш многонациональный культурный фонд имеет достойный наших традиций «Альманах современной литературы народов России (поэзия, проза)», который не стыдно представить «граду и миру».

Мы доказали, что современная литература народов России — это не пропагандистский миф, а реальное достижение нашей культуры.

Мы доказали, что наши «малые» народы в лице своих выдающихся представителей (кстати, без исключения великолепно владеющих русским

языком) по-прежнему способны создавать на своем родном языке блистательные шедевры, которые могли бы украсить любую литературу мира.

Мы доказали, что литература народов России — это наш культурный потенциал, который следует изучать, преумножать и грамотно развивать.

Мы поздравляем всех, причастных к работе над «Альманахом современной литературы народов России» как ключевым звеном нашего большого литературного проекта: поэтов, прозаиков, драматургов, критиков, литературоведов, руководителей всех уровней, корректоров, технических работников.

Особая наша благодарность региональным отделениям СПР Чечни, Татарстана и Забайкалья, взявшим на себя основной труд по сбору материала, его структурированию, оценке и подготовке к публикации.

Первым быть труднее всего, поэтому первым часто многое прощают. Первый блин комом, как говорят в таких случаях. Но мы абсолютно убеждены, что наш пилотный проект не нуждается в снисхождении; мы убеждены, что нам есть чем гордиться по результатам нашей работы. Мы уверены, что анализ материалов «Альманахов» (как региональных, так и федерального) будет представлен в скором будущем в монографиях и статьях литературоведов, — что, в свою очередь, даст толчок развитию литератур народов России.

И еще мы убеждены в том, что многонациональные «Альманахи», увенчанные одним, итоговым, следует издавать регулярно, с периодичностью в два-три года, — и, соответственно, проводить Конференции, где должны оперативно осмысливаться реалии, отраженные в «Альманахах».

Всем мира и добра.

Халилов М.Г.,
Сопредседатель Совета по национальным литературам и переводческому делу СПР, руководитель всероссийского Проекта конференций национальных литератур народов России

Андреев А.Н.,
Председатель общероссийского Экспертного Совета по национальным литературам, доктор филологических наук, профессор

Национальные литературы народов
Северного Кавказа, юга России
и Крыма

ПОЭЗИЯ

АДАМ АХМАТУКАЕВ

Адам Абдурахманович АХМАТУКАЕВ, народный писатель Чеченской Республики, родился в 1961 г. Автор тринадцати и соавтор более тридцати книг. Пишет на чеченском и русском языках. Основные направления творчества: поэзия, проза, художественный перевод, публицистика, фольклористика. Победитель первого сезона (2024) Национальной литературной премии «Слово» в номинации «Перевод» — первое место совместно с переводчиком его книги Юрием Щербаковым.

Гимн жизни

Я рос на руках материнских, воздетых в моленье,
И пищу мужчины впервые с отцом я вкусил.
Небесной молитвой звучали слова колыбельной
И, как оберег, на пути придавали мне сил.

«Дороги, отцами воспетые, благословенны;
Бесславны дороги, поправшие отчий завет», —
Слова колыбельной, что были мне наною спеты,
Велел сохранить мой отец до скончания лет.

Зарубками в сердце ту песню досталось хранить мне,
Обет моей жизни под эти напевы звучит.
И коль вознесусь до ладоней, воздетых в молитве,
То нана мужскую мне трапезу благословит.

Я — чеченец!

От начала времен стали болью моей
Летописные горькие своды,
Мной — чеченцем — когда-то пугали детей
В безвозвратно ушедшие годы.

И хотя эта боль обжигает меня,
Как болезнь, что пылает в утробе,
В этом мире неправильном не было дня,
Чтоб поддался греху или злобе.

Я отцовских заветов нарушить не смел,
В каждой девушке видел сестрицу;
И с почтением в сторону каждой глядел,
Чтобы Судного дня не страшиться.

Не мирюсь с унизительным словом «чечен».
Я — чеченец от самого детства;
Это имя вошло в глубину моих вен,
В нем — величье мое и наследство.

Перевод А. Галамаги

АСЛАМБЕК ТУГУЗОВ

Асламбек ТУГУЗОВ родился в 1969 г. в селе Закан-Юрт (Чеченская Республика). Первая публикация появилась в 2010 г. в журнале «Нана». Автор ряда поэтических сборников, финалист конкурса «Щит и перо», победитель литературного конкурса журнала «День и ночь» в номинации «Русская поэзия» (2021). Пишет на русском языке. Поэтические произведения А.Тугузова переведены на чеченский, осетинский, кабардинский и английский языки. Член Союза писателей России, народный писатель Чеченской Республики.

***

Падал снег, и вьюжили снежинки
Над седыми сопками Карпинки,
Над Нефтянкой и над Ташкалой.
Заметая черные воронки,
Падал снег стремительный и тонкий,
Словно вестник истины благой.

Падал снег, и было очень тихо,
Словно, отступив, уснуло лихо,
Словно вдруг, за эти полчаса,
Кончились у времени патроны,
Все его проклятия и стоны,
Все его гудки и голоса.

Падал снег свободный и крылатый,
Весело царапая бушлаты
Павших и оставшихся лежать
Навсегда, под этими снегами,
Белыми, холодными руками
Цепко вгрызшись в ледяной асфальт.

Падал снег, и век прощался с веком
Навсегда, как будто с человеком
Близким и навеки дорогим.
И душа, свернувшаяся в льдинку,
Принимала каждую снежинку,
Окликая именем одним.

Падал снег и бился в перепонки,
Бел как саван, или как пеленки
В темноте космической трубы,
Где уже ни смерти, ни томленья,
Только это вечное круженье,
Белый танец снега и судьбы.

***

Проходит? Ничто не проходит,
Ничто никогда не пройдет.
Тоскует, под окнами ходит,
Смеется и что-то поет.

То плачет, томясь от бессилья,
То кличет в полуночной мгле
И белые, белые крылья
Волочит по черной земле.

То рвется шершавой бумагой,
Мерцая под лампой ночной.
И ты наливаешься влагой,
Как дерево с каждой весной.

И ты понимаешь, отсюда
Из розовой тьмы бытия,
Как страшно не верящим в чудо,
Как горько забывшим себя.

Вот мальчик с краюхою хлеба
Стоит перед домом своим,
И синее, синее небо
Как вечность сияет над ним.

Проходит? Ничто не проходит,
Ничто никогда не пройдет.
Вот мама из дома выходит
И мальчика громко зовет.

А он, задыхаясь от смеха,
Бежит к ней и что-то кричит.
И долгое, долгое эхо
Над гибнущим миром летит.

ШАРИП ЦУРУЕВ

Шарип Мовладович ЦУРУЕВ родился в 1963 г. в селе Герзель-Аул Гудермесского района ЧИАССР. Окончил филологический факультет ЧИГУ. Автор ряда сборников поэтических и литературно-критических произведений. Победитель республиканского литературного конкурса в номинации «Поэзия», лауреат премии журнала «Вайнах», лауреат премии Интеллектуального центра ЧР «Серебряная сова». Член Союза писателей России, народный писатель Чеченской Республики, заслуженный работник культуры Чеченской Республики, почетный профессор ЧГПУ.

***

Товарищ, что со мной издал свой первый крик,
сказал, что он уйдет лишь в мой последний миг.

Куда я ни пойду — товарищ мой чудной,
чтоб я ни делал, вновь увяжется за мной.

Цель у него одна: разок дождаться дня,
чтобы, как брат, сдавить в объятиях меня.

Я жизнь не так ценю, как мой товарищ тот,
что вечно по ночам маячит у ворот.

Товарищ этот — смерть... И забывать не след,
что в жизни у людей надежней друга нет.

Перевод В. Куллэ

ИСХАК МАШБАШ

Исхак МАШБАШ родился в 1930 г. в ауле Шхашефиж Успенского района Краснодарского края. Умер в 2026 г. В 1956 г. окончил Литературный институт имени М. Горького, в 1962 г. — факультет журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Автор десятков поэтических и прозаических книг, издано собрание сочинений в двадцати шести томах на адыгейском и русском языках. Стихи и проза И.Ш. Машбаша переведены на многие языки мира. Исхак Машбаш — народный писатель Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Абхазии, лауреат Государственных премий СССР, РСФСР, Российской литературной премии имени М.А. Шолохова, Всероссийской общественной премии «Гордость нации», Республик Адыгеи, Кабардино-Балкарии. За большой вклад в отечественную литературу удостоен звания «Герой Труда России», награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» II, III, IV степеней, орденом «Дружбы народов», орденом «Честь и слава» Абхазии, орденами «За заслуги перед Республикой Дагестан», Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Умер 7 сентября 2026 г. в Майкопе. На родине установлен бронзовый бюст писателя.

Путь к тебе, Россия

Как долог был и крут невыносимо
Нелегкий путь к тебе, моя Россия!
Как тяжела дорога в высях горных,
Как круты нравы предков непокорных,

Глядевших на тебя из-под бровей
В кинжальной непокорности своей!
Порой бывало, что тебя ругали
И именем твоим детей пугали,

Но каменные тронула уста
Улыбка — добродушна и всесильна...
Как тягостна была и непроста
Дорога неизбежная к России!

Но все ж навстречу мы друг другу шли.
Мы все прошли — лишения и войны,
И боль земли, и скорбь моей земли,
И оставались в памятной дали.

Могильные холмы — как будто волны...
А солнце... Солнце нам равно сияло,
Ведь солнце никогда не выбирало,
И было небо голубою чашей

Над всей землей разноплеменной нашей,
И звезды одинаково красиво
Светили и Кавказу, и России.
И я к тебе тропу свою торил.

Я шел к тебе сквозь бурные столетья,
И радости, и злое лихолетье
Не раз, как хлеб, с тобой я разделил.
Я шел к тебе, шел, не считая версты,

И жгучий ветер бил тревожно в грудь.
Я шел к тебе — не компас и не звезды,
Но сердце мне указывало путь.
Как сложен был и крут невыносимо
Неторный путь к тебе, моя Россия!

АМИНАТ АБДУЛМАНАПОВА

Аминат Абдулманаповна Абдулманапова родилась в 1946 г. в селении Харбук Дахадаевского района Дагестана. Народный поэт Дагестана, прозаик, публицист. Окончила физико-математический факультет Дагестанского государственного педагогического института и Литературный институт имени А. М. Горького. Автор более пятидесяти поэтических сборников и нескольких сборников стихов для детей. Член Союзов писателей и журналистов России, Заслуженный работник культуры РД. Лауреат Государственной премии РД в области литературы. Пишет на даргинском языке.

Батырай[1]

Даже и под ледяною корою
Речка поет и играет волною,
Сонную рыбу вспугнув невзначай.
Может, твоя это песнь,
Батырай?

Если ее мертвый камень услышит,
Как человек, он тревожно задышит.
Гулко ему отзовется гора.
Верно, твоя это песнь,
Батырай?

Если она до луны донесется,
Птицей ночною луна встрепенется
И запоет, прославляя наш край.
Видно, твоя это песнь,
Батырай.

Если она и до солнца достанет,
Ярче намного пылать оно станет,
Чтобы созрел на земле урожай.
Значит, твоя это песнь,
Батырай!

Перевод с даргинского М. Ахмедовой-Колюбакиной

[1] Батырай — основоположник и классик даргинской поэзии.

БАГАУТДИН АДЖИЕВ

Багаутдин Анварович Аджиев родился в 1950 г. в Махачкале в семье народного поэта Дагестана Анвара Аджиева. Народный поэт Дагестана, драматург и переводчик. Окончил филологический факультет Дагестанского государственного педагогического института имени Г.Цадасы. Член Союза писателей СССР (России). Пишет на кумыкском языке.

***

Жизнь — священная книга,
Данная нам Творцом.
Кто-то рождается глупым,
Кто-то слывет мудрецом.

Но каждый болен тщеславием,
И шаток веры алтарь.
Если холоп несчастен,
Кто знает, счастлив ли царь!?

Как жаль, что в мире убогом,
Где лишь молитвы спасут,
Человек, себя возомнивший богом,
Бредет по бесчестья пыльным дорогам
И даже под взглядом Аллаха строгим
Не помнит про Страшный Суд.

Перевод с кумыкского С. Васильева

МАРИНА АХМЕДОВА

Марина Анатольевна Ахмедова (Колюбакина) родилась в 1952 г. в Челябинске. Народный поэт Дагестана, переводчик, публицист. В 1977 г. окончила Литературный институт имени А.М.Горького в Москве. С 1980 г. работает в Союзе писателей Дагестана. В настоящее время — председатель Правления Союза писателей Дагестана. Автор более двадцати поэтических сборников. Заслуженный работник культуры России и Дагестана. Лауреат премии Ленинского комсомола Дагестана, Государственной литературной премии РД имени Р. Гамзатова, Государственной премии Республики Дагестан в области литературы, Всероссийской литературной премии «Гипертекст» имени А.Б.Чаковского, Национальной литературной премии «Слово».

***

Я так люблю большие города
За то, что в них, не требуя оваций,
Иголкой в стоге можно затеряться,
Не лицемерить и не притворяться,
А просто жить — отныне и всегда.

За их античный демос площадей,
Где в толчее равны и принц, и нищий,
Среди которых вор багдадский рыщет...
Где ловкий кот, крадущийся по крыше,
Взрывает фейерверком голубей.

Люблю в час пик клаксонов водопад,
Визг тормозов и перезвон трамваев...
В колючем декабре и в нежном мае
По бесконечным улицам блуждая,
Люблю вдыхать их терпкий аромат.

И замирая мухой в янтаре
У древних стен, что помнят стрелы гуннов,
Вдруг ощутить себя бесстыдно юной,
Забыв, какое — в этот миг безумный —
«Тысячелетье нынче на дворе».

Запутаться люблю на целый день
Я в паутине улочек горбатых,
Которые хранят шаги Синдбада
И помнят, как от гибельного града
Покрыла их божественная тень.

Я их непредсказуемость люблю,
И потому меня, наверно, манят
Гудки паромов в утреннем тумане,
Когда судьбу, зажав как нож в кармане,
Ты слепо доверяешь кораблю.

И кружево мостов и галерей
Люблю я расплетать по километрам,
Чтоб надышаться опиумом ветра
И, вечно оставаясь незаметной,
Среди толпы гудящей быть ничьей.

Я так люблю большие города
За то, что в них не скучно никогда.

АРБЕН КАРДАШ

Арбен Мехединович Кардашев родился в 1961 г. в высокогорном селе Микрах Докузпаринского района Республики Дагестан. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей СССР (России). Народный поэт Дагестана, лезгинский поэт, прозаик, драматург, публицист, переводчик. Автор двадцати книг и четырех пьес. Заслуженный деятель искусств РД. Лауреат Государственной премии РД.

***

Как панцирь, кожа. Дни мои
О камень терлись, жизнь моя!
Я о народе плакал — и
Ослеп на оба глаза я.

Каких толчков, каких затей
Не испытал я на веку!
О век обвалов и смертей,
Ты всех нас погрузил в тоску!

Я говорю себе: «Певец,
Как ты вмещаешь эту боль?
Тебя колотит мир-кузнец
И терпишь ты удар любой...»

И отвечаю сам себе:
«Бегу, чтоб сбросить этот груз!
В краю отцов, в моей судьбе
Есть место у горы Шалбуз.

Там, где Большая мчит река,
В реку Срединную стремясь,
Вой мира, времени тоска
С моей душой теряют связь.
Там оба глаза у меня
Прекрасно видят. В уши слух
Приходит вновь. Печаль гоня,
Грудь наполняет бодрый дух.

И плачу там я, и смеюсь,
Как в детстве... Там над головой
Орел клекочет: «Эй, не трусь!
Ты здесь останешься живой!»

ФЕЙЗУДИН НАГИЕВ

Фейзудин Рамазанович Нагиев родился в 1951 г. в селе Ашага-Стал Сулейман-Стальского района Республики Дагестан. Народный поэт Дагестана, писатель, драматург, публицист, переводчик, литературовед. С отличием закончил инженерно-строительный институт в Одессе, Литературный институт имени А.М. Горького в Москве. Член Союза писателей СССР (России), член Союза журналистов СССР (России). Заслуженный работник культуры Республики Дагестан. Доктор филологических наук. Лауреат лезгинской национальной премии «Шарвили». Автор более трех десятков книг (поэзия, проза, драматургия, публицистика, монографии) Произведения поэзии и прозы Ф.Нагиева вошли в школьные учебники и хрестоматии. Пишет на лезгинском и русском языках.

Два мастера

Два мастера в одном ауле жили.
Их люди чтили — только к одному
Они всегда с улыбкой приходили
И грели душу радостью ему;
К другому — шли, исполнены печали...
А мастер — точно он всему виной —
Взгляд отводил, когда глаза встречали
Тех, чьи родные в мир ушли иной.
Был первый весел и со всеми дружен,
Он приходивших радостно встречал;
Другой скорбел, что тоже людям нужен,
И, разделяя горе их, молчал.
Ну, а когда Творца молить случалось,
То каждый у него просил свое:
Один — чтобы работа не кончалась,
Другой — чтоб вовсе не было ее...
Так день за днем тянулись вереницей,
А за годами шли и шли года...
И мастерство невидимой границей
Их судьбы разделило навсегда.
Они искусны оба были в деле,
Тот и другой аулу нужен был.
Веселый мастер — делал колыбели,
А грустный мастер — камни для могил.

***

И будет день наверняка,
Настанет власть империй.
Словам чужого языка
Традиции мы вверим.

Язык, впитавший с молоком,
Замрет в устах, как камень.
Земля-мать и наш отчий дом —
Чужак владеть там станет.

И царь нам будет, кто жесток,
И дух наш будет смирен.
И в этот день, о, дай мне Бог,
Не жить в подлунном мире.

Река Самур

Река Самур — Срединная река,
Ты боль земли несешь издалека;
С тех дальних гор, где твой сокрыт исток,
Ты с запада стремишься на восток.
О, если б эти воды унесли
Печаль тобой поделенной земли,
И море навсегда б принять смогло
То горе, что мне на сердце легло!
Мне кажется — безмолвная вода
Не землю — сердце делит навсегда.

БАХУ-МЕСЕДУ РАСУЛОВА

Баху-Меседу Гаджиевна Расулова — народный поэт Дагестана. Родилась в высокогорном селе Карата Республики Дагестан, окончила ДГУ и Московский Литературный институт им. М. Горького в 1987 г. (поэтический семинар В. Цыбина). Писать начала с детства на каратинском (один из исчезающих языков коренных малых народностей Дагестана). Пишет на каратинском, аварском и русском (проза и публицистика). Лауреат всероссийской литературной премии им. А. Грибоедова и Международной литературной премии "Россия — исламский мир", автор 50 книг. Стихи и поэмы переведены на многие языки мира. Живёт в Махачкале.

О мудрости

Должны были мудрыми стать поколенья,
Что дожили до прогрессивных веков.
Но нет до сих пор в головах просветленья,
И общий наш дом, как всегда, бестолков.

Всё шире становится образованье,
А ладить не можем без споров и драк.
В военную отрасль направлены знанья,
Для ядерных или нейтронных атак.

В помойки земля превратилась и воды.
Плодам и лекарствам доверия нет.
Подделка — живущие ныне народы,
Прельщённые звоном фальшивых монет.

Под тяжестью фруктов ломаются ветки...
Ненужные знанья нас душат, как дым,
А мы видим зло только в кознях соседских
И пилим сучок, на котором сидим.

Читаю том природы

Поднявшись в горы по тропе крутой,
Сажусь на серый камень придорожный.
Утёсы узденями[1] встали в строй —
Моё воображение тревожат.

[1] Уздень — свободный человек в средневековом феодальном обществе на Кавказе.

Гора в папахе белых облаков,
Как аксакал, задумалась о вечном.
По этим тропам множество веков
История ступала человечья.

И я ступаю с трепетом по ним
И представляю — этим же маршрутом
Ходить дал Бог сородичам моим,
И Шамилю, и мудрому Махмуду...

Расул отсюда начал свой полёт,
Став запевалой в журавлиной стае.
Смотрю окрест с отеческих высот
И том природы с радостью читаю.

Перевод с аварского Валерия Латынина

ТАМИЛА ХУРШИДОВА

Тамила Саидовна Хуршидова (Салманова) родилась в 1983 г. в селе Ухул Ахтынского района. Поэт, переводчица. Член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Блеск кувшина» («Кварцин нур»), «Объятия матери» («Дидедин къужах»), «Поэтические тропы» («Ширатдин жигъирар»); соавтор коллективных сборников «Родники вдохновения», «Радуга души ухульцев», «Зов души» и др. Пишет на лезгинском языке.

***

Иную дверь и ветер не толкает,
И редкий гость обходит стороною
В таком дому родню не собирают,
Соседи не судачат за стеною.

Но есть дома, где привечают гостя,
Посланник Бога гость, ему и место.
Пусть не богат там стол, накрытый просто,
Всем за добро воздастся, как известно.

И пусть повадки гостя не привычны
Зажжен очаг для гостя не напрасно...
Нет в том беды, что языки различны,
Коль души схожи — и без слов все ясно.

Перевод с лезгинского А. Касецкой

МАЛИКА САГОВА

Малика Юнусовна Сагова — поэт, член Союза писателей РИ. Образование высшее филологическое и высшее экономическое. Пишет на русском и ингушском языках. Первая книга «Безаман ала» («Пламя любви») вышла в 1996 г.

***

Эти осколки из прошлой весны
Ты неуверенно держишь в руках.
Где я?
Где ты?
Кто мы?
Жизнь — это вечный отчаянный страх:
Страх потерять
Или не обрести,
Страх не увидеть
Или не спасти.
Что-то мешает любить и вздыхать,
Кто-то дышать не дает перестать.
В вечной погоне за призрачным счастьем
Боль —
в висках,
Чувства —
в прах,
И сердце —
на части.
Эти осколки из прошлой весны
Детские наши простые мечты.
Чью-то сегодня играешь ты роль,
Но не выкидывай память и боль.

АНАТОЛИЙ БИЦУЕВ

Анатолий Муратович Бицуев родился в 1946 г. в селе Аушигер Черекского района Кабардино-Балкарской Республики. Кабардинский поэт. Учился на филологическом факультете Кабардино-Балкарского государственного университета, окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры КБР. Лауреат Государственной премии КБР.

***

Жизнь наша удивительно мудра,
Жизнь наша энергична без предела.
Она ребенку скажет: «Вот — игра»,
Она напомнит взрослому: «Вот — дело».

А что такое жить? Идти вперед
К вершине мастерства, познанья, мысли,
И, если даже смерть тебя зовет,
Уметь услышать позывные жизни.

...Остругивая бревна для ворот,
Старик не помышляет о надгробье.
Жизнь тем мудра, что без конца живет,
А человек — он вечности подобье.

АСКАР ДОДУЕВ

Аскар Тауканович Додуев родился в 1953 г. в Казахстане. Балкарский поэт. Народный поэт Карачаево-Черкесской Республики, заслуженный работник культуры Республики Ингушетия. А.Т. Додуев — автор десяти поэтических сборников. Награжден высшей наградой КБР (Почетной грамотой Главы КБР), грамотами Правительства КБР, Парламента КБР.

Коршун

У вершины, закованной льдом,
Коршун чертит по небу круги,
Здесь его родовое гнездо,
Здесь его не достанут враги.

Солнце — путник, бредущий пешком,
Лишь для тех, кто живет на земле,
А для коршуна в небе живом
Солнце — всадник, сидящий в седле.

Только голода в царстве снегов
Даже коршуну не одолеть,
И тогда завлекает его
Дно ущелья, где падаль и смерть.

Пропасть ныне ему выше гор,
Краше светом залитых громад,
И милей, чем небесный простор
Мертвой плоти назойливый смрад.

Ныне коршун утробой пленен,
И, отвергнув небесную высь,
За добычею легкою он
Как подстреленный падает вниз.

Целый мир перед нами открыт,
Правда, есть упущенье одно:
Тех, чей разум утроба пленит
Ожидает паденье и дно.

Перевод А. Пряжникова

ТАНЗИЛЯ ЗУМАКУЛОВА

Танзиля Мустафаевна Зумакулова родилась в 1934 г. в селении Гирхожан (ныне город Тырныауз) Кабардино-Балкарской Республики. Балкарская поэтесса, народный поэт Кабардино-Балкарской Республики, народный поэт Карачаево-Черкесской Республики, Лауреат международной литературной премии имени С. В. Михалкова, Лауреат Государственной премии РСФСР имени А.М. Горького.
Из-под пера Зумакуловой вышло более тридцати книг, в том числе на русском языке в издательстве «Художественная литература» в Москве.

Два языка

Родной язык — ничем не заменимый, —
Он дорог всем. Все отразилось в нем:
Земля и небо, осени и зимы.
Понятен вздох на языке родном.

Родной язык! В нем нежность, вечность, сила.
Я с ним росла: и не по букварю
Сладчайшие слова произносила —
Сначала «мама», а потом — «люблю».

На языке родимом ропщут ели,
Журчит река и шелестит листва.
Как я внимала песне в колыбели —
Так мне внимают камень и трава.

Завешанное предками богатство
Мы сохраним навек в родном краю.
Язык отцов! С тобой нельзя расстаться, —
Тобой живу и — как могу — пою.

Добра желаю людям и Отчизне.
И если с речью разлучусь живой —
Лишусь всего. Тогда не нужно жизни,
Я лучше стану камнем и травой.

Но русский есть язык. И он навеки
Мне близок и понятен, как родной.
Две речи в моем сердце, будто реки,
Звучат, текут, становятся одной.

Забыв родной язык — я онемею,
Утратив русский — стану я глухой!

Перевод Г. Ефремова

***

Мы временем умеем дорожить,
Часы бывают лишними едва ли.
И всадник друга ждет на перевале
не потому, что некуда спешить.

И ношу со спины того, кто хил
берет на спину человек прохожий
не потому, что слишком много сил
и он растратить их никак не может.

И человек не потому, что сыт,
свой скудный хлеб голодным предлагает.
И мать не от бессонницы не спит
и люльку полуночную качает.

В морских волнах, в пороховом дыму
безвестный мальчик за святое дело
жизнь отдает совсем не потому,
что жить ему на свете надоело.

Нам, людям, каждый час необходим,
ни лишних сил, ни хлеба не бывает,
и отдающий отдает другим
лишь то, что от себя он отрывает.

Ни у кого нет жизни запасной,
Как век ни долог — не хватает века,
Но все же люди жертвуют собой,
оправдывая званье человека.

Перевод Н. Гребнева

ТАТЬЯНА БАДАКОВА

Татьяна Ивановна Бадакова родилась в городе Ханты-Мансийске. По профессии — инженер-программист. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького.
Автор тринадцати сборников стихов и малой прозы, публиковалась в совместных коллективных сборниках в России и за рубежом. Пишет стихи и малую прозу на русском и калмыцком языке. Лауреат Литературной премии имени М. Луконина (2025 г.), Гран-при «Наследие литературы — 2025» (Россия) и других. Отмечена Почетным знаком «Золотое перо русской литературы» (2024 г.), Почетной грамотой Правления Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Республики Калмыкия. Член Союза писателей России.

Здравствуй, Цаган Сар!

Зимних вьюг испуганные стаи
По степной умчались целине.
Песне ветра суслик подпевает —
Песне долгожданной о весне.

Белый месяц мы всегда встречаем
Борцоками — солнечной едой.
А еще — калмыцким добрым чаем,
Что заварен сладкою водой.

Надеваем лучшие наряды,
Двери открывает каждый дом.
И летят, не ведая преграды,
Песни, что с друзьями мы поем!

Степь седая, становись зеленой,
Чтоб скорее множились стада!
Счастья мы желаем всем влюбленным
И семей на долгие года!

Белый месяц — белые дороги!
Принимайте, люди, скромный дар —
Это пожеланье очень многим:
Счастья вам в заветный Цаган Сар!

ЭРДНИ КАНКАЕВ

Эрдни Потаевич Канкаев родился в 1967 г. в поселке Цаган-Нур Приозерного района Калмыцкой АССР. Поэт, переводчик, драматург. Член Союза писателей России, почетный работник культуры Монголии, заслуженный работник культуры Республики Калмыкия. Лауреат Национальной премии Республики Калмыкия «Муза». Автор поэтических сборников «Унсн шора — алтн» («Пыль родной земли — золото»), «Калмыки, в этом жребий наш», «Харсач» («Защитник»), «Аавин заавр» («Заветы деда»). Автор-составитель книг «Сурһмҗта теҗг келврмүд» («Буддийские притчи»), «И.А. Крыловин теҗгүд хальмгар» («Басни И.А. Крылова на калмыцком языке»).

Наставления деда

Веру предков зря не береди,
Смысла не усвоив — не суди!
Виновного помалу — извини,
Нож боевой из ножен не тяни!

Бычком-малолеткой зазря не пыли,
Горло напрасно в сердцах не дери!
Того, кто споткнулся, не бей, поддержи,
Бывших друзей не поставь на ножи!

«Было», сказав, не страдай, что прошло,
«Имею», сказав, не гордись, что нашел...
Силач пред тобою — не бойся его,
Он вырос горою, не больше того.

Прохожего встретишь в пути — помоги,
Глядишь, — по воде разойдутся круги
О том, что ты добр и душою правдив,
Лишь праведный муж и хорош, и красив.

Перевод А. Соловьева

ЗУХРА БУЛГАРОВА

Зухра Асанбиевна Булгарова родилась в 1979 г. в селе Терекли-Мектеб Ногайского района Республики Дагестан. Автор двух поэтических сборников, выпущенных в Карачаево-Черкесском книжном издательстве. Печаталась в «Литературной газете», антологиях ногайской поэзии (Черкесск, Махачкала), журнале «Литературные знакомства». Член Союза писателей России.

***

В один из дней на родине своей
Я горсть земли ногтями наскребла.
В платочек завернув, сказала ей:
«Ты будь со мною, где б я ни была».

Святая пыль, не ты ли в жаркий день
В глаза и ноздри мамы забивалась?
Кружась под ветром плавно на земле,
Ты в темные курганы превращалась.

Теперь у сердца дочери своей,
Найдя приют, ты улеглась комочком.
И, вспомнив дом, простор родных степей,
Я плачу... иль тебя вдыхаю молча.

Перебираю пальцами, к виску
Я пыль степную нежно прижимаю...
Короткой встречей долгую тоску
По родине я тихо унимаю.

ЛАРИСА ШЕБЗУХОВА

Лариса Курманбиевна Шебзухова (Балова) родилась в 1959 г. в ауле Кубина Карачаево-Черкесской Республики. Окончила Пятигорский государственный институт иностранных языков. Этнолог, литературовед нового поколения. Член Союза писателей России. Народный поэт Карачаево-Черкесии, обладатель медалей М.Ю Лермонтова, Р. Гамзатова. Автор пятнадцати сборников стихов и прозы.

В абазинский наш дом загляните!

Я простая горянка. Я мать.
Существую в ладу с белым светом.
И гостей рада я принимать,
Как предписано нам этикетом.
Абазинка я. Мал мой народ,
Но числом только, а не душою.
И Абазара есть наш оплот —
В нем наследие предков большое.
И оттуда потребность так жить —
Богом посланным с миром делиться,
Я хочу от души предложить
Вам в кунацкой у нас поселиться.
Прост наш дом. Его стены из скал,
И покрыт он небесною твердью.
Если кто-то земной рай искал,
То его здесь найдет он, поверьте.
Дом наш — Псадгил — Землею Души
Мы в народе своем называем.
Колыбели качаем в тиши —
Здесь рождаемся и умираем.
Тот не может кавказца понять,
В ком к Отчизне нет чувства святого.
На Кавказе очаг наш. Присядь.
Не держи в себе умысла злого.
Горец, может быть, строг и упрям
И в сужденьях своих откровенен.
Но послужит он с гордостью вам:
Асас — гость. Он неприкосновенен.
В доме гость — это радость для нас —
Пусть отведает горского хлеба!
Любит мирного гостя Кавказ —
Мы достанем звезду ему с неба!
От души я вас в гости зову,
Приезжайте в наш дом отовсюду —
Я для вас приготовлю халву,
Приложу душу к каждому блюду.

Пусть у нас разные языки,
Говорить с вами сердцем я буду.
Посвятят в тайны вас старики,
И легко приобщат дети к чуду.
Что делить нам на этой земле,
Кроме радости и угощенья?
Навсегда позабудем о зле
И у Бога попросим прощенья.
Душу отогревая в лучах,
В час нелегкий глядим на вершины.
Абазашта — родной наш очаг.
Здесь издревле живут абазины.
Мы вас ждем. Вот для дружбы рука
И душа нараспашку — как небо.
Породнит с вами нас на века
Наш кусок абазинского хлеба.
Непростое пространство — Кавказ —
Сплошь загадки и первопричины,
Но всегда рады гостю у нас
Все народы и мы, абазины.
Приходите! Всегда мы вас ждем.
Наш очаг вас радушно согреет.
Истину мы в беседе найдем,
С нею каждый из нас подобреет!

ЛИДИЯ ВДОВЧЕНКО

Лидия Андреевна Вдовченко родилась в 1958 г. на Кустанайщине, в семье поволжских немцев, депортированных в Казахстан во время Великой Отечественной войны. В 1998 г. перебрались на Кубань, в город Ейск. Член Союза писателей России. Лауреат Первого Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Поэзии прекрасный свет» (Анапа, 2015 г.). Автор поэтических сборников, печаталась в журналах «Подъем», «Краснодар литературный», «Мозаика Юга» и др.

Весна на пороге

Бегите, метели! Крутите педали,
Зимы боевые ветра!
Вчера ледяные дожди осаждали
Расхристанный берег Днепра.

Вчера увязали в полях черноземья
Тяжелые берцы бойцов,
Осколки снарядов, как чертово семя,
Всходили, снега пропоров.

Вчера лиходеи Авдеевку сдали —
Кровавые были бои.
Бегите, «азовцы», крутите педали
И шеи спасайте свои!

Сегодня, на радость усталой пехоте,
Крепчает святая земля.
Деревья слезами израненной плоти
Залечат всю боль февраля...

Желание выжить викторию движет,
А вера творит чудеса.
Весна на пороге. Победа все ближе,
Все громче ее голоса.

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

Николай Александрович Зиновьев родился в 1960 г. на Кубани. Учился на филологическом факультете Кубанского государственного университета, но после окончания вуза трудился в сфере, далекой от филологии: работал грузчиком, бетонщиком, сварщиком. Автор тринадцати поэтических книг, изданных в Москве, Краснодаре, Иркутске, Киеве, Новосибирске. Лауреат Международного конкурса газеты «Литературная Россия», Большой литературной премии России, Бунинской премии, Всероссийской православной литературной премии имени А. Невского. Заслуженный деятель искусств Краснодарского края.

Неизреченное

Мир не казался мне нелепым,
Я не был лишним на земле,
Я мог душой коснуться неба,
Любил картошку печь в золе,
И корку хлеба ел я с хрустом,
И пахла солнышком трава...
О, как светло и больно чувствам
Не соответствуют слова!..

***

Глядит сквозь тучи месяц тонкий.
Присядь, мой друг, поговорим:
«Не проклянут ли нас потомки
За все, что мы сейчас творим?
Ведь мы, кто вольно, кто невольно
Грехам потворствуем...» И тут
Мой друг прервал меня: «Довольно,
Не сомневайся, проклянут!»

Хотел сказать ему: «Не верю,
Ведь есть и добрые дела!»
Но он, ужасно хлопнув дверью,
Уже мою покинул келью,
Забыв на стуле два крыла...

Родине

Погляди мне в глаза, как бывало...
Иван Бунин

Ты другою давно уже стала,
Не сумел я тебя уберечь,
Тьма над нами крыла распластала,
Исковеркав и душу, и речь.

Все пошло по бесовскому кругу,
От былого уже ни следа.
И не смотрим в глаза мы друг другу —
Ты от горя, а я от стыда...

***
В этом мире все больше пустот.
Все острей и зловещей тревога,
Но в душе постоянно растет
Ощущенье присутствия Бога.

И как дьявол на зло ни горазд,
Срок его изначально отмерен.
Бог России погибнуть не даст.
И блажен тот, кто в этом уверен...

СВЕТЛАНА МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

Светлана Николаевна Макарова-Гриценко родилась на Кубани. Выпускница филологического факультета Кубанского государственного университета и музыкального училища имени Н.А. Римского-Корсакова. С.Н. Макарова-Гриценко — председатель Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, главный редактор журнала «Краснодар литературный». Заслуженный деятель искусств Кубани, лауреат литературных премий. Прозаик, поэт, публицист. Книги издавались в Москве и Краснодаре.

***

Расшумелись березы
Ветер свеж и упрям,
Прямо в руки мне бросил
Сто твоих телеграмм!

Собираю по лесу
Золотые слова.
Их читает, как пьесу,
Горевая трава,

Произносят сухими
Голосами кусты.
В каждом шорохе имя,
В каждом всполохе — ты.

Шаг за шагом все ближе
Нашей радости срок.
Я за кронами вижу
Неба синий платок.

Расступились сомненья
Златолистых костров,
Обнажив откровенье —
Зов упрямых ветров.

Только вслед неустанно
Шепот чащи лесной.
И так нежно, так странно
Август грезит весной...

ОЛЕГ СЕЛЕДЦОВ

Олег Валертевич Селедцов родился в 1967 г. в г. Бодайбо иркутской области. Член Союза писателей России. Автор десяти поэтических сборников и десяти книг прозы. Публикации в журналах: «Москва», «Наш Современник», «Дружба народов», «Молодая гвардия», «Юность», «Литературная учеба», «Невский альманах», «Родная Ладога», «Север» и др. Заслуженный работник культуры Республики Адыгея. Лауреат Всероссийских и международных литературных конкурсов. Награжден Орденом Преподобного Сергия Радонежского 3 степени и медалью Сергия Радонежского 1 степени.

Молитва

В полубреду, в полусне, через ночи вещие,
Там, где фонарщик Вечер разжег огни,
Господи, я молю, сохрани эту женщину,
Господи, эту женщину сохрани!

В ливнях ее сохрани и в жару нещадную.
В давке трамвайной, в безлюдности площадной.
Нежную, беззащитную и ненаглядную,
Господи, невредимой верни домой!

Пусть на лице не осядут заботы оспами,
Пусть не добавят морщин ей лихие дни.
Руки ее целуя, молю я: Господи!
Господи, эту женщину сохрани...

СЕЙРАН СУЛЕЙМАН

Сейран Сулейман (Сулейманов Сейран Акбаралиевич) родился в 1979 г. в Узбекской ССР (г. Фергана). С 1991 г. проживает в Крыму. В 2002 г. окончил филологический факультет (специальность — филолог-тюрколог) Крымского государственного инженерно-педагогического университета. Автор пяти книг — сборники рассказов, стихотворений, публицистика. Переводчик. Заслуженный журналист Крыма. Лауреат международной литературной премий имени М. Кашгари.

Голубь

Памяти Алишера Навои

В родные края, в дом родной возвращался
Воркующий голубь, над полем летя,
Но жадному шаху он в руки попался —
И клеть окружила его золотая.
Настал день прекрасный — по воле Аллаха
Покинул наш голубь златую темницу,
Обрел он свободу от злобного шаха —
Тот взглядом свирепым спроваживал птицу.

Без устали голубь, мечтой окрыленный,
Парил над лесами родимого края,
Но дом был разрушен. Как громом сраженный,
Упал на гнездо он, над кровом рыдая:

«Не надо мне клети великого шаха
Пусть стены в ней злато, а дно — серебро,
Гнездо мне дороже из пепла и праха,
Хоть все в нем разрушено и сожжено».

Перевод с крымскотатарского Л. Огурцовой

ЕЛЕНА АЛЬМАЛИБРЕ

Елена Альмалибре (литературный псевдоним Елены Викторовны Натальченко) — магистр филологии, переводчик, член Союза писателей России, автор четырех книг. Лауреат конкурса «СЕВЕРная звезда», IV международной литературной премии «Перископ-2020», Национальной премии ЮФО, дважды обладатель премии Губернатора Ростовской области для представителей творческой интеллигенции.

***

Моя душа не миновала моря
И марева его цветных сетей.
Я с берега не ждал дурных вестей,
Но письма долетают против воли.

Я вспомнил детство, мать,
наш домик ветхий,
Задумался, закутался, затих.
А море мной играло, словно щепкой,
Качая на ладонях вод своих.

Меня, как в шторм, бросало и мутило,
Потом шепталось:
лучше душу вынь...
Церковное, туманное кадило,
Распятие плывущего, аминь.

Небесные врата средь звездной ночи,
Как крылья, раскрываются легко.
И слышу:
«Береги себя, сыночек»,
Пока лазурь белеет в молоко.

ОЛЬГА ГУБАРЕВА

Ольга Ивановна Губарева родилась в селе Сандата Сальского района Ростовской области. По специальности экономист сельского хозяйства. Выпустила более десяти сборников поэзии и прозы в различных издательствах. В настоящее время живет в городе Батайске Ростовской области.

Гуси-лебеди

То не диво, то не лихо,
То не белый снегопад.
Над моей землею тихой
Гуси-лебеди летят,

Проплывают, проплывают,
Над донской волной скользят,
Пухом сушу устилают,
Небо криком бередят.

Их из дальнего предела
Поманил весенний зов,
Их повел вожак умело
В край родимых берегов,

В край, где ночью сладко спится,
В край, где воздух свеж и пьян,
В край, где солнце в колеснице
Мчится в утро сквозь туман.

В отчий край, где пахнет мятой,
Правит крылья птичья рать,
Где так просто и понятно
Жить, любить и умирать!

ВИКТОРИЯ МОЖАЕВА

Виктория Валерьевна Можаева член Союза писателей России. Публиковалась в журналах «Дон», «Молодая Гвардия», «Родная Ладога», «Двина», «Подъем», «Родная Кубань», «Алтай» и многих других. Победитель Всероссийских премий: «Имени Бориса и Глеба», «Имени поэта-воина И.Григорьева», «Позывной Россия», премия имени М.А.Шолохова, Международного конкурса «Молитва» и др. Проживает в хуторе Можаевка Ростовской области.

***

Перегорит костер и перетлеет,
Земле нужна холодная зола.
Н.Туроверов

А я все помню те года,
Где в клочьях дыма и болтанках
Гремели наши поезда
На безымянных полустанках.
Я слышу, словно наяву,
Колес движенье с ветром рвущим.
С подножек прыгали в траву,
И шли пешком к огням зовущим.
Варили кашу с молоком
И борщ с грибами ради пира.
И был нам вовсе не знаком
Противный вкус чужого сыра.
И, вспоминая те года,
Я часто думаю с тоскою,
Что шли мы явно не туда
Под тяжкой бронзовой рукою.
На нас смотрел с прищуром мир,
Но мы об этом не грустили.
Мы сотворяли свой кумир,
И на костях сады растили.
И хоть от смеха разревись,
А жизни должно продолжаться...
Россия, где ты?! Отзовись...
Я так хочу к тебе прижаться!
Чтоб каждый был другому рад,
Но по любви, не поневоле,
И чтоб обнялся с братом брат
На том кровавом русском поле,

Чтоб зрели к сроку семена,
Чтоб зеркала не покривились,
Чтоб стала храмом та страна,
Где храмы прахом становились...
Но словно ворон распростер
Над нами крылья волей злою...
Все тлеет, тлеет тот костер,
И не становится золою.

ИРИНА САЗОНОВА

Ирина Анатольевна Сазонова — член Союза писателей России с 2008 г. Выпустила восемь поэтических сборников, три художественно-познавательных издания, четыре книги прозы. С 2015 г. занимается художественными переводами стихов с болгарского, белорусского, испанского и с языков народов России на русский язык. Дважды лауреат конкурса, проводимого газетой «Российский писатель» (2017, 2023).

Пусть останется...

...Остановись, мгновенье!..
Гете «Фауст»

Лиловеют созвучья бегоний,
Дух цветенья всевластвует тут,
По расщелинам стенки белёной
Алой стайкою розы ползут...
А плодов не рождавшая прежде,
Пустоцветна который уж год,
Наливается соком черешня,
Свесив пурпурный первый приплод!
Благодать после бури воскресла:
И отмытая светлая высь,
И трава, и плетеные кресла,
И щебечущий гомон — слились!..
Царство лиственных, вечнозеленых...
Сад небесный, эдемский — точь-в-точь!..
Древокружевом лик осененный —
В гамаке прикорнувшая дочь...
Так весны распахнувшейся много
И таким ароматом дышу,
Что, надеждой ведомая к Богу,
О застывшем мгновенье прошу.
Я молю милосердья Господня:
Пусть недужье изгонится прочь,
Но останется всё, как сегодня:
Небо. Сад. Дух медовый. И дочь...

АНЖЕЛИКА САЛТАНОВА

Анжелика Салтанова (Анжелика Дмитриевна Шульженко) — член Союза писателей России, поэт, переводчик. Лауреат национальной премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина, Областного литературно-творческого конкурса «365 дней с книгой» Донского Культурного Марафона. Имеет публикации в литературных журналах. Автор сборника стихотворений «Небесные киты».

***

Верни меня, пожалуйста, верни,
в двухтысячное лето под Ростовом,
где было жарко в яблочной тени,
а счастье обжигало льдом фруктовым.
Там спал в траве скакун — велосипед,
шумели ивы вдоль неспешной речки,
венки из одуванчиков и лент,
из бисера — бесценные колечки,
любимый абрикосовый компот.

...там бабушкины руки, как могли
держали безграничный небосвод.

Верни меня, пожалуйста, верни.

ДМИТРИЙ ХАНИН

Дмитрий Игоревич Ханин родился в 1989 г.. Член Союза писателей России (2011 г.), поэт. Живет и работает в городе Ростове-на-Дону., выпускник факультета математики, механики и компьютерных наук Южного федерального университета. Лауреат нескольких литературных премий.

Бревно

И кружит старая планета
Всю современность бытия.
А. Прасолов

В конструктивизме,
в гуще города —
Где все бетоном стеснено, —
Взгляни — без видимого повода
Лежит столетнее бревно.

Прогресс — затея интересная,
Кругом синтетики размах!
Несовершенное древесное
Гниет в неразвитых веках.

Лоснится улица экранами,
Повсюду техника слышна,
Тарелка с инопланетянами
И то уместнее бревна.

...Но как былое ни охаивай,
Так ободрительно смешно
Себя почувствовать архаикой,
Присев на ветхое бревно.

И прорастет в душе все лучшее,
Когда невидимой листвой
Зашелестит бревно могучее
И оглушит рассудок твой.

ЗАЛИНА БАСИЕВА

Залина Руслановна Басиева — поэт, переводчик, заслуженный работник культуры Северной Осетии, руководитель секции поэзии Союза писателей Северной Осетии. Лауреат Государственной литературной премии имени М.Камбердиева, Международной литературной премии «Буламарг», Национальной литературной премии имени Н. Джусоева. Награждена медалями Союза писателей России «Сказитель Руси — За заслуги» и золотой медалью «Василий Шукшин» и др.

Азау и Таймураз

Спустилась ночь на Гудское ущелье,
Над кладбищем Ганиса тишина,
Лишь ветер шепчет что-то о прощенье
Да в небе светит полная луна.

Бывает жизни ноша непосильной
Для двух сердец — и рвется с миром нить.
Трава забвенья саваном могильным
Укрыла тех, кто так мечтал любить.

Чинар склонился скорбно к изголовью,
С горы родник журчит у их могил,
Вдаль унося рассказ, какой любовью
Всевышний их при жизни наградил.

Да только счастье не сбылось земное,
Покой единый им лишь смерть дала
И в вечный путь под солнцем и луною
Двоих влюбленных вместе повела.

Ни стелы, ни креста, ни изваянья —
Лишь две могилы — как они близки!..
...Но до сих пор на их любви сиянье
Слетаются ночные мотыльки.

Перевод Н. Куличенко

ВЛАДИМИР БУТЕНКО

Владимир Павлович Бутенко — прозаик, поэт, журналист, родился в 1952 г. в хуторе Дарьевка Родионово — Несветайского района Ростовской области в семье сельских учителей. Окончил Ставропольский мединститут. Автор поэтических сборников, романов, повестей, рассказов и многих песен. Дважды лауреат премии губернатора края в области литературы имени А.Т. Губина.

***

Атаманит июнь! И густеют медовые соты.
И распахнута даль, и натянута память струной!
Я не просто степняк. Я — кровинка большого народа,
Поводырь светлых песен в час яростный и ветровой.

Я не просто степняк, у которого руки в мозолях,
Вкус земли познававший не в книгах, а потом, хребтом...
Я — порыв скакуна, я — стремительный сполох на зорях,
Когда, мнится, казак быстрой шашкой махнул за бугром...

Я — цветенье садов, и дома, и деревни, и пашни.
Я несу на плечах не мешок, а истории груз.
Не сманить степняка чужеземщины рядом калашным,
А попробуй пугнуть — неспроста с кулаком поднимусь!

И когда запад вдруг надвигается тучами низко,
И стегают, стегают по улице молний бичи,
Ввысь шеренгой встают по родным хуторам обелиски,
Те, что каждой весной омывают живые ручьи!

И, влеком зовом их, поднимаюсь грозово и круто,
Соколиной державы и подданный, и часовой!
Я в ладони беру, как гнездо, мой родительский хутор,
Степь, страну прикрываю своей несогбенной спиной.

Так стоял и стою! Пусть сжимается сердце от боли,
Пусть неистовый век обжигает могучим крылом!
Мне негромко дано петь средь этих певучих раздолий,
Но всю жизнь мне гореть — хуторским доброглазым окном...

Национальные литературы народов
Поволжья, Урала, Северо-Запада
России и Алтая

ПОЭЗИЯ

РАДИФ ГАТАШ

Радиф Гаташ (Радиф Кашфуллович Гатауллин) — советский и российский татарский поэт, журналист, публицист, литературный критик, переводчик.

Зов

Вернитесь, прошлогодние бураны
Моей любви неистовой и веры.
Сегодня опустели, как ни странно,
Души моей и улицы, и скверы.

Вернитесь, дни, которые нежданно
Покою предпочли метелей долю,
И двери распахнули утром ранним,
Чтоб из уюта вырваться на волю.

Вернитесь, звезды, чье мерцанье с неба,
Как юности наивные надежды.
Вернитесь, и цветы белее снега,
Без сна минуты те, что были прежде.

Вернитесь, прошлогодние сугробы,
Вернитесь (правда, стал уже иным я),
На чистом полотне времен тех, чтобы
Мне грешное свое оставить имя.

Вернитесь, прошлогодние бураны
Моей любви неистовой и веры.
Да, слишком опустели, как ни странно,
Моей души и улицы, и скверы!

Перевод Р. Кожевниковой

ЛЯИС ЗУЛЬКАРНАЙ

Ляис Зулькарнай родился в 1962 г. Поэт, лауреат Государственной премии имени Г. Тукая. Он пришел в литературный мир, печатался, стал популярен, а потом стал шабашить на стройках. В отличие от других поэтов, он не сидел в редакциях. Его творчество отличается от традиционной поэзии системой образов с точки зрения формы.

В своей стране

Не понимающий жеста не будет владеть языком,
Не владеющий языком не будет иметь государства.
Дастан «Идегей»

После потопа из ворот ковчега
Верхом ступив
на твердь
хребта Урала,
Материки пересекая
конным бегом,
Следами от копыт
рассеялись татары!

Рек, гор, ручьев, озер
Татарским именам —
Свидетель конь татарский:
Ты на своей земле живешь!
Так не стыдись!
В свой дом
не входят,
робко постучавшись!..
Перевод Н. Игламова

Песня, пришедшая на память

Просыпайся, милый сын,
Нынче зайчик заходил,
Лук принес из-под горы:
«Крепок будь, как дикий лук,
Не бросай родной земли».
Просыпайся, милый сын,
Нынче зайчик заходил!
Поднимайся, милый сын,
К нам журавлик заходил,
Пару стоп тебе принес:
«Чтобы на своих двоих

Ты до смерти дошагал», —
Так журавлик передал.
Поднимайся, милый сын,
К нам журавлик заходил!
Знай еще, мой милый сын,
Соловей к нам заходил,
Он язык тебе принес:
«Цену песни знай своей,
Коршун кто, кто соловей...»
Знай еще, мой милый сын,
Соловей к нам заходил!

Перевод Н. Игламова

БУЛАТ ИБРАГИМ

Булат Хакимович Ибрагимов родился в 1990 г. Член Союза писателей Республики Татарстан, представитель современной татарской поэзии, лауреат престижных премий.

Через двести лет после катастрофы

(По мотивам произведения Гаяза Исхаки «Исчезновение через двести лет»)

Утихла буря, и столбы лежат,
Мир человека полностью угас,
Носились ветры двести лет подряд
С тех дней проклятых, погубивших нас.
Мир утопает в зелени густой,
И в нем никто не сможет встретить нас...
Я вижу это со звезды чужой,
Могу смотреть на землю краем глаз.
Увидел,
Расцветали чудеса
До нас и после чудный век настал...
Сияют яркой зеленью леса,
И в океанах новый мир вскипал.
От нас лишь глыбы камня есть,
Как и при нас, они стоят скорбя —
Старались ими возвеличить здесь
Не мир прекрасный, только лишь себя.
Без нас прекрасно...
Наш я вижу след —
С трубой засохшею нефтепровод,
Безмолвен он, ведь языка в нем нет,
Измучен жаждой.
Нас он очень ждет.
В руинах (городов прекрасных след)
Псы дикие проводят свои дни,
Хозяев ожидая двести лет,
Похоже, что соскучились они.
А нас здесь нет,
И жизнь кипит без нас,
Мир утопает в зелени густой,
Но только всё без нас.
Промчались два столетья над землей
С тех пор, как нет здесь нас.

***

Их голоса тихонько проникают
Через мое открытое окно,
Они слепые, я про это знаю,
Но ты закрой окошко все равно.
Закрой окно, пускай не наблюдают.
Свет погаси, так бьет он по глазам.
А в горизонтах печи разжигают.
Я дверь открыл, но никого нет там.
Кто постучал, кто здесь со мной играет?
По крышам капли бешено стучат,
Как будто бы их плеткою стегают,
И дождь идет который век подряд.
Не знаю я, когда он перестанет?!

Перевод С. Гайнуллиной

ЗИННУР МАНСУРОВ

Зиннур Музипович Мансуров (Зиннур Мөҗипулы Мансуров) — советский и российский татарский поэт, журналист, публицист, литературный критик.

Башня Сююмбе́ки

«Скривилась башня, не ходите к ней,
не дай Аллах, на землю рухнет груз!»
В фундамент башни мрамора прочней
легла вся наша скорбь, вся наша грусть.

Зачем кричат — вот-вот, мол, упадет —
могильщики, срывая голоса?
От Сююмбе́ки лестница идет —
С землей связала башня небеса.

Аллах лишь только знает, кто по ней
Взаправду или в шутку слезы льет?
Нет, башня Сююмбе́ки всех ровней,
Но накренился мир вокруг нее.

Перевод Н. Ишмухаметова

ЮЛДУЗ МИННУЛЛИНА

Юлдуз Миннулина — поэтесса, переводчик. Будучи студенткой, печаталась в татарских журналах «Казан утлары», «Идел», «Сөембикә», газетах «Шәһри Казан», а также в журнале «Казань», «Литературной газете» и др.

***

Так босиком
неведомо куда
но все домой — иду:
Алтай?
Кашан?
Сарай-Бату?
Асфальт разбитый этот, сквозь него
искать, искать неведомо чего:
сто лет копай, сотри колени в кровь,
и будет всё Казань,
Казань и вновь Казань —
Одиннадцатый век,
и бегство от чего-то,
этот бег — куда?
Сверлит душа-веретено,
прядет свое ничто,
и всё одно —
свербит — где твои
корни...
корни...
И память — яблочная пастила,
всё чай, и снова чая пиала,
и снова чай,
минувшее, дитя, забудь,
о будущем скучай...

В хлевах Турана ветер не пленить —
он песни долгой обрывает нить
с досадой —
да, один всё хронотоп —
в Лаух-аль Махфузе мы все...
Чего же не хватает снова мне:
язык ли чужд? пределы ли узки?
Тептяр ли предок наш?
иль, может, Ар?
а может быть...
И шепчут наши кроны:
Мы — дикие,
мы вросшие в асфальт, мы городские клены.

Перевод А. Гайсиной

РАВИЛЬ ФАЙЗУЛЛИН

Равиль Габдрахманович Файзуллин — татарский писатель и поэт, публицист. Народный поэт Татарстана, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии имени Г. Тукая, премии имени М. Джалиля.

Слышишь, слышишь...

Слышишь, слышишь?!
Или это только ветер?
«Если в бою падешь
иль саблей сверкнешь
на сломе —
не жалей о том.
И в былом тебя найдут
и вспомнят...»

Ни при чем эпоха,
коль душа с пятак.
Трус найдет причину
объяснить свой страх.

Были прежде люди,
да и ныне есть:
им охраной — совесть,
им порукой — честь.
«Пусть забудет время нас, —
вот их слова. —
Будем биться насмерть
за свои права!»

Многих забывали
и молва, и слух.
Но над жизнью реял
их бессмертный дух.

Память поколений —
книга на века:
по заслугам — слово,
по делам — строка.
Ни при чем эпоха,
коль душа мелка...

Перевод Э. Балашова

РЕНАТ ХАРИС

Ренат Магсумович Харисов. Поэт, драматург, литературный критик, публицист, переводчик, государственный и общественный деятель. Лауреат Государственной премии Российской Федерации (2005), Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая (1997), Республиканской премии имени Мусы Джалиля (1972), премии имени А. Дельвига, международной премии Чувашии имени М. Сеспеля (2009), автор более шестидесяти сборников стихов, поэм и пьес, либретто музыкально-сценических произведений. По его творчеству в 2011 и 2021 гг. в Казани проводились Всероссийские научно-практические конференции.

Испивший молнию

Нет, я звездой холодною не стану!..
Пусть свет души моей пока незрим,
тому виной — жестоких лет туманы,
где не найти дорог ни в мир, ни в Рим.

Я — только капля среди волн Свияги!
Но в час, когда гремучий ливень лил,
я молнии струю, как чашу браги,
поймал в ночи и, не боясь, испил...
Перевод В. Шабанова

Осенние цветы

Когда цветут осенние цветы,
моя душа весну припоминает.
Как росы, капли памяти сверкают,
струясь из дней забытой темноты.

Одни уйдут в пустой сырой песок,
другие в сердце сладко просочатся,
чтоб прорасти в душе, как колосок,
несущий зерна прожитого счастья.

Когда цветут осенние цветы,
мир наполняет плач по всем усопшим.
Уж стало б сердце деревом засохшим,
когда бы в нем не теплились мечты!

Гуляет ветер, травы вороша.
Высокий клен назвался дирижером,
и сад поет, ему внимая, хором:
«В любую пору, жизнь, ты хороша!..»

Между двумя песнями

Усну под пенье соловья,
проснусь, кукушкою разбужен...
Так и живу на свете я,
двух песен графику послушен.
В столицах — шум, шуршанье шин.
Толпа. Тоска о ветре вольном.
Тут даже камню без души
и то порой бывает больно!
И все же жизнь — бесценный дар,
пока ты видишь, дышишь, слышишь,
и твое сердце — как радар,
что ловит зов, летящий свыше...

Перевод Н. Переяслова

ЛУИЗА ЯНСУАР

Луиза Янсуар — поэтесса, кандидат филологических наук. Автор книг «Пробуждаются подснежники», «Прародина», «Дева-Лань», «Костры, пробужденные нами». С 2000 г. член Союза писателей РТ. Лауреат литературной премии имени С. Сулеймановой, российско-итальянской премии имени Б. Ахмадуллиной Bella, лауреат республиканской премии имени М. Джалиля.

Я в пригоршнях у вечности...

Я в пригоршнях у вечности тону.
Листком невинным пью осенний холод
За век до осени. Я знаю, почему
У горизонта краешек отколот.

И почему в прозрачной мгле озер
Колеблет ветер перистые тени,
И музыка свой трепетный узор
Плетет из нитей моего томленья,

И дождь бросает оземь небеса,
Весну и осень спутав и размыв.
Та чистота, что слепит мне глаза,
Бывает лишь от снега и зимы.

Ведь нам еще не время? Почему ж
Вокруг лишь развороченные скалы?
...И в вечности спасительную тьму
Листком невинным тихо я упала.

Перевод А. Гайсиной

Память

Открыла окно...
Ветер принес в своих складках
Шум соленого моря.
Вплел в мои косы запах цветов, —
И я вспомнила... то время, когда была землей.

Крикнула среди скал
И прислушалась к звукам
Несмолкающего жалобного эха.
Вспомнила... те сиротские просторы,
Которые пересекал одинокий беркут — я.

...Вернулась к самой себе.
Все мои прошлые судьбы
Поднимаются, сияют еще во мне.
Запомни, душа, и эту —
состоящую из тысячи трудностей
прекрасную тайну бытия — жизнь Человека!..

Перевод А. Каримовой

НИКОЛАЙ ЧЕРНОВ

Николай Викторович Чернов родился в 1980 г. Поэт, член Союза писателей России. Живет в городе Камызяке Астраханской области. Автор четырех книг стихотворений, публикаций в «Литературной газете», журнале «Наш современник». Лауреат литературной премии имени Михаила Луконина, международного литературного конкурса имени Игоря Григорьева, всероссийских литературных конкурсов «Герой нашего времени», «Медвяный звон», «Мгинские мосты».

В русских лицах...

В русских лицах — как будто в оправе —
Затаился загадочный свет,
Словно в зеркале ангел оставил
Своего отражения след.

Сквозь печали, тоску и невзгоды
Он мерцает над русской землей —
Этот свет неизвестной природы,
Но знакомый и близкий такой.

И пока не призвали к ответу
Небеса за блужданье во мгле,
Я, доверившись этому свету,
Буду жить на родимой земле.

Степей степенный монолог...

Степей степенный монолог
Листала пыльная дорога...
О, если есть на свете Бог,
Живет Он здесь, в краю убогом.
Где, как ступени в небеса,
Всё длятся степи, степи длятся!
Легко идти, закрыв глаза,
И вдруг на небе затеряться.
И что Нью-Йорк или Москва
На этом длящемся просторе,
Где вся вселенская тоска —
Как будто капля в синем море...

ЮРИЙ ЩЕРБАКОВ

Юрий Николаевич Щербаков родился в 1956 г. Поэт, переводчик, прозаик, публицист. Член Союза писателей СССР/ России (1989), автор многих книг разных жанров. Победитель Национальной премии России «Слово», лауреат международных конкурсов переводов «Ак торна» («Белый журавль»), «Резьба по камню» имени Эффенди Капиева, международного Славянского форума «Золотой Витязь» и др. Награжден орденом Дружбы. Заслуженный деятель искусств Астраханской области, заслуженный работник культуры Республики Калмыкия.

Хождение за счастьем

Саблями лучей казачье солнце
Разрубило облачный засов.
Пойманной жар-птицей ветер рвется
Из холста узорных парусов

На степную ширь, где на просторе
Тает горизонта тетива.
— Волга-мать, неси в Хвалынско море! —
То моя гуляет родова!

Вольница души, ватажье племя,
Где на семь на бед — один ответ,
Занесло песком забвенья время
Счастья твоего разбойный след.

Волга летописные страницы
Берегов отмыла за века.
Только до сих пор мне это снится:
Утро. Струги. Паруса. Река.

Пусть земные гибельные страсти
Оставляет вечно за кормой
Этот путь хождения за счастьем —
И неуловимый, и прямой...

Для чего живу на белом свете?
Пращур мой, сомненья размети.
Может, жизни суть в простом ответе:
В обретенье этого пути?

Астрахань, души моей столица,
Видишь, как меж волжских берегов
Ветер рвется пойманной жар-птицей
Из холста узорных парусов...

ЛИЛИ АКПЫЖАЕВА-ТЯГНИЦКАЯ

Лили Акпыжаева-Тягницкая (родилась в 1976 г.) в селе Бийка Турочакского района Республики Алтай. Русская поэтесса, переводчик. Окончила Горно-Алтайский государственный университет (магистр истории и филологии). Публикуется в литературных журналах «Сибирский Парнас», «Эл-Алтай», автор сборника «Благословенные капели».

Ветер

Нет зверей, нет берлоги —
только пепел да мгла.
Чья-то тень в полусвете
духов гор стерегла.

В камень сложены боги,
стук в курганах затих.
И как будто бы ветер
зарождается в них.

Мчатся кони

За домами тянутся дома,
Их несут вагонами дороги.
Небо выпито землей до дна,
В паутине заплутали ноги.

В стылых окнах прячется луна,
А в горах куда-то мчатся кони.
Словно духи предков ветром гонят
Их табун без тени, без следа.

За домами тянутся дома,
За горами мчатся с ветром кони...

КАЧКАНАК БАГЫРОВ

Качканак (Николай) Егорович Багыров родился в 1952 г. в селе Боочи Онгудайскго района Горно-Алтайской автономной области. Алтайский поэт, переводчик, актер. Окончил Государственный институт театрального искусства имени А. В. Луначарского (ГИТИС). Перевел на алтайский язык якутский героический эпос «Олонхо», поэтов Р. Гамзатова, Ар. Саакян, А. Даржая, Э. Межит, Н. Санджиева, и др.

***

Зима покрасила белым
Поля и горы.
И на висках моих зима.
Весна наступит —
И все зазеленеет.
А иней на душе — останется.

***

Прошел человек по мосту.
Под мостом пролетела птица.
Не заставляй их меняться.

***

Кто с лысой головой, тот вряд ли поседеет.
Кто с головой пустой — уже не поумнеет.

Вопросы без ответа

Ты месяцами пропадала.
Я месяцами ждал тебя.
Кто из нас безумнее?

Ты вдруг однажды не вернулась.
Я ждать тебя не перестал.
Кто из нас безумнее?

***

Заплутал я на стежках-дорожках.
И строчки стихов
Незаписанных
Ушли от меня навсегда.
Тоже где-то плутают.

Автобиография

Я не считал, что гениален,
Не совершал великих дел,
Порой был грустен и печален,
Дымил. Но сердцем я — горел.

Переводы Ю. Татаренко

БРОНТОЙ БЕДЮРОВ

Бронтой Янгович Бедюров родился в 1947 г. в селе Онгудай Онгудайского района Алтайского края. Алтайский поэт, публицист, переводчик, фольклорист, востоковед. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького, аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Народный писатель Алтая, почетный гражданин Республики Алтай. Кавалер ордена Дружбы, удостоен высшей государственной награды, вручаемой президентом РФ В. В. Путиным в Кремле, за создание многотомника «Слово об Алтае».

Бабурган[1]

Отправляюсь в дорогу дальнюю —
Провожает меня Бабурган.
И назад, когда возвращаюсь я,
Взглядом встретит меня Бабурган.

Светит лик его, словно озеро, —
Доброй весточкой в трудном пути.
Если лик его в дымке с грозами,
То препятствия ждут впереди.

По хребту с зарей где нехожено,
До макушки самой я дойду.
С ранних лет о тебе восторженно:
Бабурган, Бабурган! — я пою.

Переводы Л. Акпыжаевой-Тягницкой

[1] Бабурган, Бабырган — гора, памятник природы в Северном Алтае.

ЛАРИСА АБДУЛЛИНА

Лариса Хашимовна Абдуллина родилась в 1975 г. Народный поэт Республики Башкортостан, переводчица, общественный деятель, журналист. Главный редактор республиканского детского журнала «Акбузат», автор десяти книг на башкирском и русском языках. Лауреат Премии Правительства Российской Федерации в области средств массовой информации за реализацию специального проекта «Медиашефство Башкортостана — Дети Донбасса», кавалер ордена Салавата Юлаева. В 2024 г. после поездки в зону СВО изданы книги «Халҡым минең — Ватаным» («Мой народ — моя Отчизна», стихи на башкирском и русском языках), «Он родился Героем» (о Герое России Алмазе Сафине). В 2026 г. в московском издательстве АСТ вышла книга «Позывной “Башкир”».

Позывной «башкир»

Памяти Игоря Овсюка

Алло, алло! Ты слышишь?
Я звоню,
И вновь летит мой голос
Туда, где пламя рвется на броню
И небо раскололось.
Твой позывной — «Башкир».
Могу ли я
Смолчать?
Я, дочь народа,
Чья слава завоевана в боях,
И сердце славой гордо?
Как чести клич, как верности маяк —
Твой позывной в атаке.
Его ты выбрал — словно сделал шаг
На свет в кромешном мраке.
Лицом к лицу ты встал перед войной,
И ей уже летит ответка!
Ты чувствуешь, что за твоей спиной
Века и поколенья предков.
Их силою сильна моя страна,
Их верою звучит молитва,
И наша жизнь нам предками дана,
И кровью их земля полита.
Бессчетный раз идет в атаку враг,
Но лишь один приказ Аллаха —
Прислугу сатаны погонит страх
Гореть в пучине страха.
По-разному в тылу.
В тепле квартир
Терзают сердце зимы...

Ты, русский парень с позывным «Башкир» —
Твержу тебе: «Спасибо!»
Успеет ли мой голос долететь
Туда, где гром и пламя?
Алло, Башкир, прошу тебя, ответь!
Мы сердцем — с вами,
И выбранные вами имена
Как знаки доблести и силы.
Алло, Башкир!
За вами вся страна,
Великая страна Россия.

Перевод Н. Ягодинцевой

ТАМАРА ГАНИЕВА

Тамара Ганиева (Тимербика Ахметшарифовна Ганеева) родилась в 1951 г. в деревне Кинзябаево Кумертауского района БАССР (ныне Куюргазинского района). Поэтесса, журналист, переводчик, драматург, общественный деятель. Автор около двадцати разножанровых книг на башкирском, русском и татарском языках (стихов, публицистики, прозы). Заслуженный работник культуры Башкортостана, народный поэт Башкортостана. Лауреат Международного конкурса рассказов имени М. Кашгари, всероссийской литературной премии «Словес связующая нить», конкурса поэм «Мой славный Башкортостан!», литературных премий имени Р. Гарипова, Ф. Карима, Б. Бикбая. Удостоена Золотой Пушкинской медали Союза писателей России и звания «Почетный гражданин Куюргазинского района».

Башкортостан

Башкортостан!
Мой суженый, любимый,
С кудрями молодых ржаных полей.
По небесам скользит мой взгляд ревнивый —
Что может быть объятий тех нежней?

Башкирия!
Сестра моя с рожденья,
Твоя коса — родная Агидель.
Джигит Урал вплетал в нее каменья,
Чтоб любовались гости всех земель.

Башкирия!
Ты мать моя седая.
Со смуглым и задумчивым лицом.
К твоей груди по-детски припадая,
Я забываю обо всём плохом.

Башкортостан!
Ребёнок, мной рождённый,
Любимый до того, что в горле ком,
Прикосновеньем солнца пробуждённый,
Ты пахнешь материнским молоком!

Башкирия!
Ты — суть моя,
Ты — дом...

Перевод с башкирского А. Боброва

ЮМАБИКА ИЛЬЯСОВА

Юмабика Ильясова родилась в 1957 г. в деревне Акъюлово Хайбуллинского района Республики Башкортостан. С 1999 по 2013 гг. возглавляла журнал «Башкортостан кызы» («Дочь Башкортостана»). Дважды была избрана депутатом республиканского парламента. Автор десяти поэтических сборников. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, заслуженный работник печати и средств массовой информации Республики Башкортостан, кавалер ордена Салавата Юлаева.

Шайхзаде Бабичу

Его казнили поутру,
Едва край неба стал белесым,
С угрюмой верой — по нутру:
Поэт убитый — безголосый.

Лежит он в мартовских снегах,
Белее наста, обескровлен,
Воспевший родину в веках
Сыновним сердцем —
Слову вровень.
Нельзя темницей запугать
Того, чей дух вскормлен свободой,
Ему ли в прошлом заплутать
Грядущею звездой народной?..
Таких поэтов нынче нет.
И вряд ли явятся когда-то...
И слышен нам сквозь толщу лет,
Как речь его гудит набатом.

Перевод С. Янаки

ТАМАРА ИСКАНДАРИЯ

Тамара Искандария (Тамара Ишбулдовна Юлдашева) родилась в 1958 г. в Башкортостане. Писатель, поэт, драматург, переводчик, публицист Кавалер ордена Салавата Юлаева. Заслуженный работник печати и массовой информации Республики Башкортостан. Автор шестнадцати поэтических сборников и трех книг прозы для детей. Обладатель медали «Культегин» Евразийского университета имени Л. Гумилева (2019), Золотой Пушкинской медали Союза писателей РФ (2025).

Курай

В горных ущельях — сумерек сон,
Темные косы ночь распустила...
Горным ручьем ты, курай, вспоен,
И оттого в тебе — музыка мира.

Там, где глухой недоступный край,
В чаще лесной, у крутых подножий,
Радуя Бога, растет курай,
Радуя Бога, по воле Божьей.

Встретил тебя и извлек мотив
Предок, башкорд, о любви мечтая,
Душу и сердце в тебя вложив,
Радость, мечту, а порой — страданья.

Все испытанья судьбы пройдя,
Музыкой был защищен и крепок.
Он воевал, курай, за тебя,
Кровь проливал за Урал мой предок.

Родины гордой красой гордясь,
Мира условных границ не зная,
Прошлых и будущих песен связь —
Тянется ввысь стебелек курая!

ХАСАН НАЗАР

Хасан Назар (Хасан Мударисович Назаров) родился в деревне Тавлыкаево Зианчуринского района БАССР. Поэт, журналист, переводчик, общественный деятель. Лауреат Государственной премии РБ имени Салавата Юлаева, награжден орденом «За заслуги перед Республикой Башкортостан». Народный поэт Башкортостана.

Белый цвет

«Белую змею не принимайте
За врага — поставьте молоко
Перед ней, и сбросит она “платье”,
И на вас польется свет рекой...»

Та примета мною не забыта,
Верили башкиры в белый цвет.
Белокаменной Москвы защита
Их избавила от многих бед.

Уходил из белых юрт однажды
Сын, и вслед пророчил аксакал:
«Белый лист возьми с пером лебяжьим,
И тебе ответит атайсал!»

В боевых походах или в ссылке,
На коне или в колодки вбит,
Взор последний устремлял свой пылкий
К белым скалам родины джигит.

Мир наш чист и светел, он исполнен
Строгой материнской доброты;
Пусть воркует белоснежный голубь,
Распуская перья, как цветы.

Вот младенца в белой колыбели
Кормит мама белым молоком
И, надеждой наполняясь белой,
Тихой песней наполняет дом.

Белая надежда! Сохраняю
Верность ей.
Тот цвет боготворю.
Над бумагой белою склоняю
Голову — и с миром говорю!

Перевод с башкирского Г. Шафикова

ХИСМАТУЛЛА ЮЛДАШЕВ

Хисматулла Юлдашев родился в 1957 г. в Казахстане. Башкирский поэт, журналист, нефтяник. Выпускник Литературного института имени А.М. Горького в Москве. Автор семи поэтических сборников. Лауреат Государственной премии Республики Башкортостан имени Г. Саляма, заслуженный работник культуры Республики Башкортостан.

Последний тарпан

I
Он возник со взглядом непреклонным.
С гривой-песней — от погонь ветров.
В брызгах росной пыли, озаренный,
Степь и небо — кровь его и кров.

Если даже обуздать свободу,
Подневолье песен не споет...
Клеть и хлев не для его породы,
Он позора не переживет.

Гнет железный и слепые шоры
Он отринул, будто злые сны...
Рвет камча, как волчья стая-свора,
Тело обескровленной страны.

II
Морщины на лице отца
Так глубоко лежат недаром:
И от судьбы уздою старой
Лежат на сердце два рубца.

Вовеки не бывает ровной
К себе ведущая тропа...
Последний ты, непокоренный
Степной тарпан.

Звезда Сибири

Кругом — зимы сибирской власть
Глумится, сталь кромсая.
Звезда в окошко поскреблась,
Бедовая такая.

Того гляди, стеклу — пропасть! —
И в доме стужа злая...
Звезда в окно мое скреблась,
Настырная такая!

В глазу соринкой завелась,
Как будто — соль на рану...
Всю ночь ко мне в окно скреблась
Звезда с колючим нравом.
Переводы с башкирского С. Янаки

ОЛЕГ МОШНИКОВ

Олег Эдуардович Мошников родился в 1964 г. в Петрозаводске, по национальности он вепс. Окончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище. Автор пяти сборников стихов, книги переводов вепсских поэтов и трех книг прозы. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Республики Карелия.

Соломонида
(*предание*)

В замшелый храм ведет крыльцо,
Погост в траве высокой тонет:
Всё — гладь тайги.
Земля — яйцо
У Вседержителя в ладонях...

Трещал от зноя вепсский лес.
Дождя — наплаканные слезы.
Набат тревожный поднял весь[1] —
Спасать горящие покосы!

Как повелось — с каких времен? —
Спешили люди в край деревни
С бедой великой — на поклон
К Соломониде, бабке древней.

Та будто знала: «Голосить
Не время. С этаким запаром —
Остаться долго ли без сил...
Ведите. Справимся с пожаром».

И то — была о том молва —
Могла смирить ведунья бурю!
И знала средство и слова,
Чтоб отвести напасть любую.

Яйцо куриное в руке...
Заговорило в сердце знанье:
Огню — на вепсском языке —
Ветрам твердила заклинанье.

[1] Весь — летописные вепсы.

И, пролагая путь дымам,
Свернула к озеру-болотцу:
«Пусть всё, что отдано волнам,
На свете белый не вернется...»

Яйцо плеснуло только раз...
Растекшись дымом над водою,
Не видя дна, огонь угас,
Укрывшись ряской с головою.

Знать, скорлупы не расколоть,
Не понесла земля урона!..
Ко лбу приложена щепоть:
Вернулась в горницу икона.

ЕЛЕНА ПИЕТИЛЯЙНЕН

Елена Пиетиляйнен — главный редактор журнала «Север». Автор нескольких книг стихов и прозы. Лауреат премии президента Российской Федерации, премии имени А. И. Фатьянова, премии Главы Республики Карелия имени Г. Р. Державина «Во славу Отечества». Награждена медалями имени Ф. И. Тютчева и имени М. Ю. Лермонтова, медалью Союза писателей Беларуси «За большой вклад в литературу». Председатель Карельского регионального отделения Союза писателей России. Кандидат педагогических наук. Заслуженный работник культуры Республики Карелия.

Русь

Утром сонные осины
Ветви моют в облаках.
В детстве Русь меня носила
На березовых руках.
Убаюкивала ветром,
Песней самою простой.
Обливала лунным светом,
Как колодезной водой.
И, орга́н грозы настроив,
Тишину-покой поправ,
Укрепляла дух настоем
Из огня и росных трав.
А когда душа приникла
В тихой горечи к полям,
Угощала земляникой
Солнечных своих полян.
И утраивались силы,
Восставал бунтарский нрав!
Но лицом в подол России
Из душистых теплых трав
Я в отчаянье безмерном
Упаду еще не раз,
Сохранив святую веру
В Бога. В Родину. И в нас.

ЛЮБОВЬ АНУФРИЕВА

Любовь Андреевна Ануфриева родилась в деревне Гам Ижемского района Коми АССР. Поэт, прозаик, член Союза писателей России. Лауреат республиканского литературного конкурса «Серебряное крыло» в номинации «Поэзия» (Республика Коми, 2007), лауреат литературной премии имени народного поэта РК Альберта Ванеева (Республика Коми, 2022). Автор пяти сборников стихотворений. Член Союза писателей России.

Сандра[1]

Елене Афанасьевой,
Диане Холоповой

В церкви, что улицей вдоль палисада,
молится ветер в дырявые своды.
Тенью выходит навстречу мне Сандра,
близкая сквозь разделившие годы.

Лист пожелтелый летит через душу —
даже ладонью никак не поймаю.
Если я связь временн ю нарушу —
всё, что хотела, сказать опоздаю.

А на карнизе рябина поспела —
словно свеча, что затеплила Сандра...
День изо дня осыпается тело
церкви, что улицей вдоль палисада.

Сандра ко мне по ступеням спустилась,
астры живые в охапку сжимая.
Сердце ответно во мне засветилось,
солнце ее для людей вобрала я.

Пусть возрождение станет итогом
всем, кого чистой душой обнимаем...
Вместе мы изо дня в день по дорогам
солнце на страхи людские меняем.

Перевод А. Расторгуева

[1] Сандра — Александра Попова, возлюбленная первого поэта коми Ивана Куратова.

ЕЛЕНА АФАНАСЬЕВА

Елена Евгеньевна Афанасьева родилась в селе Важгорт Удорского района Коми АССР. Автор более десяти стихотворных сборников и книг для детей. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии имени А. Е. Ванеева (2017), республиканского конкурса «Лучшая книга года» (2017), лауреат премии правительства Республики Коми в области литературы имени И. А. Куратова (2024), всероссийской национальной премии «Слово» (2024), всероссийской литературной премии имени А. Б. Чаковского «Гипертекст». Живет в городе Сыктывкаре Республики Коми.

В Вологде

А сегодня в Вологде дождь —
Дождь, когда мы идем через площадь
И в весеннюю входим рощу —
В старый парк, еще голый сплошь.

А приехав вчера, шли средь ночи —
Ни одна не светит звезда,
Ветер воет, словно он хочет
Нас вернуть в свои города.
Так, казалось, было всегда.

По дорожке парка когда-то,
Как и мы, весною дыша,
Шел, быть может, поэт Куратов,
Может, рядом его душа.

Словно дождь, душа его бродит,
Ощущая в весенней погоде
Неизбежность нежданных встреч
И знакомую коми речь.

И встречаем на вологодских просторах
Мы весну, мелкий дождь с полусветом.
И навстречу идет русский город,
Снова вспомнивший коми поэта.

Перевод А. Попова

Журавль колодезный

Высохла река. На лодке не поплывешь.
Сколько верст надо будет пройти мне пешком!
Сон перед дорогой пропал. На сердце дрожь —
Что там будет в пути? Как я оставлю дом?

Лампу зажгу я. И в ней присутствует Бог.
У огня своя повесть, свой усердный труд —
Всё в округе изменится — лес и цветок,
И навстречу мне солнце на небе зажгут.

Тогда погашу лампу. Задую огонь.
Глазам откроется, как просторны поля.
И сердце коснется жизни, словно ладонь.
Ветер тронет рычаг колодца-журавля.

— Останься, останься! Это родимый кров! —
Скрипнет журавль. И подхватит его вода.
Я в ответ не найду необходимых слов.
Хоть верила моему колодцу всегда.

Перевод А. Попова

АЛЁНА ЕЛЬЦОВА

Елена Власовна Ельцова (Алёна Ельцова) родилась в селе Усть-Кулом Коми АССР. Окончила финно-угорский факультет Сыктывкарского государственного университета, Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького, семинар Ю. Кузнецова. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России. Автор шести сборников стихов. Живет в Сыктывкаре.

Ночи улетающей крыло...

Ночи улетающей крыло,
Сонный щебет из травы высокой —
Снова разливается светло
Утренняя песня над осокой.

Ветерок древесные тела
Освежает лаской дуновений —
Чуткая рябина замерла
От несмелых соприкосновений.

Впитываю грудью шорох трав,
Глубже всё пережитое пряча.
Только ветер, в кроне заплутав,
Плачет и смеётся от удачи.

Перевод А. Расторгуева

НАДЕЖДА МИРОШНИЧЕНКО

Надежда Александровна Мирошниченко родилась в Москве. С детства живет в Сыктывкаре, где окончила школу и Коми государственный педагогический институт. Автор одиннадцати сборников стихотворений: «Русское сердце», «Трудная книга», «Белая сотня», «О любви» и др. Лауреат Государственной премии Республики Коми имени И. А. Куратова в области литературы, еженедельника «Литературная Россия» — за публицистические статьи, премии Союза писателей России и Республики Саха (Якутия) «Северная звезда», Большой литературной премии России, международной премии «Имперская культура» имени Э. Володина, международной премии Славянской Академии литературы и живописи «Серебряное перо». Народный поэт Республики Коми.

Как мир жесток

Как мир жесток, как милостив Господь!
Как беззащитны ангелы и дети.
И как похожи человека плоть
И плоть земли в глуби тысячелетий.
Как чаша жизни до краев полна,
А мы глоток единый не допили
И кажется, что сыты допьяна.
А если бы всю чашу осушили?
В кольце времен и судеб, и любви
В конце концов, как бы концов в начале,
Мы веруем, как сходна плоть земли
С самими нами плотью и печалью.
Мы веруем, не упрекая хоть,
Что Чашу Жизни понесут столетья,
Хоть беззащитны ангелы и дети,
Хоть мир жесток, но милостив Господь.

В конце концов

Елене Дорошенко

В конце концов расстанемся со славой:
Она героев выберет сама.
Ее любовь как миро и отрава,
Но — не как крошки с барского стола.
В конце концов расстанемся с удачей:
Нам на нее уже везло не раз.
И пусть она сама о нас поплачет,
Тогда, когда уже не будет нас.
В конце концов останемся с любовью
Ко всем и вся. Как Бог — ко всем и вся.
И лишь она пусть будет в изголовье,
Когда уйдем, прощения прося.

АНДРЕЙ ПОПОВ

Андрей Гельевич Попов родился в 1959 г. в Воркуте. Член Союза писателей России с 1996 г. Окончил Сыктывкарский государственный университет. Его произведения публиковались в ведущих российских литературных журналах, а также в зарубежных альманахах. Лауреат Международной литературной премии имени С. Есенина, Южно-Уральской литературной премии, премии имени Н. Тряпкина «Неизбывный вертоград», международного конкурса духовной литературы «Молитва», Всероссийской Арктической литературной премии имени В. С. Маслова, премии «Ладога» имени А. Прокофьева, национальной литературной премии «Слово» (II место в номинации «Перевод»), литературной премии имени А. Б. Чаковского «Гипертекст» в номинации «Русский перевод» и других. Живет в Сыктывкаре.

Молчание реки

Течет река, не зная языка —
Ни русского, ни коми, ни иного.
По ней плывут цветы и облака.

Молчит река.
Не говорит ни слова.

Река и речь...Язык наш не забыл:
Одна у них природная основа.
Но речь на дно осела, словно ил.

Молчит река.
Не говорит ни слова.

У Стикса невысокая волна —
Кто не прочел молчания речного,
На время лишь поднимет ил со дна...

И вновь река
Не говорит ни слова.

Солнце споткнется о времени край...

Солнце споткнется о времени край, как о порог.
Март остается зимою. Сон не найдет покой.
Вижу во сне, как падает птица, вянет цветок.
Вижу ночное небо и звезды над головой.

И мать умерла. И умер отец. И умер сын.
Ляжет на память снег и на улицы — путь кривой,
Чтобы понять: никого нет рядом, и я один.
Только ночное небо и звезды над головой.

Время споткнется о солнце — снова придет весна.
Встанут отец и мать. И сын возвратится живой.
В это поверить сможет лишь память вечного сна.
Только ночное небо и звезды над головой.

Ни в птице, что летит...

Ни в птице, что летит, крылом касаясь лета,
Ни в утренней звезде, ни в памяти времен,
Ни в книгах мудрецов не отыскать ответа,
Ответа не найти — зачем я был рожден?

И только самому врасти душою надо
В звериную тоску, в распутия дорог,
В нежданную любовь, во все сомненья ада,
И в городскую мглу, и в полевой цветок,

И в горькие слова, и в роковые числа,
И в облако надежд, что на семи ветрах.
И молится душа от осознанья смысла:
Из праха рождены, чтоб возвратиться в прах.

И молится душа, что всё на свете этом
Уходит навсегда,
Предчувствуя свой срок:
И птица, что летит, крылом касаясь лета,
И городская мгла, и полевой цветок.

Чего же ты хотел? И твоего ухода
Ждут листопад и дождь, зарницы и мороз.
И молится душа. И говорит погода.
И трудно разобрать ответы на вопрос.

АНАСТАСИЯ СУКГОЕВА

Анастасия Михайловна Сукгоева родилась в селе Шошка Сыктывдинского района Коми АССР. Пишет стихи и прозу для детей на русском и коми языках. Лауреат литературных премий имени Е. Благининой, имени А. Лужикова, имени Н. Носова. Лауреат литературных конкурсов «Хрустальный родник», «Стилисты добра», Всероссийского конкурса стихов для детей имени В. И. Шилова. Победитель литературных конкурсов «Добрая Лира-11», «Серая шейка», «Эзысь борд», имени Н. Попова «Строкой. Любовью. Делом...». Член Союза писателей России.

Черемуха

По весне светлеет роща.
То черемуха на ощупь
Вяжет беленький платочек:
Что ни петелька — цветочек.
А в июне с каждой ветки
Глянут ягодные детки.
Округлятся, потемнеют,
Станут мягче и крупнее.
Объеденье — всякий скажет.
И во рту немного вяжет.

Холодное лето

На дожде созревшая
Ягода горчила.
Собрала холодную —
Платье промочила.
Спелую да сладкую
Бабушка, бывало,
С молоком, по ложечке,
Часто смаковала.
Есть ли куст малиновый
В том далеком мире?
Отнесем не ягоды,
А цветы.
Четыре.

Белый лебедь

Лето — словно
Белый лебедь
По-над Сысолой-рекой.
В сказку сложно
Не поверить.
Сохрани ее такой.

Перевод Марины Зарубиной

АЛЁНА ШОМЫСОВА

Алёна Александровна Шомысова (Старцева) родилась в деревне Скородум Усть-Куломского района Коми АССР. Поэт, прозаик, переводчик, член Союза писателей России, лауреат литературной премии имени А. Лужикова (2012), литературной премии имени Альберта Ванеева (2024). Автор книг «Дзар» (Свет); «Чӧв!» (Молчи!); «Юрсигусь бордъяс» (Крылья стрекозы); «Кӧчильлы козин» (Гостинец зайчику); «Аля-каля»; «Улитка Нелли и ее путешествие. Нӧльӧ лёльӧ да сылӧн туй». Живет в Сыктывкаре.

Потолок улицы

Над улицею осень холодела —
И прорубь открывалась, глубока.
И я, ошеломленная, глядела
На звёздные рисунки потолка.

Одни светились, медленно мерцая,
Другие быстро... Если бы могла,
Всю жизнь без перемены, созерцая,
На улице бы так и провела.

Подставишь руку ложкою ладонной —
И ты уже сама, как небосвод,
Их растворила в глубине бездонной...
Как в сердце уместился этот свет?

Когда оно окрепло понемногу,
Я звёзды возвратила высоте —
Без них теперь желанную дорогу
Себе определяю в темноте.

Да потолка нет — с улицей распался,
Хотя на месте, временем храним,
Еще мой дом родительский остался —
И звезды непременные над ним.

Перевод А. Расторгуева

СВЕТЛАНА ГРИГОРЬЕВА-СОТО

Светлана Григорьева-Сото (Архипова Светлана Дмитриевна) родилась в 1967 г. в деревне Йошкар-Памаш Сернурского района Республики Марий Эл. Поэт, детский писатель, журналист, переводчик. Окончила Марийский государственный университет. Автор двадцати трех прозаических и поэтических сборников на марийском и русском языках для детей и взрослых, автор слов для полторы сотен песен. Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры Республики Марий Эл. Лауреат Государственной премии Республики Марий Эл в области литературы имени С. Г. Чавайна. Лауреат литературной премии финно-угорских литератур. Трижды лауреат республиканского конкурса «Книга года Марий Эл». Живет в Йошкар-Оле.

Мой путь из детства

За днями день в закат уходит тенью,
Мелькают сны, что старой мамы спицы,
И как косынки, судьбы поколений,
На иней лет спадают вереницей.

Прощаясь, осень шелестит крылами,
Роняя краски золотого цвета,
И музыка листвы звучит над нами,
Как песня без припева и куплета.

Я знаю, осень создана для грусти,
Но снится мне порой иное время,
Как девочкой я собираю грузди,
Как на коне лечу, вонзая ноги в стремя...

Там небо кобылицей серой масти,
Там дождь бренчит расстроенно на гуслях,
Там дальний луг, там в роще солнце гаснет,
И счастье никогда нас не отпустит.

Я прошлое любить не перестану,
Пускай душа от боли не стареет,
Мой дом и род... судьба... в калитке — мама...
Мой путь из детства —
в темные аллеи...

Перевод К. Ситникова

ГЕННАДИЙ ОЯР

Геннадий Ояр (Сабанцев Геннадий Леонидович) родился в 1958 г. в деревне Ирмарь Куженерского района Марийской АССР. В 1980 г. окончил отделение марийской филологии историко-филологического факультета Марийского государственного университета в городе Йошкар-Оле. После этого трудовую жизнь связал с журналистикой. Стихи пишет со школьных лет. Много занимается переводами на марийский язык. Перевел, в частности, стихи народного поэта Республики Татарстан Роберта Миннуллина, которые вошли в сборник «Кумыл сабантуй» («Сабантуй души») (Йошкар-Ола, 2013). Заслуженный журналист и народный поэт Республики Марий Эл, лауреат Государственной премии имени С.Г. Чавайна.

Пока мужчины тоже плачут...

Да — стиснув зубы, не иначе,
Порой мужчины тоже плачут...
Для слез есть множество причин —
Не все годятся для мужчин.
Но если вдруг ты вспомнишь маму...
Как ни кусай губу упрямо, —
Пусть голова давно седа, —
Вернувшись в детские года,
Ты светлых слез сдержать не сможешь.
Порой мужчины плачут тоже...

Да — стиснув зубы, не иначе,
И молодые парни плачут...
О чем? Любимая ушла?
Так то обычные дела.
А вот когда на поле боя
Вас с лучшим другом было двое,
Вы были заодно — и вдруг
Упал от пули лучший друг,
И ты даешь святое слово —
Жить за себя и за другого...

На свете чувства что-то значат,
Пока мужчины тоже плачут...

АНАТОЛИЙ ТИМИРКАЕВ

Анатолий Тимиршинович Тимиркаев родился в 1952 г. в деревне Сазово (Шоръял) Калтасинского района Башкирской АССР. Окончил МГПИ имени Н. К. Крупской. Автор тринадцати сборников на марийском и русском языках. Впервые перевел на марийский язык роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1999). Лауреат премии Марийского комсомола имени О. Ипая, Государственной премии Республики Марий Эл имени С. Г. Чавайна, заслуженный работник культуры РМЭ, народный поэт Республики Марий Эл. Живет в городе Йошкар-Оле.

С белым снегом

Слева, справа, в час вечерний
Падал снег, белил кусты,
В городах, полях, деревне
На земле стелил холсты.

Снег летит, в окно стучится,
Я кричу ему: «Привет!»
На березах свет лучится:
Слышу будто бы ответ.

Снег хрустит под сапогами.
«Добрый вечер вам, салам!» —
Люди с добрыми глазами
Рады праздничным дарам.

Спят зимы пришедшей слуги —
Воробьи и снегири.
Говорю я, встретив друга:
«С белым снегом, ошмари[1]!»

Если снег в поля ложится,
Будет славным урожай.
Мудрость к сердцу достучится.
В Новый год смелей шагай!

С Волги, с Вятки или с Камы
Поскорей столы накрой.
Мы едины, ангел с нами
С белоснежною душой...

[1] Ошмари — язычник, некрещеный (букв. «белый мариец»).

ТАТЬЯНА МОКШАНОВА

Татьяна Петровна Швецова (Мокшанова) родилась в 1984 г. в селе Багана Шенталинского района Самарской области. Поэт, переводчик. Окончила филологический факультет МГУ имени Н. П. Огарева. Лауреат литературной премии главы Республики Мордовия для молодых авторов (2006). Член Союза писателей России (с 2014 г.). Автор поэтических сборников на эрзянском, мокшанском и русском языках «Эрьгекерькс» («Ожерелье», 2006), «Толонь лопат» («Огненные листья», 2010), «Оймамо тарка» («Пристанище», 2022), «Кудов ки» («Дорога домой», 2022), «Лавсень моро моран / Колыбельную спою» (2024), «Сюконямо / Поклон» (2025). Заслуженный поэт Республики Мордовия (2024). Награждена почетной грамотой Союза писателей России (2019, 2024), почетным знаком Ассоциации финно-угорских писателей «За вклад в развитие финно-угорской литературы» (2024).

Уходило лето...

Уходило лето,
Руку пожимало.
Много было света,
Да осталось мало.

Сказочное время
Накануне ночи
Я встречаю с теми,
Кто милее прочих.

Не бывает сказки
На земле чудесней
Материнской ласки
И эрзянской песни.

Ночь подходит близко...

Ночь подходит близко,
Тайнами богата.
Солнце низко-низко —
В пламени заката.

Полыхает ярко
Жаркими углями.
И тепло, и жалко,
Что погаснет пламя.

Но проснутся звезды,
Улыбнутся людям
Светлою надеждой,
Мыслями о чуде.

Успокоят души
Путников усталых,
В море и на суше,
И больших, и малых.

Перевод М. Зарубиной

ДМИТРИЙ ТАГАНОВ

Дмитрий Анатольевич Таганов родился в 1972 г. в селе Староборискино Северного района Оренбургской области. Окончил Оренбургскую государственную медицинскую академию. Стихи пишет на родном эрзянском языке. Автор нескольких поэтических сборников, в том числе изданного на двух языках (в переводах Татьяны Крещенской) «Тундонь пиземе» (Весенний дождь). Лауреат премии имени А. Терентьева (Саранск), имени И. Девина (Саранск). Член Союза писателей России.

С крыльца сойду...

С крыльца сойду — любуюсь, как в леса
Струится Верхней улицы река.
Село мое, я верю в чудеса:
Пусть светлым будет день, а ночь — сладка.
Здесь, где поля — как первозданный сад,
Я сладость и оскомину постиг.
Твой неустанный материнский взгляд
Со мной на всех дорогах, каждый миг.
Прошла гроза, и расцвели луга.
Нам надо жить — наперекор беде.
Черемуха укуталась в снега.
Мы с радостью встречаем новый день.

Мед боризвеле

В рощах моленных, где предки свершали обряды,
Или в Дегтярной лощине, наполненной светом,
Пчелы искали палящего полдня усладу
И собирали тягучие капельки лета.

Вот он стоит в небольшом туеске предо мною,
Нет, не придумали снеди вкусней и полезней.
Будто бы родины свет животворной водою
Греет меня, исцеляет грехи и болезни.

СЕРГЕЙ МАТВЕЕВ

Сергей Васильевич Матвеев родился в 1964 г. в деревне Квашур Вавожского района Удмуртии. Окончил филологический факультет Удмуртского государственного университета (УдГУ). Заслуженный работник культуры Удмуртской Республики (2004). Лауреат литературной премии имени Флора Васильева (1996), литературной премии Программы родственных народов (Эстония, 2007), дважды лауреат литературной премии правительства Удмуртской Республики (2013, 2021). Народный поэт Удмуртской Республики (2024). Автор более десятка книг поэзии и прозы. Пишет на удмуртском и русском языках. Живет и работает в г. Ижевске.

Время есть в начале лета...

Время есть в начале лета —
словно космоса дыра:
ты — не здесь, не знаешь — где ты,
тем не менее — ты рад,

что какой-то шепот гулкий
в майских сумерках плывет,
словно эхо в переулках —
через толщу теплых вод,

и застыла мысль в коробке
черепной, как в янтаре
жук заснул, печально-робкий,
на вселенском алтаре.

Осеннее. и не только

Клочки изорванной лазури
летают меж свинцовых туч;
округа словно трубку курит,
туманами пыхтя во рту.

Я снова ухожу в моленья
о гармоничности всего —
где тают вечности мгновенья,
где слиты Бог и естество.

И я живу пока, надеюсь,
что, восполняя этот миг
чувствительностью в апогее,
вселенской музыкой томим, —

я — человечек с Богом в сердце,
упрямый, чистый и немой —
открою потайную дверцу,
где сущее заключено

в широты беспредельных далей,
в бездонность рвущуюся нить, —
чтоб здесь, на жизненном привале,
в Мгновенье Вечность уместить.

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

Владимир Пантелеевич Михайлов родился в 1957 г. в деревне Старые Юбери Можгинского района Удмуртской республики. Окончил филологический факультет Удмуртского государственного университета. Автор более пятнадцати поэтических сборников и книг документальной прозы, многие стихи положены на музыку и стали песнями. Пишет на удмуртском и русском языках. Живет в Ижевске.

Дождь

Громоздятся тучи близко —
Будет дождь.
Роем мошкара повисла —
Будет дождь.
Муравей спешит в домишко —
Будет дождь.
Крик ворон повсюду слышно —
Будет дождь.
Низко ласточки летают —
Будет дождь.
Ветер деревца шатает —
Будет дождь.
В страхе каждая былинка —
Будет дождь.
Сверху капнула дождинка —
Будет дождь.
Раскололось небо с громом,
Полилась вода со звоном,
Хлынул ливень
на луга и на поля —
Пей живительную влагу, мать-земля!

Перевод В. Новикова

АНАТОЛИЙ ПЕРЕВОЗЧИКОВ

Анатолий Аркадьевич Перевозчиков родился в 194 7г. в деревне Байситово Малопургинского района Удмуртской Республики. Поэт, журналист, заслуженный работник культуры Удмуртской Республики. Окончил Удмуртский государственный педагогический институт. Автор сборников стихов «Мон малпасько вал» (1980), «Гажанлэн выжыосыз» (1984), «Зэмлык синъёс» (1989), «Йырчукин» (1997), «Лул черектон» (2017) и др., прозы «Чулпон» (1995), «Сьӧлыктэм сьӧлык» (2017).

О, сколько дней...

О, сколько дней — быть может, лет —
Уж не летал я в небесах.
Ведь дым угарный в серой мгле,
Как ветер, гнет к земле мой прах.
Стремится ввысь моя душа,
А тело ползает в пыли.
Смотрю я в небо, чуть дыша, —
Но путы не сорвать земли.

Нет, не всегда...

Нет, не всегда пребудет так:
Прервется дождь — засветит солнце,
Росинка вспыхнет как звезда,
Трель соловья зальется звонче.

Нет, не всегда пребудет так:
В простор польется песнь удмурта, —
Оковы гордо разметав
И в небо взмыв крылами круто.

Нет, не всегда пребудет так:
Поэт услышан будет миром,
И словеса займут места
Стихами добрыми в эфире!

ТАТЬЯНА ЧЕРНОВА

Татьяна Николаевна Чернова родилась в 1953 г. в селе Зура Игринского района Удмуртской Республики. Окончила филологический факультет Удмуртского государственного университета. Автор семи поэтических сборников. Член Союза писателей России (СССР — с 1988 года). Заслуженный работник культуры УР, лауреат республиканской литературной премии имени Флора Васильева, национальной премии имени А. Оки, финской премии Общества имени М. Кастрена. Живет в Ижевске.

Весна

По-над лесами-парками
В черемухе — весна.
Листочки сныти — в бархате,
Им тоже не до сна.

И на березках свесились
Сережки, словно тень,
И северихой светится
Разбуженная ель.

И все цветет-меняется,
Все дышит красотой,
И сердце наливается
Любовью и мечтой!

Перевод В. Коростелевой

Девушка-удмуртка

О, память предков! Ты бесценный дар.
Хранят преданья бережно и мудро
Все жемчуга аланов и хазар,
Что надевала девушка-удмуртка.

И золото, и серебро монист,
Что в такт шагам так ласково звенели...
И ветер прекращал свой дикий свист,
И лебеди на озере ей пели.

Ворчала глухо рысь в вечерней тьме,
В логу шуршали стебли водокраса,
Когда она по лугу шла в чалме[1],
Похожей на соцветье италмаса[2].

[1] Чалма — женский головной убор.

[2] Италмас — цветок (купальница), символ красоты у удмуртов.

Дыды́к, Зара́, Марзя́н или Айна́ —
Да сохранит воршуд[1] нас от печали,
Чтоб эти дорогие имена
Потомки берегли, не забывали.

Перевод В. Емельянова

[1] Воршуд — божество домашнего очага, хранитель рода.

АЛЛА ИШТИМИРОВА-ПОСОХОВА

Алла Романовна Иштимирова-Посохова — потомок мансийского рода Ялпус махум. Член Союза писателей России (2025) и Союза театральных деятелей России (2017). Автор ряда проектов, направленных на сохранение и популяризацию культуры обских угров. Живет в Ханты-Мансийске.

Загляну в свою ладонь...

Загляну в свою ладонь —
Вижу реки и озера,
Вижу чётко дом родной,
Солнце прячется за горы.
Вижу я оленьи тропы,
Рядом — нарты на снегу,
Вижу ягоду-морошку,
Вижу древнюю тайгу.

Поднесу ладонь я к сердцу —
Слышу милой мамы песню,
Слышу: лодочка плывет,
Слышу, как играет Обь.
Слышу я молитвы деда,
Запах дыма от костра,
Звуки бубна четко слышу,
Слышу, как поет тайга.

Загляни в свою ладонь...
Поднеси ладонь ты к сердцу...
Когда на столе каравай...

Когда на столе каравай —
Я вспоминаю маму.
Мамин, конечно, вкусней.

Когда на столе уха —
Я вспоминаю деда.
Дедушка мой — рыбак.

Коль ягоду вижу где —
Сразу в памяти брат:
Ложками ел, не морщась.

А если вижу грибы —
Бабушку тут же вспомню:
Чистила их на крыльце.

Мясо очень любил,
Особенно строганину,
Дядя мой — мамин брат.

Орешки любила сестра —
Всё бегала в лес за шишкой.
Белкой ее нарекли.

Я же все время — чай:
Из листьев, чаги, хвои.
Пьешь — и напиться не можешь.

И каждый в нашей семье
Нес в себе запах тайги:
Вода, огонь, земля, воздух.

Человек начинается с запаха.

ВАСИЛИЙ КОШКИН-КЕРВЕНЬ

Василий Гаврилович Кошкин-Кервень — поэт, прозаик, переводчик, заслуженный работник культуры Чувашской Республики, награжден Золотой Пушкинской медалью Союза писателей России.

В отчем доме

Все вещи оживают в отчем доме,
Коль детство сохранил навек в душе.
Всего за сутки все, что так знакомо,
Перед глазами пронеслось уже:

Впиваясь взором, смотрят сучья-очи
С протёртого до блеска потолка.
И аромат прозрачных яблок сочных
В тенистый сад влечет издалека.

А во дворе — отец чинил, похоже, —
Телега что машина, но родней...
И несмотря на летний день погожий,
Не отвести мне глаз и от саней.

Они без скакунов с крутой осанкой
Меня несут в волшебные края.
Не зря же покатать на чудо-санках
Пообещала бабушка моя.

Гремела мать тяжелой крупорушкой,
И я крутил ту «мельницу» не раз.
А нынче — как пуховая подушка:
Коснись слегка — пойдёт как будто в пляс.

Поленья пожирает устье печи,
Шипит ухват на языке своём.
А угли смотрят взглядом человечьим,
То злостью наливаясь, то — огнём.

Была сестрица наша мастерица,
Искусно вышивала. Вот она,
Та самая волшебная жар-птица —
Вспорхнет и улетит вдруг с полотна.

Под крышей дети ветра вдруг запели,
Мне кажется, в застывшей тишине
Мой старший брат играет на свирели,
Стараясь угодить своей родне.

...Родимый край воспоминаньем горек,
Как животворный ключ, родимый край:
Здесь раны, нам оставленные горем,
Хоть забывай, хоть снова открывай...

И в сладострастной кажется истоме
Все то, что наболело на душе.
Все вещи оживают в отчем доме
И вещими становятся уже.

Перевод А. Смолина

ЮРИЙ СЕМЕНДЕР

Юрий Семенович Семенов (Семендер) родился в 1941 г. Народный поэт Чувашской Республики, награжден орденом «За заслуги перед Чувашской Республикой», орденом Дружбы.

Любовь

Я у солнца спросил о милой: —
Любит ясная ли меня? —
И ответило мне светило: —
Я скажу на восходе дня.

У луны я спросил о милой:
— Любит светлая ли меня? —
— Подожди, — она попросила, —
У прекрасной узнаю я.

В ту же полночь, а полночь — ясна,
Мне такое сказала луна:
— Любит, любит, но только молчит,
И стыдится тебя при народе,
Но желает, чтоб ты, игит,
Запевалой стал в хороводе.
И хотя до того не бывало —
В хороводе стал запевалой.

Я спросил у цветка полевого:
— Любит гордая ли меня?
— Что страдаешь ты, честное слово,
Ты — единственный, знаю я.

–Любит, любит, но только молчит.
За советом на луг приходила.
И желает она, игит,
У тебя быть единственной милой.
Собери-ка к цветку цветок,
И надень на невесту венок.

Перевод А. Парпары

ВАЛЕРИ ТУРГАЙ

Валери Тургай (Валерий Владимирович Воробьев) родился в 1960 г. Известный чувашский поэт, переводчик, публицист, драматург, общественный деятель. Член Союза писателей России. Народный поэт Чувашской Республики. Автор многих книг разных жанров на чувашском и русском языках, пьес, текстов популярных песен, переводов со многих языков народов России и стран СНГ. Заслуженный работник культуры Чувашии и Татарстана. Лауреат литературных премий имени М. Сеспеля, имени И. Яковлева, имени Ф. Карима. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой».

Русский язык

Нерусский, я славлю мой русский язык
От чистого сердца, открытой душою!
Богатством его я гордиться привык,
Оно и мое, потому что — родное!

Доверю сегодня на нем, как вчера,
Заветные мысли татарскому другу!
А радость общенья в кавказских горах,
Что русский язык дарит братскому кругу!

В сердцах у людей и тепло, и светло,
В дыханьи его — волшебство единенья!
Но есть у меня и второе крыло —
Язык мой чувашский, родимый с рожденья.

В нём жизни моей назначенье и суть,
Которые свято несу через годы.
А русский язык освещает наш путь —
Воистину общий для братских народов!

Нерусский, я славлю мой русский язык
От чистого сердца, открытой душою!
С ним веру, надежду, любовь я постиг —
Всё то, что зовётся навеки судьбою!

Национальные литературы народов
Дальнего Востока, Восточной Сибири
и Забайкалья

ПОЭЗИЯ

АМГАЛАН БУДАЕВ

Амгалан Александрович Будаев Родился в 1979 году в селе Утата Закаменского района Республики Бурятия. В 2008 г. окончил Международную академию традиционной тибетской медицины. Член Союза писателей России с 1999 г. За создание «Скифо-монгольского календаря», известного в буддийском в мире в странах Таиланд, Лаос, Камбоджа, Шри-Ланка, и Бирма, награжден медалью «Слава культуры» Монголии. За отличие в большом поэтическом мире монголов награжден медалью «Монгольская эра» (Монголия) в 2023 г. Стихи поэта переведены на десятки языков народов России, а также на четыре языка за пределы страны. Сейчас медик-поэт ведет прием в разных городах России.

Песнь джиде

Полноводная Джида
Начинается с ключа,
Что у гор Уран-Дvшэ
Бьется струями, спеша.
Там Батор хана бариса
Все являет чудеса:
Оберегает все вокруг,
И сыновей, что в бой идут,
И весь народ, и стар и млад,
Всем помочь всегда он рад,
И землю всю,
Что р дна сердцу моему.
И там, где плещется Цакир,
Батор хан рукой достиг
В благословениях своих.
Юных дев, что на чужбине,
И солдат, что в пули ливне,
Ая-ганги цветенье,
Судьбы счастливое сплетенье —
Все-все он вечно дарит нам,
О, Великий Батор хан!

ЕСУГЕЙ СЫНДУЕВ

Есугей (Сергей) Баторович Сындуев родился в 1957 г. в селе Турка Прибайкальского района Бурятии. Поэт, прозаик, драматург, член Союза писателей России, народный поэт Республики Бурятия. После школы отслужил в Советской Армии, затем учился в Восточно-Сибирском технологическом институте. Работал матросом на Байкале, водителем грузовика, участвовал в строительстве БАМа, трудился в Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей Бурятии, в литературно-художественном журнале «Байкал» и в Театре кукол «Ульгэр». Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького (семинар поэзии Юрия Кузнецова). Автор популярных в республике книг стихов, прозы, ряда пьес, киносценариев, либретто мюзиклов и детских пьес. Обладатель Гран-при Фестиваля поэзии и авторской песни им. Булата Окуджавы. Пишет на русском языке.

Даши-доржо этигелов[1]

С чем нам сравнить и чем измерить
То, что мы видим наяву?
Чему вначале трудно верить,
Что не подвластно естеству?

Он жив!
И лишь его сознанье
Летает где-то в этот миг.
Какие ж тайны мирозданья
Он в медитации постиг!

Вернувшись из миров, откуда
Ещё никто не приходил,
Собой невиданное чудо
Он человечеству явил.

Поставил под сомненье разом
Всё, что рождал веками спор,
Чего достигли дух и разум,
И что мы знали до сих пор.

Заложники своей планеты,
Вселенских не страшась угроз,
Мы слушаем его ответы.
А он лишь задаёт вопрос.

[1] Пандита Хамбо-лама Даши-Доржо Этигелов, умерший в 1927 году, до сих пор выглядит как живой.

Но, вопрошая, вслух не спросит,
Как видно, не настал тот срок.
Он нам безмолвно произносит
Пока не ясный нам урок.

И вновь, взывая к нашей вере,
Надеждой греет нам сердца,
Что нам, как и Вселенской Сфере,
Начала нет и нет конца.

СЕРГЕЙ ДОРЖИЕВ

Сергей Далаевич Доржиев Родился в 1956 г. в селе Харьяска Мухоршибирского района Бур. АССР. Окончил историко-филологический факультет БГПИ имени Д.Банзарова. Член Союза писателей России, председатель правления республиканской общественной организации «Союз писателей Бурятии», регионального отделения Союза писателей России. Книги включены в языковой корпус бурятского языка отделом языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН г. Улан-Удэ, вошли в хрестоматию литературы в среднеобразовательных школах Бурятии. Сборник стихов «Сэдьхэлэй үгэ» («Слово души», 2015). Лауреат многих литературных премий Монголии, Бурятии и России. Основные из них — республиканская литературная премия имени И. Калашникова, общероссийская литературная премия «Дальний Восток» имени В. Арсеньева (2023).

Ода Ольхону

В суровой прелести священного Байкала,
В свеченье вод, лесов и ковыля,
О, мой Ольхон, ты преддверье рая,
Ты древняя бурятская земля!

Бесценная Вселенной Середина,
Тебя Творец когда-то сотворил,
Принес нам в дар, как мудрый старец сыну,
И в добрый путь вовек благословил!

Омытый волнами Куркута и Ташкая,
Возвышенный гольцами и Ольтриг,
Ая-гангой освященный Тажерана,
Ольхона Дух свободен и велик!

В необъятном северном пространстве
Тринадцати бурханов впереди,
Отец Ойхон со Святой Шаманки
Морской водою душу окропил.

Штормов и бурь с рождения любимцы,
С благословенья древних Белых Скал
Под клекотом мы встали под орлиным
За вверенный нам предками штурвал!

Попутный ветер в парусах игривый!
Несемся без предательской волны!
На дальние мы курсом на вершины,
Чтоб каждый был избранником судьбы!

Нам дали силы тысяч солнца блики,
Сарминский ветер мысли освежал!
Байкала синь — барометр по жизни,
Шэбэй нас в непогоду укрывал!

Полыни горечь распылив в дороге,
Вручив потомкам славные дела,
В прекрасное несется недалеко
Пурпурная Кобылья Голова!

Вперед, друзья, на новые зарницы!
Откроем гавань в золотых огнях!
Как деды наши, твердые граниты,
Ковали мир в героических боях!

Зовут глаза звездою путеводной,
Румяных дев лучистые глаза...
Божества нет на земле подобной —
И тронул ангел девичьи сердца!

О бочке слышатся напевы омулевой,
Наплывы песен радостны, нежны,
Но стихнет всё, устыдясь собою,
Перед величием Ольхона красоты!

Вьется быль со сказочною явью —
Царственно-волшебная страна!
И мать-земля, с синевой венчаясь,
Ласково целует небеса.

Я стою на кромке вод зеленых,
Полон дум о таинствах судьбы:
Пусть капелькой, но чистой и достойной,
Раствориться б в дымке синевы.

И навеки мир наш украшая,
Посвятить все песни красоте
И дождинкой, Божьей благодатью,
Напоить травинку на земле.

Преклоняю пред тобой колени
И глажу бархат зелени степей...
Только б вовремя мы выразить сумели
Всю благодарность верных сыновей!

САРГЫЛАНА ГОЛЬДЕРОВА-САРГЫ КУО

Саргылана Васильевна Гольдерова-Саргы Куо родилась в 1959 г. Член Союза писателей Якутии с 1992 г., член Союза России, член Союза журналистов России с 1999 г., заслуженный работник культуры Республики Саха (Якутия), народный поэт Якутии. Автор около двадцати книг, более чем сорока тысяч строк, тысячи стихов и семидесяти четырех поэм. В 2022 г. вышла ее книга на русском языке «Благословение Иэйэхсит».

* * *

Я в глубокой древности была
Там, где тюрки поклонялись силе,
И до предков хунну я жила,
Вскормленная молоком кобыльим.
Я среди могучих тех корней
Сок впитала травкою цветущей,
В круговерти золотистых дней
Долог был мой путь к векам грядущим.

Даль песков, барханами ложась,
Струйкой времени стекала нежно —
Я уже лосихою неслась
В марево таежного безбрежья.
Пела на два голоса с пургой
Удаганкой юною под вечер,
Ветерок с небесною каймой
Летом у реки купал мне плечи.

В юрте старенькой жила потом,
О красивом юноше мечтала,
Перед ярким зимним камельком
Я сучила нити, кожи мяла.

И, предчувствий радужных полна,
Красовалась, косы распуская...
Месяц в бычьем пузыре окна
Таял, словно свечка золотая!
Я — живу. Но в восходящем дне
Вдруг придет таинственная гостья,
Звездный свет прольет на очи мне,
Собирая вечных мыслей гроздья.

Я — живу! Смех дочки, трели птиц
Я вплету в родной напев хомуса,
Я запомню цвет девичьих лиц —
Легче пуха вес такого груза.

Я — живу! Я буду жить всегда,
Чтобы передать якутам снова,
Пронеся сквозь веси и года
Мудрость мысли и искусства слова!
Перевод А. Борисовой

НАТАЛЬЯ ХАРЛАМПЬЕВА

Наталья Ивановна Харлампьева родилась в 1952 г. в селе Маган Якутской АССР. Член Союза писателей СССР с 1988 г., член союза писателей России с 1991 г. Закончила Якутский государственный университет, филологический факультет. Поэт, прозаик, эссеист. Пишет на двух языках — на якутском и русском. Автор тридцати пяти книг на якутском и русском языках, также книг, переведенных на русский, английский, татарский, тувинский, казахский и азербайджанский языки. Лауреат литературной премии имени А.Твардовского, премии «Золотой Дельвиг», Большой литературной премии России и АЛРОСА, государственной премии Республики Саха (Якутия) имени Платона Ойунского. Награждена медалью Александра Пушкина. В 2024 г. удостоена ордена Дружбы Российской Федерации, Лауреат престижной Национальной литературной премии «Слово».

Утешение

Вьюги ль вихрится грива
Или хлещут дожди,
Своего терпеливо,
Нюргун Ботура[1] жди.

Жди, чтоб вызволить снова
Из огня и воды,
Знают женщины слово
Для отвода беды.

И в слезах твои очи
Он увидит сквозь тьму,
Потому что нет силы
Позабыть их ему.

Нянчи сына в надежде,
На порог выходи,
И, как женщины прежде,
Нюргун Ботура жди.

Жди, душою измучась,
Жди судьбе не в укор,
Такова наша участь
С незапамятных пор.

Перевод Якова Козловского

1 Нюргун Ботур — герой якутского эпоса олонхо.

* * *

Я сильная женщина. Я из якуток.
Никто не торил для меня первопуток.
Никто именитый иль знатный в дорогу
Мне посоха не дал...
И слава-то Богу.

Сама проявила однажды я волю,
Сама себе в жизни и выбрала долю.
Себя сохранила от мысли я дикой
Возвыситься, заживо стать мне великой.

Ну да, я наивна.
По чьим-то рассказам
Короче волос
Вдохновенный мой разум.
Ну да, я всего лишь
Простая якутка.

Я чутко все слышу.
Мне сладко и жутко
Жить так,
Словно рана во мне ножевая,
Сто раз умирая,
Сто раз оживая...

Перевод Н. Рачкова

НИКОЛАЙ КУУЛАР

Николай Шагдыр-оолович Куулар родился в 1958 г. Поэт, прозаик, переводчик, народный писатель Тувы. Окончил факультет автоматики и электромеханики Томского политехнического института, Литературный институт им. А.М. Горького. Автор нескольких книг стихов и прозы. Главный редактор Тувинского книжного издательства, председатель Тувинского регионального отделения Союза писателей России.

Баллада о скакуне

Понимал, что давно он не юн,
Только скачки, как прежде, влекли.
Доказал не однажды скакун,
Что потомок он Аранчулы[1].

Круг людей его шумно встречал.
Он в ответ тоже шею склонил,
А потом гордо загарцевал,
Словно вновь на бегах победил.

С ним хозяин всегда рядом шёл,
С гордым видом коня выводил,
А сегодня он сына привёл
И шепнул скакуну: «Победи!»

Вот наездники в дальней степи
По команде сорвались вперёд,
И столбом поднялась в небо пыль,
Подпирая собой небосвод.

Конь не скачет — летит над землёй,
Вьётся грива, как знамя, над ним.
Из могил встав, шаманы гурьбой
В бубны бьют славу скачкам лихим.

Разнотравье степное пьянит.
Рвётся сердце коня из груди.
Он лидирует, первым летит,
И желает опять победить.

Но дышать всё трудней и трудней,
Воздух ноздри и лёгкие жжёт.
Слышен храп разъярённых коней.
Он себя обогнать не даёт.

[1] Аранчула — небесный конь из тувинской мифологии.

Финиш. Снова скакун победил!
Только ноги не держат уже,
И на землю упал он без сил
На последнем своём рубеже.

Люди кланялись молча ему,
А скакун на глазах угасал
И уже видел новый табун,
Где теперь он скакал в небесах.

Перевод с тувинского Валерия Латынина

МЭНГИ ООРЖАК

Мэнги Ооржак. Поэт, переводчик, член Союза писателей России (2004), член Правления Союза писателей Тувы (с 2014). Окончил Тувинский государственный университет. Автор трех книг стихотворений. Лауреат премии Министерства культуры Республики Тыва (2014), дважды лауреат «Национальной литературной премии Республики Тыва» (2020, 2025). «Почетный работник сферы образования РФ» (2024), «Заслуженный учитель Республики Тыва» (2025).

Тувинский мой язык

С тобой я родился, родной мой язык,
Впервые услышав «Авай!» по-тувински.
Так мама кричала. Вплетался в тот крик
Младенца ответ, словно рев исполинский.

Гортанный, певучий, я слышал твой слог —
Он плыл выше гор, он плутал между елей.
А я познавал, я — иначе не мог! —
Любовью проникся к тебе с колыбели.

Я рос — ты, как друг, был всегда за меня,
Берёг от ошибок, мой нрав усмиряя.
Как мудрый учитель, ты день ото дня
Мне жизнь открывал, не боясь, доверяя.

Однажды красиво сказать мне помог
О светлой любви. Стал я мужем счастливым!
Тувинский язык мой, великий твой слог
Тувинцу всегда будет самым родимым!

Перевод О. Прилуцкой

ИГОРЬ МАМЫШЕВ

Игорь Филиппович Мамышев родился в 1965 г. в селе Верх-Аскиз Аскизского района Хакасии. Окончил Московский технологический институт. Поэт. Многие свои произведения создает на хакасском и русском языках одновременно. Переводит произведения других авторов с хакасского на русский, с русского на хакасский. Член Союза писателей России. Выпустил три книги стихов и переводов. Победитель II Республиканского конкурса художественного перевода произведений хакасских авторов на русский язык (Абакан, 2022 г.), лауреат XI Литературно-поэтического конкурса имени М. Ф. Величко (Краснотуранск, 2023 г.); лауреат Всероссийского литературного конкурса «Твои защитники, Россия» в номинации «Перевод поэзии» (2025 г.); лауреат XVIII Открытого межрегионального конкурса имени Ю. С. Рытхэу в номинации «Поэзия» (Анадырь, 2026 г.).

Оберег

Ковыль, спаленный степным пожаром,
Ковром зеленым взойдет опять.
Кондовым кедрам, сожженным палом,
Кольём горелым вовек стоять.

Кричат безмолвно в мольбе напрасной:
Кора опала, стволы черны.
Копченой плотью, на срезе красной,
Кормить личинок теперь должны.

Деревьям юным кормильцы корни
Даруют силы земли сырой.
Доспех народа — обычай древний,
Да песни степи, язык родной.

Когда свирепый кабан, оскалясь,
Кромсает корни, наш кедр — умрет.
Когда мы речи хакасской сладость,
Кичась, забудем — умрет народ.

Коней, впряженных в повозку парой,
Кривым дорогам не утомить.
Когда сплочённость — обычай старый,
Крепка защита, народу — жить.

По горным кручам влача повозку,
Падёт каурый на пир зверям.
Презрев единство, замшелой, плоской,
Плитой курганной не стать бы нам...

ЗОЯ НЕНЛЮМКИНА

Зоя Николаевна Ненлюмкина одилась в 1950 г. в селении Наукан Чукотского национального округа. Первая эскимосская поэтесса, работавшая над сохранением науканского диалекта и культуры своего народа. Была принята в Союз писателей СССР в 1988 г. Позже стала членом Союза писателей России. В 1979 г. поэтесса и ее переводчик Александр Черевченко получили Премию за первый поэтический сборник Ненлюмкиной «Птицы Наукана» («Тыгмеӷит Нувуӈам»).

Человек и земля

Под ветром мгла Качнулась и распалась,
И мы стоим у кромки ледяной.
— Что там, вдали, у горизонта? — Парус,
Байдары возвращаются домой!
Спешат домой охотники с добычей.
Всё ближе скал знакомый неуют,
И, соблюдая вековой обычай,
Наперебой скороговорке птичьей
Звучит саяк[1] и женщины поют.
Судьба мужчины — мужество погони,
Азарт добычи и, в конце концов,
Возможность ясно, словно на ладони,
Увидеть землю дедов и отцов.
— Какая же она?
— Всмотрись получше
— В родное небо:
В вечном полусне
Клубятся в небе снеговые тучи,
Снижается на землю снег колючий,
Под торбасами серебрится снег!
И, оглашая снежность лаем звонким,
Сливается упряжка с горизонтом!
Неотделима женская судьба
От буден и от праздников народа.
У нас не скажут: «Женщина слаба» —
В селенье всем нужна ее забота.
Она успеет накормить собак,
Заправить жирник и разделать нерпу.

1 Саяк — бубен (*эским*).

А как поет в ее руках саяк,
Когда в цветных камлейках Киугъяк19
Закружится по северному небу!..
Суров мой край. Его характер крут.
Но он не чужд улыбкам и веселью.
И счастлив тот, Чей повседневный труд,
Преображая, согревает землю.

Национальные литературы народов
Северного Кавказа, юга России
и Крыма

ПРОЗА

БИЙКЕ КУЛУНЧАКОВА

Бийке Исхаковна Кулунчакова родилась в 1946 г. в селе Терекли-Мектеб, Дагестанская АССР. Народный писатель Дагестана, поэт, прозаик, драматург, переводчик, публицист. Окончила филологический факультет Дагестанского педагогического института. Автор пьес и более двадцати книг прозы и поэзии на ногайском и русском языках. Ныне редактор альманаха «Байтерек» на ногайском языке. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры ДАССР и Российской Федерации. Лауреат Государственной премии РД в области литературы. Пишет на ногайском и русском языках.

Где мой папа?

Рассказ

Пятилетний Алибек — мужчина самостоятельный. И сегодня он, смотрите, возвращается из садика один, гордый и независимый. Не потому, конечно, что никто не пришел за ним — ни папа, ни мама, а потому, что представилась такая ублажающая самолюбие возможность — быть самостоятельным.

На улице вечерело, чистое небо отсвечивало голубизной, и все люди казались нарядными, красивыми. А среди них — маленький Алибек. Праздник, да и только, хотя был обыкновенный будничный день. Алибек не спешил, как и подобает серьезному мужчине. У самого большого перехода через главную улицу, где с пугающим шипеньем проносились бесконечной чередой разноцветные машины, ему тотчас припомнились слова папы. Тот заботливо предупреждал Алибека, что если случится переходить улицу в одиночку, то надо обязательно попросить кого-нибудь из взрослых, чтобы помогли. Алибек так и сделал — потеребил за рукав хмурого дядю, который нес в двух сетках увесистые арбузы.

— Чего тебе, малыш? — без особого любопытства поинтересовался тот.

— Акай, помогите мне перейти улицу.

Дядя вдруг широко заулыбался, и его небритое лицо сразу подобрело. Он осторожно опустил сетки с арбузами на асфальт, подхватил на руки Алибека и одышливо побежал на другую сторону, а там бережно опустил малыша на землю.

— Дальше сам дойдешь?

— Дойду, дядя. Спасибо. Вон наш дом. Опасного перехода больше нет, — заверил своего благодетеля Алибек и по-прежнему гордо и независимо зашагал себе дальше по тротуару. Ведь мир, казалось, был так прекрасен, полон красок и звуков, что он не удержался — побежал к дому вприпрыжку.

Алибека можно понять: ведь сегодня воспитательница Сакинат Ильясовна не кого-нибудь, а его поставила всем детям в пример. Она так и сказала:

— Учитесь, дети, у Алибека.

Правда, славный бодающийся козлик из пластилина получился у него нечаянно, но этого он никому не сказал, а просто сидел и сам удивлялся его золотым рожкам, белым копытцам и зеленому хвостику. Бывает ведь, что долго-долго никак не получается, и вдруг — будто не ты лепил, а само получилось.

Воспитательница поставила козлика в застекленный шкаф на самое видное место. Потом о нем все как-то забыли, лишь Алибек поглядывал и поглядывал украдкой на шкаф. А когда после обеда воспитательница велела всем спать, и все действительно уснули, он потихонечку откинул одеяло, затем прокрался на цыпочках в комнату игрушек и принялся зачарованно глазеть на своего козлика под стеклом. Потом погрозил ему пальцем: мол, не балуйся тут без меня. Только после этого он возвратился на свою кроватку и спокойно уснул. А приснился ему удивительный сон.

Алибек удобно сидит у папы на коленях и все рассказывает и рассказывает ему о своей удаче. Папа его понимает, ласково притягивает к себе, потом целует и его, и маму.

Алибеку верится, что вот сейчас, дома, сбудется его сон наяву. И «самостоятельный мужчина», сам того не замечая, уже стремглав несется к знакомой двери, ему хочется, чтобы праздник продолжался.

— Мамочка! — закричал от порога возбужденный малыш и осекся, подавленно затоптался на месте, с испугом взирая на плачущую мать. Она вскинула к нему мокрое лицо и горько всхлипнула.

— Что с тобой, мамочка? — кинулся к ней Алибек. Мать смахнула слезы, попыталась улыбнуться:

— С кем ты пришел? Тебя папа встречал?

— Нет, я сам! — горделиво вскинулся Алибек и тут же спохватился: — А где папа?

И вдруг он заметил на полу ту самую фотографию, с которой заразительно смеялась мама и жизнерадостно улыбался папа и которая еще утром висела на стене в застекленной рамке. Теперь же стекло было разбито, а фотография разорвана. Тут его осенила недобрая догадка. Мать перехватила его недоуменный взгляд и, всхлипнув, прижала сынишку к груди. А какому же малышу не передается боль и горечь матери?

Тут в комнату вошла соседка Айшат и с понимающим сочувствием прямо от порога принялась успокаивать подругу:

— Никуда он не денется, вернется. Не сможет жить без сына. Выбрось все из головы, не горюй!

— Ушел он... Совсем ушел... Ее предпочел. Даже сына не встретил в садике...

Алибек слушал их и никак не мог понять, что же произошло? Разве может случиться такое, чтобы его самый-самый, его любимый папа куда-то ушел и не вернется? Он разнял материнские руки, опустился на пол и начал старательно, как детские кубики, складывать один к другому обрывки фотографии. Но из них получилась только мама и краешек папиной рубашки... Куда же девался он сам? Алибек потерянно окинул взглядом углы комнаты — клочков фотографии больше не было. Неужели папа оторвал себя от мамы и унес? Зачем?

Алибек забился в свой угол с игрушками и затих. Что-то мама здесь

напутала, не может такого быть, чтобы папа не возвратился домой. Ведь он же всегда спал с Али-беком и кушал с Алибеком. Ведь папа всякий раз мыл ему перед сном ноги, вытирал махровым полотенцем со смешным бегемотом посредине. А лежа в постели, папа всегда ему рассказывал одну и ту же сказку. Он, наверное, считал ее самой главной сказкой. Начинал он ее так:

— Жила-была в степи ногайской, где весной расцветают маки и рождается сайгачонок, где ветры гонят перекати-поле, молодая семья. Отец пас овец, а мать убаюкивала колыбельной песенкой сынишку, который спал в деревянной люльке. Звали его Алибек...

Алибек всегда в таких случаях вскидывал с подушки голову:

— Это обо мне, да?

Когда отец припоздняется домой, Алибек мужественно таращил глаза в потолок, боясь уснуть без него, и терпеливо ждал, чутко прислушиваясь к редким шагам во дворе, к случайным голосам. Шаги и голос отца он научился различать издалека и всегда норовил выбежать навстречу. Отец подхватывал его на бегу, легко вскидывал над головой и смеялся:

— Расти большой, сынок!

Потом он обязательно доставал из кармана что-нибудь вкусненькое. А мама, как замечал Алибек, сердилась на такие опоздания, особенно когда от папы разило вином. Мама бранила его, а он все больше помалкивал. Тогда Алибек пытался рассмешить их, чтобы они помирились.

...В этот вечер Алибек впервые так и не дождался папы и лег с мамой. Он, конечно, не смирился с мыслью, что папа больше не придет, а просто пожалел ласковую и добрую маму, которая сегодня сделалась такой беззащитной и печальной.

Утром он обнаружил, что папа так и не возвратился, но спрашивать о нем у мамы не стал — решил, как и прежде, терпеливо дожидаться его молча. А мама почему-то не спешила собирать Алибека в садик, она деловито укладывала в сумку вещи, потом обратилась к нему:

— Собирайся, сыночек, поедем к дедушке.

— Ура! — Алибек кинулся обнимать ее и по-взрослому уточнил: — К дедушке и к бабушке.

Суетливо собирая свои вещи, он вдруг с горечью вспомнил о золоторогом козлике, который оставался в детском саду. Эх, шепнуть бы ему, что пропал папа. Может, он разыскал бы его и попросил тоже приехать к дедушке и бабушке.

Старики очень обрадовались дочке и внуку, но недолгой была их радость. Когда мама заплакала и принялась им рассказывать что-то о папе, они крепко озаботились, построжали лицами. Алибеку предложили выйти пока во двор и взглянуть на козлика. И действительно, во дворе оказался самый настоящий, живой козлик. Он так смахивал на того, что остался в садике, будто за одну ночь вырос и раньше них с мамой прискакал к старикам. Чудо, да и только!

Стоило Алибеку подставить к его носу ладошку, как рыжий козленок смешно вскидывал передние копытца, опускал голову, выставляя перед собой рожки, и норовил забодать его. Алибек ловко отскакивал в сторонку, и козлик начинал гоняться за ним по всему двору. Алибеку чуточку

страшновато и занятно. Весело, одним словом. Погодя во двор вышел дедушка:

— Нравится тебе, внучек, козленок?

— Очень, дедушка, а откуда он взялся?

— Не знаю, — лукаво улыбнулся дед. — Взял и объявился.

Алибек начал всерьез подозревать, что это и есть тот самый детсадовский козлик: ведь бывает же подобное в сказках, так почему это не может произойти наяву?

Вскоре возле Алибека захлопотала бабушка: и тискала его, жалеючи, и ласкала, как будто он маленький. Никак не может взять в толк, что он самостоятельный мужчина. А бабушка все обхаживала и обхаживала своего внука: то мед подсунет ему, то сметану. Приятно, чего уж там. Жаль только, что нет рядом папы. С ним и радость как-то полновеснее, ощутимее.

— Деда, а правда, мой папа самый-самый хороший?

— Правда, внучек, — старик украдкой смахнул слезу.

— Он скоро вернется к нам, да?

— Конечно, вернется, сынок, — мать обняла его обеими руками.

— Не думала я о нем плохо и не хотела думать, но он поступил дурно, — проворчала в сердцах бабушка и добавила: — Лучше бы он умер.

— Замолчи! — цыкнул на нее старик. — Не видишь, внучок прислушивается ко всему. Пусть и тень горя не омрачит его жизнь.

Что-то неладное творится с его папой. Видать, стряслась какая-то неприятность, которая всех встревожила. Но разве бывает так, что человек был всегда хорошим и вдруг сделался плохим? Надо, чего бы то ни стоило, найти папу и спросить его, почему не возвращается домой.

Прошел день, другой, и козлик уже не радовал его, перестали вызывать интерес и соседские дети. Заскучала и мама. А еще через день она засобиралась с Алибеком в обратную дорогу, несмотря на просьбы стариков побыть еще немного.

Возвращаясь домой по пыльной степи, Алибек был уверен, что на крыльце их встретит безмятежно улыбающийся папа. Но крыльцо оказалось пустым, а дверь на замке.

— Мама, его нет!.. — в горестном удивлении воскликнул он.

— Кого? — не сразу поняла мать.

— Я думал, папа будет ждать нас, — виновато пояснил Алибек.

— Не будет — и не надо! — сердито оборвала его мать. Такой ответ пришелся малышу не по душе. И он настырно потребовал иного ответа:

— Скажи, мама, где наш папа?

— Нет его! Умер он. И не спрашивай меня больше! — сорвалась на крик мать.

— Неправда! — тоже закричал Алибек, вырвал свою руку из материной и, всхлипывая, убежал в самый угол двора, где за большим тутовым деревом его никто не мог видеть. Алибек знал, что не мог папа умереть. Он ведь такой большой и сильный и никогда не болел. Но если он жив, так почему не возвращается? Разве он не знает, как Алибек хочет его видеть?

Через неделю мама занемогла и слегла. А папа все не приходил и не приходил.

— Мамочка, прошу тебя, не умирай, — плача, просил ее Алибек. — Я больше не буду спрашивать о папе.

Малыш впервые засомневался в своем папе: неужели он плохой, неужели даже не проведает больную маму? Ведь должен он знать, как им плохо без него.

За матерью начала присматривать тетя Айшат, она жалела ее и всячески утешала. Алибек самостоятельно уходил в садик, самостоятельно возвращался домой, хотя тетя Айшат поругивала его за такие действия, требовала, чтобы он дожидался ее. А козлик из шкафа за стеклом однажды исчез. Алибек тешил себя потайной мыслью, что тот превратился в настоящего и отправился на поиски его папы. Ведь поведал Алибек ему несколько дней назад шепотом о своем горе, тот внимательно слушал... Правда, он видел на полу разноцветную пластилиновую массу, но она не могла быть его золоторогим козликом.

Возвращаясь из садика, он теперь не радовался своей самостоятельности, не с кем было поделиться этой радостью. И он пристально заглядывал в лица прохожих и с надеждой вопрошал:

— Вы не видели моего папу?

— А кто твой папа? — удивлялся случайный прохожий.

— Неужели вы не знаете моего папу? — еще больше удивлялся сам Алибек.

— Нет, малыш, не знаю, — сокрушенно разводил руками прохожий и спешил дальше, а Алибеку оставалось лишь озираться по сторонам: вдруг кто-нибудь знает его папу.

Одна полная и одышливая тетя на его вопрос заверила Алибека, что его папа дома и давно дожидается его, потому что всем папам полагается быть дома.

Алибек стремглав понесся домой, но папы там не оказалось. И он горевал: такая большая тетя и так бессовестно его обманула. Зато как мама обрадовалась его приходу! Потом, правда, рассердилась на то, что Алибек не дождался тети Айшат.

— Ты не беспокойся, мама, — вдохновенно заверил ее Алибек. — Я никогда не уйду из дома, как папа. Я всегда буду вовремя возвращаться. А у большого перехода я всегда попрошу какого-нибудь дядю, чтобы помог перейти.

Мама засмеялась, прижала его к себе и сказала:

— Ты у меня — мужчина самостоятельный, — но потом вновь нахмурилась и строго добавила: — А из садика сам не уходи.

Однако не послушался на другой день Алибек маму и вновь ушел из садика один. У большого перехода через главную улицу он остановился, терпеливо дожидаясь, когда красный огонек светофора осадит стремительный бег машин, и выискивая глазами предполагаемого взрослого помощника. В двух шагах от Алибека стоял представительный дядя и весело разговаривал с тетей, держа ее под руку. Алибек подошел поближе и потянул его за полу пиджака:

— Помогите мне, дяденька, перейти улицу.

Тот резко обернулся к нему и... Такого Алибек не ожидал. Перед ним с чужой тетей под ручку стоял его папа. Тот как-то суетливо повел туда-

сюда глазами, открыл было рот, пытаясь что-то сказать, но Алибек, встретившись взглядом с тетей, глаза которой подозрительно сощурились, отшатнулся. Он передумал кидаться к папе еще и потому, что тот, оказывается, жив-здоров, но ни к нему, ни к больной маме не приходит, а гуляет себе с чужой тетей, сразу сделавшись чужим и сам.

— Сыночек, ты что? — видя, как настороженно пятится от него Алибек, заговорил наконец папа и, высвободив свою руку из тетиной, подался к нему, но Алибек, круто развернувшись, рванулся бегом через улицу. И тотчас в уши вонзился раздирающе-визгливый скрежет тормозов...

Движение застопорилось. Перепуганный до меловой белизны в лице, выскочил из кабины водитель «Жигулей» и подхватил на руки безжизненное тельце ребенка.

— Чей он?

— Это мой сыночек, мой Алибек! — отчаянно закричал и ринулся к шоферу отец малыша.

— Его надо срочно в больницу. Садитесь в машину! — повелел шофер.

Отец бережно и осторожно подхватывает сына на руки и садится с ним в машину.

Та срывается с места...

— Сыночек, — шепчет потерянно отец не приходящему в сознание малышу, — прости меня, родной, прости... — а по щекам бегут слезы запоздалого раскаянья.

Перевод с ногайского языка Мадины Даибовой

ШАХВЕЛЕД ШАХМАРДАНОВ

Шахвелед Ибрагимович Шахмарданов родился в 1948 г. в селении Яргиль Хивского района Республики Дагестан. Народный поэт Дагестана, поэт, прозаик, переводчик. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор восьми книг поэзии и прозы. Член СП России, член правления Союза писателей Дагестана. Заслуженный работник культуры РД. Награжден Почетной грамотой правительства РД, именными часами Председателя Госсовета РД, памятной медалью имени А. Грибоедова, почетной грамотой СП России, премией Международного фонда Р. Гамзатова. Ветеран труда. Пишет на табасаранском языке.

Груша изаган

Рассказ

Расскажу-ка я тебе о грушевом дереве, что растет у нашей усадьбы. Пожалуй, прежде всего ты захочешь узнать, культурное оно или выросло из дичка, и будешь прав, ведь само словосочетание «грушевое дерево» не дает ответа на вопрос, к какому же виду оно относится. Так вот, я могу покривить душой и сказать, что это дерево садовое, но как бы я того ни желал, таковым оно не станет. А назвать его диким — язык не поворачивается. Понимаешь меня? Не могу! Ей-богу, правильно сказано, самое трудное, это отвечать на простые вопросы, потому я его по-простому и называю: грушевое дерево. Почему у меня к нему такое отношение, возможно, ты сам поймешь из того, что я тебе расскажу.

Растет, значит, груша у нашей усадьбы, точнее, прямо на меже с соседским участком, хозяин которого приходится нам дальним родственником, где-то в шестом колене по отцовской линии. И, кажется, что ее там посадили специально, между двумя участками, чтобы отметить межу, но я твердо уверен, что никто ее не сажал. По словам нашего деда, а ему сейчас идет сто тринадцатый год, она стоит там с незапамятных времен.

— Как помню себя, это благословенное дерево там и стоит, — сказал он однажды, отвечая на мой вопрос. — И твой прадед с малых лет знал его вот таким, крепко вросшим в землю корнями на том самом месте. Потому оно и носит имя твоего предка. Да, это правда, сельчане называют его грушей Амирхана. Есть у нас такой обычай: плодовому дереву, которое растет у полевого или лугового участка, у огорода ли, даже у дома того или иного человека, присваивается имя его хозяина. К примеру, в угодьях нашего села можно встретить грушу Мирзахана, или грецкий орех Усмана, или яблоню Байбута и много других плодовых деревьев с именами. Как можно догадаться, когда-то они росли в наделах, принадлежащих тем людям, а теперь ставшими общественной землей. И эти деревья и сегодня продолжают играть, в чем я уверен, немаловажную роль в географии села: если мальчишке, несущему еду отцу на луг, сказать: «Они косят около яблони Байбута», или, когда убирают хлеб: «Мать в поле, что ниже груши Мирзахана», — то даже самый маленький поймет, куда ему следует идти.

Правда, грушу Амирхана, в отличие от некоторых других деревьев с именами, упоминают не так часто, возможно, потому что она находится недалеко от села и вблизи нет общественных угодий... Но почему ей дали имя нашего прадеда, а не дальнего родственника по соседству? На это тоже имеется своя причина: груша находилась посредине поля Амирхана, а когда в селе организовали колхоз, нижнюю часть поля забрали, а верхнюю, уважив просьбу прадеда, оставили за ним, и таким образом за грушей сохранилось его имя, и в то же время она оказалась на меже.

Как бы то ни было, неизвестно, когда здесь появилось грушевое дерево, и было ли оно кем-то посажено. Ведь могло же оно вырасти и само... Но, чтобы дерево выросло само по себе, рядом должно было находиться хотя бы еще одно такое же, его предок, а тут нет такой груши. Возможно, была раньше? Нет, не было, дед говорит, что он не знает, даже его дед не помнил здесь другой груши. А, знаешь ли, как долго живет грушевое дерево, — до двухсот лет...

Одна груша растет ниже родника Тахришид, у дороги, что ведет в село Куг. Это дикая груша, которую называют птичьей, с мелкими плодами. Когда они даже созревают, сердцевина у них остается каменно-твердой. А какие груши на нашем дереве, я тебе еще не говорил! Они тоже мелкие, как грецкий орех, но их можно есть и зелеными. Если я скажу, что они даже зелеными не горчат и не вяжут рот, ты, конечно, не поверишь. Когда дикая зеленая груша была сладкой? Лишь созревая, при этом их семена обретают коричневый оттенок, их вкус меняется, становится сладковатым. Зато дикие груши очень сочные и мы, дети, много их ели, делая из них «грушевые мельницы» — перетирки.

Ты не знаешь, как из груш делают мельницы? А вот так. Берут две груши, от каждой немного откусывают, с трудом вонзая в них зубы, и теми местами начинают тереть друг об друга круговыми движениями, подобно жерновам мельницы. По краям груш накапливается протертая сочная мякоть, которую и слизывают... Во рту аж слюна образовалась! Ел же я их, делая «грушевые мельницы», когда был маленьким! От постоянного облизывания груш язык становился белым-белым. Когда вот так едят, даже самые горькие груши перестают быть таковыми, становятся приятно сладковатыми... Мы ходили с набитыми карманами, а у кого не было карманов, те набирали груши в штанины, у щиколоток стянутые резинкой, или за пазуху. В таких случаях, смеясь, тыкали пальцем во вновь появившееся пузо и спрашивали: «Что такое?! Девочка или мальчик?..» О времена «грушевых мельниц»!..

Из наших груш особенно хорошие «мельницы» получаются, я же говорил, что они очень сочные. А так их можно есть лишь после того, как почернеют семена. Ты не поверишь, если я скажу, что в них нет сердцевины, вот они какие! То есть, сердцевина, конечно, у них имеется, но такая маленькая и мягкая, что, когда ешь, ее просто не замечаешь. Поэтому спелую грушу с нашего дерева, держа за ножку, просто отправляешь в — От этого благословенного фрукта нечего выбрасывать, — бывало, говорил дед, — засовывая и выкидывая ножку. — Были бы зубы остры, и ножку съедал бы. А какой вкус! И в райском саду вряд ли растут такие плоды...

Как известно, груши созревают по-разному: одни прямо на дереве,

еще твердыми, обретают желтый оттенок; другие, созревая, становятся темно-синими; третьи твердыми и, нисколько не изменившись в цвете, падают под дерево; четвертые сначала надо сорвать с дерева, принести домой и положить в сено или полову, где они и дозреют... У наших же груш сначала темнеют семена, через неделю они начинают желтеть, как-то по-особому, излучая сияние, напоминая набат-сахар; если всмотришься пристально, то тебе покажется, что видишь семечки внутри груши. Только полностью созрев, они падают с дерева, но лакомиться ими не всегда удается. Ведь сельские дети тоже не дремлют. Поэтому мы рано утром, едва над рощей Ягва заалеет небо, летели к груше, пока не успели чужие. А если ночью поднимался ветер, то под деревом низкая травка желтела от плодов!

Особенно любили, можно сказать, обожали наши груши синицы. Я с интересом наблюдал за ними, клюющими груши, и мне казалось, что при этом их грудки еще больше желтеют. Может быть, и вправду, наши груши каким-то образом влияли на цвет их грудок...

Кроме упомянутой мной птичьей груши, ближе всех к нашему дереву, в полутора километрах от него, в поле Агада, находится еще одно, называемое изаган, с плода-ми очень твердыми и такими горькими, подобными отраве... Признаться, я не знаю, насколько отрава бывает горькой, но когда возникает разговор о грушах изаган, все отмечают: «Горькие, как яд». А твердые-то, я имею в виду, еще зеленые. Не откусишь, зубы просто поскользнутся, оставив едва заметный след на боку груши. Вот почему они не возбуждают особого аппетита у сельской детворы. Зато спелые изаган очень вкусны; созревать они начинают изнутри и, полностью созрев, обретают цвет железа. Встретив человека с мрачным лицом, обозленного, разгневанного, говорят: «Ты, наверное, в поле Агада пошел!» Или: «Кто заставил тебя откусить от груши Агада?» И еще: «Почему ты такой, будто съел грушу Агада?» Как видишь, между нашей грушей и той, что растет в поле Агада, разницы больше, чем между конем и ишаком. Если плоды на первой — мед, то на втором — отрава. Нет, изаган не из предков нашей груши.

— У этой груши хороший характер, — говорил дед.

Впервые услышав от него такие слова, я удивился, подумал: «Разве дерево обладает характером? Какое у него может быть милосердие? Просто дерево, и не более, как и все прочие...» Но теперь я понимаю, что дед был прав: деревья и травы, звери и птицы, как и люди, имеют свой характер, среди них тоже есть хорошие и плохие, добрые и злые, красивые и невзрачные. Исходя из этого, и предки нашей груши, подобно ей самой, были с хорошим характером. Я выведываю о них сведения, но верную дорогу к ним не нахожу, однако и надежду пока не теряю...

Других грушевых деревьев в наших пределах нет. Только ты не думай, что в угодьях села их мало, наоборот, груш очень много, но находятся они далеко от нашей. А потому мысль о том, что она выросла от корня, отпадает...

Приходится предположить такое: она выросла из семени груши, которую съел здесь какой-то человек или расклевала птица, или же груша могла выпасть из ее клюва, когда она пролетела над этим местом. Каж-

дый, кто видит дуб, одиноко стоящий на скале за нашим селом, удивляется и непременно задается вопросом: как он там вырос, ведь вокруг на несколько километров нет другого дуба? А наш учитель по биологии объясняет, что он вырос из желудя, занесенного сюда вороной или какой-либо другой птицей, и все сельчане согласны с этим мнением. И никто не спрашивает, не задумывается над тем, почему та птица не съела желудь, что ей помешало это сделать? А дуб стоит себе, возвышаясь над всей долиной, подобно стражнику, оберегающему ее спокойствие. Как говорят наше сельчане, этот дуб принимает на себя все молнии, которые могли бы нанести ущерб и бедствие долине, ради долины он не жалеет себя. Сама природа породила его в угоду нашему селу... Я не прав, говоря, что дуб одинок, ведь за ним стоит наше село и лежит вся наша долина. И они неотделимы: дуб, наше село и долина...

Да, дуб на скалах для нас священнее, чем деревья в рощах, освященных обычаем. Ни старый, ни малый не позволит себе неуместного слова по отношении к этому дубу...

***

Это неприятное происшествие ничуть не отлучило детей от грушевого дерева, а если я скажу, что они стали хотя бы немного осторожнее, то буду неправ. Слова старших действовали на нас больше, чем происшествие. И грушевое дерево, как хороший добрый друг, продолжало доставлять нам радость. Только начав ползать, дети уже тянулись к нему. Я даже могу утверждать: дети наших двух семей учились вставать на ноги и делать первые шаги, цепляясь за ствол грушевого дерева. Оно являлось опорой всего нашего детского бытия.

Связь между двумя семьями и грушевым деревом укрепилось бы еще больше, если бы...

Как-то мы сидели за завтраком, когда вышедшая за чем-то на веранду мама ворвалась обратно в комнату с криком:

— Наша груша горит! — лицо у нее побелело, губы дрожали, в глазах сверкали слезы.

— Какая груша? — не поняв, встревожился отец.

— Что у нашего поля...

Не успела мама выговорить последнее слово, как все, кто сидел за скатертью, — впереди младшие, за ними взрослые — высыпали на веранду и облепили там все три окна.

Охваченное густым дымом, грушевое дерево походило на большой темный гриб, самого огня не было видно из-за холма.

— Что происходит? — недоумевая, отец вышел в коридор и стал поспешно натягивать сапоги. Но мы, дети, успели к дереву раньше, ведь мы бежали, а отец не мог позволить себе такое на виду у сельчан.

Под грушей, в полутора метрах от ствола, горел большой костер, языки пламени которого порой доходили до нижних веток, отчего некоторые веточки корежились и трещали. Как оказалось, сосед сжигал старую изгородь из колючек, прошлогоднюю ботву и солому. Но его самого не было видно... Да что он, в самом деле, не мог развести костер на краю поля?! Нет же, выбрал место прямо под деревом. Огонь, распространяясь по су-

хой траве, сжег и муравейник, от большого города муравьев остался лишь черный круг. Несчастные...

Подоспел и отец.

— Что за бесчеловечность! — ногой в сапоге он разбросал костер по полю. Он был не на шутку разгневан, о чем свидетельствовал бугорок с грецкий орех, вздувшийся у него под переносицей. Те ветви дерева, до которых доходило пламя, стали темно-серыми. Весенние листья, нежные и блестевшие, словно покрытые лаком, свернулись и напоминали самокрутки. Некоторые ветки совсем сгорели, другие обгорели и вяло висели.

Пришла и мама.

— Что натворили, совсем совесть потеряли! — запричитала она, увидев, что стало с деревом.

Груша, казалось, потеряла свою прежнюю гордую стать и достоинство. Так бывает с человеком, согнутым неожиданно нагрянувшей бедой.

— Прекрати, — отец прервал маму. — Ты почему пришла? Уйдем отсюда, тут нечего делать.

— Надо же спросить, почему он это сделал...

— Не надо ничего...

В это время из-за холма показалась голова дяди Аслима (наверное, он услышал то, что мы говорили), который поправлял изгородь.

— Доброе утро, соседи! — он подошел к нам.

— Аслим, что ты наделал?! — вместо приветствия воскликнула мама.

— А что случилось? — безразличным тоном отозвался дядя Аслим.

— Посмотри на дерево, что ты с ним сделал!

— А что, ничего особенного...

— А если бы тебя вот так же подожгли? — его равнодушие разозлило маму.

— Чтоб был достаток в твоем доме, скажешь, что попало...

— Не что попало... Тот, кто считает себя человеком, кто сам себя уважает, на такое не способен!

— Хватит, хватит, переходишь всякие границы! — сосед, задетый, беспокойно оглянулся по сторонам. — Эта груша как тебе, так и мне принадлежит. Если бы она росла на твоем поле, ты имела бы причину быть недовольной. К тому же, с твоей стороной дерева ничего не случилось...

Не дослушав соседа, отец толкнул маму в плечо: «Пошли домой», — больше не говоря ничего, они направились в село.

Дядя Аслим долго провожал их удивленным взглядом, потом он, продолжая удивляться, перевел взгляд на раскиданные, еще дымящиеся головешки и на обуглившиеся ветки дерева. Затем начал подбирать головешки и забрасывать их к подножию холма, где он поправлял изгородь, и они летели, оставляя за собой белые дымовые хвостики. Покончив с этим, дядя Аслим посмотрел на нас, еще стоящих под деревом, попробовал изобразить на лице улыбку, что у него получилось плохо, и ушел.

С того дня в отношениях между нашими семьями стали происходить кое-какие изменения, хотя о происшедшем никто даже не упоминал. И в последующем наши семьи много раз вместе сидели в тени дерева, попрежнему ели хлеб, варили картофель, шутили и смеялись. Но в общении исчезли прежняя непосредственность, ясность и лучистая радость. В бе-

седах появился некий оттенок грусти. Отец, который раньше больше всех говорил о груше, после того дня в общем кругу ни разу о ней не обмолвился. Теперь он каждый раз, приближаясь к груше, невольно замедлял шаг и тяжело покачивал головой. Изменился и дед, мне казалось, что он резко постарел и сгорбился; находясь под грушей один, он похлопывал ее по стволу и как будто мысленно о чем-то разговаривал с нею. Одним словом, после происшедшего точно оборвались какие-то струны, от прежней раскованности и радости осталась лишь слабая тень, что чувствовали даже мы, маленькие...

Дядя Аслим, за несколько дней до своей смерти, когда дед и отец навестили его, просил у них прощения за тот необдуманный поступок.

— Ты, дед Жангут, и ты, Махмуд, простите мне мой грех, — сказал он, тяжело дыша, глядя угасающими глазами с высоко подложенной подушки. — Я глупо поступил... Сколько раз я видел во сне пылающее грушевое дерево! Кто знает, может, за тот грех меня и покарал Всевышний. На мне лежит проклятье нашего грушевого дерева...

— Не говори, что попало, Аслим! — дед своей рукой покрыл его худую белую руку, бессильно лежащую на одеяле.

— Нет, дед Жангут, я его угробил своим безрассудством... На нем даже цветы засохли... Мне мало такого наказания... С того дня я не только вас, но и детей, прибежавших к дереву, стыдился, сердце сжималось... Вы знаете, что мне тогда мой старший сын Керим сказал? «У тебя душа нехорошая, отец...» Вот так. Я стоял, глядя в глаза сыну, и ничего не мог ответить... Но я рад, что мой сын мне так сказал. Зато у него есть душа, он вырастет хорошим человеком...

— Да, Керим вырастет хорошим человеком, — подтвердил дед.

— Забудьте мой грех, сохраните добрые отношения. Мои дети еще молоды, подростки, и я очень хочу, чтобы вы были для них родными...

— Так и будет, Аслим, — сказал дед, улыбаясь. — Но ты-то куда спешишь раньше времени? Ведь я еще жив, до тебя очередь не дошла, Мы еще будем пить вино на свадьбах наших детей.

Дед хотел развеселить Аслима, но на его лице с печатью странной желтизны не дрогнула ни одна черточка.

— Нет, дед Жангут, мне отпущено, самое большее, еще два дня. Вы меня успокоите, уложив в могилу...

Дядя Аслим оказался прав, через пару дней он умер. В могилу его опустил отец, надмогильный камень поставил дед...

Грушевое дерево, как я его помню, впервые (и дед это подтвердил) не принесло урожай. С той стороны дерева, где был разведен костер, преждевременно, через месяц, опали все листья. На другой стороне даже цветы появились, но и они опали и тоже преждевременно, еще в августе, слетели и листья. В следующем году на нижних, обгоревших, ветках не набухли почки и отец их срезал. Но на остальных ветках листья распустились.

— Нет, не засохнет оно, — сказал отец, похлопывая по шершавой коре ствола, — не такой уж слабый! Вот увидите, в будущем году даст несколько мешков груш.

Однако предположение отца не подтвердилось. На обгоревшей сторо-

не дерева распускались листья, а другая сторона и цвела, и груши появились, но едва они становились величиной, как дикие сливы, все падали. И так продолжалось в течение трех лет.

Наконец, еще через два года, на верхних ветвях, которые не особенно повредил огонь, как и в прежние времена, созрели груши. А нижние ветки плодов все равно не давали, и никто не надеялся, что когда-нибудь их еще раз окутает белая чадра из цветов.

В один день, когда мы, выкопав картофель, вечером возвращались домой, дед, внимательно оглядев грушевое дерево, сказал отцу:

— Махмуд, как бы мы ни хотели, это уже не то грушевое дерево, состарилось. Как долго оно, доброе, жило. Через год-другой совсем засохнет... Из него хорошая балка получится, мы же собираемся пристроить к дому комнату в следующем году. Оно заслуживает того, чтобы его использовали под крышу тавханы... Жалко, конечно, рубить, но от него уже никакого толка. У него сердцевина засыхает... Огонь подействовал на сердцевину. А дерево без живой сердцевины все равно, что человек, у которого засох мозг. Постепенно ослабнет и упадет...

–Как бы то ни было, жалко...

–Я тоже говорю, что жалко, но чем мы можем ему помочь? А то опять подожжет какая-нибудь бестолочь. Пусть уж послужит в полезном деле. Балка из него выйдет что надо. Крепкая получится балка, и одна выдержит всю тяжесть. Раза в три крепче буковой балки будет.

— Люди, услышав, что скажут?..

— Ничего не скажут. Дерево постарело — срубили... Весной срубим. Вместо него вон те груши останутся, большие уже, в будущем году начнут плодоносить.

На этом и остановились — в будущую весну срубить грушевое дерево. Решить-то решили, однако...

Весной, как-то рано утром, мама вернулась, поставив теленка на привязь, резво, как молодая девушка, взбежала по лестнице на веранду и весело сообщила отцу и деду (они, собираясь в лес за хворостом, поправляли подушечки к ярме, вчера почему-то попавшие к нашей собаке и разорванные ею):

— Наша груша зацвела!

Я лежал в комнате, проснулся, но еще не встал.

— Разве не весна... — сдержанно откликнулся отец.

— Не молодое дерево, большая груша, вся в цвету.

— Как?! — воскликнул дед.

— И нижние обгоревшие ветви зацвели! — радостно добавила мама.

— Не может быть! — воскликнул и отец.

Когда я выскочил на веранду, они все трое, каждый заняв по окну, смотрели на грушевое дерево; я тоже жадными глазами уставился в окно, у которого стояла мама. Дикие сливы стояли в белом дыму, а по груше нельзя было определить, цветет она или нет — было далеко. Но вскоре мы все, и дед с отцом, которые собирались за хворостом в лес Хюмутар, и дети, стояли под грушей. Она была густо усеяна только начинающими раскрываться светло-красными цветами.

— Хорошо зацветает... Нет, огонь не подействовал на ее сердцевину,

я ошибся, — признался дед, покачивая головой. Морщины на его лице разгладились, глаза, излучая свет, рассматривали каждый цветочек в отдельности. — Вот, Махмуд, она как молодая, старость не может ее одолеть! Нет, рано ей лечь балкой под крышу, она полна жизни, может быть, находится в своей лучшей поре.

Мы, дети, несказанно радостные, обнимали ствол груши, забирались на нижние ветви...

— Она, наверное, услышала наш разговор прошлой осенью, испугалась и вот — зацвела, — пошутил отец.

— Кто знает, возможно... Ты считаешь позорным, если испугалась, что ее срубят? Нет, сын мой, жизнь дорога каждому. Ты, может быть, считаешь, что если я старый, значит, не хочу жить? Мне она, жизнь, теперь дороже, чем в молодости, будь покоен!.. И груша имеет право любить свою жизнь, она правильно сделала, что зацвела. Она и себя, и нас наделила большой радостью. Ради жизни она устояла, преодолела все невзгоды. И победила. Она сильная, а сильных всегда уважают...

В том году наша груша дала, как и в прошлые времена, богатый урожай. А когда плоды созрели, каждый раз, уходя с поля, мама клала горсть груш на могилу дяди Аслима. У нас есть такой обычай, считают, что это садака...

Перевод с табасаранского Владимира Носова

ХАВАШ НАКОСТОЕВ

Хаваш Алиевич Накостоев родился в 1956 г. в Казахстане. Образование высшее филологическое. Член Союза писателей России с 2015 г. Председатель правления Союза писателей Республики Ингушетия. Заслуженный работник культуры РИ. Почетный гражданин г. Сунжа. Лауреат литературной премии IV Международного литературно-музыкального фестиваля «Белые журавли России» (г. Москва) за книгу «Некоторые мысли об ингушской литературе». Работает завотделом ингушского языка ГБУ «ИнгНИИ».

Башня Страны

Легенда

Это было очень давно. Река Сунжа в то время была полноводной рекой, и текла она от гор, а не начиналась в Экажево, как сейчас. По обеим берегам Сунжи лежал большой город, и жителей в нем было более ста тысяч.

Люди в том городе жили свободно и в достатке — Бог благословлял их труды, потому что они уважали старших и жалели младших, берегли имя мужчины и честь женщины, поддерживали справедливость и боролись за нее.

Жили в этом городе семь братьев и их сестра. По стойкости каждый из братьев мог сравниться со скалой. Сестра по своей красоте соперничала с восходящим солнцем. Звали ее Дегаг1оз, что означает «Радость сердца».

В центре этого города на правом берегу Сунжи стояла очень высокая боевая башня.

Люди называли ее «Мехка Г1ала» — «Башней Страны».

Также в то время жил в этом городе юноша, единственный сын у родителей. Звали его Мялхасаг — «Человек солнца». Мужеством он был равен семи братьям, благородством он мог сравниться с царями.

Мялхасаг и Дегаг1оз любили друг друга. И Мялхасаг говорил ей о свадьбе. Однако девушка не спешила с ответом, ждала, пока женится хоть один из ее братьев, а Мялхасаг считал неприличным посылать сватов без ее согласия.

Как-то с востока к городу подступил жестокий враг. Его войско было многочисленно, как саранча.

— Я владею миром, — сказал враг ингушам. — Сила у меня такая, что вы даже представить себе не можете. Поэтому вы должны мне отдать все, что у вас есть — и свое богатство, и своих женщин. А сами будете моими рабами. Я буду вами править.

Ингуши ответили врагам:

— Ингушский мужчина повинуется только Богу, и сам решает, как ему поступать. Поэтому и властителей себе ингуши выбирают сами. Что касается женщин, то у нас женщина сама выбирает мужчину, с которым ей хотелось бы связать свою судьбу.

— Если вы не покоритесь, мы вас уничтожим, — сказали враги.

Триста семьдесят три дня длилась битва. Летящие стрелы закрывали солнце, и днем было темно, как ночью. От ударов мечей летели такие искры, что ночью было светло, как днем.

Сестра семи братьев каждый день поднималась на Башню Страны и следила за ходом сражения. Она видела, как в борьбе с врагом один за другим гибли ее братья. Шесть ее братьев отдали свои жизни за свободу Отечества.

Как-то в один день она увидела избранника своего сердца, который выносил из огня сражения ее раненого брата — самого младшего. На площади перед Башней Страны встретились они втроем. Раненый успокоил свою плачущую сестру и сказал:

— До того, как я предстану перед отцом и братьями, я должен завершить одно дело. Я догадывался о том, что вы скрывали в своих сердцах. Поэтому, прежде чем уйти из этого мира, я благословляю вас двоих. Пусть ваша жизнь будет благодатной и благословенной.

Сказав эти слова, отошел в иной мир и седьмой брат Дегаг1оз.

Оставив свою горько плачущую невесту, Малхасаг ушел продолжать битву с врагами. Оказав последние услуги брату, поднялась на вершину Башни Страны и Дегаг1оз.

Один за другим падали ингушские мужчины. Наконец, Мялхасаг остался один. Врагов было слишком много. Они мечами рубили тело Мялхасага, как крестьяне рубят кукурузные стебли. И рухнул Мялхасаг, как могучий дуб под острым топором. Последнее, что он увидел в этом мире — это был силуэт девушки в белых одеждах на вершине Башни Страны.

Враги окружили башню с женщинами.

Девушку, которая каждый день в белых одеждах стояла на башне, предводитель решил взять себе.

Когда двери Башни никто не открыл, враги развели вокруг нее большой огонь, чтобы заставить женщин выйти. Но они не выходили.

Дубовые двери башни не устояли перед огнем — открылась башня. Не дожидаясь, пока огонь догорит, враги ворвались в башню. Живых там не было.

Но все так же на вершине Башни Страны стояла девушка в белом, виднеясь сквозь дым.

Предводитель врагов поднялся туда. Он увидел девушку такой красоты, что человеческим языком невозможно высказать. Но девушка не плакала, как он ожидал: в ее глазах не было ничего, что вызывало бы жалость к ней, а была только отвага, вызывающая в его сердце уважение. Долго они стояли, глядя друг на друга. Потом девушка спросила — Зачем ты пришел в нашу страну, что ты здесь ищешь?

— Я пришел, чтобы найти себе новых рабов, чтобы приумножить свою славу.

— Не найдешь ты здесь рабов! Не завоюешь ты здесь славу!

— Но я нашел здесь большее сокровище — тебя! Я смогу сделать так, что ты забудешь свое горе, если согласишься связать свою судьбу с моей, — сказал враг.

— Я согласна связать наши судьбы, — сказала девушка, чуть усмехнувшись.

Ободренный ее улыбкой, он подошел к ней, взял ее руку. И девушка подалась к нему, крепко охватила его могучий стан.

Снизу на них смотрели вражеские воины, очень довольные тем, что их предводитель так быстро нашел общий язык с девушкой. Но через мгновение все они вскрикнули: с вершины Башни будто взмыли в небо два крепко обнявшихся тела и послышался победный крик девушки:

— За моего мужа!

Поняли враги, что рабов они здесь не найдут и славы не добудут. Ушли они из этой страны.

Перед тем, как уйти, они разобрали Башню Страны. И все камни увезли, чтобы от ингушского народа даже следа не осталось на земле.

Но по милости Бога народ ингушский выжил. Хотя много было трудностей, много было горя.

Старики говорят, что страдания ингушей будут длиться до тех пор, пока Башня Страны не будет восстановлена. А когда у нашего народа вырастет достойное поколение, которое сможет восстановить Башню Страны, наш народ выйдет на дорогу, ведущую к счастью. И к народу нашему вернется благодать, которая была до рождения Сеска Солсы.

Легенда о женском платке и об очажном огне

Когда-то в незапамятные времена жила в наших горах одна очень красивая девушка. И была она такой красивой, что солнце тускнело, если она выходила из дому днем. А если она выходила из дому ночью — луна прятала свой лик за тучи.

И случилось так, что влюбились в нее сразу два джигита. Они были равны во всем: оба были красивы, оба были смелы, оба были благородны. И девушка никак не могла выбрать из них одного, так как, выбрав одного, она бы обидела другого.

Поняли джигиты, что вопрос, кому быть рядом с девушкой, они должны решить сами в поединке. Но чтобы не возникал вопрос о мести и не втягивать в это противостояние других родственников, они сошлись ночью, втайне отовсех. Место для поединка выбрали в глухом ущелье далеко от аула. При свете полной луны, молча сражались эти двое. Только лязг мечей да звон щитов оглашали ущелье, гулким эхом отражаясь от каменных стен отвесных утесов.

В ауле никто не знал об их битве, и поэтому некому было вмешаться в ход поединка. И только одна их возлюбленная была неспокойна, хотя и не знала причины своей тревоги. Не в силах уснуть, вышла она на балкон башни. И луна тут же поспешила спрятаться за ближайшее облачко, так что в горах стало темно.

Но джигиты продолжали сражение и искры от скрещивающихся мечей освещали ущелье. Девушка на далеком балконе увидела эти искры, услышала звон металла и все поняла: сердце подсказало ей. Она схватила пылающую головешку из очага и бросилась в сторону ущелья, где благородные джигиты сошлись в смертельной схватке. Она бежала, не разбирая дороги, боясь опоздать. Она спешила остановить поединок.

Девушка подбежала к краю ущелья и далеко внизу увидела сражающихся. Они оба истекали кровью, но никто не хотел отступать. В любой момент какой-нибудь удар мог стать для одного из них роковым. И тогда девушка подожгла свой платок, превратив его в яркий факел, чтобы он был виден сражающимся, и решительно шагнула вперед.

Белой птицей мелькнула она на фоне темного неба и с ярко горящим платком упала между сражающимися.

Джигиты опустили мечи и молча склонились над окровавленной девушкой, пораженные случившимся. Она же взяла их руки, соединила их и произнесла:

— Такие мужчины нужны нашему народу, и поэтому вы не имеете права ссориться. Заклинаю вас огнем, дарующим жизнь, никогда больше не поднимать оружие друг против друга. Поклянитесь мне в этом на этом огне.

Джигиты исполнили ее просьбу. Потом взяли ее под руки и поставили на ноги. Но жизнь уходила из девушки.

Они же горячо молили Бога не разлучать их с ней.

Их любовь была такой сильной, и их мольба была такой искренней, что Бог внял их просьбе и соединил их навеки, превратив всех троих в камни. В одном из ущелий высоко в горах на небольшой поляне до сих пор стоят рядом эти три камня — два высоких по краям и один, пониже, посередине. На этой поляне каждой весной расцветают огненно-красные цветы такой красоты, что даже хищник перестает преследовать добычу, оказавшуюся рядом.

С тех пор повелось в народе, что женщина может остановить любое кровопролитие, бросив между враждующими платок со своей головы или пронеся между ними факел, зажженный от очага. Считается, что только трусливый душой не остановится перед женским платком, и только проклятый Богом не опустит свой меч перед очажным огнем.

МАДИНА ХАКУАШЕВА

Мадина Андреевна Хакуашева — кабардинский русскоязычный писатель. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы ИГИ КБНЦ РАН. Член Союза писателей РФ. Произведения изданы в антологии «Современная литература народов России» (2007), сборники повестей писателей Северного Кавказа: «Война длиною в жизнь» (2008), «Дорога домой» (2011); Антологии литератур народов Северного Кавказа, т. 2 (2022). Переводы на английский, немецкий, турецкий, осетинский, балкарский, кабардинский языки. Лауреат национальной премии по номинации «Лучшее художественное произведение» — Нальчик, 2008 г., международного артийского комитета по литературе — за 2015, 2025 международный литературный конкурс «Открытая книга» памяти М. Кандура: диплом Высшая награда «За заслуги», 2025 г.

Лева

(Отрывок из романа «Дорога домой»)

Я любила, когда мы с Левой, маминым братом, выходили на зимние прогулки в парк, и после теплой квартиры мне в лицо ударял терпкий хмель зимнего утра. Но с первых погожих весенних дней начинались наши настоящие походы. Я их с нетерпением ожидала всю долгую зиму. Сначала мы оказывались в огромной парковой зоне, настоящем лесу, — Долинске. Позже я узнала, что места эти раньше принадлежали князю Атажукину, и когда власти решили соорудить первые городские постройки на месте старого леса, он не позволил его убрать. Несмотря на внезапную отмену фактической княжеской власти, иммунитет и величие князя странным образом сохранялись до конца его жизни, и лес не вырубили. С тех времен сохранились огромные старые липы, часть из которых превратилась в древесные руины, но они все еще пышно цвели, несмотря на то что крону питала одна кора, — от сердцевины оставалась лишь труха. Между громадными неохватными стволами дыбилась и петляла асфальтовая липовая аллея, повторяя рельеф катящейся под обрывом реки. Ранним летом аллея выстилалась золотистой душистой дорожкой липового цвета. Причудливые сочетания резких и плавных изгибов ветвей деревьев походили на голову оленя и горного тура, или на сжатое перед прыжком тело снежного барса, или острую морду лисы, — обитателей леса, которые его давно покинули, но запечатлелись самим временем. Другие сказочные и мифические персонажи виднелись в прогалинах зелени, на высоком холме проступали очертания шлема нарта Сосруко, а его рука с факелом вырастала прямо из-под земли, в которую он был закопан живьем.

Впрочем, сооружение оказалось всего лишь крышей ресторана, я обнаружила это, забравшись однажды наверх холма. За каким-нибудь поворотом аллеи, среди ненавязчивой клумбочки незабудок мы натыкались на старика в папахе, высеченного из дерева, который опирался на посох.

Неподалеку от него щерился деревянной пастью фантастически длинный бляго, — дракон, который безуспешно пытался проглотить окружающее пространство. Однако очень скоро папаха деревянного старика была приспособлена под миниатюрный столик для местных пьяниц, а находчивые мальчишки пасть дракона превратили в мишень для рогаток, ставя в нее водочные бутылки, и попадали по ним с завидной меткостью.

Мы гуськом пересекали прохладный сосновый бор с разлитыми прозрачными пятнами солнечного света в промежутках смыкающихся крон; ноги мягко пружинили по узкой тропке, утрамбованной опавшей бурой хвоей, спускались к реке, и я пыталась поспеть за длинными сильными ногами Левы, но путалась в коротком дерне и отставала. Река и гряда холмов по левому берегу, сбросив с себя весенние туманы, расчистились; черная, еще насыщенная парами земля, вздохнула и жадно дышала. Окрепший ветер налетал порывами, шелестел в тополях, пробегал по листве, — она трепетала, поворачиваясь то ярко-зеленой, то белесой стороной, и деревья мерцали, переливались, менялись, как гигантские, взвившиеся в небо хамелеоны. Иногда мы натыкались на благодушные маевочные компании, которые нас звали к себе. На траве были расстелены покрывала, между ними — клеенки, а в их центре — огромные куски отварного мяса. Блестящие темно-коричневые кусочки баранины, нанизанные на шампуры, размещались рядом, кроваво мерцали свежие помидоры, ярко розовел редис, тоненькой прозрачной струйкой змеилось содержимое опрокинутого стакана, стекало в траву. Лева любезно отбивал пьяный натиск подгулявших кампаний, и мы шли дальше. По пути следования я наблюдала благопристойные семейства с солидными отцами, бдительными матерями, следившими за худощавыми, живыми мальчишками и девочками-подростками, елейными, полными неизъяснимой, неосознавшей себя прелести, — юные нимфы, только вышедшие из распавшихся влажных створок раковин сонной колыбели детства.

«Привал!» — командовал Лева, и мы падали в траву. Его загнутые ресницы пушистым веером касались излома темных дуг густых сросшихся бровей, серо-зеленые глаза (точно как у бабушки) при ярком солнечном свете становились совсем прозрачными. В косых лучах утреннего солнца река сверкала мириадами цветных бликов, отражаясь на его лице. Вскоре солнце подходило к зениту — и все становилось ослепительно белым, сверкающим: добела раскаленная галька под ногами, белая река, с глухим рокотом катящаяся вниз по пойме, которая, теряя утреннюю прозрачность, приобретала ртутный оттенок, разорванные белые облака, неподвижно повисшие на белесом горизонте, раскаленное полуденное небо, слепящий белый диск солнца, белая полурасстегнутая рубашка, обнажавшая смуглую грудь, поросшую темными волосками.

Лева спросил моего брата-молчуна: «Ты кем хочешь быть, когда вырастешь?»

— Космонавтом, — ответил брат после некоторой паузы. — А ты кем?

У Левы смеялись глаза, но губы были серьезны:

— Я хочу быть всем.

— Это как — всем?

— То и значит, — всем.

— И камнем?
— И камнем.
— И деревом?
— И деревом.
— И даже червяком?
— И червяком тоже.

...Однажды Лева обратил наше внимание на растение, которое проросло в кронах некоторых деревьев, — сначала мы приняли его за птичьи гнезда. «Это омела, — сказал Лева, — странный паразит, который, не причиняя особого вреда своему хозяину, живет припеваючи: забирается на самый верх и питается соком своего дерева и солнечной энергией, которую отвоевывают в честной борьбе другие растения». С тех пор я стала наблюдать за омелой. Среди осенней желтизны листья ее изумрудно зеленели, а зимой только бледнели и редели, выделяясь в вышине голого остова густым зеленоватым шаром, или неожиданно проглядывали сквозь белый снежный покров зелеными ветвями. Факт ее безусловного процветания не сочетался с моим напряженным нравственным чувством. Я только смирилась с этим чистым символом неистребимого приспособленчества, но не признала его.

На Леву частенько нападало поэтическое настроение, и он начинал декламировать стихи, умудряясь не терять веселого азарта даже в самых грустных местах. Нас мало заботило авторство, в то время все стихи были безымянными, но моя память безошибочно отпечатала услышанное с надежностью фото-негатив а, и много позже я безошибочно узнавала их: они принадлежали запрещенным тогда поэтам — Мандельштаму, Пастернаку, Ахматовой, Цветаевой, Заболоцкому. Изредка он читал из Бернса, Новалиса и Китса, чаще — сонеты Шекспира, но больше других — русскую классику, длинные отрывки из «Евгения Онегина», «Мцыри», которые я вслед за ним заучила наизусть.

...Тем временем мы поднимались выше и встречали низкие заросли любимого мной неувядающего бересклета, с темно-зелеными, мелкими, кожистыми листьями и необыкновенно свежим горьким вкусом, высокие грабы и буки. На прихотливо играющей узорной тени изумрудной кроны встречались островки изменчивой зубянки: под сенью одного бука — бело-розовые, другого — ярко-сиреневые, а дальше, на открытых полянках — темно-фиолетовые. Рядом с ними стелились сплошные коврики лиловой хохлатки, которая в оврагах, с острым еще запахом весенней сырости, среди мелких, светло-зеленых завитков нераспустившегося папоротника становилась ярко-белой, похожей на забытые зимой хлопья снега. Чаще они переливались обширной весенней гаммой: от самых слабых, маленьких, темно-синих до сочных, высоких, с розовыми, кремовыми и белыми цветами.

С приходом лета, когда кроны деревьев плотно смыкались, от весенней пестроты не оставалось и следа, лишь иногда из-под ног неожиданно выскакивал юркий полесник или нивяник; молодая трава, примятая нашими ногами, еще гибко пружинила и тотчас выпрямлялась, и внезапно на ярко-зеленом фоне вспыхивала кроваво-красная герань. Начинался сезон мелкой душистой земляники и костяники.

Мы забирались на вершину холма, который казался очень крутым, но в одном месте спуск был гладкий, будто по нему прошелся большой каток. Ветер трепал темные короткие волосы Левы, он глубоко вбирал в себя воздух, так что тонкие крылья носа его трепетали, обводил нас взглядом великого полководца, поднимал высоко руки, широко их расставляя, и срывался вниз на чудовищной скорости: «Лечу-у-у!» Он планировал на больших сильных руках, выписывая замысловатые виражи. Его рубашка, наполняясь воздухом, дыбилась белым парусом, светлые полотняные брюки с шумом бились о сухопарые мускулистые ноги, они ускоряли темп, так что очень скоро его высокая фигура обретала размеры статуи, он останавливался у подножия и усиленно махал нам. Я закрывала глаза, чтобы не видеть немыслимой зеленой крутизны, на миг обмирала и с остановившимся сердцем бросалась вниз. В лицо ударял сильный порыв ветра и, задохнувшись, я раскрывала рот в восторженном страшном крике, не поспевая за сумасшедшими ногами, которые ухитрялись ускоряться еще больше. Рядом со мной орал мой брат, опережая меня и резко тормозя у подножия. Я попадала прямо в крепкие надежные объятия Левы, и он, закружив меня напоследок, ставил на землю. Потом мы снова карабкались на холм (кто быстрей), пыхтя и обливаясь потом, но без намека на нытье, и снова сбегали вниз, и так до бесконечности, до тех пор, пока нас двоих Лева не затаскивал на холм, держа за руки, и мы последний раз обрушивали на окрестности наш истошный вопль.

«Если вы будете часто разгоняться и достигнете высокой скорости, вы однажды взлетите», — сказал нам как-то Лева, заговорщически поглядывая на каждого. Мой брат недоверчиво хмыкнул. Я промолчала. Но вечером, прикорнув на его согнутой руке, после очередной прочитанной им сказки Пушкина (чтение которого носило скорее ритуальный характер, так как я их почти все уже помнила наизусть), доверительно рассказала ему о своем сне — одном и том же, который являлся мне с неясной периодичностью: о своем одиноком шествии по вечерним пустынным улицам с тайным сознанием своей необычной способности, о которой никто даже не подозревал. Я слишком дорожила своей тайной, чтобы е е кому-то поведать. Некто из безымянных прохожих увязывался за мной, — приходилось ускорять шаг, но за мной неуклонно следовали, переходя на бег, я тоже начинала бежать, проникаясь торжествующим весельем. Внезапно мои ноги с силой отталкивались от земли, и я взлетала над головами своих преследователей; сначала летела низко, наблюдая какое-то время за немым вражеским ступором, а затем, позабыв обо всем, взмывала вверх. Иногда меня никто не преследовал, и я начинала свой полет без единого свидетеля. Левик взъерошил мои волосы и сказал: «Значит, ты моей породы, летучей».

Однажды он признался, что ему тоже снится один и тот же сон. Я попросила рассказать, он улыбнулся: «Никому не рассказывай. Взрослые все равно ничего не поймут и не поверят». Выяснилось, что он каждый раз видел во сне далекую птицу, которая стремительно приближалась, слетая с вершины высокой горы. Птица подлетала, и оказывалось, что это — человек с крыльями в старинной кабардинской одежде. «Кто ты? Как твое имя?» — спрашивал его Лева. «Ты знаешь меня. Я из твоего рода. Зовут

меня Лиуан», — говорил летающий человек. «Надо же, так же, как меня!» — удивлялся Левка, смотрел ему в лицо и узнавал себя.

...Позже, уже на даче, Лева разводил костер, мешал настоявшийся шашлык крупными, немного неловкими, самыми мужскими на свете руками, — в воздухе разливался дразнящий пряный аромат, и я с начала до конца наблюдала за священнодействием по изготовлению классического блюда, до самой кульминации, — торжественной раздачи дымящихся шампуров, унизанных кольцами белого репчатого лука и посыпанных свежей зеленью. Дача располагалась в одном из самых живописных мест Долинска — на пологих холмах, возле телевышки. В течение дня, ободрав всю малину, мы с братом носились по дачным дорожкам, обливаясь водой из бутылок, и разглядывали сквозь проемы оград чужие сады, пока нас не облаивала какая-нибудь свирепая собака, и брат уносил ноги, молча вынося мои отнюдь не пресные насмешки. С сумерками я уединялась, забравшись в отдаленный уголок сада, и смотрела на алые огни телевышки, легкий, прозрачный остов которой терялся в потемневшем небе. Огни освещали ее середину, ярко сияли над садами, превращенными мраком в сплошной темный массив, окутанный белесой вечерней дымкой, следовали редкими звездами по направлению взметнувшейся вверх башни и обрывались на самой вершине, теряясь в россыпях настоящих звезд.

У Левы было множество друзей, с которыми он совершал восхождения на горы, даже на Эльбрус, «болел» на футбольных матчах, ходил на речку, и без повода, на «ровном месте» устраивал шумные застолья, «стреляя червонцы» то у Маги, то у папы, влезал в долги, которые ему охотно прощали, если до этого он сам не забывал о них. Его друзья считали за честь катать меня на своих велосипедах — хоть сколько, пока мне не надоест. Я носила гордое звание «племянницы Левки», — это означало бесконечные подарки, море внимания и исключительную привилегию сидеть за любым взрослым столом.

Но больше всего меня интересовала другая, тайная, мужская сторона его жизни: Лева был любимцем женщин. Узкое энергичное лицо, тонкий удлиненный нос, серо-зеленые глаза с пушистыми ресницами до бровей, выразительные губы, атлетическая фигура, — сказать, что он был красив, значило ничего не сказать, как невозможно передать определяющий густой, предельный концентрат жизни, заключенный в нем, играющий немыслимым спектром ярких красок. Самый простой костюм сидел на нем с элегантной изысканностью, снискав ему незаслуженное определение «стиляги», а Мага, обращаясь ко мне в присутствии Левы, частенько замечал, сверкнув скупой улыбкой, что хорошие девочки не дружат с такими пижонами. Точнее сказать, Лева был всеобщим любимцем, женским — в том числе, но не из тех мелких городских донжуанов и даже (пользуясь более поздней книжной терминологией), не из крупных светских львов. Он любил женщин также неистово и страстно, как саму жизнь, которая, попадая в его большие крепкие объятия, наполнялась неизбывным радужным свечением. «Женщины — это аромат и квинтэссенция жизни. Они — больше, чем жизнь, — сказал он всем нам однажды на Восьмое марта, мастерски откупоривая шампанское, — и знаешь почему, Жуля? — Мама

замахала на него руками и засмеялась. — Потому что они сами творят жизнь. Я чувствую и знаю женщин лучше, чем они сами себя, и за это они меня любят».

— Я бы сказала, слишком любят.

В период возмужания Левы у мамы внезапно стала появляться целая уйма подруг. Но, проницательная умница, мама мгновенно обнаруживала подвох, — маленькие хитрости левиных поклонниц. У него каждый день были свидания. Все его знакомые девушки были настоящими красавицами и, по моему детскому убеждению, артистками. Я частенько удостаивалась чести быть третьей, и вечерами являлась домой, заваленная конфетами, печеньем и фруктами, деля щедрой рукой добычу с брат«Ты плохо кончишь», — строго предупреждала Леву мама. «Смерть от любовного удушения — не самый плохой конец», — парировал Лева, подмигивая мне за маминой спиной. Если свидание было поздним и цветочные магазины были закрыты, он, пока я стояла в дозоре, залезал в укромные места клумбы и срезал острым перочинным ножом роскошные розы, тяжелые от аромата. Также обстояло дело с сиренью, изнемогающей под бременем собственного цвета, астрами, ромашками и гладиолусами, — в зависимости от сезона. Порой под заснеженными елями на нас обрушивался целый белоснежный каскад, в который одним неожиданным резким движением погружал нас Лева, и мы, визжа и смеясь, вылетали из снежной пыли новоявленными снегурочками. Иногда он катал нас по очереди — то меня, то девушку. Однажды, чтобы уравновесить ситуацию, я умолила его сесть в санки самому («почему бы и нет?») и, пыхтя, потащила по рыхлому еще снегу, так что пожилая пара, оказавшись поблизости, разразилась бурей неодобрения: «Посмотрите на этого бедного ребенка! Папаша, что вы себе позволяете?»

Я помню лучезарные счастливые глаза. Он умел пробудить в любой из них сущность самую глубокую и потаенную — ребенка, любимого ребенка, может, в этом заключался секрет их нетленной привязанности, о которой я узнавала много лет спустя, после его смерти. Многие приходили к нему сами, несмотря на жесткость железных запретов, пробившись через тяжелый страх скандала, с последующей реальной утратой перспектив на семейную жизнь, и спустя десятилетия плакали, признаваясь мне, уже взрослой, как были счастливы с ним.

Бурная холостяцкая пора Левы неожиданно завершилась свадьбой, которая произвела неподдельную сенсацию. Его друзья, заходя в гости, сообщали бабушке последние новости о том, что в республике ежедневно накладывают на себя руки сотни молодых девушек и по утрам безутешные родители находят их бездыханные трупы. Бабушка понимающе улыбалась и кормила шутников. И если относительно республиканской суицидной вспышки информация была явно преувеличена, то у нескольких маминых подруг от неожиданной вести случились настоящие истерики, а одна девушка даже потеряла сознание, и мама привела ее в чувства нашатырем. На протяжении всего дня заходили справляться, не очередная ли это шутка левкиных друзей, и, узнав от бабушки правду, не могли сдержать изумления, будто эта была первая женитьба мужчины в истории человечества. Потянулась нескончаемая вереница друзей и соседей, предлагавших

свою помощь в устройстве и подготовке свадьбы. Бабушка искренне просила никого не беспокоиться.

Избранницей Левы стала сероглазая белокожая девушка, немногословная и сдержанная, как бабушка, величественная строгость которой заставляла звенеть окружающую атмосферу. Именно поэтому ее редкий, но неудержимо веселый смех воспринимался как драгоценный дар. В день своего рождения она не могла открыть дверь собственной квартиры, чтобы пойти на работу, так как она оказалась заваленной огромной охапкой свежей сирени.

Для свадебного торжества были расставлены большие столы по всей длине нашего просторного двора, застелены клеенчатые скатерти, над ними мужчины соорудили тент, крытый брезентом, к которому подвели электрические лампы. Скромно отклоненные бабушкой соседские предложения о помощи были забыты в первый же день, так как последовало лавинообразное прибытие гостей. Готовить еду приходилось всем нашим трехэтажным домом. Те, что поели и подняли тосты, вынуждены были уступать места вновь прибывшим. Остальные участвовали в джегу, который вообще не кончался.

Однако это было только началом. В остальную неделю явился весь город и большая часть республики. Приехали какие-то неизвестные друзья из Закавказья: три азербайджанца, четыре грузина и два армянина. Приехали две девушки из Рязани и один парень из Молдовы. Приехали трое молодых людей из Махачкалы, двое — из Осетии, огненно-рыжий чеченец с сыном-подростком, молодые супруги из Алма-Аты и один сибиряк, который отдыхал в Кисловодске и успел подружиться с Левой во время его двухдневной поездки.

Нам, детям, поручили собирать пустые бутылки и складывать их в ящики, которых уже набралось больше десятка. Детский стол располагался поперек взрослого и стремительно пополнялся, в основном фруктами и сладостями, из которых я больше всего любила медовые ромбики зыкерыс и огромные, закрученные в желтую, солнечную спираль — джедыкерыпш, которые тотчас крошились при неосторожном нажатии. Танцевали и пели все, в том числе те, кто вообще не умел. Я вела мужскую партию в исламее, так как она была сложной для брата, а он исполнял женскую. Невеста стояла в углу дальней комнаты, покрытая с головой прозрачным белым платком, и моя почетная миссия заключалась в том, чтобы заводить к ней девушек. Женщин заводили мама или ее двоюродная сестра.

После свадьбы Лева с молодой женой сняли квартиру неподалеку и пропали. Молодожены не появились и во время небывалого ливня, который разразился вскоре после свадьбы. Дождь лил сплошной серой стеной, размывая контуры предметов за окнами, пока они не утратили своей очевидной реальности, на наших глазах превратившись в призраки. Мы были заперты дома, и вскоре уже не могли выйти даже в магазин, так как улицы превратились в бурлящие реки. Нами постепенно овладевало странное оцепенение, будто потоп уже коснулся и овладел даже невидимыми пределами сознания. Вода угрожающе поднималась к нашим окнам на первом этаже, разъедая высокий цоколь, бабушка все время молилась,

а Мага совершал дерзкие вылазки, облачившись в свой страшный охотничий плащ и высоченные резиновые сапоги выше колен.

Впрочем, и они уже вскоре не спасали. Мутный поток с шумным рокотом нес сломанные ветви деревьев и кустов, огромные куски асфальта, перевернутые мусорные баки и груды городского мусора. Нелепыми айсбергами проплывали оторванные от родной почвы киоски, как маленькие современные ковчеги. Мага плавал на лодке, одолженной им у знакомого спасателя, и вылавливал бездомных кошек и собак. После первого порыва безудержного ливня продолжался бесконечный умеренный дождь, и вода долго не спадала, а неутомимый Мага, наш единственный связной, приносил диковинные новости о том, например, что разлившаяся река Нальчик принесла рыбу к домам на окраине, и там ловят ее, закидывая удочки прямо из окон собственных домов.

Лева с женой, по словам, вышли на улицу только после того, как вода уже схлынула, и были несказанно удивлены: они даже не заметили потопа.

Однажды, по прошествии года, я приотворила дверь в комнату, в которой находился Лева. Он стоял спиной ко мне, повернувшись к окну, и казался странно высоким. И тут я увидела: он парил над полом. Я очень быстро закрыла дверь, потерла глаза и снова осторожно открыла ее. Сомнений не было: он висел в воздухе, оторвавшись от дощатого пола сантиметров на пятнадцать. Я никому ничего не сказала. Мое состояние походило на сомнамбулическое, я не помнила ничего из того, что делала в течение этого дня. Вечером, когда все собрались за ужином, Лева внезапно встал из-за стола, пружинисто шагнул несколько раз, остановился, обводя всех смеющимся взглядом, и сказал: «Я хочу сделать заявление!» Все оторвались от тарелок и посмотрели на него. «Я научился левитировать».

— Что это такое? — спросила бабушка.

— Левитировать — это летать, — пояснил Мага.

— Слушай, ты не в себе, — сказала мама, первая овладев ситуацией, и доложила в мою тарелку куриное крылышко и пасту. Папа сохранял невозмутимость, приличествующую зятю.

— Я говорю серьезно, — сказал Лева таким тоном, что все снова внимательно посмотрели на него. Но мама вспыхнула: «Это уже не смешно».

— Я и не пытался рассмешить. У меня получилось.

Все переглянулись. Тут я не выдержала: «Это правда, правда, я сама видела!» — закричала я.

— Я всегда знала, что эта беготня с высоких гор добром не кончится, — сказала мама с досадой.

Лева был бледен: «Послушайте, это не бред. Я не сумасшедший. У меня действительно получилось».

— Это противоречит здравому смыслу, — отрезала мама. — Этого не было в истории человечества.

— Как раз в истории это было, — невозмутимо обронил отец, — например, левитировал Фома Аквинский, или святой Августин, или Франциск Ассизский, я точно не помню. Публично левитировали йоги на больших стадионах, забитых публикой.

— Я не святой и не йог, я — сам по себе. И со мной это было.

— Хорошо, — сказала мама, порозовев, — тогда покажи нам.

Лева секунду что-то разглядывал на своей тарелке, потом резко встал и вышел. С тех пор он больше не парил в воздухе, по крайней мере, я не видела. Он стал «солидней», как говорила мама, и по ее интонации чувствовалось, что это хорошо. Тихий вечерний шепот, сочившийся из родительской спальни через тонкую освещенную полоску неплотно притворенной двери (который я невольно слышала благодаря своему собачьему слуху), постепенно перестал быть тревожным. В нем больше не слышалось настойчивых фраз: «Может быть, его все-таки проконсультировать, я знаю прекрасного специалиста»... — «Успокойся, пожалуйста». — «Но это же ненормальность, нести такую ахинею, да еще при ребенке...» Папа издавал многозначительное «гм» вибрирующим глубоким баритоном и замолкал. «У него, конечно, очень странный основной обмен, температура на один градус выше, чем у остальных, — казалось, мама рассуждала сама с собой. — Не представляю, как это объяснить, но последнее время у него нормализовалась и температура, и вообще, он стал похож на нормального человека, хотя перестал походить на самого себя. Но и теперь он, как печка, всех вокруг себя обогревает».

Я вспоминала, как Лева обрастал толпой везде, где бы ни появлялся, во дворе, на улице, на работе. Он освещал и принимал всех — от чумазого малыша до опрятной сухонькой старушки из соседнего подъезда. Еще издали приметив знакомый силуэт, он широко разводил сильные руки, — мне казалось, что в его крупных щедрых ладонях отражалось горячее полуденное солнце. Порой я замечала его отстраненный взгляд и спокойную улыбку. Мне всегда казалось, что в нем были совмещены два человека: один был с нами и участвовал в этой действительности, которая захватывала всех нас целиком, жил по ее правилам, другой наблюдал за всем происходящим со стороны, находясь «за кадром», но без насмешки и снисхождения, разделяя и принимая происходящее.

В нежном возрасте никто, включая меня саму, не знал о моей необычной способности слышать за закрытыми дверями. Только много позже эта особенность обнаружилась, как обычно, благодаря всесильному случаю: однажды я смотрела телевизор и почувствовала, что мне мешает какой-то странный звук, похожий на тонкий свист воздуха, вырывающегося из плотно закрытой банки. Я спросила родителей, но никто из них ничего не слышал. Обеспокоенная собственными слуховыми галлюцинациями, я пошла на звук. Для меня звук усиливался, а они его не слышали вообще. Действительно, в кладовой свистела банка с солеными огурцами, в которой забродил рассол; родители услышали этот звук, только наклонившись над ней. Они переглянулись. И мама, которая всегда была склонна искать и находить логические объяснения там, где для меня их не было, сказала: «Очевидно, это компенсация слабому зрению».

Между тем, все детство я невинно и беспрепятственно пользовалась собственным даром. Помню один разговор, услышанный, как обычно, из-за закрытой двери, когда мамин голос обрел особые звенящие интонации: «Левка, у тебя самая обманчивая внешность: тело атлета и сердце ребенка. Но больше всего ты похож на огромный дом с вывеской “Бесплатный

кров для всех желающих”. Кто они, кого ты пускаешь, может, среди них воры и обманщики, или те, что наследят в грязной обуви, а то и наплюют». Лева засмеялся, и я почти увидела, как он провел рукой по пышным волнистым волосам мамы. «Жюля, не беспокойся, я вижу каждого таким, каков он есть, но каждого могу любить». — «Я давно знала, что ты — ненормальный».

Жизнь вокруг него превращалась в пеструю кутерьму, — и в этом они были похожи, только у мамы она была направленной и деловой, а у Левы — веселой и праздничной. Всем троим, Леве, Маге и маме было свойственно ликующее ощущение жизни. Когда позже, уже интровертным подростком, я приступила к целенаправленным поискам философского камня или хотя бы его скромной замене, я вспоминала об этом бурном, стремительном потоке жизни, подключенном, кажется, к самому высоковольтному напряжению. На этом фоне я начинала сомневаться в самой сфере моих исканий: библиотека, философия, литература, общение, похожее на внезапные прорывы, — все это казалось мне лишь бледной тенью той живой сути, которой они всегда владели, не называя ее имени.

ЕЛЕНА ОЛЬЗЕЕВА

Елена Викторовна Ользеева — писатель, врач. Член Союза писателей России. Книги «А я пойду к тебе, в Тибет...», «Дорога в Гоби» написаны в Индии, Тибете, Монголии. Книга «След Будды» издана в серии «Серебряный ЛиФФт». Имеет благодарность от Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (2019). Благодарственное письмо от Генерального секретаря Ассамблеи народов Евразии А.Ю.Бельянинова (2023).

Степной Ангел

Булгун не была похожа на других студентов первого меда. Ее низкий рост, крепкое телосложение и характерная внешность — узкие глаза и широкое лицо — сразу бросались в глаза. Но за этими особенностями стояла недюжинная целеустремленность. Булгун мечтала стать хирургом-травматологом и упорно шла к своей цели. Она не обращала внимания на шепот за спиной, на то, как другие студенты оценивающе рассматривают ее. Важнее всего для нее было знание, опыт и практика. На операциях она появлялась со своим стульчиком, необходимым ее атрибутом, как ассистента. Молчаливая и сосредоточенная, она внимательно наблюдала за действием хирурга, фиксируя каждую деталь, каждый нюанс. Не словом, а делом она доказывала свое право быть здесь, в операционной, на пути к своей мечте.

Сердце Булгун принадлежало парню из родного села — Улан Хола, в Калмыкии. Весть о том, что Дамба ушел в зону СВО, пронзила ее, словно кинжал. И тогда в ней зародилась новая цель — отправиться туда же, чтобы помогать.

Молодой специалист, полная решимости, прибыла в расположение воинской части. У огромной па-латки-госпиталя курили и громко переговаривались мужчины в белых халатах, словно не замечая ничего вокруг. Булгун прошла мимо них незамеченной.

Внутри госпиталя царила атмосфера, далекая от ее представлений о полевой хирургии. Несколько молодых женщин в белых халатах, с длинными накрашенными ногтями и наращенными ресницами, скорее напоминали светских львиц, чем врачей. Они окинули ее удивленным, скорее презрительным взглядом. «Санитарка новенькая», — бросила одна, и о ней тут же забыли.

Булгун, не обращая внимания на взгляды и перешептывания, прошла в операционную со своим неизменным стульчиком. Тщательно вымыв руки и переодевшись, она тут же приступила к работе. Первой операцией стала ампутация ноги молодого бойца. Булгун действовала уверенно и четко. Мастерски удалив поврежденную конечность, она произнесла, даже не взглянув на сестер: «Следующий!». Сестры поняли: пощады не будет. Раненых много, и эта маленькая девушка не собирается отступать. Она работала до последнего, не ела, не пила, не отдыхала. Ее выдержке и работоспособности поражались все. В операционной царила абсолютная

тишина, нарушаемая лишь звуками инструментов и приглушенными стонами раненых. Булгун была полностью сосредоточена на спасении жизни. Закончила лишь ранним утром, когда первые лучи солнца пробились сквозь брезент палатки.

Уже через три дня солдаты выстраивались в очередь к Булгун. «К калмычке со стульчиком» — так теперь говорили о ней. Слух о талантливом хирурге, не знающем усталости, разнесся по всему фронту.

Встреча с Дамбой произошла гораздо позже. Он воевал, словно заколдованный — ни пули, ни дроны его не брали. Он слышал о девушке-калмычке «со стульчиком», но даже представить себе не мог, что это его землячка. Встретить на СВО человека из родного села — это дорогого стоит! Между ними вспыхнули чувства. Виделись редко, но каждая встреча становилась глотком свежего воздуха в этом аду. Они решили дождаться конца СВО. Оба были счастливы, зная, что где-то рядом есть родственная душа, готовая поддержать и понять.

Булгун продолжала работать не покладая рук, день и ночь, спасая жизни. Ее маленькая фигурка стала символом надежды в этом аду. Солдаты прозвали ее «Степной Ангел». Она не обращала внимания на лесть и похвалу, все ее мысли были о раненых и о Дамбе. Она верила, что однажды они вместе вернутся домой, в родную Калмыкию, и заживут мирной жизнью.

Однажды во время обстрела осколок снаряда попал в операционную. Булгун как раз склонилась над раненым, еще не получившим наркоз. Молодой боец закрыл ее своим телом, спас хирурга. Девушка не пострадала, но парень погиб на операционном столе. Эта смерть потрясла Булгун. Она впервые заплакала. От горя, от беспомощности, от осознания, что смерть забирает лучших.

После гибели бойца Булгун стала еще более решительной в своем стремлении спасать жизни. Горе закалило ее, сделало более стойкой. Она и раньше не знала отдыха, но теперь казалось, что она забыла о сне и еде. Каждая спасенная жизнь была ее маленькой победой, еще одним доказательством, что она не зря здесь.

Дамба видел, как она изматывает себя. Он понимал, что ей нужно время, чтобы пережить утрату, но обстоятельства не давали передышки. В один из редких моментов затишья он отвел ее в сторону от операционной. Они молча смотрели на закат, окрашивающий небо в багровые тона. Дамба обнял ее, и Булгун почувствовала, как в его объятиях на мгновение отступает боль. «Степному Ангелу» нужен был свой Ангел.

«Мы справимся, Булгун, — тихо сказал он, — мы должны быть сильными. Ради тех, кого мы потеряли, и ради тех, кого еще можем спасти». Она кивнула, прижавшись к нему. Она знала, что он прав. У них нет другого выбора, кроме как продолжать бороться, продолжать любить, продолжать надеяться.

Их любовь стала маяком в этом темном мире. Она давала им силы, чтобы двигаться вперед, чтобы не сломаться под тяжестью страданий. Каждый день, каждый час, каждая минута были наполнены риском и болью, но они знали, что они не одни. Они есть друг у друга, и у них есть надежда на будущее, где они смогут быть вместе, в мире и спокойствии.

Ну а пока «Степной Ангел» мыла руки перед очередной операцией.

ИСА КАПАЕВ

Иса Суюнович Капаев — автор сорока книг на ногайском и русском языках. В 1975 г. окончил Литературный институт имени А.М.Горького в Москве. Книги писателя издавались во всех крупных издательствах нашей страны и за рубежом. Пьесы И.Капаева печатались в российских сборниках и журналах, ставились на сценах народных и государственных театров Северного Кавказа. Исе Капаеву присвоены почетные звания Народный писатель Карачаево-Черкесской Республики, Заслуженный деятель культуры РФ. В 2021 г. за роман «Саманта» он награжден Большой Литературной премией России. В 2025 г. при поддержке Президентского фонда культурных инициатив в Карачаево-Черкесской Республике прошли юбилейные торжества, посвященные 75-летию писателя. На торжествах его наградили Высшей наградой Союза писателей России «За заслуги в литературе». По творчеству И.Капаева неоднократно защищались кандидатские и докторские диссертации, изданы отдельные монографии, его произведения включены в программы для обучения в школах и вузах. В настоящее время является членом Федерального Совета программы поддержки национальных литератур народов РФ.

Карабатыр

Рассказ

Я вспоминаю аул моего детства и тогда вижу его лицо — лицо старика ногайца. А может быть, это и есть лицо аула? Ведь неотделим же лик человека от лика земли. Единственное абрикосовое дерево на его пыльном, соседствующем с нами дворе мне является иногда тоже в облике старика. Ведь люди и деревья бывают так похожи, если к ним внимательно приглядеться.

Порою мне кажется, что все это было очень давно, когда еще не существовало городов, а бескрайние ковыльные степи вздрагивали только под копытами ногайских лошадей, таких же неутомимых, как их всадники.

Вот он мчится ко мне, всадник, сквозь вихрь тысячелетий, и я узнаю в палящей дымке скуластое лицо старика ногайца за нашим плетнем. Вижу идущего на привязи сменного его скакуна. Всадник не хочет терять времени на остановки. Вот он выхватывает из тороки кусок пропитанного лошадиным потом вяленого мяса... Вот припадает иссохшими губами к небольшой ранке на холке коня, чтобы утолить жажду струйкой свежей кровиНо куда и зачем спешит этот человек?

У ногайского народа черный цвет всегда был в почете. Кара тенгиз — Черное море, ближайшее из морей. Не за темные воды так оно прозвано, а за необъятность свою; море бескрайнее, словно ковыльная степь. Орел-каракус — черная птица. Нет величественней этой птицы в небе! Кара-халк — черный народ. Так подчеркивали древние ногайцы силу и многочисленность своего народа. Карабатыр — черный богатырь. Так зо-

вут моего старика за нашим плетнем. Редкое по теперешним временам имя. Имена, как и мир, тоже меняются.

Мне кажется, что он никогда не знал минут радости. Вся его жизнь была борьбой за существование. Замкнутый, осторожный, ко всему враждебно-недоверчивый, готовый, казалось, в любую минуту к коварной хитрости... Разве это не повадки древнего кочевника? Но почему он остался таким и потом, когда все вокруг менялось в лучшую сторону?

Наши дворы разделял плетень, облепленный заплатами кизяка. Бабушка любила топить печь кизяком, хотя дров у нас было предостаточно. Среди ивовых прутьев плетня я знал одно место, откуда можно было увидеть двор старика Карабатыра. Возле саманной сараюшки на привязи всегда понуро стояла лошадь. Даже когда вышел запрет, старик все равно не расстался с лошадью: возил фураж, воду на полевой стан... В колхозе махнули на него рукой и оставили ему конягу. Они вместе состарились. Как давние товарищи, молча и привычно занимались своей работой — косили сено в дальней балке и отвозили его домой, запасали на зиму.

Я мог часами смотреть на эту лошадь, с хрустом жующую овес. У моего дедушки (тогда я жил у старшей сестры отца, ее я называл бабушкой, а ее мужа — дедушкой) были серый ишак и арба. Но разве сравнишь ишака с лошадью?! Этот ишак мне давно осточертел, я даже перестал на него взбираться, а при случае исподтишка норовил отхлестать ивовым прутом или забытой дедушкиной плетью. Потом этой же плетью доставалось и мне. А если вдруг во дворе Карабатыра не оказывалось лошади, я все равно часами мог глазеть то на кур, то на кучу круглых речных камней, оставленных здесь еще со времен строительства дома.

При появлении старика я с непонятным испугом отводил глаза, но потом снова льнул к щели, понимая, что он меня не видит. Особенно было жутко, когда я ловил устремленный в мою сторону колючий взгляд. Со всех ног я несся к дому, а старик, загоняя кур, злобно кричал: «Вот я вас, собачье отродье...» Но все же у высокого нашего порога я перебарывал страх и оглядывался, успевая заметить, как старик нагибался, хватал камень и кидал в бестолковую домашнюю птицу.

Ох, и боялся же я Карабатыра! Но тогда чем же он притягивал меня, что в нем мне казалось таинственным, что так будоражило мое детское воображение?

Жил он бедно. Но бедность эта не вызывала в ауле жалости к нему. Одет всегда был одет в посеревший старый ватник, ветхие, залатанные ватные штаны. Потертая кожаная шапка-ушанка, побуревшие от времени кирзовые сапоги. Носил он это и летом, и зимой.

Небольшой дом из трех комнат тоже был стар. В нем жили, кроме старика и старухи, еще и сын с семьей, и вдовая дочь с детьми — всего десять душ. Как они там размещались — уму непостижимо!

Говорят, был у Карабатыра еще один сын, старший. Он давно отделился и жил на другом конце аула. Еще поговаривали, что сын жил неплохо и совсем забыл про отца. Старик получал скромную по тем временам пенсию. О них так и говорили: «В этом доме и родственник, и друг — бедность». И еще ногайцы говорят: «Ярлылык — ялгызлык» — «Бедность — это одиночество». Может быть, потому наши соседи жили столь замкнуто?

На улице Карабатыр нехотя кивком отвечал на приветствия и молча проходил мимо. Люди знали его таким всю жизнь и не осуждали. Не осуждали даже за то, что, дожив до седых волос, Карабатыр не посещал ямагат, где собирались его ровесники поделиться новостями и обсудить дела.

Я не помню случая, чтобы Карабатыр переступил порог нашего дома, не помню его, заглядывающего к нам через плетень, — ведь могут же соседи перемолвиться словечком. Нет, такого не случалось. Ни жена его, ни невестка, ни внуки никогда не заходили в чужие дворы. Все это было для меня удивительно, но не настолько, чтобы разбираться и задумываться, — все было привычным.

Однако через двор Карабатыра, от следующих соседей, мы носили колодезную воду для домашней скотины. Точнее сказать, носил я. Бабушка всегда ругала меня за то, что хожу через чужой двор. Но мне, маленькому, невмоготу было с тяжелым ведром делать лишний крюк по улице.

Я знаю, почему еще ворчала бабушка. У аульчан, как, наверное, и всюду, существовала примета: человек с порожними ведрами приносит беду и разорение встретившемуся. Вот и ждал я случая, когда двор старика оставался пуст. Очень уж не хотелось тащиться вокруг. Иногда все же мне попадался навстречу сам старик Карабатыр. Затаив дыхание, я проходил мимо, не сказав обычного: «Арувсизбе?» («Как ваше самочувствие?») Всем взрослым я говорил эти обязательные слова — кроме старика соседа! Мне было мучительно неловко и стыдно оттого, что я не поинтересовался здоровьем старшего. Но, может быть, в этом был отчасти виноват он сам?

Однажды, когда я уже подрос и легко мог нести ведро с водой, я все же отправился к колодцу через двор Карабатыра. «Арувсизбе?» — пролепетал я ему, но он даже не повернул головы в мою сторону. Старший его сын тоже не отвечал мне на приветствие, но тот хотя бы взглядом давал понять, что меня слышит и видит. Жена старика хотя и равнодушно, но всегда тихо отзывалась: «Хорошо, душа моя».

Как-то, возвращаясь через соседский двор, я не заметил в огороде старика (он, согнувшись, окучивал картофель), да еще и забыл закрыть на крючок калитку. И лишь когда калитка за моей спиной резко хлопнула, я оглянулся и встретился с черными жгучими глазами Карабатыра. С его сомкнутых губ готово было, как мне показалось, сорваться проклятие. Но он промолчал, лишь чуть улыбнулся — то ли презрительно, то ли обиженно. Я отвернулся и заспешил к дому.

Таким он бы, наверное, и остался в моей памяти — молчаливым, неприветливым, внушающим непонятный страх, с суровым лицом и колючим взглядом, — если бы не тот день. Произошло это весной. Бывают такие весны, которые запоминаются потом на всю жизнь. И у меня была эта весна...

Небо сияло ясной голубизной. Вдали отчетливо блестели серебряные вершины гор. Близкие равнины покрылись яркой зеленой травой. Пригревало солнце. Пришла пора цветения абрикосовых деревьев. Цвели они и в нашем саду. И цвело единственное дерево у старика Карабатыра. Оно росло перед огородом, где только что посадили картофель и еще не сравнялись свежие лунки. Под деревом лежало старое бревно, на котором

теперь часто сидел, грелся на солнышке старик. Прежде чем убежать на улицу к ребятам, я, по обыкновению, прильнул к плетню. Увиденное там, в соседнем дворе, меня поразило. На фоне черных перекопанных рядов картофеля, словно в какой-то сказке, светилось цветущее абрикосовое дерево. На бревне застыл старик, откинув обнаженную голову, подняв лицо к солнцу. Старая кожаная шапка лежала у него на коленях. Короткие серебристые волосы, казалось, тоже излучали легкое свечение. И смуглое морщинистое лицо старика было освещено нежным бледно-розовым светом. Глаза его были закрыты, а костлявая, черная от работы рука машинально гладила серебристый ежик на голове, лоб, щеки, подбородок. Лицо было каким-то отрешенным, по нему блуждала странная, блаженная улыбка. И от этой улыбки, как мне показалось, тоже исходил розоватый свет. Может ли быть такое, чтобы лицо человека источало свет? А может быть, это сама душа проснулась, очнулась — и засветились? Да, именно так! Так я думаю и по сей день.

Впервые я долго смотрел на старика и не боялся. Он гладил голову, лицо, наклонялся к земле, показывая макушку с щеточкой поседевших волос. Улыбка не сходила с его губ. Потом, не меняя выражения лица, он повернулся в мою сторону. Наши взгляды, казалось, встретились, но я не отступил боязливо, как, бывало, раньше, а продолжал смотреть, ведь он не мог видеть меня. Вдруг Карабатыр раскрыл рот.

— Мальчик! Иди сюда, — по-стариковски ласково окликнул он меня.

От неожиданности я почувствовал дрожь в коленках, присел. «Неужели он меня видит?» — мелькнула мысль.

— Не прячься, я тебя вижу, — сказал Карабатыр все тем же ласковым голосом.

Словно пойманный на месте преступления, уличенный в чем-то нехорошем, постыдном, я готов был провалиться сквозь землю. Мои ноги подогнулись, и я чуть ли не ползком, осторожно пробрался в сад, перелез через глиняный заборчик и побежал на улицу к приятелям, желая лишь одного — поскорее забыть о происшедшем.

Целую неделю — а это совсем немало для детской памяти — я не мог забыть о случившемся и пуще прежнего боялся встречи со стариком. Ведра с водой таскал в обход, боясь и на улице попасться ему на глаза. Но проходили дни, воду носить было надо — теперь уже двумя ведрами: хоть и тяжело, зато вдвое быстрее. По старой привычке я заглянул в соседский двор — он был пуст. И я рискнул. Сгибаясь от тяжести ведер, я заторопился, желая побыстрее пересечь чужую территорию, и тут мне навстречу вышел из сараюшки Карабатыр с щеткой для чистки лошади. Увидев меня, он улыбнулся, как тогда под деревом. Его зубы сверкнули на солнце.

Деваться было некуда, и я робко проговорил:

— Арувсизбе?

— Арув, мальчик, — неожиданно ласково отозвался он. Потом показал на то место, где я всегда стоял за плетнем, и добавил: — А ноги твои я всегда вижу...

Плетень ведь не доходил до земли, внизу была щель — как я о ней раньше не подумал? И мне вдруг сделалось отчего-то легко и светло. Я облегченно вздохнул, с благодарностью посмотрел в черные глаза старика.

Нет, теперь я не боялся его. И совсем не страшное у него лицо! Я глянул на единственное абрикосовое дерево в его дворе — оно излучало, как и тогда, розовый свет. Потом я снова посмотрел на старика, и мне опять показалось, что это свечение исходит и от его смуглого обветренного лица, глаз, улыбки.

Он больше ничего мне не сказал. Я пошел к себе, чувствуя необыкновенную легкость в руках — не так уж и тяжелы два ведра с водой.

Я люблю подолгу всматриваться в картины художников-портретистов. Иногда мне ничего не удается разглядеть такого, чего бы хотела, наверное, встретить моя душа. Но порою лицо на полотне вдруг оживает, и я ощущаю это трудноуловимое, но в то же время явственное свечение. Так, наверное, бывает с подлинными произведениями искусства. Свечение это для меня всегда несет легкий розоватый оттенок, как у того абрикосового дерева, как у лица старика, сидевшего под ним.

Не знаю, может быть, у других это свечение имеет иные оттенки?

Давно нет старика Карабатыра, нет и его двора с абрикосовым деревом и лошадкой, хрумкающей овес. Разросся и приобрел современный облик аул моего детства. Но мне все время кажется, что это было со мной не тридцать и не сорок, а может быть, тысячу лет тому назад, когда ногайская ковыльная степь заполнена была стуком копыт и свистом плетей. Я оставляю моего старика там, в глубине веков. Потому что история скупа и доносит до нас лишь память о жестоких битвах, о переселениях целых народов, о смене общественных формаций. Трудно в ней разглядеть одинокое абрикосовое дерево и сидящего под ним старика ногайца. Я его оставляю там еще и как укор той роскоши, в которой утопали безвестные мне владыки. А он был простым тружеником, кочевником, недоверчивым и осторожным в том враждебном и опасном мире. Но и у него были минуты, когда он ощущал себя частью земли, частью солнечного мира, когда он радовался и поклонялся земле и солнцу. Эту способность древние передали нам, сегодняшним людям.

Я верю, что и там, за толщей тысячелетий, существовали такие же понятия, как и у нас, — теплота и нежность...

Джамиля делает лето

Рассказ-быль

Все ожидали зиму, а ее не было. Часто шел дождь, с востока дули ветра, иногда стояли настоящие весенние деньки. Хотя давно минул Новый год, не было самой главной приметы зимы — снега. У нас на Кавказе, нет-нет, да и бывают такие теплые зимы. Особенно дети с нетерпением ждали снега. Им поскорее хотелось достать из чуланов и кладовок припрятанные санки, ботинки с коньками, хоккейные клюшки и шайбы, чтобы вдоволь насладиться настоящими зимними играми и забавами.

Джамиля тоже ждала зиму. Ей было всего три годика, и она еще понастоящему не узнала, что такое снег. В прошедшем году она была совсем

маленькой: прошлая зима была с затяжными вьюгами и очень холодной, папа с мамой редко выводили ее на улицу, так как она часто болела — из-за этого она толком и не запомнила эту пору года. В этом году она подросла, окрепла, и ей очень хотелось увидеть снег.

Брат ее, Каплан-гирей, каждое утро подбегал к окну и с сожалением произносил:

— Опять нет снега, что за зима?! Что за жизнь?!

Джамиля тоже надувала губы и, поддерживая брата, говорила с огорчением:

— Что за жизнь без снега?..

В тот день папа встал раньше всех и, зайдя в детскую, торжественно сказал:

— Дети, а у нас настоящая зима!

— Ура! — закричал Каплан-гирей, выскакивая из-под одеяла, затем, подбежав к окну, воскликнул: — Ого! Сколько снега!

Джамиля тоже подбежала к окну и, затаив дыхание, повторила за братом:

— Ого! Сколько снега!

Каплан-гирей быстро умылся и поторопил маму с завтраком. Позавтракав раньше всех, он оделся и выскочил на улицу. Через некоторое время вернулся с налипшим на одежду и обувь снегом. Лицо его раскраснелось от холода. Он не скрывал своего восторга:

— Мама, как там хорошо! Если б ты знала! Всюду снег!.. У всех ребят санки. Я тоже хочу кататься. Дайте санки и мне.

Мама вытащила из кладовки санки. Брат Джамили как быстро прибежал, так же моментально исчез из дому.

Джамиля, сидевшая за завтраком, нахмурилась, отодвинула от себя тарелку с едой.

— Что с тобой? — спросила мама.

— Что с тобой, доченька? — встревожился и папа.

— Санки хочу, — готовая расплакаться, сказала Джамиля.

Дома кроме тех санок, что забрал Каплан-гирей, других не было. Папа, сразу все поняв, сказал:

— Мама будет нам готовить обед, а мы с тобой пойдем на Зеленый остров.

Джамиля, услышав про Зеленый остров, даже обрадовалась. Место, о котором говорил папа, находилось за городом. Папа все лето водил ее туда. Там они катались на качелях и каруселях, заходили в сказочные теремки, ездили на тачанке, в которую был запряжен пони, загорали и купались в озере. Джамиле очень полюбился этот парк на острове, она знала, что и зимой там хорошо.

В автобусе, по дороге на Зеленый остров, Джамиля не отрывалась от окна и с удивлением смотрела на заснеженную улицу. Ее волновало, как все могло побелеть, почему так сильно изменилась природа? Не переставал волновать этот вопрос и тогда, когда они спустились и перешли через мостик на территорию Зеленого острова. Здесь, на знакомых ей тротуарах, снег не убирался. Обувь вязла в белом снегу. Джамиле очень хотелось потрогать снег руками, но папа не отпускал ее руку. Первым не выдержал

папа, он отпустил руку девочки, нагнулся, сгреб в руки снег, сделал снежок и швырнул его далеко, в сторону деревьев. Джамиля, отойдя от папы, тоже нагнулась и потрогала пальцами снег.

— Не бойся! Сделай снежок! — подбодрил ее отец.

— Ладно, — сказала Джамиля и, взяв в руки снег, попробовала на язык.

Папа рассмеялся.

— Вкусный? — спросил он.

— Нет. Совсем не сладкий, — улыбнулась Джамиля.

— Это не мороженое, это снег, — объяснил папа.

— Я думала, что это сахар, — и Джамиля еще раз попробовала его на вкус.

— Его нельзя кушать, будет горлышко болеть, — наставительно проговорил папа и, отдав свой снежок Джамиле, взял ее за руку. Они пошли дальше по аллее.

Джамиле было интересно все вокруг. Ее глаза разбегались, и у нее сразу возникло немало вопросов.

— Папа, а почему на деревьях нет листочков?

— Они будут летом.

— А куда они сейчас подевались?

— Осенью они падают с деревьев, зимою находятся в земле, а летом снова вырастают.

— Вот как? А я и не знала, — удивлялась Джамиля и тут же задавала новый вопрос. А цветы где? Здесь так много их было! — Она хорошо помнила растущие на газонах огненно-красные петушки, белые и желтые розы на зеленых кустарниках.

— Они тоже вырастут летом.

— Вот как? А я и не знала! — продолжала удивляться Джамиля.

Вдруг она увидела стоящего впереди на аллее верблюда и обомлела. Она помнила его с прошлого лета. Верблюд жил тут же, в парке. Она с папой даже подносила ему травку, но сейчас все равно было боязно, и она на всякий случай подвинулась ближе к отцу. Когда они дальше прошли, Джамиля, все оглядываясь в сторону верблюда, спросила:

— А ему не холодно? Он весь дрожит!

Папа остановился и, показывая рукой в сторону животного, сказал:

— Видишь, какая у него длинная шерсть, она очень теплая. Из его шерсти сделаны наши домашние одеяла.

— Ого! Целое одеяло на верблюде! — воскликнула Джамиля. Пройдя немного по аллее, она посмотрела на деревья и спросила:

— Папа, а деревьям без листочков не холодно?

Папа растерялся, стал думать, как ответить. Джамиля поняла растерянность отца и сама ответила:

— Они, наверное, привыкли к снегу, да?

— Конечно, — обрадовавшись, поддержал ее отец и повел девочку в сторону озера. Джамиля озеро не узнала. Летом из-за густых зеленых ив, растущих на берегу, не было достаточного кругозора, а сейчас сквозь оголенные деревья хорошо было видно озеро, похожее на огромную белую чашу.

— Летом мы здесь купались, помнишь? — спросил папа.
— Купались? — Джамиля улыбнулась. — А где же вода?
— Вода замерзла, превратилась в лед, — сказал папа.
— Как в холодильнике?
— Да, — сказал папа.
Джамиля покачала головой, это было для нее удивительным.

После Джамиля с папой катались на санях с запряженным маленьким пони. Джамиле было очень весело. Затем прошлись к качелям и каруселе, где никого не было, к такому же безлюдному сказочному городку с деревянными теремками. Вскоре у Джамили замерзли руки. Папе пришлось дышать на ее ладошки, и он еле-еле отогрел их. Он велел дочери держать руки в карманах, потому что она забыла варежки дома. Но вскоре у Джамили стали мерзнуть и ноги. Папа, чтобы ноги согрелись, велел ей прыгать на одном месте или идти к автобусной остановке. Джамиля закапризничала, ей никак не хотелось покидать Зеленый остров. Тогда папа поднял ее на руки:

— Зайдем к дяде художнику, его мастерская недалеко от озера, — и он понес ее на руках.

Когда они пришли в мастерскую, художник стоял у мольберта и, глядя в окно, рисовал.

— Гости дорогие, заходите, — обрадовался бородатый дядя. Джамиля подошла к нему и спросила:

— Дядя Художник, а что вы рисуете?

— Я рисую зиму, снег, — ответил дядя Художник.

— А почему вы рисуете зиму, снег? Я замерзла. Я хочу, чтобы вы нарисовали лето, — робко спросила Джамиля.

— У меня есть картины, на которых нарисовано лето. Я тебе сейчас их покажу. А чтобы ты согрелась, сейчас поставим чай и будем его пить с яблочным вареньем.

Дядя Художник поставил чайник на печку и стал показывать картины с нарисованным летом. Джамиля с большим интересом рассматривала нарисованные цветущие яблони, ярко-желтое подсолнуховое поле, растущие на зеленом берегу белые ромашки, голубое небо с ярким солнцем, от этого ей в самом деле стало тепло.

–Я согрелась от лета, — сказала она и даже сняла свое синее пальто и красную вязаную шапочку.

Затем все они вместе сели за стол пить чай с яблочным вареньем. Чай был вкусный, а еще вкуснее кисло-сладкое варенье. Джамиля, хотя и знала, что это нехорошо, но не могла сдержать удовольствия и после каждого глотка с восторгом чавкала. Всем было хорошо в наполненной множеством картин теплой мастерской. Много говорили, много шутили. Дяде Художнику не хотелось расставаться с гостями, и только когда стало темнеть, он проводил их до автобусной остановки.

Джамиля вернулась домой довольная прогулкой. Мама хотела позвать ее к столу кушать, но усталая девочка прилегла на диван и тут же уснула. Мама пыталась ее разбудить — все было напрасно, тогда она осторожно раздела ее и уложила в свою кроватку.

Ночью Джамиля кашляла, у нее болело горло, поднялась температу-

ра. Сквозь сон она слышала, как мама ругала папу за то, что позволил ей есть снег, и за то, что так долго гуляли на холоде. Мама и папа всю ночь ухаживали за больной Джамилей. Наутро у нее совсем пропал голос. Она пыталась что-то сказать, но ни единого звука не выходило из ее рта. Мама сильно разволновалась и послала папу за лекарствами в аптеку. Каплан-гирей, как только поел, опять убежал на улицу. Мама пошла на кухню, чтобы приготовить что-нибудь вкусное. Джамиля заскучала одна в комнате. Она встала с кровати и, взяв со стола альбом и цветные карандаши, легла обратно в постель.Через некоторое время папа вернулся с лекарствами.

— Что ты делаешь? — спросил он.

«Я делаю лето», — хотела сказать Джамиля, но у нее только шевельнулись губы.

Папа взглянул на рисунок и, увидев на нем нарисованное голубое небо, желтое солнышко, деревья с зелеными листочками и разные цветы, догадался, что Джамиля рисует лето...

Вскоре Джамиля выздоровела, но рисовать не бросила, рисовала каждый день... А когда подросла еще на год, то ее рисунок взяли на проходившую в городе выставку детского рисунка.

Перевод с ногайского

ЮРИЙ ВАСИН

Юрий Геннадьевич Васин — поэт, автор-исполнитель, драматург, член Союза писателей России. Награжден грамотой губернатора Краснодарского края «За вклад в поэзию Кубани». Ветеран боевых действий.

Ефрейтор Машенька

Колонна военной техники из БМП, пары бортовых «КамАЗов», загруженных под завязку, и «Урала» с личным составом медленно передвигалась по размокшей грунтовой дороге вдоль густой лесополосы. Майский ливень облепил тяжелые машины грязью и погрузил в глубокие колеи с дождевой водой. В заваленном вещмешками и другим военным скарбом кунге, в дальнем углу, на куче вещей сидела молоденькая ефрейтор-санинструктор, вцепившись в санитарную сумку. Огромный, обтянутый пикселем шлем на ее голове, постоянно сползающий на глаза и бронежилет, выданный явно на вырост, не могли не вызывать улыбку. Бойцы перебрасывались короткими незначительными фразами, бросая частые взгляды на симпатичную девушку. Щеки ее горели от мужского внимания, а коренастый улыбчивый лейтенант и его десяток молодых бойцов не могли нарадоваться хорошенькой попутчице.

— Товарищ санинструктор, а почему вы молчите всю дорогу? — обратился к ней лейтенант.

Девушка пожала плечами.

— Понятно. Военная тайна. Что ж, бывает, — произнес он как можно серьезней.

Она улыбнулась в ответ, поправила шлем и тихо сказала:

— И совсем не тайна...

— Да? А как вас зовут, прекрасная незнакомка?

— Ефрейтор Самсонова, — отчеканила санинструктор звонким голоском.

— Замечательно! А имя у ефрейтора Самсоновой есть? Она смущенно выдавила:

— Маша.

— Красивое имя. А я Николай. Вот мы уже и познакомились. Машенька, а вы замужем?

— Нет, — еле слышно ответила ефрейтор и опустила глаза.

— Ну, это не беда, это мы быстро поправим! Парни заулыбались.

— Мы еще до места доехать не успеем, а к вам, товарищ санинструктор, уже очередь выстроится из больных да калечных. Я их знаю, — он кивнул в сторону бойцов, — да и чего греха таить, я и сам такой... Но только вы с ними построже, пилюли какие-нибудь приготовьте погорше, чтоб желание сразу пропало от службы отлынивать. А если там шурымуры всякие, вы не стесняйтесь — сразу ко мне. Есть у меня средство волшебное, всю дурь из головы напрочь отшибает.

— Вместе с головой, — хихикнул курносый здоровяк.

— А это как получится, — философски заключил командир.

«Урал» с трудом полз по колее. Кунг сильно раскачивало, как во время хорошего шторма.

— Машенька, вот личный состав интересуется, как вы, имея такую миниатюрную фигуру, нас, здоровенных мужиков, с поля боя под огнем противника вытаскивать собираетесь?

— Я постараюсь, — гуще порозовев, пролепетала Маша.

— Так мы и не сомневаемся! — хохотнул курносый и продолжил: — Товарищ лейтенант, вы поосторожней, вдруг она родственница силача Самсона? Может нашему санинструктору знаменитый Железный Самсон по наследству силу передал?

Девушка отрицательно покачала головой.

–А жаль. О! Так может, вы в спортзале с утра до ночи на скакалке тренируетесь?

— Тормози, Дон Жуан недоделанный, не на танцульки едем, — прервал его сорокалетний солдат, который всю дорогу ехал с закрытыми глазами и, казалось, дремал, прислонившись головой к стене кунга, — ты прыть свою для укропов побереги, — отрезал он, не открывая глаз.

— Правильно говоришь, Семеныч, — поддержал его лейтенант, — хватит лясы попусту точить.

Машину сильно тряхануло на ухабе.

— Мария, — продолжил он, — ты наш боевой товарищ, поэтому, если какая помощь понадобится, обращайся смело. Мы тебя в обиду не дадим!

Мария обвела всех бойцов взглядом и улыбнулась еще детской открытой улыбкой. Ее женское чутье подсказывало, что за этими суровыми мужиками она будет как за каменной стеной.

— А теперь для тех, кто в танке, — лейтенант развернулся к бойцам. — Если попадем под раздачу, негоже все перекладывать на хрупкие плечи нашего санинструктора! Сам погибай, как говорится, а товарища... Меня все услышали?

— Услышали, командир.

— Вот и славно. Кстати, — обратился он к девушке, — Маша, а какие цветы ты любишь?

— Ромашки.

— Ромашки — это хорошо. У меня мама ромашки...

Закончить он не успел. Прогремел взрыв, второй, третий. Грузовик резко повернул влево, запрыгал по ухабам и, уткнувшись во что-то, остановился.

— С машины! Бегом! — прокричал лейтенант.

Бойцы горохом высыпали наружу и, пригибаясь ниже к земле, бросились прочь от «Урала», ставшего отличной целью для корректировщика.

Били крупным калибром, прицельно. Похоже, что это место, практически у самой линии фронта, присмотрели уже давно для артиллерийской засады, ждали только подходящей цели, и вот болтающийся в небе беспилотник обнаружил колонну с пополнением. Дальше было делом техники, снаряды ложились кучно, безжалостно разрывая и металл, и плоть.

Лейтенант посмотрел на санинструктора. Девушка сидела в углу кунга с закрытыми глазами, сжавшись в комочек и прижав кулачки к лицу. При каждом разрыве тело ее вздрагивало и сжималось все сильнее... Времени

на какие-то разговоры и объяснения не было, он схватил ефрейтора в охапку и спрыгнул с машины. Счет шел на мгновения. Отбежав несколько метров от грузовика, они повалились на землю.

— Маша, Маша! — он сильно тряс ее за плечо своей здоровой пятерней. — Ефрейтор, твою мать! Ты меня слышишь?

Девушка открыла глаза, непонимающе посмотрела на Николая.

— Ты меня слышишь? — повторил он. Она утвердительно закивала в ответ.

— Сейчас же в посадку бегом! Короткими перебежками! Ты меня поняла?

Ухнул взрыв. Девушка снова от страха закрыла глаза. Голова ее, казалось, сжалась в хрупкие плечи по самый шлем. Лейтенант опять встряхнул ее:

— В посадку, перебежками! Пошли! — и бросился вперед.

Пробежав несколько метров, он упал под куст и обернулся. Она сидела на прежнем месте, обхватив голову руками. Затем поднялась и медленно побрела прочь от посадки, в сторону поля.

— Ложись! — заорал лейтенант. — Ложись!

Она не слышала его. В ушах стоял пронзительный, разрывающий мозги звон.

— Ложись, дура! — Николай бросился к Марии и повалил ее на землю. Рядом разорвался снаряд.

Ефрейтор очнулась оттого, что не могла дышать. Грузное обмякшее тело лейтенанта придавило ее к земле. Неистово работая руками и ногами, Маша стала выбираться из-под раненого.

— Я сейчас, потерпи, родненький, потерпи! Николай что-то прохрипел.

— Я сейчас, только бинты достану и перевяжу... И будешь, как новенький. И все хорошо будет... Бинты, бинты...

Она смотрела по сторонам, ища взглядом медицинскую сумку.

В голове промелькнула страшная догадка, что весь ее медицинский скарб остался в «Урале».

Кабина машины уже горела. Языки пламени начали облизывать борта. Еще несколько мгновений — и огонь охватит весь грузовик целиком. Маша с проворством дикой кошки заскочила в кунг. Едкий дым не давал дышать и резал глаза.

А вот и сумка ее с красным крестом среди вещмешков и прочего брошенного имущества. Теперь назад, к раненому лейтенанту.

— Коля! Товарищ лейтенант! Я сумку нашла! — девушка, откинув клапан, стала доставать бинты, марлевые салфетки. Где-то тут было и обезболивающее...

Она не сразу заметила, что Николай перестал хрипеть, и так же суетливо хлопотала над лейтенантом, убеждая его, что все будет хорошо и он скоро обязательно поправится. Но лицо его побелело. Глаза смотрели в вечность.

— Родненький, ну что же ты!? Я сумку нашла, сейчас перевяжу тебя, потерпи...

И вдруг какие-то доселе неведомые чувства обиды и злости ворвались в ее душу. Обиды и злости на себя, на свое бессилие. На врагов, безнаказанно расстреливающих беззащитную колонну. Мозг заработал жестко и холодно с какой-то невероятной скоростью. Какая-то неистовая неведомая сила поднялась из сокрытых, потаенных глубин и наполнила хрупкое тело девушки. Быстро собрав перевязочный материал и перекинув сумку через плечо, Маша поволокла погибшего лейтенанта в посадку. Ей не хотелось оставлять его здесь, у горящей машины, на растерзание вражеских снарядов. Что происходило с ней, она не понимала, но вдруг грузный Николай стал для нее не тяжелее тряпичной куклы. Она затащила тело в еще дымившуюся большую воронку. Внезапно сквозь непрекращающийся грохот обстрела Маша услышала стон. Даже не стон, а чередующийся с нецензурной бранью утробный рев. Недалеко от нее, прислонившись к дереву, лежал курносый здоровяк. Он изо всех сил старался зажать руками пульсирующий из бедра алый фонтанчик.

Быстро перетянув жгутом ногу, Мария оттащила бойца в воронку. Там, ловко распоров брючину, ввела обезболивающее, и четкими уверенными движениями стала накладывать повязку, будто этим она занималась всю свою жизнь, все свои двадцать лет, а не только на занятиях в медучилище да практике в районной больнице. Память моментально доставала из потаенных своих уголков все необходимые знания и умения.

— Вот видишь, кость цела. Значит, скоро бегать будешь, как лось. А ты матом ругаешься...

— Ты извини меня, — курносый попробовал улыбнуться, чувствуя уходящую боль, не со зла я...

— Да ладно, — улыбнулась она в ответ. — Ты тут пока полежи... Я сейчас посмотрю, может, кому еще помощь нужна, и вернусь. Обязательно вернусь...

Обстрел прекратился так же неожиданно, как и начался. И хотя длился он всего несколько минут, казалось, что прошла целая вечность. Девушка сидела в воронке рядом с тремя спасенными ею бойцами и плакала. Слезы катились по испачканному кровью лицу. Внутри была пустота и вдруг навалившаяся усталость.

Вот так прошло боевое крещение санинструктора ефрейтора Марии Самсоновой. А по краю дороги росли ромашки, раскрыв навстречу солнцу свои корзинки.

ВЛАДИМИР СОРОКИН

Владимир Иванович Сорокин родился в Саратове. В 1980 г. окончил Симферопольское высшее военно-политическое строительное училище, служил в рядах Вооруженных сил СССР. Член Союза писателей России, председатель Крымского регионального отделения Союза писателей России. Автор сборника рассказов «Пыль на погонах», повести «Балбесова гора».

Ополчение

— Да иди ты со своим ополчением! Знаешь куда?!

Алексей с раздражением провел пальцем по экрану дисплея, бесцеремонно оборвав бессмысленный и беспредметный, по крайней мере, как ему казалось, разговор.

— Задолбал! — произнес он вслух не в силах погасить внутреннего раздражения.

Наверное, уже третий день кряду Алексея донимал телефонными звонками его бывший однокурсник по военному училищу Валерка Протасов. В обычной жизни они пересекались с ним пару, от силы, тройку раз в год, обменивались дежурными фразами: «Как дела? Как здоровье?» и потом опять надолго исчезали из поля зрения друг друга. А тут, смотри, звонит по десять раз на дню, да ладно, если бы по делу, а то... Алексей всегда относился с большой осторожностью ко всякого рода предложениям о поддержке той или иной политической силы.

«В этом деле, — резонно рассуждал он, — надо держать ухо востро, а то и глазом не успеешь моргнуть, как окажешься втянутым в какую-нибудь авантюру».

— Мужчина, не проходите мимо, берите сувениры!

Обернувшись, Алексей увидел совсем юную девушку, которая держала в руках толстые пучки разноцветных лент. Впрочем, это только на первый взгляд ленты казались разноцветными. В одной руке она сжимала оранжевые, в черную полоску, Георгиевские ленты, а в другой — ленты, раскрашенные в цвета российского триколора.

— Мне по две штучки и тех, и тех, — попросил Алексей.

— Да, пожалуйста, — с радостью согласилась девушка.

Алексей не сразу определился, какую из лент прицепить к петлице, но, в конце концов, остановил свой выбор на Георгиевской.

Осмотревшись по сторонам, он неожиданно обнаружил, что за размышлениями не заметил, как оказался на центральной площади города. Еще вчера все новостные телеканалы крутили видеоролики, на которых радикалы пытались свалить памятник Ленину, а сегодня здесь царила тишь да благодать. Только вытоптанные клумбы да одинокий гражданин в старомодной пыжиковой шапке с плакатом: «Руки прочь от вождя мирового пролетариата» напоминали о вчерашних драматических событиях. Чуть ниже гражданина, прямо на гранитных ступенях постамента, расположилась группа казаков в разномастном казацком одеянии. Алексей

слабо разбирался в хитросплетениях казацкого форменного обмундирования. Но среди стоявших можно было заметить и темно-синие, с ярко-красными лампасами шаровары, и долгополые черкески, и кубанские, с белыми крестами по красному верху, отороченные каракулем шапки. В самой середине компании в залихватски заломленной на затылок папахе крепко стоял огромный седобородый казак. В руках он держал инкрустированную зеленым перламутром гармонь, которая в его медвежьих лапах казалась неестественно мелкой, напоминающей концертино. Перебирая по клавишам толстыми, покрасневшими от стужи пальцами, он горланил луженой глоткой о том, как ему любо жить, и что-то еще про батьку атамана. Стоявшие рядом казаки и ростом пониже, и статью пожиже, невпопад подпевали ему хором неслаженных, чуть хриплых голосов.

— Цирк уехал, а клоуны остались, — невольно усмехнулся Алексей, с интересом разглядывая станичников.

Немного в стороне от импровизированного казацкого хора собралась довольно внушительная группа военных отставников. Возможно, там были не только отставники, но на большинстве из стоявших красовались офицерские, преимущественно морские, парадные фуражки. Над их головами свежий февральский ветер трепал множество разноцветных стягов: российских, советских, военно-морских сил и десантных войск и еще каких-то, ранее Алексеем не виданных. Не вполне трезвая личность в полном парадном обмундировании капитана третьего ранга советского Военно-морского флота держала в руках написанный, скорее всего, тут же, на скорую руку, плакат: «Штаны пропью, но флот не опозорю!!!»

За спинами бывших военных, с противоположной стороны от памятника вождю мирового пролетариата, виднелась еще одна группа граждан. В руках они держали преимущественно крымско-татарские, цвета морской волны, флаги и «жовто-блакитние» верноподданнические прапора. Все это разномастное действо напомнило Алексею какой-то заурядный, плохо отрепетированный балаган.

«И вот это, — с грустью подумал он, вспомнив уговоры своего сокурсника, — он называет ополчением?»

Алексей прошел еще немного вдоль строя «отставников» и неожиданно уперся взглядом в выставленные прямо на парапете портреты. Из-под черных, похоронных рамок на него укоризненно взирали молодые ребята, убитые пару дней назад, где-то там, в пекле «майдана». Чувство стыда, или скорее чувство неловкости, неожиданно настигло Алексея. Там, глубоко внутри себя, он понимал, что в этот раз отсидеться не получится, что в этот раз все зашло слишком далеко, и он обязан сделать выбор, определиться, на чьей стороне он находится, и что он, конкретно он, может положить на алтарь отечества.

«Ребята положили жизнь, — подумал Алексей, — но вопрос: ради чего? Что от этого поменялось? И что может изменить чья-то смерть в принципе?»

Впрочем, вопрос выбора перед Алексеем не стоял, все его внутреннее существо противилось «майдано-бандеровской», коричневой с «жовто-блакитним» оттенком идеологической мути. Но за последние годы он

как-то смирился, свыкся с подобным положением вещей, стараясь не замечать нарастающего разгула украинского национализма. Он выработал в себе некое умение смотреть на происходящее вокруг как на явление природы, остановить которое, или хотя бы повлиять на которое, он был не в силах.

— О! — услышал Алексей за спиной чей-то удивленный возглас. — Я его, можно сказать, целыми днями по телефону вызваниваю, а он, оказывается, тут как тут, собственной персоной.

Обернувшись, Алексей увидел своего сокурсника, с которым он всего несколько минут назад говорил по телефону. Молча пожав Протасову руку, он продолжил рассматривать траурные портреты, всем своим видом демонстрируя, что к прерванному телефонному разговору он возвращаться не намерен.

— Под Уманью, — тихо и как-то очень буднично произнес Протасов, — наших тоже порядком положили.

— В каком смысле «положили»? — переспросил Алексей, исподлобья взглянув на приятеля.

— Два автобуса расстреляли, — пояснил Протасов, — наши крымские ребята из Киева с «антимайдана» домой возвращались, так их там прямо на дороге и подкараулили. Кого сразу, на месте, пристрелили, а кто до сих пор в без вести пропавших числится.

— Врешь! — не поверил Алексей.

— Если бы, — вздохнул Протасов. — Дорого бы я отдал за то, чтобы это оказалось неправдой.

Замолчали. В душе Алексея непроизвольно стало нарастать дикое, неуправляемое раздражение. Чувство вины за гибель неизвестных ему людей, там, в огне майдана и на безлюдном шоссе под Уманью, жгло его сердце, наполняя душу чувством необъяснимой тревоги и безысходности.

— Зайдем, — предложил Протасов, кивнув в сторону расположенного неподалеку кафе, — а то ведь день Советской армии и Военно–морского флота неотмеченным остался, не по-людски это.

— Хорошо, — согласился Алексей, — давай зайдем. Чего не зайти-то.

Несмотря на довольно раннее время, мест в кафе не оказалось, даже барная стойка, расположенная в дальнем углу зала, была плотно облеплена посетителями. В основном это были крепкие чернявые мужчины, облаченные в кожаные куртки и овчинные дубленки. В кафе было смрадно, шумно и как-то неуютно.

— Вот это да, — удивленно произнес Протасов, осматриваясь по сторонам, — и че это они сюда приперлись в такую рань?

— Наверное, за тем же самым, что и мы, — предположил Алексей.

— День Советской армии и Военно-морского флота отмечать, что ли?

— Ага, — подтвердил догадку приятеля Алексей, — исключительно ради этого. Смотри, — указал он рукой в дальний угол зала, — там, по-моему, столик освобождается.

— Нам с другом, — обратился Протасов к подошедшей официантке, — водочки, грамм по сто пятьдесят, и закусить чего-нибудь.

— Мы сегодня спиртного не отпускаем, — с безразличным видом сообщила официантка.

— Как это? — не поверил Протасов. — У вас что, сегодня постный день?

— День у нас самый обыкновенный, — официантка сделала вид, что не поняла юмора, — или заказывайте, или освобождайте столик, — поставила она вопрос ребром.

— Хорошо, хорошо, — пошел на попятную Протасов, — но пиво-то, я надеюсь, в вашем заведении в наличии имеется?

— «Черниговское», — сообщила официантка.

— Ладно, давай два бокала «Черниговского» и каких-нибудь салатов на закуску.

Проводив взглядом официантку, Протасов, не поднимая глаз, принялся вертеть в руках хрустальную перечницу, возникла неловкая, томительная пауза. Алексей почувствовал, что его давний приятель, с которым они «съели» не один пуд «курсантской соли», не решается заговорить с ним о чем-то очень важном, о том, что или объединит их сегодня, или разведет по разным сторонам баррикад и, возможно, разведет уже навсегда.

— Ты с ними? — наконец, в лоб спросил Протасов.

— Нет, — ответил Алексей.

— Да какого же рожна ты тогда кочевряжишься?

— Ты про ополчение, что ли?

— А про что же еще? — удивился Протасов.

— Ну, хорошо, — согласился Алексей, — я постараюсь тебе кое-что растолковать. Вот ты, — ткнул он указательным пальцем прямо в лоб приятеля, — на первый взгляд, производишь впечатление взрослого адекватного человека, с большим жизненным опытом, дослужившегося до майора, командовавшего батальоном...

— Военно-строительным отрядом, — поправил его Протасов, — а это, между прочим, на целый ранг выше, я бы и до полковника дослужился, если бы Союз не развалили.

— Конечно бы, дослужился, — согласился с его доводами Алексей, — и я бы дослужился, да все бы мы до чего-нибудь дослужились, если бы... Но, как известно, история сослагательных наклонений не приемлет. Но дело даже не в этом, — непроизвольно махнул рукой Алексей. — Чем объяснить, что ты, имея такой колоссальный армейский опыт, не понимаешь элементарных вещей? Ведь твое ряженое ополчение способно только песни горланить да водочку втихаря у постамента вождю мирового пролетариата употреблять. С кем ты, с этим войском воевать собрался, Валера?

— Ну, это ты зря, — возразил Протасов, — у нас, между прочим, все по–серьезному, и ты правильно заметил, уж в чем, в чем, а в формировании военизированных подразделений я кое-что смыслю. С командным составом, правда, туговато, но это временные трудности. А эти, которые на площади песни горланят, к нам вообще никакого отношения не имеют.

— Хм, вон оно как, — усмехнулся Алексей, — военизированные подразделения, говоришь? Небось, ты уже и личный состав по взводам распределил, и командиров назначил, и списки составил?

— А то как же! — самодовольно улыбнулся Протасов. — Как учили, нас теперь голыми руками не возьмешь.

— А ты, случайно, не задумывался, как твои деяния трактует закон?

— В каком смысле? — не понял Протасов.

— А здесь один смысл, вернее криминальный умысел, — уточнил Алексей, — с точки зрения закона, все, что ты делаешь, трактуется как создание незаконных вооруженных формирований. Да не просто формирований, — поднял Алексей вверх указательный палец, — а формирований с целью свержения законной власти. Двадцать лет, Валера, но это по минимуму, а то и на пожизненное загреметь можно.

— Какой закон?! Ты сейчас о чем, вообще? — возмутился Протасов. — Ты посмотри, что в стране происходит. Кончился твой закон, какие-то ублюдки муниципалитеты захватывают, чиновников в мусорных баках зеленкой обливают, милиционеров дубинами до смерти забивают, а ты говоришь: «закон». Значит, им можно, а нам нельзя? Значит, для нас закон существует, а для них нет? Или ты думаешь, что у нас все по-тихому обойдется, что нас убивать не станут?

— Не обойдется, к сожалению, — согласился Алексей, — но сейчас эти «ублюдки», как ты выразился, и есть власть. И что бы они ни сделали, что бы ни сотворили, новая власть всегда будет на их стороне, а вы для их власти так навсегда и останетесь незаконным бандформированием. Это диалектика жизни, Валера. А списки ополчения, которые ты с такой тщательностью составлял, наверняка уже лежат на столе у какого-нибудь чина из СБУ.

— И что, что ты предлагаешь? — пожал плечами Протасов. — Сложить лапки и ждать, когда тебя убивать придут?

— А ты готов умереть за идею? Или, еще лучше, убить кого-то за идею?

— Готов, — решительно произнес Протасов, — только не за идею, а за свою землю, за свою семью, за свою честь, в конце-то концов.

— Боже, какой пафос, — похлопал в ладоши Алексей. — Но это, как ни крути, только эмоции, а есть еще и элементарный расчет. Какой смысл втягиваться в драку, если заранее знаешь, что обречен на поражение? Это все равно что с финкой на паровоз переть. За спинами этих «ублюдков» власть, полиция, армия, Евросоюз, Америка. А с кем ты? С казаками да гармошками? Тебя этот дисбаланс не смущает?

— А Россия? — с волнением в голосе произнес Протасов. — А Краснознаменный Черноморский флот? Ты думаешь, что они допустят, чтобы в городе–герое русской славы Севастополе разместилась военно-морская база США?

— Господи! — Алексей непроизвольно приложил ладони к вискам. — Да что же у тебя за сумбур в башке-то творится? Да сдала твоя Россия, давно сдала и Севастополь, и Югославию, и Грузию, вот теперь дошла очередь и до Украины. Никто, слышишь, никто из-за нас с тобой голову на плаху класть не станет, да и Третью мировую из-за Крыма начинать никакого резона нет. Сольют нас, Валера, как миленьких сольют, да что там сольют, слили уже.

— И что теперь делать? — с дрожью в голосе произнес Протасов.

Алексей понял, что подобные мысли посещали и его приятеля, но он, судя по всему, гнал их от себя, пытаясь спрятаться за напускной бравадой бывалого вояки. — А что тут поделаешь?! — вздохнул Алексей. — Или закопаться ниже плинтуса и делать вид, что происходящее тебя не касает-

ся, или «рвать когти», пока не поздно. — То есть? — произнес Протасов зловещим шепотом. — Ты! Ты предлагаешь мне вместе с этой оголтелой сворой топтать святое Знамя Победы, кричать: «Хайль Гитлер?! Слава Украине?!» И лизать сапоги бандеровскому отрепью?! И при этом делать вид, что происходящее меня не касается?! Да кто же я буду после этого?! Да как же я буду жить с этим?!

— Да что ты все про себя да про себя?! — Алексей тоже перешел на повышенный тон. — А о семье своей, о близких своих ты подумал? Ты им живой и здоровый нужен, понимаешь? А глобальные политические проблемы, уверяю тебя, и без нас найдется кому порешать.

— Так! — решительно произнес Протасов, поднявшись из-за стола. — Политические дебаты прекращаем. Не знаю, что там происходит в глобальной политике, а сейчас и здесь нам нужно не допустить срыва заседания парламента. Мы республика, понимаешь, республика, и от того, какое решение сегодня примут депутаты, очень многое будет зависеть. Ты со мной, — пронзил он Алексея пристальным взглядом, — или под «плинтус»?

— Да куда же от тебя денешься, — примирительно произнес Алексей, — а с этим, что делать будем? — показал он на два бокала нетронутого пива.

— После допьем, — решил Протасов, бросив на стол двухсотгривенную купюру.

На улице прохожих заметно прибавилось. «Прохожие», объединенные в небольшие группы, человек по десять–пятнадцать, подтягивались к правительственному зданию, где должно было начаться заседание Верховной Рады. Алексей с удивлением обнаружил, что флаги с российским триколором и красные советские стяги, которые во множестве попадались ему еще утром, куда-то исчезли. Теперь повсюду виднелись только крымскотатарские и «жовто-блакитние» полотнища, а кое-где и зловещие, напоминающие траурные ленты, красно-черные флаги «правого сектора».

— А куда же наши–то подевались? — спросил Алексей, едва поспевая за приятелем.

— Да черт их знает, — с раздражением произнес Протасов, с трудом пробираясь сквозь толпу зевак, — давай с той стороны зайдем, — предложил он, — напрямую нам уже не пробиться.

Действительно, огромная толпа, состоявшая из плотно прижатых друг к другу людей, не оставляла ни малейшего шанса пробиться к главному входу правительственного здания.

— Да вот же они! Наши! — обрадовался Протасов, когда приятели в обход, с трудом, но все же сумели протиснуться ближе к центральному входу.

Старые знакомые, которых Алексей еще утром наблюдал на центральной площади города, плотным кольцом охватили по периметру правительственное здание, преградив, таким образом, путь радикалам.

— Ну, слава Богу! — с облегчением произнес Протасов, когда они наконец-то добрались до места. — Ребята из Севастополя подтянулись, без них бы нам здесь, ох, как туго пришлось.

— Где тебя носит? — набросился на Протасова подошедший сзади

мужчина в камуфляжной куртке и джинсах, заправленных в высокие армейские берцы. — Быстро становитесь вон там, — указал мужчина в сторону казаков, — сейчас для нас самое важное — главный вход защитить.

Алексею показалось, что какая-то неведомая сила подхватила его и потащила в указанное мужчиной в камуфляжной куртке место. Оказавшись плечом к плечу с седобородым казаком, он, зажатый в плотное кольцо из человеческих тел, теперь безвольно раскачивался из стороны в сторону, подверженный волнообразным ритмам движения толпы. Чернявые ребята из кафе (некоторых Алексей даже узнал) теперь стояли к нему лицом и так же, как и он, ритмично раскачивались из стороны в сторону. Агрессии не было, стоявшие безразлично взирали друг на друга, очевидно, не до конца понимая, зачем они здесь оказались и что от них, собственно, хотят.

— Банду, ге-е-еть! Банду, ге-е-еть! — послышались из дальних рядов нестройные возгласы. Толпа не сразу, но все же подхватила призыв, с каждой секундой все громче и громче выкрикивая лозунги.

— Россия! Россия! — гром голосов, словно по команде раздавшийся за спиной Алексея, лавиной накрыл нестройные возгласы оппонентов.

— Украина! Украина! — заорал в ответ хор голосов с противоположной стороны. Собравшиеся еще немного порвали глотки, но разогреть толпу до нужного «майданного» градуса не получалось.

Неожиданно по противоположной стороне прокатился невнятный ропот. Затем ропот перешел в одобрительный гул, улюлюканье, какие-то выкрики, которые было сложно разобрать.

— Слава Украине! — пронесся над толпой писклявый фальцет.

— Героям слава! — раздался в ответ хор слаженных голосов. Красно-черных флагов заметно прибавилось.

— Пипец! — услышал Алексей за спиной чей-то возглас. — «Правосеки» из Киева на подмогу прибыли, теперь держись!

Действительно, сквозь цепи плотно прижатых друг к другу людей стали пробиваться какие-то подозрительные личности, было понятно, что делали они это далеко неспроста.

— На провокации не поддаваться! — пронеслось по цепи.

Алексей как-то сразу зацепился глазами за пролезшего в первый ряд «правосека», очевидно, и «правосек» выделил Алексея в качестве потенциальной жертвы. Какое-то время они пристально смотрели в глаза друг другу, пока гость из Киева не вскинул руку в нацистском приветствии и не прокричал:

— Слава Украине!

— Хайль Гитлер! — послышалось Алексею.

— Слава Украине! — снова и снова орал «правосек».

— Хайль Гитлер! — снова и снова слышалось Алексею.

Не владея более с распиравшими его эмоциями, Алексей рванулся вперед.

— Стой! — кто-то попытался удержать его за плечи. — Ты что, не видишь!? Он же тебя провоцирует!

Но удержать Алексея в этот момент, наверное, не смогла бы уже никакая сила. Ведомый внутренними, внезапно пробудившимися инстинкта-

ми, он ощутил непреодолимое желание вцепиться в глотку этому брызгавшему слюной мерзавцу.

Что произошло дальше, Алексей запомнил смутно, вернее он вообще не понял, что произошло. Внезапно что-то темное и бесформенное, по крайней мере, так ему показалось, возникло перед лицом. Затем послышался протяжный писк гармони, и только после этого он услышал чей-то удивленный возглас:

— Ах, ты ж... такая!!!

Когда предмет, закрывающий обозрение, исчез, перед взором Алексея предстала широкая спина казака. Казак держал в левой руке гармонь, в мехи которой по самую рукоятку был воткнут нож с плексигласовой наборной ручкой. «Мерзавец» с расквашенной физиономией и подкосившимися коленями безвольно висел на руках близко стоящих товарищей. Боковым зрением Алексей заметил, как несколько человек, интенсивно работая локтями, пытались пробиться к месту происшествия.

— Это не мы, слышишь? Это не мы, нам не нужна кровь!

Пожилой мужчина в высокой каракулевой папахе, явно татарской национальности, пытался в чем-то убедить стоявшего перед ним казака. Затем, повернувшись, он что-то громко выкрикнул на татарском языке.

— По-русски говори! — потребовал казак.

— Правый сектор вперед не пускать! — прокричал старик.

Подчиняясь команде, протестующие, стоявшие в первых рядах, плотно сомкнулись локтями, а некоторые из них еще и накрепко сцепились руками. Но именно в этот момент где-то там, у центрального входа, послышался звон битого стекла. Толпа, ведомая инерцией тысяч человеческих тел, качнулась было вперед. Но тут же замерла в тревожном ожидании.

— Прорвали, суки! Оцепление провалили! — пронеслось над толпой.

— Все к центральному входу! — орал мужчина в берцах. — Не дадим захватить здание! Но куда-то бежать или просто перемещаться в пространстве не представлялось никакой возможности. Зажатые в каменном мешке внутреннего дворика, люди напирали друг на друга, но без особой надежды, а возможно, и желания, сломить сопротивление защитников правительственных апартаментов.

В какой-то момент толпа неожиданно притихла, возле центрального входа обозначилось едва заметное движение, но что именно там происходило, было непонятно.

— Все! Баста! — стали разноситься возгласы. — Приехали, кина не будет!

— Какого кина?! — прокричал стоявший рядом с Алексеем казак. — Толком объясните!

— Кворума нет, — ответили ему, — заседание перенесли!

— Вот же ж, сука, — возмутился казак, — мы тут, понимаешь, жилы рвем, а у них, видите ли, кворума нет. Да иди ты, — безадресно крикнул он, — знаешь куда, со своим кворумом!

Как-то в один миг спало напряжение, толпа, постояв еще несколько минут, стала потихоньку рассасываться.

Но Алексей продолжал стоять, не было сил сдвинуться с места, до него только сейчас стал доходить смысл произошедшего. Ведь не окажись

рядом с ним казак, то нож с плексигласовой наборной ручкой торчал бы сейчас не в мехах гармони, а в его сердце, и шансы остаться в живых были у него, ох, как невелики. Алексей осмотрелся по сторонам, пытаясь отыскать Протасова, но тот как сквозь землю провалился.

«Да Бог с ним, — подумал Алексей, — никуда не денется, позвонит, рано или поздно».

Сделав над собой усилие (налитые свинцом ноги показались ему неподъемными), он медленно пошел вдоль гранитного парапета небольшого, отключенного на зиму, фонтана. Сразу за фонтаном Алексей неожиданно столкнулся с группой казаков, которые, судя по всему, с жаром обсуждали последние политические события.

— Спасибо вам, — произнес он, подойдя поближе и слегка склонив голову, — спасибо огромное, от всего сердца.

— За что же ты нас благодаришь? — удивился седобородый казак.

— Вот за это, — указал Алексей на порванные мехи, висевшей на его плече гармони.

— А-а-а, — протянул казак, очевидно узнав Алексея, — тогда с днем рождения тебя, паря, считай, что ты сегодня заново народился. Гармонь, правда, жалко, дедова гармонь-то, ну да ладно, — махнул он рукой, — как ни крути, она в бою пострадала.

— Вы, главное, посты, посты на ночь выставьте, — принялся с жаром говорить Алексей, — они не успокоятся, не получилось днем, они обязательно ночью нагрянут. Если потребуется, то я и с вами дежурить останусь.

— Ты на себя в зеркало посмотри, — посоветовал Алексею седобородый казак, — на тебе ж лица нет, ты же белый как полотно. Тебе сейчас в пору не в сторожа наниматься, а водочки грамм триста хряпнуть, да выспаться как следует. А за посты не беспокойся, у нас не забалуешь.

— Еще раз спасибо, — поблагодарил казаков Алексей, — за все, огромное спасибо, — он повернулся, чтобы уйти.

— Постой! — окрикнул его седобородый казак. — На вот, — протянул он Алексею сделанную из напильника с плексигласовой наборной ручкой заточку, — сохрани на память.

Алексей медленно шел по улице. Мысленно он вновь и вновь возвращался к драматическому эпизоду, который произошел с ним сегодня во время митинга. Все глобальные политические процессы сосредоточились сейчас для него на острие заточки, которая лежала в кармане его куртки. Только сейчас его настиг страх, страх за собственную жизнь, только сейчас он стал осознавать, насколько зыбкой была эта грань, грань между жизнью и смертью.

«Казак прав, — подумал Алексей, преодолевая неприятную дрожь, охватившую его тело, — надо накатить».

Неожиданно во внутреннем кармане куртки завибрировал телефон, Алексею не сразу удалось выудить его оттуда.

«Прокопенко Александр», — прочитал он на экране дисплея, это был еще один его сокурсник. Пару лет назад, встретившись на юбилее училища, они обменялись телефонами, однако общение их ограничивалось в основном отправкой по «WhatsApp» друг другу «поздравленок».

— Слушаю, — ответил на звонок Алексей.

— Здорово, сепаратист! — радостно орал в трубку Прокопенко. — Вы что там, с глузду съехали, чи шо!? На хрена вам эта «Рашка» сдалась? Вы с головой-то дружите вообще? Перед вами Европа! Понимаешь, Европа двери открывает, а вы назад в какую-то срань лезете.

Алексей не смог переключиться на разговор, не смог сразу понять, о какой «срани» говорил с ним Прокопенко.

— Ты сейчас про что говоришь? — решил уточнить он.

— Да про то же самое, — ответил Прокопенко, — перед вами сумасшедшие перспективы открываются, к вам же теперь вся Европа отдыхать попрется, а это тебе не гопота донецкая, знаешь, какие это «бабки»? На золоте жрать и спать будете.

— Постой, постой, — остановил сокурсника Алексей, до него постепенно стал доходить смысл разговора, — а при чем здесь ты? А при чем здесь Европа? Вы какое к нам имеете отношение?

— Да вы, как я погляжу, — усмехнулся Прокопенко, — в Крыму все малахольные какие-то, собственной выгоды не понимаете. Все, Леша! Все, кончилось ваше время, если ты еще не понял этого, можешь считать, что мы уже в Европе. А с теми, которые особо не понятливые, мы церемониться не станем, два дня назад мы ваших придурков всю ночь как зайцев по лесам гоняли.

— Саня, — тихо произнес Алексей, в его сознании возникла чудовищная догадка, опровергнуть и подтвердить которую ему сейчас предстояло, — а ты где живешь?

— Как где? — удивился Прокопенко. — Под Уманью.

То, что произошло с Алексеем в следующий момент, с точки зрения психиатрии, очевидно, трактовалось как нервный срыв. Телефонный звонок выбил из фундамента его подсознания, придавленного огромной массой событий и впечатлений, накопленных за последние дни, маленький камешек, вернее крохотную эмоциональную песчинку. Стена рухнула, лавина понеслась вниз, сметая на своем пути все устои, правила, принципы, переминая и переламывая, казалось бы, вечные, незыблемые законы бытия.

Что он орал в трубку, Алексей не помнил, скорее всего, что-то не вполне приличное. Когда он вернулся в действительность, то обнаружил себя стоящим посредине улицы с плотно прижатым к уху отключенным мобильным телефоном, несколько случайных прохожих с любопытством взирали на него.

— Извините, — произнес Алексей, засовывая в карман трубку.

Войдя в квартиру, Алексей, не снимая куртки, прошел на кухню и поставил на стол бутылку водки. Поразмыслив несколько секунд, достал из кармана заточку и зачем-то положил ее рядом.

— Ну и как это прикажете понимать? — услышал он за спиной голос жены.

— А-а-а, Наташа? — с удивлением произнес Алексей, будто встреча с женой в собственной квартире была для него неожиданностью. — Собери чего-нибудь на стол по-быстрому.

— А по какому поводу гуляем? — поинтересовалась Наташа.

— Да так, — пожал плечами Алексей, — у одного хорошего человека, впрочем, — запнулся он, — может быть, и не очень хорошего человека, сегодня случился день рождения.

— А эту гадость, — указала Наташа на заточку, — ты где взял?

— Нашел, — ответил Алексей первое, что пришло на ум.

— Вечно ты всякую дрянь в дом тащишь, выбрось ее немедленно, чтобы я ее больше не видела.

Отодвинув штору, Алексей положил заточку на подоконник. Когда, сняв куртку и помыв руки, он вернулся обратно, стол уже был сервирован на две персоны, Наташа тонкими ломтиками дорезала на разделочной доске замороженное сало.

Не дожидаясь завершения процесса сервировки, Алексей откупорил бутылку и до краев наполнил стопки.

— Ну что, — произнесла Наташа, приняв из его рук рюмку, — нехай ему щастит, удачи ему по жизни!

— Кому? — не понял Алексей.

— Ну, этому, не очень хорошему человеку, день рождения которого мы сейчас отмечаем.

— А-а-а, — протянул Алексей, — ты про это, удача ему сейчас, ох, как бы не помешала. Залпом опрокинув стопку, Алексей, не закусывая, налил себе еще одну.

— Что? — поинтересовалась Наташа, внимательно наблюдая за мужем. — Неужели все так хреново?

Алексей ответил не сразу, присев за стол, он какое-то время внимательно рассматривал налитую в рюмку жидкость, затем резко отодвинул ее в сторону.

— Сначала они снесут наши памятники, — отрешенно заговорил он, — потом они разрушат наши храмы, затем они поглумятся над нашими святынями и только после этого они доберутся до нас. Впрочем, нас, как таковых, к тому времени уже не останется, мы превратимся в послушную, безмолвную, убогую биомассу. И мерилом нашей свободы, чести, счастливой жизни станет обыкновенный плинтус.

— При чем здесь плинтус? — не поняла Наташа.

— Да просто таким, как мы, не оставят иного способа существования, как забиться под плинтус и не высовываться.

— Хорошо было им, — задумчиво произнесла Наташа.

— Кому? — не понял Алексей.

— Ну, тем людям, шестьдесят лет назад. Легли спать в России, проснулись на Украине, ни тебе митингов, ни социальных потрясений, ни идеологических перекосов, тишь да благодать, красота. Вот было бы здорово, если бы и сейчас так: уснули на Украине, а проснулись в России.

— Тогда время было другое, — возразил Алексей.

— Время всегда одинаковое, — не согласилась Наташа, — тогда люди были другие, они войну прошли, и что такое фашизм им объяснять было не надо. А эти нынешние зигующие? Подонки, сами не ведают, что творят.

Утром Алексея разбудил Арсений. Арсений был псом деликатным, по-

этому каждый день ни свет ни заря он осторожно, чтобы не потревожить домашних, принимался тыкать своим влажным носом в руку хозяина, приглашая его разделить с ним радость утренней прогулки.

— И чего тебе не спится, рыло лохматое? — недовольно бурчал Алексей, набрасывая на плечи куртку. — Завели животное на мою голову.

Выйдя из подъезда, Алексей сначала попытался присесть на скамейку, но передумал, холодок промороженных за ночь досок ощущался даже через куртку. Закурив, он от нечего делать принялся наблюдать за Арсением, который с щенячьим восторгом носился по окрестностям.

«Ну и что теперь делать? — в который раз задавал себе Алексей риторический вопрос. — Что делать? Что делать? — повторял он. — Уезжать отсюда надо, пока не поздно. Легко сказать: “Уезжать”, а как? Продать квартиру? Не дадут, таких “желающих”, которые захотят продать свое имущество, сейчас будут десятки, если не сотни тысяч. И потом, зачем что-то покупать, когда можно это “что-то” взять даром, необходимо только создать соответствующие условия, и народ сам побросает свое добро, а уж “условия” создавать они умеют. Купить халупу в каком-нибудь селе под Воронежем? А гражданство? Переходить на нелегальное положение и подрабатывать дворником? Ну, ладно я, а дети? А внуки? С ними-то как быть?»

Какие бы варианты ни прокручивал в голове Алексей, он отчетливо понимал, что бежать ему некуда, да и что-то менять в жизни было уже поздно.

— Здорово, Лексей!

Оторвавшись от размышлений, Алексей увидел Михалыча, соседа с верхней площадки.

— Здравствуй, Николай Михалыч, — пожал он соседу руку. — А ты здесь какими судьбами, в такую рань?

— Дак, — неопределенно протянул Михалыч, — с ночной я, ты че, не знаешь, я ж теперь на насосной дежурю. Папироской не угостишь?

— Да кури на здоровье, — Алексей протянул соседу открытую сигаретную пачку.

— Слыхал, — поинтересовался Михалыч, прикуривая, — люди, когда я в троллейбусе ехал, говорили, что сегодня ночью будто бы все правительственные здания позахватывали?

— Кто? — переспросил Алексей, от недоброго предчувствия к его горлу подкатился ком.

— Знамо, кто, — произнес Михалыч с деловым видом, — правосеки, кто же еще? Больше-то не кому.

— Арсений! Ко мне! — прокричал Алексей, не в силах совладать с вскипевшими внутри эмоциями.

Осторожно, чтобы не разбудить домашних, Алексей вынес вещи на кухню. Одевшись, он отодвинул занавеску, чтобы взять с подоконника заточку.

— Ее там нет, — услышал он за спиной голос жены. — Ты куда собрался?

— Прогуляюсь, — ответил Алексей, пытаясь пройти к входной двери.

— Что ты задумал? Не пущу!.. — Наташа загородила проход.

— Голыми руками, слышишь? — зловещим шепотом произнес Алексей. — Голыми руками я эту мразь душить буду!

Резким движением отодвинув в сторону жену, он выскочил на площадку.

— Алексей! — кричала ему вслед Наташа. — Алексей! Вернись, я прошу тебя, не делай этого!

«Сволочи, скоты, мразь бандеровская, это вам с рук не сойдет, не на того напали». Алексей шел по предрассветным улицам родного города, города, где он родился и прожил свою жизнь, где родились его дети, внуки. И сейчас, в эту минуту он остро и очень отчетливо понимал, что нет и не будет в его жизни ничего, кроме этого города, ничего, кроме этих улиц, домов, парков и скверов. И его личное счастье каким-то непостижимым образом вдруг стало неотделимо от счастья и благополучия сотен тысяч таких же, как он, у которых, как и у него, нет ничего ближе и роднее этого города, этой земли.

— Гражданин! — услышал Алексей голос патрульного. — Сюда нельзя, по этой улице проход закрыт.

Старший лейтенант, насколько мог разобрать звание Алексей (бронежилет скрывал погоны), пристальным, настороженным взглядом изучал раннего прохожего.

— А в чем, собственно, дело? — возмутился Алексей. — Мне просто пройти, и все.

— Соседняя улица свободна, ступайте в обход, — посоветовал милиционер.

«Да, — возмущенно думал Алексей, — быстро «переобулись», неужели им настолько все безразлично, неужели они не понимают, какой власти они служат?»

Пройдя по соседней улице, как и советовал милиционер, Алексей оказался рядом с Домом правительства. Стало совсем светло, ночная мгла постепенно растворялась, утренний рассвет неумолимо наполнял окружающее пространство светом зарождающегося дня. На центральной площади Алексей снова наткнулся на милицейское оцепление. Молодые ребята, по виду «срочники», взяли в плотное кольцо здание Совета Министров, проникнуть за оцепление не представлялось никакой возможности.

— Гражданин, — снова услышал Алексей старую песню, — проход закрыт, сюда нельзя.

— Да что же вы за люди такие?! — возмутился Алексей. — Неужели вы не понимаете... Но закончить фразу Алексей так и не смог. Было ли это наваждением, или это был божий промысел, не суть важно, но именно в этот момент, Алексей готов был поклясться, что все происходило именно так, именно в этот момент первый предрассветный луч, пробившийся сквозь свинец низких облаков, осветил на здании правительства триколор.

Алексей не поверил увиденному, он непроизвольно закрыл глаза, но, открыв их через секунду, к великой радости обнаружил, что видение не исчезло — над зданием Совета Министров гордо реял Российский Флаг.

Слезы хлынули разом, в груди что-то заклокотало. Алексей понял, что не в состоянии управлять нахлынувшими на него эмоциями. Обняв за

тонкую шею стоявшего перед ним мальчика в милицейской форме, он зарыдал, упершись головой в нелепо топорщащий на его груди бронежилет.

— Гражданин! — испуганно спросил милиционер. — С вами все в порядке?

— Со мной все в полном порядке, — едва владея эмоциями, произнес Алексей. — Теперь с нами со всеми все в порядке.

ОЛЬГА ЛОЗБЕНЕВА

Ольга Владимировна Лозбенева по профессии учитель русского языка и литературы, юрист, член Ростовской областной коллегии адвокатов. Член Союза писателей России. Живет и работает в Таганроге.

Крокусы

— Сожалею, Виталий Сергеевич, но банк не может согласиться на реструктуризацию, — грустно сказала девушка, консультант, и подала сидящему напротив молодому мужчине папку с бумагами.

Тот чуть кивнул головой, встал, буркнул «до свидания» и пошел к выходу. Аккуратно открыл запачканную грязью дверь черной «Тойоты», опустился на водительское сиденье, погладил в кожаной оплетке руль: «Три года день в день кредит платил, год всего остался, а навстречу не идут! Сволочи!»

Он повернул ключ в замке зажигания, тронулся с места и выехал на дорогу, ведущую в его офис.

— Где денег взять, а? — то ли себе, то ли кому-то неведомому адресовал вопрос. Виталий Сергеевич ехал не торопясь, стараясь объезжать многочисленные ямы, кое-где скрытые лужами. По авторадио звучала реклама. Он поменял станцию — салон заполнила какая-то грустная мелодия. Выключил радиоприемник, и тут же нахлынули раздумья: «Новых заказчиков нет... Этот козел еще договор расторгает, деньги придется возвращать... Заберут машину... И что делать? Пешком ходить?»

Он почувствовал, что машину ведет в сторону. Включил аварийку, остановился, вышел посмотреть.

— Твою дивизию! — крикнул он, увидев, что переднее колесо стоит почти на диске. — Все-таки поймал яму. Одну объезжаешь — в другую попадаешь!

Он поменял на докатку-бублик пробитое колесо, положил его в багажник и свернул к ближайшему сервису: «Не задался день!»

Пока латали колесо, Виталий Сергеевич, сидя на мягком диване в комнате ожидания, медленно потягивал из пластикового стаканчика капучино. Раздался телефонный звонок, и он немедленно полез в карман пальто, брошенного рядом.

— Да, Лен.

— Ты знаешь, что принес из школы наш сын? Ты хоть как-то можешь на него повлиять? Я не понимаю, за что мы платим репетиторам?! — понеслось из трубки.

— Не тарахти, скажи, что случилось?

— Что случилось?! А то случилось, что тройку по английскому принес! А по алгебре два!

Виталий Сергеевич молчал.

— Я не знаю: или он такой тупой, или репетиторы никуда не годятся! Тебе, конечно, на ребенка наплевать! Но у него ЕГЭ не за горами! Тебе

некогда им заниматься! Ты ж все время на работе! Одна я... каждый день... то в школу, то на английский, то к репетитору...

— А кто за все это платит?! — раздраженно перебил он супругу.

— А что толку?!

— Действительно, что толку деньги тратить впустую?! Отказывайся от репетиторов!

— С ума сошел! У него ЕГЭ не за горами!

Виталий Сергеевич отключил телефон: «Пустой разговор! Только опять поссоримся!»

В комнату заглянул администратор сервиса: «Готово!» Застегивая на ходу пальто, Виталий Сергеевич рассчитался за работу, тихо вздохнул: «Одни убытки!» — и направился в офис.

В офисе пахло кофе. Секретарша, полная женщина средних лет, пила ароматный напиток и разбирала почту. Устало взглянув на вошедшего Виталия Сергеевича, подала письмо:

— Из налоговой.

— Эти чем порадуют? — он вскрыл конверт. — Недоимка. Требуют оплатить, судом угрожают! Людмила Леонидовна, — обратился он к секретарше, — сделайте, пожалуйста, кофе.

— Проблемы? — спросила она, включая чайник. Виталий Сергеевич кивнул.

— Вы, я вижу, тоже что-то нерадостная.

— А чего радоваться? — пожала плечами Людмила Леонидовна. — Повода нет. Она подала чашку горячего кофе. Виталий Сергеевич взял ее, подошел к окну, посмотрел вдаль. Серое февральское небо растянулось над городом. «То ли дождь пойдет, то ли снег, то ли хрен знает чего!» По улице ходили люди. Кто-то торопливо, кто-то медленно. Но все хмурые, серьезные, погруженные в свои мысли. Вдруг перед его взором появилась женщина. Немолодая, в шляпке, украшенной искусственными цветами, в старом пальто, из-под которого выглядывало длинное, когда-то нарядное, но давно вышедшее из моды платье. На бледном лице вырисовывались губы, накрашенные яркой помадой. Но не это привлекло внимание Виталия Сергеевича. А то, что она улыбалась.

— Говорите, повода для радости нет? — обратился он к секретарше. — А вот? — он кивнул в сторону женщины.

— Так это ж помешанная! Давно ее не видела. Может, в «дурке» была.

— По-вашему, только сумасшедшие могут радоваться? Людмила Леонидовна пожала плечами:

— Ну, без повода... Чего бы ей радоваться? Одинокая, пенсия минималка, черные риэлторы кинули. А она улыбается.

Секретарша покрутила пальцем у виска.

А женщина села на скамейку и продолжала улыбаться. По-доброму, искренне.

— Пойду покурю, — Виталий Сергеевич надел пальто и вышел на улицу. Он подошел к скамейке, присел рядом с женщиной:

— Не помешаю?

— Крокусы расцвели! — услышал он в ответ приятный голос.

— Что?

— На клумбе.

Виталий Сергеевич посмотрел на клумбу перед собой. В углу ее из-под земли пробивались зеленые стрелки листьев, а над ними, как солнце, распустились желто-оранжевые цветы. Рядом под остатками снега проклевывались яркие сиреневые и нежные белые бутоны.

— Надо же! А я и не заметил.

— Скоро весна! — женщина поднялась и, также улыбаясь, медленно пошла по улице.

Виталий Сергеевич долго смотрел ей вслед, потом откинулся на спинку скамейки, запрокинул голову и увидел, что небо посветлело, а в воздухе он уловил слегка дурманящий запах талого снега, влажной земли и раскрывающихся почек. На душе стало светло и умиротворенно. Он улыбнулся.

АЛЕКСАНДР МОЖАЕВ

Александр Николаевич Можаев член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской премии имени В.И. Белова, имени А.Дельвига, «Золотое перо Руси», международных конкурсов имени А.Платонова, «Молитва» и многих других. Проживает в хуторе Можаевка Ростовской обл.

За чертой

После Медового Спаса ночное небо все чаще роняет звезды. За моею спиной, окрасив нежной охрой макушки деревьев, вставала луна. Нужно переходить, пока она не осветила реку и не выявила меня, идущего вброд к черному враждебному берегу. Одному мне известными тропами просачиваюсь за «ленту» к Нижнему хутору. Там, в небольшом флигельке, живет на своей даче «Пенсионер». На вид он младше меня, выправка выдает в нем былого солдата. О нем я практически ничего не знаю, кроме того, что он все еще кем-то работает в оккупированной украинскими нациками Станице, и это дает ему возможность беспрепятственно передвигаться по району. Меня встречает настороженно и не очень дружественно. А может, он просто проверяет меня своими провокационными вопросами.

— Зачем ходишь? — спрашивает он.

— Кому-то надо ходить...

— Твоему «Майору» надо, пусть он и ходит...

— Ему нельзя...

— А тебе можно? — усмехается он. — Ты ему звезды на погоны зарабатываешь, и не факт, что вернешься...

— Какая разница, кому звезды, кому кресты — лишь бы поскорей все закончилось.

— Не для того это все затевалось, чтоб быстро закончилось, — вновь усмехается «Пенсионер». — Прошлый раз на тебя ставили растяжки. Знаешь?

— Знаю. Я два раза не хожу одной дорогой...

Однажды я по глупости поинтересовался, как его звать.

— Тебе важно, как я назовусь? — кривятся его губы. — Ну, скажем: Александр Сергеевич Пушкин. Звучит? Условности... Зови «Пенсионер», и я не обижусь. И тебе представляться не стоит. Мне достаточно знать, что ты Атаман, от кого и зачем пришел... Хорошо знаешь карту? — спрашивает он.

— Знаю... — отвечаю я.

— Поворот на Пшеничное — первый блокпост. Постоянно два БМП. Бывает и Т-72, но не постоянно... К Югановке и Камышному передвижные блокпосты, бывают здесь, здесь и здесь... Сопровождение — БТРы. А вот перекресток на Теплое, с правой стороны уже построены крестообразные бетонные укрепления. В каждой секции вкопано по «Булату»... Здесь постоянно человек тридцать...

— Это здесь... — ткнув карандашом в карту и показывая свою осведомленность, говорю я.

— Да, здесь... — клацнув от досады зубами, «Пенсионер» комкает карту и, бросив ее в камин, тут же сжигает.

— Мне не нужна карта, — поняв свой «косяк», говорю ему. — Я хорошо знаю местность...

— Ладно, проехали... — примиряюще говорит он.

Следующий раз, рассказывая о дислокации украинских войск, он подкрепляет свои слова нарисованными от руки на чистых листах схемами.

— Зрительная память крепче, — поясняет он мне, прежде чем сжечь их. — И передай своим, что знакомый им человек устроился в администрацию, но, по понятным причинам, на связь выходить не будет. Все через меня...

Вернувшись домой, набираю номер «Майора».

— Есть новости... — говорю я всего лишь два слова, как и условлено.

— Сейчас буду... — отвечает он тоже двумя словами.

И пока он едет ко мне, я на листе бумаги восстанавливаю по памяти все схемы, которые час назад чертил для меня «Пенсионер».

Зима в 2014 году пришла рано. Уже во второй половине ноября с верховьев Деркула дунул студеный ветер, когда он стихал, небо прояснялось, звезды становились ярче и зримей, и первый мороз прочно сковывал зябь. По реке двинулись нескончаемые караваны шуги. Где-то в камышовых заводях по ночам жалобно вскрикивал одинокий лебедь.

«Что же ты, дуралей, остался? — в сердцах думал я. — Скоро скует реку и гибель...»

К декабрю Деркул стал, лишь на перекатах еще бурлила вода. Переходить стало легче. Одна беда — выпал снег.

— Сейчас они читают твои следы, — говорит мне «Пенсионер».

— Я тоже читаю их следы, — отвечаю ему. — Если вижу их тропу — иду по ней «против шерсти». Наверняка никого не будет...

— До поры, пока не оставят на ней кого-то... Они уже знают твой «почерк»...

— Пока не оставляли... — говорю я, но на заметку предупреждение «Пенсионера» принимаю.

— А это что у тебя? — кивает на висящую на плече сумку.

— Сменная обувь... После перехода, прежде чем заходить к тебе, переобуваюсь. Чтоб спутать следы...

— Маскарад... — насмешливо хмыкает «Пенсионер», но вижу: мой «маскарад» ему нравится.

— Как там наша казачья Станица? — бодрым голосом спрашиваю я.

— Какая там Станица... — ухмыляется он. — Це зараз украинске село, и размовляты там требо лишь на державной мове.

— Справляешься?

— А то як же! Я колы захочу, краснише хохлов размовляю.

— Станишанам туго придется...

— Да там уже и станишан не осталось. «Освободители» как пришли — грабежи и изнасилования що дня. Обычное дело... Народ побежал, кто куда. Процентов десять осталось, — в основном старики, которым и деться некуда.

— И что ж на это новая «влада»?

— Молчаливо поощряет. Видимо, есть установка: очистить район от населения.

Вечером нос со двора не кажи — забьют до смерти, — никто и не заметит.

— Ничего, скоро народ вернется...

— Возвращаться уж некуда, — грустно усмехается «Пенсионер». — Ты знаешь, сколько домов в Станице осталось?

— Там больших боев вроде не было, а наши по Станице не бьют...

— Не бьют, — согласился «Пенсионер». — Но этим позарез нужно, чтоб били! Поставят в жилом дворе минометы, обстреляют позиции у «Князя Игоря» — и ходу. Ждут, чтоб ответка прилетела, а ответка не прилетает. Кто ж по своим домам стрелять будет... Вот «освободители» и взялись освобождать оставленные дома. Все начисто выгребут, потом двери-окна вынут, крышу снимут, до стен доберутся... Глядь, а от дома и фундамента не осталось. Сейчас уже добрая половина станишанских домов до Львива переехала... При немцах такого беспредела не было...

— Как быстро все поменялось, — с горечью говорю я. — Давно ли в одном строю ходили? И народ на всех был один, и армия одна...

— Эх, армия... Сейчас не армия все решает... Зайдет к командиру полка какая-то сопля зеленая, которая и срочную не служила и кажет: «Будешь робыты, як я сказав». И полковник тянется перед ним, потому что сопля эта из «Правого сектора», и как она скажет, так и будет. А если не будет, то и полковника этого завтра не будет здесь. Сейчас офицерье спешно меняют, — с западной приомороженных присылают. Звездочки на погоны дорисовали — и вперед!

Вечер был промозглый и тихий. На западе еще теплился призрачный свет былого заката, а с востока уже наползала тьма. Вдали на горе, едва различимые, уныло дремали курганы. Тени на снегу наливались густой синевой, и в холодном сумраке едва угадывались привычные ориентиры.

За «лентой» я не увидел свежих следов украинского патруля, и это меня взволновало. Обычно они натаптывают их еще по светлому. Если до сих пор не прошли, то могут выйти навстречу или, затаившись, ждать где-нибудь на подходе к хутору. Самое надежное — пройти звериной тропой. Это долго и утомительно, зато безопасно — зверь близ человека не ходит. Когда-то по такой тропе мы с Жекой гнали на Кубанца кабанов. «Теперь сам, как кабан, продираюсь этим путем», — с усмешкой думаю я.

В Нижний хутор вошел уже в полной тьме. Когда-то с веселой ватагой мы ходили здесь со своими колядками из двора во двор, поэтому мне знаком тут каждый проулок, каждый светящийся окнами дом. Сейчас тут непривычно тихо, даже молчат собаки. Так бывает, когда в хутор заходит волчья стая. И не мудрено, с приходом киевских «освободителей» многие дома опустели.

В черной тьме стоит высокий, с вытянувшейся во всю длину открытой казачьей верандой, родительский дом Носача. Николай Павлович умер давно, лет двадцать назад, Анну Дмитриевну похоронили в позапрошлую зиму. С началом войны Носач заколотил досками ставни и больше не показывался здесь. Угрюмо и пусто на широком дворе. На какой-то миг мне вспомнился свадебный шатер, важно вышагивающий меж рядами столов

Кудин, огромный Бармалей, покорно роняющий на плечо Людки свою, тогда еще кудрявую, голову, Павел Николаевич, лихо распахивающий мехи гармони, с посвистом скачущий на присядках и далеко выбрасывающий свои полуметровые лапы Жека... Вспомнился Носач, растерянно улыбающийся гостям, и невеста Маша, слегка запрокинув голову, восторженно глядящая на своего суженого... Тру щеки, протираю глаза; мне становится тоскливо и грустно, и я ускоряю шаг.

На твердой уезженной дороге, чтоб спутать свои следы, переобуваюсь и иду к знакомому дому «Пенсионера». Скоро у жаркой печурки я отогреюсь, «Пенсионер» напоит меня горячим чаем, и пока я, обжигая губы, буду отхлебывать его мелкими глотками, он расскажет прифронтовые новости, исчертит большой белый лист своими схемами. «Запомнил?» — спросит меня, и, не дожидаясь ответа, скомкает и бросит его в огонь.

Вот и известный домик. Я схожу с дороги и тут замечаю, что стежка во двор не чищена, снег, выпавший пару дней назад, не натоптан. С трудом приоткрыв калитку, протискиваюсь во двор. Вслушиваясь в тишину, несколько минут стою без движения. Дверь в дом приоткрыта, но на заметенных ступеньках ни одного следа. Недобро смотрят на меня черные окна. Тихо скрипнула дверь. Я понимаю: это легкий ветерок сдвинул ее с места, но у меня привычно немеют виски. Жуть начинает владеть моим сознанием, и мне уже видится, что из каждого черного окна неотрывно следят за мною чьи-то жадные глаза. Сдерживая дыхание, все еще раздумывая, переступаю с ноги на ногу. Зловеще громко пищит под ногами схваченный морозом снег. Осматриваюсь вокруг себя и делаю шаг к калитке. Снова вслушиваюсь. В морозной тишине, где-то в черном непроглядном саду, враждебно потрескивают на холоде деревья. Наверное, мне нужно было переступить через свой страх и войти в дом, но чей-то голос внутри меня говорил:

«Что ты увидишь в этом распахнутом мертвом доме? Пустоту?»

«Быть может, мертвое тело...» — отчаянно спорю я.

«Мало ты видел мертвых тел?»

«Но...» — ищу и не нахожу возражений.

«Если там пустота, то к чему тебе тревожить ее, — резонно говорил голос. — А если там мертвое тело, то чем ты ему поможешь?..»

Выйдя со двора, по-воровски озираясь, бреду по пустой улице. У меня здесь много знакомых, и я бы мог узнать у них о произошедшем, но сейчас я никому не доверяю, поэтому не хочу никого видеть, и не хочу, чтоб здесь видели меня. Если «Пенсионер» еще жив, это может ему навредить.

Неожиданно, ослепив меня, в глаза ударили светом фары, взревел мотор, и машина двинулась мне навстречу.

«Засада!..» — прокричало внутри меня.

Я влетаю в первый попавшийся двор, бегу мимо дома в чей-то темный заснеженный сад, перескакиваю через изгородь другого двора, спотыкаясь и падая, пробиваюсь через сугробы туда, где виднеется поросшее лесом старое русло Деркула. Я слышу, что машина проехала мимо, что где-то уже далеко, очнувшись от зимней дремы, отчаянно лает мне вслед какая-то собачонка. Можно бы остановиться, перевести дух, обдумать

дальнейший путь, но чей-то безумный голос продолжает гнать меня своим криком:

«Бежать, бежать, бежать!..»

Потеряв дорогу, бегу наугад, и молодые ветки деревьев больно хлещут меня по лицу. Скорей, скорей, скорей!.. К спасительной реке, по которой начертана незримая граница. Возможно, где-то на этом пути ждет меня засада... Наверняка ждет. И я, сам того не ведая, бегу на нее...

Все так похоже на старую детскую игру, когда на песке проводили длинную черту, и, перешагнув ее, мы прорывались к чужому знамени. Противная сторона хватает тебя, швыряет на землю, бьет, но у тебя лишь одна задача: вырваться, увернуться, убежать за свою черту. И едва ты ее переступишь, никто уже не смеет к тебе прикоснуться, и ты можешь смело показать язык своим некогда грозным, но теперь уже беспомощным противникам.

Где этот противник, где спасительная черта, где я?.. Замедляю шаги, наконец, останавливаюсь среди ночной непроглядной сини, вслушиваюсь в нее, — до меня отчетливо доносится стук шагов, и я слышу рядом с собой чужое дыхание... Нет, это не чужие шаги, это, заглушая все земные звуки, стучит мое сердце, глухо гудит в висках кровь, и мое хриплое дыхание заполняет собой тишину. Осматриваюсь. Вон там вдали черная стена тополей и прибрежных верб. А за ними спасительная черта. Нужно только дойти до нее... Меня смущает только то, что при переходе я не видел чужих следов. Возможно, эти чужие люди греются сейчас водкой в каком-нибудь пустующем доме, но неведение всегда страшит.

«А если они пришли позже и теперь ждут меня?.. Где ждут? Где они могут ждать меня?.. По логике там, где я переходил...»

Я делаю крюк, удаляясь от места своего перехода. Задержав дыхание, вслушиваюсь в звенящую бездну и, уже обреченно, иду в темную чащу потрескивающих на морозе тополей. Спасительная черта уже рядом, но как громко скрипит снег под моими ногами! Когда-то в далеком детстве мне было так же страшно входить в пугающий своими скрипами и вздохами ночной лес, — всюду мне мерещились демоны и неведомая лесная нечисть. Но тогда, наученный своей бабушкой, я знал: стоит лишь мне осенить себя крестным знаменем и прошептать: «Господи, спаси и помилуй», как все эти бесы превращались в сказочные безобидные персонажи и утрачивали способность нанести какой-нибудь вред. Нынешняя нечисть, сторожащая меня у черты, много страшней — крестом и молитвой ее не возьмешь. С каждым шагом я жду чужого окрика, и это ожидание самое мучительное на моем пути. Вот он и склон, внизу лед, река. Теперь меня никому уже не взять! Даже мертвый я успею достигнуть своей черты!

Больно ударяясь, скатываюсь на выступающий у берега козырек осевшего и обломившегося льда, качусь на спине к своей незримой черте. Вот она, где-то здесь! Сейчас сделаю шаг, переступлю ее, и уже никакие демоны не посмеют ко мне прикоснуться. Только сейчас, приходя в сознание и начиная осознавать себя, ощущаю сильную боль в своей искалеченной ноге, и удивляюсь: «Как я с этой болью сумел проделать свой путь?»

Теперь, уже в полной безопасности, я осматриваюсь и пытаюсь понять, где нахожусь. В мирной тишине даже не слышен стук моего сердца,

и лишь с протяжным постреливающим хрустом, катящимся вдоль берегов, привычно оседает лед. А как радостно и безмятежно сияют здесь звезды! Ярко горит жемчужная россыпь Млечного Пути. Большая Медведица, задрав свой ковш, смотрит на неподвижную Полярную Звезду. Из-за яра сонно выкатилась запоздалая луна, — замигали под ногами золотистые искорки снега. Я начинаю угадывать это место, — исстари зовется оно Малашкиной ямой. Вон под яром чернеет промоина, — она здесь всегда. Когда-то, играя на этом месте в хоккей, мы, запарившись, поочередно подползали к ней, и пили из нее деркульскую воду. Знакомая верба свесила к реке свою могучую ветвь. На ней располагались наши болельщики. Мне почудилось, что даже сейчас я слышу их крики: «Ку-дин, Ку-дин! Же-а, Же-ка! Са-ня!..»

Засмеявшись от счастья и необъяснимой радости, припадая на ногу, я иду к своему берегу. Вот и мой дом. Мне кажется, что я не был здесь целую вечность, но Виктория вдруг сказала, что сегодня я пришел на удивление рано.

— Это был последний раз... — говорю я.

— Да?!. — радуется она.

— Наверное...

Беру телефон, набираю знакомый номер.

«Может, завтра? Что толку?.. Нет, он просил сегодня...» Идет вызов.

— Да, — спокойно произносит «Майор».

— Новостей больше нет, — говорю в трубку. На другом конце затянувшееся молчание.

— Я понял... — наконец произносит он.

***

Незадолго до Рождества вновь позвонил «Майор».

— Ты на месте?.. Сейчас буду... Есть разговор... — бодро произнес он.

Мне нравится стиль его работы, я давно изучил его. Если ему что-то нужно, он никогда не попросит и тем более не скатится до пафосной чуши, типа: «Родине надо...» После непринужденного разговора, как бы между прочим, произнесет:

«Было бы здорово, если б кто-то смог пойти на ту сторону...»

Что ж, дорога мне известна. И лед на реке все еще крепок... И жена у меня умница, не станет отговаривать, не скажет банальной глупости: «Будь осторожен». Лишь молча перекрестит в дорогу.

СЕРГЕЙ ХУГАЕВ

Сергей Заурбекович Хугаев — осетинский советский писатель и поэт, переводчик русскоязычных и зарубежных авторов на осетинский язык, литературный критик. Народный писатель Северной Осетии.

Осетинская скрипка

Рассказ

Грису Плиеву

1

Стол был старинный, антикварный, и так же старо было зеленое сукно, которым он был покрыт и которое местами потерлось и вылиняло до темных лоснящихся пятен. На столе, в желтом свете лампы, свисающей с потолка на длинном шнуре, лежала осетинская скрипка; по сторонам, против друг друга, сидели двое: один — тучный, бритый наголо, другой — маленький и щуплый, в очках. Когда он даже едва заметно двигал головой, его круглые очки озорно поблескивали, словно они жили своей жизнью и радовались тому, что так близко видят скрипку.

— Говорят, он здорово на ней играет, — сказал очкарик.

— Конечно, играет. Еще бы не играет! — сказал другой с готовностью и явным удовольствием от того, что может это подтвердить. — И не только играет. Он и поет. И сам же песни пишет. А ты думал!.. — Он медленно поднял руку, приложил ладонь к виску и снова застыл, и теперь его круглая бритая голова казалась еще круглее и больше. Они снова замолчали. В позе бритого угадывалось намерение потрогать скрипку, взять ее в руки, а другому, очкарику, не хотелось, чтобы он трогал ее: он вдруг разглядел в ней образ мирно отдыхающего горца — горец устал от косьбы и прилег на своем лугу, подобрал колени, заложил руки под голову... И, будто удивляясь своей фантазии, очкарик то и дело мелко покручивал головой, и снова мерцали его круглые очки.

— Скрипка — это вещь, — сказал он наконец и, немного оживившись, распрямил спину и взглянул на другого: — Знаешь, как Горький о скрипке говорил?

— Горький? Который про цыган и бродяг пишет?

— Писал. Большой был писатель. Он говорил, что женскую красоту возможно только на скрипке сыграть, да и то лишь тому, кто эту скрипку, как свою душу, знает. Видишь?.. Ни словами эту красоту не выразить, ни красками — а только скрипкой. Скрипка — это сила.

— Охота было врать твоему Горькому, — сказал бритый, устало проведя ладонью по затылку.

— Не скажи, — блеснул стеклами очкарик, предупредительно подняв кверху указательный палец.

— Да и, небось, не об осетинской скрипке он говорил.

— Скрипка — она везде скрипка. В человеческую душу только скрипка

может заглянуть. Ее звук любой омут рассеет. Как она душу проймет, так ничто ее не проймет.

Бритый опустил руку на стол.

— Сюда-то он зачем ее притащил? Или он хочет для нас концерт устроить? — спросил он таким тоном, будто искал ссоры. Глаза у него были выцветшие, пепельно-серые, усталые, но беспокойные.

— А что, если вызвать его? — снова оживился очкарик, заблестев стеклами. — Может, отправим за ним караульного?

— Ну, допустим, привели его. И что потом?

— Потом мы попросим его сыграть.

— Допустим, он и сыграет, и споет: что потом? Через минуту весь комиссариат сбежится сюда, как по тревоге.

— Да будет тебе. Какая там тревога...

— У этих стен уши есть. Не забывай этого.

— Уши! Все об этих ушах говорят, а я еще ни одного не видел... Уж очень мне захотелось скрипку послушать. Очкарик встал и легко потянулся, приложив руки к пояснице и разогнув спину. Тут он заметил смычок, лежавший рядом со скрипкой, со стороны бритого. Он был похож на маленький лук, из которого стреляют мальчишки. Очкарик уперся руками в стол.

— Нам еще не следовало его брать. Поторопились мы.

Бритый криво усмехнулся и поднял голову, и под его затылком взбухли тугие жирные складки.

— Это не мы поторопились, это время нас торопит. Время, время! Ему нет дела до наших соображений, оно ждать не станет. Оно бы, конечно, хорошо, если бы время могло подождать, как один охотник поджидает другого, у которого ремешок на арчи распустился. Время не ждет.

— Он человек видный, крупный. Слишком уж он знаменит и уважаем в народе.

— В том-то и вся соль, что знаменит и уважаем. Народ как мыслит?.. Раз такой человек с новой жизнью не согласен, стало быть, что-то не так с этой новой жизнью, и надо с ней бороться. Это просто, как дважды два.

Очкарик согласно кивал, поблескивая своими круглыми стеклами, но было видно, что его сомнения не так легко рассеять, и он тихо, будто самому себе, сказал:

— Слишком осетин, слишком патриот, слишком коммунист...

— А ты хочешь, чтобы мы на цыган и бродяг охотились? Нет, нам от них никакой пользы, нам нужны только головастые, только головастые и рогастые олени нужны нам! — сказав это, бритый сердито и решительно ударил ладонью по кнопке звонка, привинченной к столешнице.

Дверь тут же открылась, и в комнату вошел дежурный. Видно было, что это обычный сельский парень, и форма, которая была на нем, не могла это скрыть, а только оттеняла его национальность и сословное происхождение.

— Забери это, — бритый указал на скрипку и смычок. — Снеси вниз и оставь у начальника охраны. Пусть он передаст в семнадцатую камеру.

— В семнадцатой ведь Гино сидит? — лицо парня просветлело, глаза оживились. Бритый посмотрел на него, как бодливый бык.

— Гино там сидит, Нино там сидит, — это тебя не касается!

Дежурный как бы подтянулся, выразив покорность, но радость, затеплившаяся в его глазах, не погасла. Он шагнул к столу и бережно, будто это был спящий ребенок, взял скрипку в руки, глядя на нее с жалостью и умилением.

— Что уставился?! — раздраженно вскрикнул бритый. — Скрипки никогда не видел?!

— Ничего не уставился. Просто смотрю. Или в этом доме на скрипку и смотреть нельзя?.. Никогда не думал, что я здесь скрипку увижу.

— Странно, не правда ли, что здесь не дают скрипичных концертов?

— Странно то, что и в других домах редко скрипку услышишь. Что же это за дом, если в нем никогда скрипка не пела! И оружие, и утварь — все у них на стене висит. А скрипки — нет. А ведь все их оружие не стоит одной скрипки...

— Скрипки? — снова насупился бритый.

— Скрипки, клянусь святым Хетагом.

— И когда абреки угонят твой скот, ты бросишься в погоню со скрипкой в руках?

— Из дома, где скрипка на стене висит, никто не выйдет с дурным умыслом.

Бритый медленно обвел парня взглядом с головы до ног. «Посмотритека на него!» — говорили его глаза. А рот сказал:

— Никак, ты тоже на ней играешь?

— Играю. Так... немного, для себя.

— Ступай тогда, если для себя. Только, смотри, внизу на лестнице не заиграй.

— Не буду. Будто я не знаю, где нахожусь, — и, взяв со стола и смычок, дежурный вышел.

Бритый положил руки на стол, распрямив кисти, и принялся их рассматривать, как если бы хотел найти, чем они отличаются одна от другой. Дело Гино не давало ему покоя: что с ним делать? Как заставить его говорить? Как заставить его вымолвить хотя бы одно только слово?.. Да хотя бы полслова! От этой работы с ума можно сойти! Шутка ли — назвать человека врагом того самого государства, за которое он всю жизнь боролся. Да что там назвать! Сделать так, чтобы он сам врагом назвался. Чтобы лично расписался в том, что он враг!

Бритый встал. Кажется, сегодня он в первый раз встал со своего места. Он тяжело прошел вдоль стола в одну сторону, затем в другую. Потом, подобно очкарику, оперся руками в стол и уставился в то место, где лежала скрипка. Очкарик тихо покашлял, но бритый его не слышал. Он думал.

2

Гино стоял у окна. Впрочем, какое это было окно! Только щель шириной с ладонь и длиною в две пяди поднималась над уровнем тротуара, словно оно было предназначено для того, чтобы смотреть в черную землю, а не на белый свет. Но хорошо, что у него есть хотя бы эта щель. Иначе он задохнулся бы во мраке. Гино видел только ноги прохожих, и

то лишь стопы и лодыжки. Большей частью то были женские ноги. Хорошо бы, если бы он мог видеть и колени, или хотя бы голени. Тогда бы не так ему было тоскливо. Чтобы ему колючки рвать голыми руками, кто это окно в землю погрузил! Что может быть красивее женских коленей! Как они радуют глаз, какие сладостные вздохи — вдохи неслышные, тайные — исторгают они из мужского сердца! Гино стоял и смотрел, запрокинув голову, в узкую полоску света, и ему припомнились те строчки. Он их и на осетинский язык пробовал перевести. Это было, когда он учился в Ардонской духовной семинарии. Гино был рад этим стихам, как неожиданному привету из далекого прошлого:

...Толпа мазуркой занята;
Кругом и шум, и теснота;
Бренчат кавалергарда шпоры;
Летают ножки милых дам;
По их пленительным следам
Летают пламенные взоры...
Ах! долго я забыть не мог
Две ножки... Грустный, охладелый,
Я все их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне.

Сперва он прошептал эти строчки на русском языке, а потом, все так же глядя в полосу света, принялся искать по закоулкам памяти строки своего юношеского перевода, а когда нашел и разложил их в нужном порядке, тогда прочитал и на осетинском. Он читал их снова и снова и радовался и за себя, и за Пушкина.

Мелькали в узкой полосе света ноги незнакомых людей: кто спешил в одну сторону, кто в другую. И тут он понял, чего он хочет: он тоже хочет — идти. Но не так, как проходят люди над его головой — торопливо, суетно, — нет: идти по-настоящему. Закинуть котомку за плечо, впрячься в скатку шинели, взять в руку посох — и идти и идти! Шагать и смотреть только вперед, не оглядываясь на этот лживый мир. Шагать прочь от этого дома, чтобы больше и не слышать о нем. Ни об этом доме, ни о других, что вокруг стоят. Кто и зачем их строил — бог знает. Но возводили-то эти стены рабы, обездоленный люд гнул здесь свои спины, кровоточащие от ударов плетей. Сколько боли и обиды заключено в этих толстых, глухих стенах! А те, которые ходили здесь с плетьми, — каким богам смели они молиться, на какие блага, на какие радости они смели рассчитывать в будущем для себя и своих детей?.. Нет, чистые, светлые дома стоят только там, в горах, — дома, сложенные из белого гранита, настолько чистого, что он звенит от самого легкого прикосновения!.. Дома, над которыми поднимается в небо чистый, как молитва, дым, и на порог которых выходит ранним утром горец с белым пастушьим посохом, — и стоит и озирается кругом — не нуждается ли кто в его помощи.

Он, Гино, вновь пойдет по этим дорогам. Пойдет по-настоящему, далеко. Потом сядет где-нибудь на вершине горы, и будет играть на своей

скрипке и петь. Петь песни новой жизни. О, если на этом свете есть счастье, то и он, Гино, будет счастлив! Он будет строить новую жизнь, ходить по обновленной земле и петь песни о свободном, счастливом мире. Его отпустят. Не может быть, чтобы не отпустили. Порасспросят о том, о другом — и отпустят. Как в первый раз его отпустили, так и теперь его отпустят. Ведь не нашли в нем изъяна — ни в его работе, ни в его душе, — а с тех пор что могло измениться! Тогда отпустили: никакой, дескать, на тебе нет вины. А теперь какая на нем может быть вина!.. Да, но тогда его несколько месяцев держали-терзали: а это как?.. Почему никто не понес за это наказания? Разве это не странно, что никого не спросили: ну-ка, за что вы держали безвинного? Разве это не вина — лишить свободы безвинного? Почему не нашлось никого, кто их спросил бы, указав на них пальцем? Почему никто не встряхнул их, взяв за шкирку? В том-то и дело. Если бы тогда кто-нибудь крепко встряхнул их, его бы не арестовали во второй раз. Так оно и бывает, когда неправых не призывают к ответу. Нет, какая-то кривда завелась в жизни, пустила в ней корни. Надо будет ему попристальней присмотреться к этой кривде, как только его отпустят. Если он сам будет бессилен выкорчевать ее, то он и в Москву пойдет, хоть пешком пойдет, по-настоящему. Самому Сталину расскажет об этой кривде, — а уж он-то, Сталин, найдет на нее управу.

Люди над ним все шли и шли. И Гино глядел на мелькание их ног. Интересно, кто они? Среди них, возможно, есть и его знакомые или даже друзья — ему было бы приятно знать это наверняка. А по ногам человека не узнаешь. Его и по лицу не всегда узнаешь... Может быть, и его Лена теперь также ходит по улицам, по коридорам. Стучится в одни двери — ее шлют к другим, шлют с этажа на этаж, из кабинета в кабинет. Сжалось тоскою сердце Гино: с кем только не приходится говорить его Лене — его милой, его добронравной Лене! Должно быть, всякий видит по ее глазам, что она ищет сочувствия, просит милости, — ах, как не идет к ее светлому и благородному лицу это выражение! Совсем не идет. Не она должна умолять их, а они должны бы умолять ее, потому что она чище их всех, чище и красивее — и душой, и внешне, и выше их воспитанием и образованностью. Не ходить бы ей по этим кабинетам! Его и без того выпустят. Рассмотрят как следует его дело — и выпустят. В прошлый раз ведь тоже не сразу выпустили. Целых полгода держали. Кажется, то было лет шесть-семь назад. А теперь, конечно, скорее выпустят...

Лязгнул замок, заскрипели дверные петли — протяжно, тоскливо. Никто их, эти проклятые петли, не смажет, чтобы не щемили сердце своим заунывным воем. А иногда ему кажется, что это не петли скрипят, но тяжелая дверь, отворяясь, делает слышным вопль этих напитанных страданием стен, а потом, возвращаясь на место, снова наглухо замыкает им уста... Он обернулся. На пороге стоял, сгорбившись, пожилой человек в осеннем пальто и фетровой шляпе. Пальто показалось Гино слишком уж широким и длинным, так, словно оно было человеку чужим, и его вот только что, за дверью, прежде чем втолкнуть сюда, набросили ему на плечи. Вошедший стоял на месте и дрожал, будто от озноба. Опасаясь, что он может упасть, Гино подошел к нему и, взяв под локоть, подвел его к железной койке, которую накануне, скрежеща по цементному по-

лу, притащил в его камеру охранник. Едва добравшись до койки, человек свалился на нее и затих.

3

— Меня отпустят, отпустят, — говорил Гино. Он сидел на своей койке, склонившись вперед и уперевшись локтями в колени. — Не может быть, чтобы не отпустили.

— Это хорошо, что ты в это веришь. Вот только почему ты так в это веришь? — спросил его новый знакомец, которого накануне бросили к нему в камеру и который так и не шелохнулся ни разу за всю ночь.

— У меня снаружи много дел, очень много. У меня нет времени здесь прозябатьСокамерник смотрел на Гино как бы устало и безразлично. Глаза у него были воспаленные, красные, а брови красивые, черные, гладкие и длинные, как у женщины, и в них отчетливо виднелись отдельные седые волоски.

— Нет времени! — сказал еще раз и громче прежнего Гино.

— В чем они тебя обвиняют? В каком преступлении?

— Откуда мне знать! — всплеснул Гино руками. — Они говорят, что я связан с врагами советской власти. Еще бы не связан! — связан тем, что я всю жизнь, сам себя не жалея, бился против них! Чем другим, будьте вы неладны, я могу быть с ними связан?! Нет, здесь что-то другое... — Гино взглянул на сокамерника и, заметив, что тот смотрит ему в глаза, добавил: — Совсем другое!

— Вот-вот, в том-то и дело, что здесь что-то совсем другое. Вот только что это, что?.. Нет у этого другого ни имени, ни рода, да прервется их род — тех, кто к нам это другое принес! Разве это правильно? В кои-то веки мы вздохнули полной грудью, — а нам тут же кулаками глотки заткнули: не сметь дышать! Ты знаешь ли, что многие теперь свои котомки в изголовье держат, вместо подушки, чтобы быть готовым, когда к ним явятся эти... синие фуражки!.. В таком страхе как человеку жить, как работать, как за столом посидеть? — Новый знакомец помолчал и глубоко вздохнул, и Гино отчего-то показалось, что в этом вздохе было больше удовлетворения, чем тоски. — Но ты прав. Тебе нечего опасаться. Тебя по ложному доносу взяли. А кого по ложному доносу берут, того правдивое сердце не может не открыться. А вот я пропал так пропал. Видно, судьба моим детям по миру пойти.

Он замолчал, а Гино, сидя напротив, все смотрел и смотрел на него. Его сокамерник видимо сник. Он сидел на краю койки, бессильно сгорбившись, его длинное и просторное пальто сложилось на нем в крупные, бесформенные складки, только голова с острым носом торчала наружу. Он показался Гино похожим на сидящую на ветке нахохлившуюся ворону, и Гино искренне подосадовал на себя за такое сравнение. Он тряхнул головой и опустил глаза в землю.

— В чем ты провинился?

— Подрался я с ними.

— С кем?

— С этими... синими фуражками.

— Как же такое случилось?

— Да так. Это было у нас, в селе. Мы сидели за столом, поминали односельчанина. Едва старший встал с рогом в руке, чтобы сказать «рухсаг» — вдруг подступили к нему с обеих сторон. Один, в штатском, забрал у него рог и говорит: «Гражданин, вы задержаны». Все на минуту опешили, потом разом задвигались, послышались возмущенные возгласы. Где это видано, чтобы у старшего, который для молитвы поднялся, рог из руки вырвали!.. Тот, глядя на свою пустую руку, спрашивает: «Может быть, вы меня с кем-нибудь перепутали?» — «Мы врагов советской власти ни с кем не перепутаем!» Я подошел ближе. «Вы, — говорю, — дайте «рухс» сказать человеку, а потом делайте, зачем пришли, он никуда не убежит». Они все, как один, ко мне повернулись: ты еще, дескать, не указывал нам, как и что нам делать! «Да разве такое случалось на земле Осетии, чтобы у сидящего на тризне старейшины поминальный рог отняли и слова сказать не дали?!» Тогда возопил тот, что был в штатском: «Так ты хочешь, чтобы мы, делая свою работу, свою государственную работу, на цыпочках ходили из почтения к вашим завшивевшим традициям?!» — он резко махнул рукой, выплеснул араку нам под ноги, а пустой рог бросил на стол. У меня глотку перехватило, так что вздохнуть не мог. Подскочил я к нему, схватил его за грудки. Что я говорил, я и сам не сознавал, но говорил и говорил, глядя в его выпученные глаза. Только отдельные мои слова и обрывки фраз осели в памяти, и позже я время от времени слышал их эхо, как будто кто-нибудь другой внутри меня снова выкрикивал их. «Да ведь вы, — дескать, — сами враги народа, раз за его лучшими сынами охотитесь, хватаете их и бросаете в жернова своей адской машины... Или вы думаете, что этот самый народ слеп и не видит, кто ему враг, а кто друг?! Все он видит, и рано ли, поздно ли — заскулите, как та лиса из нашей притчи, что нож проглотила; так и знайте!..» Пока я его за грудки тряс, наши парни обступили незваных гостей со всех сторон; я испугался, комитетчика бросил, стал было парней увещевать, — да уж поздно было: разве их остановишь, этих необъезженных жеребцов! Немного потоптали их наши ребята, те даже не решились оружие из кобур вынуть... А позапрошлой ночью, когда уже спать ложился, заявились ко мне: ты, дескать, публично, перед целым селом, собравшимся на поминки, подстрекал народ бунтовать против советской власти!

Гино грустно смотрел на собеседника.

— Какой ты фамилии? — его вопрос прозвучал так, будто он не спрашивал его, а в чем-то с ним соглашался.

— До сих пор из Дзиболаевых был. Гугус мое имя.

— А я Гино, Бараков.

— О, Гино! — Гугус взглянул на Гино широко раскрытыми глазами. — Да помогает тебе Бог во всем... Значит, и таким, как ты, от них житья нет!.. Я вот что хотел спросить. Отсюда каждый день наверх водят?

— Кого?.. — рассеянно спросил Гино. — Кто водит?

— Да вот эти... проклятые... которых всех с собачьей скалы надо бы сбросить.

— Зачем?.. То есть, зачем им нас наверх водить?

— Как зачем? Допрашивать, тело и душу истязать. Хоть сегодня оставили бы меня в покое, чтобы в себя пришел. Тебя вчера допрашивали?

— Нет. Не только вчера, но уже несколько дней ни с кем не говорил, кроме тебя. Наверное, видят, что нет на мне ничего, а отпустить меня им жалко, вот и держат, — сказал Гино тихо и как бы отрешенно. Он думал о том, что, как только он будет на свободе, он непременно напишет историю Гугуса Дзиболаева — о том, как и за что его арестовали. Это будет или рассказ, или очерк, или публицистическая статья, но обязательно будет. Об этом нельзя не написать. В самом деле, разве это люди? — их бы там всех на месте перебить, как бешеных собак!

–Завидую я тебе, — сказал спустя минуту Гугус. — Ни в чем не чувствовать за собой вины! Даже если твою душу сквозь игольное ушко станут тащить — и тогда оставаться спокойным, зная, что тебе нечего скрывать!

Гино промолчал: ему казалось, что Гугус говорит сам с собой. Тот опять зашевелился на месте и вздохнул несколько раз кряду — вздохнул глубоко, с чувством:

— Вот оно — счастье, настоящее счастье — чистая совесть! Чистая, как вода наших родников! Чтобы ни единой песчинки злого помысла!

Гино поднял голову, посмотрел на Гугуса. Его слова, да и тон, с которым они были сказаны, показались ему несколько нарочитыми, пафосными. Как если бы он уже не раз произносил их прежде, стараясь добиться нужной выразительности. Гино подумал, что, Гугус, может быть, участвует в народной самодеятельности, в каком-нибудь драмкружке: сейчас сельские клубы повели активную работу. Должно быть, Гугус играет в каких-нибудь постановках... А хорош, наверное, бывает Гугус, выходя на сцену в этом своем пальто, что висит на нем, как на вешалке... Тут мысль Гино оборвалась, и он усмехнулся над собой: будто Гугус все роли в одном и том же пальто играет!

— Да, — продолжал тем временем Гугус, — делать свою работу, такую важную и трудную, и при этом не споткнуться ни на одной ступеньке, ни на одном уступе! Даже в сердце своем не обругать, не проклясть никого — ни тех, кто выше тебя стоит, ни тех, кто ниже. Со всеми уметь в согласии жить. А главное — с собой! У нас в народе ведь как говорят? — «Злой человек и себя не любит». Потому и видно сразу, что он злой.

Гино вдруг стало жаль Гугуса: слишком уж он чувствительный человек. Как близко он принял к сердцу его, Гино, положение! Будто ему своих забот мало. И все-таки его нужно было чуть поправить, и Гино сказал:

— Жить в согласии — это одно, а быть согласным — другое. Согласия у меня только с врагами никогда не было, а в чем-нибудь несогласным я только с друзьями бывал. И тогда я им прямо, глаза в глаза говорил, в чем и почему я с ними не согласен. Громко говорил, чтобы мои слова не только их уши, но и сердце услышало.

— Слышит тебя мое сердце, Гино, слышит, — поспешил с ответом Гугус, утвердительно тряхнув головой. — Насквозь пронимают меня твои слова. Но время такое... плохое время. Нынче человек сам себе не доверяет, сам на себя боится донести!.. Потому и говорю, что завидую тебе, что восхищаюсь твоей убежденностью.

Гино посмотрел на Гугуса, на его бледное лицо и красные глаза: о чем

переживает этот человек! Ему бы о детях своих переживать, а он о времени рассуждает.

— Ты говоришь, тебя позавчера взяли, — сказал Гино. — А где ты провел ту, первую, ночь?

— А что там осталось от той ночи! Привезли, усадили под лампой, положили на стол бумажки и стали вопросы задавать: когда и кем был завербован, какие мне давали задания, кто мои сообщники, кто у нас был главный...

— Да ведь тебя за другое арестовали?

Гугус на мгновение замер, словно ему задали вопрос, совершенно не относящийся к делу.

— Будто я их сам об этом не спрашивал! — горько усмехнулся он.

— И что они?

— Это, дескать, наше дело вопросы ставить, а твое дело — отвечать. Понял, дескать?

— И что ты?

— А что я? Дескать, понял...

— А потом?

— Потом бросили меня в какой-то темный угол, пришли двое и принялись мне бока мять. Били, пока я боль чувствовал...

— Погоди, а как они узнали, что ты перестал чувствовать боль?

— Кто? Те двое?

— Да, да. Те двое.

— Наверное, по тому узнали, что я больше не кричал и не двигался. Когда я пришел в себя, я лежал на какой-то ветоши. Все тело болело так, будто меня трактор переехал. Ни спины не мог разогнуть, ни ног. До рассвета не мог пошевелиться.

— До рассвета, говоришь?

— Да. Пока не рассвело.

— А когда рассвело, ты уже мог встать на ноги?

— Да. Может быть, не потому мог, что рассвело. Но ведь свет — это не пустяк. Не зря у нас молятся Боны-рухс-бардуагу в тех домах, где больной человек лежит.

— Значит, их двое было? — спросил Гино.

— Кого? — спросил и Гугус, подняв на него будто рассеянный взгляд.

— Тех, что били тебя.

— А, тех... Да, кажется, двое.

— Значит, ты их не видел?

— Как бы я их увидел в такой темноте, что хоть глаз выколи!

— Тогда почему ты знаешь, что их двое было?

В глазах Гугуса промелькнуло будто какое-то беспокойство, и Гино удивился: что могло его смутить, если только ему это не показалось?.. Ах, ну конечно: ведь он сам Гугусу не что иное, как допрос устроил!.. Еще бы ему не обеспокоиться. Ведь этак он может подумать, что он, Гино, здесь затем и сидит, чтобы выведать у него все то, о чем он наверху умолчал. Тем более, что он сам был когда-то один из них, из «синих фуражек». Откуда Гугусу знать, что он расспрашивает его только затем, чтобы потом, когда он выйдет на свободу, написать его, Гугуса,

историю, чтобы лучше, во всех деталях понять и его положение, и его состояние...

— Может, и больше было, — сказал Гугус, будто чем-то обидевшись. — Но точно не один. Это, знаешь ли, не одно и то же — двумя руками тебя избивают или...

— Да, да, конечно... Тело человеческое чувствительно... Слабо, слабо тело, — пробормотал Гино и, вздохнув и опустив голову, снова погрузился в свои мысли. Может быть, ему удастся чем-нибудь помочь Гугусу. Ведь прежде это ему не раз удавалось. Сколько дел он сам рассмотрел, иногда забирая их у своих подчиненных, сколько несправедливых обвинений снял с самых разных людей, распахнув перед ними двери темниц: ступайте, добрые люди, по своим бедным домам!

Ему уже ни о чем не хотелось спрашивать Гугуса. Не глядя, он развел руки по сторонам, пошарил ими по своей койке; левой рукой нашел среди складок потрепанной солдатской шинели скрипку, правой — смычок. Потом распрямил спину, вздохнул и, поставив скрипку на левое колено, заиграл и запел:

Расплодились волки беззаконно,
Горы и ущелья наводнили.
Род олений весь согнав в загоны,
Резать их по одному водили.

Гугус мотнул головой и растерянно оглянулся через плечо, как если бы кто-нибудь невидимый вдруг хлопнул его по темени, потом бросил тревожный взгляд в одну, в другую сторону — что это?! Разве это всего лишь скрипка, разве это всего лишь песня? Гугус хотел было встать — зачем, он и сам не знал — от этих звуков и валун подвинулся бы на своем от века належанном месте! — он подался телом вперед, но так и не поднялся, потому что почувствовал крупную дрожь во всем теле. То была не просто скрипка, то была не просто песня — то был сам свет Божий, от которого нельзя укрыться, который проникает в тончайшие поры бытия и делает вещество прозрачным, как воздух. И Гугусу показалось, что он сам стал звонким и прозрачным, как стакан, сквозь который смотрят на свет, чтобы узнать, мыт ли он.

Он посмотрел на Гино, уже не стараясь скрыть смятения и невольной мольбы, выразившейся на его лице. Хорошо, что Гино не смотрел на него. Гино никуда не смотрел. Глаза Гино были закрыты. Наверное, так он лучше видел тех волков и оленей, о которых он пел:

Резали оленей, пировали,
И никто не встал за род олений.
Прежде чем убить, рога ломали —
И стоял над миром рев олений.

Нет, под этим небом еще никогда не пелось подобной песни! — так думал Гугус. Если бы когда-нибудь прежде люди слышали эту песню, то сегодня мир был бы совсем другим. И люди были бы другие. Потому что —

как тяжел становится от нее человек! — но, сколько он, Гугус, становился тяжел телом, столько же он становился легок и вдохновлен душой, как если бы он был кувшином, а песня Гино была вином, и он наполнялся этим вином — и становился все тяжелее, а на душе у него становилось все легче! Всем своим существом Гугус почувствовал желание действовать — сделать что-нибудь, — что? — что-то большое, настоящее, что-то такое, к чему не всякий способен, такое, о чем молва пойдет по миру. И он все удивлялся на себя: что с ним сделалось? Неужели это сделала песня?

Подавленный и просветленный сладким бременем песни, Гугус вдруг вспомнил старого ксанца Цицо, который был его соседом в то время, когда он еще жил в селе, в горах. Цицо, бывало, говорил: «А вы как думали!.. Песней, если хочешь, убить можно. Песня — что небесная пуля, из тех самых, которыми Всевышний чертей, землю заполонивших, истреблял. Но песня не только убить, она и воскресить может... Так, что мертвец встанет из гроба...»

Мысли Гугуса перепутались и заметались в разные стороны, они то сталкивались, проглатывая одна другую, то сливались в сплошной мерцающий вихрь, который он наблюдал словно со стороны, словно мысли были не в голове у него, а кружились вовне, в сумеречном воздухе камеры, — и Гугус снова встряхивал головой и беспомощно озирался по углам. Да, пожалуй, убить песня может. Убить человека легко. Но из гроба поднять?! Что же, что из гроба! Пожалуй, иного может и из гроба поднять!.. Только не его, не Гугуса. Его, Гугуса, пожалуй, и убить не сможет! Потому что слаб он, Гугус. Потому что продал он свою честь. Можно ли убить человека, который и без того уже мертв!..

Позабыли волки, что настанет
Божий суд, и честный, и недолгий,
Он на кряжах виселиц наставит,
Чтоб на них висели люди-волки.

Гугусу представился бесконечный ряд виселиц, торчащих на горных хребтах и отрогах и четко выделявшихся на фоне чистой небесной сини. Он снова дернулся вперед, будто желая встать, — и снова остался на месте: закончилась ли песня Гино или у нее есть еще продолжение? Зачем ему нужно встать, несмотря на дрожь в коленях, он не знал по-прежнему, но уже почему-то твердо решил, что он должен встать на ноги, если Гино кончил петь. Он поднял голову и посмотрел — но вместо сидящего в полусумраке Гино снова увидел торжествующую небесную лазурь и черные столбы виселиц с висящими на них волками, бессильно свесившими серые когтистые лапы. Гугус присмотрелся — и с ужасом узнал в одном из волков самого себя. Петля крепко стянула ему шею, и он выпростал из пасти окровавленный язык. Другие волки висели покойно и смирно, он же, волк Гугус, мерно раскачивался, будто ветер нарочно качал лишь его... Гугус вздрогнул и с усилием глотнул, издав пересохшим горлом какой-то деревянный стук. Видение развеялось.

Гино полулежал поперек койки, прислонившись лопатками и затылком к стене и положив скрипку себе на грудь. Пальцы его левой руки не-

спешно двигались по грифу вверх и вниз, едва касаясь струн, как если бы он мысленно наигрывал какую-то мелодию. Его глаза были закрыты, и он будто даже не дышал: наверное, сделав глубокий вдох, он выдыхал воздух медленно, протяжно, как требует того тихое, вдумчивое пение. Лицо Гино разгладилось и представлялось Гугусу совершенно спокойным и беззаботным. Но это было лишь внешнее впечатление: сейчас Гино переживал о многом, а больше всего о нем, о Гугусе. Что станется с его семьей, его детьми, если его не отпустят? На что они будут жить? Но, быть может, отпустят еще. Чем бы ему можно было помочь? Чем и как?

Гино все больше сочувствовал Гугусу. Да, добрый он человек. Добрый, но слабый. От слабости, а не от силы он вступил в ту схватку, и теперь он, возможно, не устоит, проиграет. Но тем больше он заслуживает того, чтобы о нем написать... Немного странный он: вроде бы сельский человек, а в то же время как будто и не совсем сельский. И говорит он простым народным языком, а интонации у него как будто книжные, литературные. Как он, интересно, справляется с сельскими-то работами и хлопотами?.. Как живет с соседями?.. Запевает ли он, сидя с ними за досужим столом?

Наверное, запевает. Там, в селах, хорошо поют... Гино подумал, что пора бы ему уже открыть глаза и взглянуть на Гугуса: так же ли он сидит, как сидел, или, может быть, он уснул? Если Гугус не спит, Гино скажет что-нибудь. Спрашивать больше ни о чем не будет, а просто что-нибудь скажет. И пусть тогда и Гугус что-нибудь скажет, если не спит... Вдруг раздался в камере громкий и отчетливый возглас:

— Прости, Гино!

Гино услышал эти слова, но они не сразу дошли до его сознания. Он хотел уже прислушаться к их смыслу, но в следующее мгновение его оглушил звук выстрела, который словно длился целую вечность и заполнил собой весь мир. Даже на войне он не слышал такого грохота. Даже пушечные залпы турок не гремели так ужасно. Гугус лежал, откинувшись навзничь, его голова неловко уперлась в стену и склонилась на сторону; широкие и бесформенные складки пальто полностью скрывали очертания тела. Из правого рукава виднелся вместо руки наган.

Гино стоял, держа в одной руке смычок, в другой скрипку, и не двигаясь смотрел на тонкий сизый дымок, струившийся из дула нагана.

Перевод Ирлана Хугаева

ИРИНА КАЛУС

Ирина Владимировна Калус родилась в 1974 г. в городе Армавире. Окончила филфак Армавирского госпедуниверситета (1996), отделение английского языка и Высшую философскую школу при АГПУ. Доктор филологических наук (2004). С 2024 г. — профессор кафедры русской филологии и литературного творчества Пятигорского государственного университета. С 2010 г. — основатель и главный редактор литературного журнала «Парус». Лауреат премий журналов «Молодая гвардия» (2004) и «Москва» (2010) в области литературной критики. Член Союза писателей России.

Цвет неба

Когда оставалось дня три до назначенного срока, мне приснился сон: я веду за руку мальчика лет пяти, с волосами цвета спелой пшеницы, голубоглазого, улыбающегося. Сон был настолько отчетливым и неожиданным, что я тут же проснулась, медленно села на кровати, устроилась так, чтобы было удобно животу, и начала смотреть в окно. Почти рассвело, но все спали, поэтому в палате, как туман, стояла густая утренняя сумеречная тишина. Можно было погрузиться в нее и какое-то время побыть в покое, сосредоточившись на своих мыслях.

Прогулки запретили, чтобы никто ненароком не простудился, не заразился — в разгаре была эпидемия — и не поскользнулся на заледенелых дорожках роддомовского двора. Все сидели в заточении. По коридорам гулять тоже не велели — оставалось лежать на своих кроватях. Я днями напролет обживала свое маленькое пространство и пыталась отвлечься от назойливой болтовни соседок.

Единственной моей подругой здесь была Мария — только с ней я и любила говорить. Мы понимали друг друга с полуслова и всегда выходили на какую-то особенную глубину в общении, иногда смеялись, даже творили: в предновогодние дни смастерили из шариков и ленточек импровизированную елку и верили, что скоро наше пребывание здесь счастливо закончится.

Посмотрев на заснеженную крышу пристройки, видную из окна, на еще светящий тусклым светом фонарь, я перевела взгляд на декабрьское небо: оно было темно-серым, с белой пеной облаков по краю — обещали новый снег и усиление морозоНе включая свет, встала и подошла к раковине, чтобы умыться. В утренней полутьме посмотрела на отражение в зеркале: на бледном лице — карие глаза с синяками вокруг, взъерошенная каштановая челка. Да, настоящее привидение — надо привести себя в порядок.

День прошел стандартно: обход, капельницы, уколы и посещения столовой с унылой пресной едой, где меня опять поймали с кетчупом. Пыталась написать обещанную статью в литературный журнал, но мысли буксовали, дело продвигалось медленно. Скрашивали больничную жизнь

беседы с Марией и звонки родным, где я давала волю эмоциям и от души ругала назначенные мне неприятные процедуры, которые считала совершенно лишними. «Держись! Будь мужиком!» — шутила Мария. Вечером, когда все заснули, я в отчаянии вперила взгляд в серый потолок. Сегодня врач сказала, что если через три дня роды не начнутся, то мне «помогут» — будут прокалывать пузырь железной спицей.

Было жутко. Больше всего переживала за того, кто шевелился внутри. Я погладила живот: «Давай, малышок, выходи поскорее, нас торопят». Меня охватывали ощущение безысходности и желание сбежать. Почему мною и моим телом распоряжаются другие люди? Хочется верить в их милосердие и профессионализм, но к чему эта спешка с родами? А вдруг все идет хорошо — и врачи просто ошиблись на один-два дня со сроками? Зачем в здоровый организм, переживающий такой сокровенный период, вторгаться иглами и железными спицами? Беременность я переносила легко и чувствовала себя в бодром здравии.

А вдруг в новогодние праздники врачей и медсестер не окажется на месте? А если они и придут, то будут погружены в свою праздничную суету и не уделят мне должного внимания... По больнице гуляли «страшные истории» про новогодние роды, а меня весь персонал и так открыто и беспардонно шпынял за то, что решилась завести ребенка «в таком возрасте».

Я вернулась мыслями к своему сегодняшнему сну, который мы потом обсуждали с Марией, — об улыбающемся мальчике. Голубоглазый малыш? У меня? Разве такое может быть? Но, конечно, я любила его заранее, каким бы он ни родился. Только надо было дождаться. Главное — дождаться...

При мыслях о крохотном человечке, еще только ждущем появления на свет, но которому уже грозит железная спица, на глаза у меня навернулись слезы. Вскоре я уже не сдерживала рыданий, впав в глубокое отчаяние, обводила невидящими глазами потолок и стены палаты, скользила взглядом по мутному пятну фонаря в окне. Я прочла все молитвы, которые знала наизусть, своими словами обратилась к ушедшим родным, и мне стало немного лучше. «Не я первая, не я последняя», — успокаивала себя шаблонной фразой, переключившись на размышления о своей семье. «Мама, папа, дедушка Андрюша, бабушка Нюра, миленькие...» — шептала я в серый предрассветный сумрак палаты. Делалось легче, но до конца тревога не уходила. Я перебирала в голове судьбы своих родных и вспомнила мамин рассказ про ее отца, моего дедушку Андрея, который трое суток раненый лежал в предгорьях Альп. Что он в те дни чувствовал и как прожил их? Сегодня никто из нас уже не знал и представить этого не мог.

Наступил первый день нового года. На моем счету числился тайный побег из роддомовского заточения (больше чем на сутки!), веселый поход в супермаркет, где я с наслаждением, с девятимесячным животом широко вышагивала за тележкой, встреча праздника в кругу родных и любимая комната с небесно-голубыми в серебряную искру обоями.

— Я вас не видела. И ночью проверять не буду. Только чтобы на «скорой» сюда не возвращались, иначе всех под монастырь подведе-

те, — громким хриплым голосом говорила всем «мамочкам с креветками внутри» пожилая дежурная медсестра, явно уже проводившая старый год.

Вернувшись в свою палату, к ночи я опять погрузилась было в тревожные мысли про железную спицу — завтра наступал срок, объявленный врачами. Но через несколько минут вдруг почувствовала — начинаются роды!

«Наконец-то! — прошептала я, бросив благодарный взгляд наверх. — Наконец-то!»

***

...Он аккуратно подтянул себя поближе к дыре — так, чтобы лучше были видны седовато-синие клочья тяжелых облаков. Сегодня с утра моросил мелкий колючий дождик, но даже скудный унылый свет обложных туч казался ему той поддержкой, без которой внутри зарождалось отчаяние. Он вдыхал холодящий терпкий запах опавших дубовых листьев и сырой земли, перемешанный с небесной влагой, думал о своем плачевном положении и о том, что нужно быть сильным и не сойти с ума в этой земляной яме.

Дыра, служившая одновременно окном и входом в его небольшое убежище, была чуть осыпана по одному краю покоричневевшими листьями, ветками и лохматыми комьями рыжей глины. Эту крохотную землянку рыли наспех, но Андрей, несмотря на высокий рост, отлично в ней помещался — да и о комфорте ли рассуждать на войне? Оставшись один, он надолго до самого вечера приклеился взглядом к краю дыры и уже запомнил рисунок его очертаний, похожий на географическую карту какого-то таинственного острова. Когда край дыры начинал плавиться, а потом двоиться в глазах, он чуть смещал фокус и смотрел в небо. Наверху сменяли друг друга дождевые тучи, оставляя размазанные акварельные следы. Постепенно темнело. Его серо-голубые глаза сперва вбирали густую блекло-синюю небесную гуашь, а потом — сизую, набирающую яркость мглу. Иногда он смежал веки, и его тянуло впасть в дрему, но сверху и снизу слишком ощутимо веяло прохладой — он ежился и, превозмогая боль, глубже вдыхал сырость осеннего леса, как будто ища точку опоры в зыбком пространстве, снова, делая усилие, упирался глазами в жидкое темное серебро небесной бездны.

Ноющая боль в левой ноге была гораздо неприятнее, чем сырость и холод. Эта боль то не давала уснуть, то наоборот — погружала в состояние, близкое к нереальному — похожему на сон наяву. Периодически он отчаивался и впадал в панику или, поднимая глаза к дыре, грезил несбыточными надеждами на то, что вот-вот ребята вернутся за ним на машине и что, в этом случае, он очень скоро окажется в теплом и сухом, наполненном белым светом госпитале с доброжелательными улыбчивыми сестричками. Но потом спохватывался: автомобилю сюда не проехать, а чтобы добраться до линии фронта, нужно пересечь Австрию и Венгрию, и тогда только начнется СССР — Украина!

Осенью 1944 года советские войска освобождали Карпаты и готовили рывок на Вену, поэтому в глубокий немецкий тыл забрасывали разведчи-

ков-парашютистов со специальными заданиями. Высадка группы, в которую входил Андрей, прошла для него не очень удачно.

Теперь же — его первая ночь в земляной яме была хоть и тихой, но не украинской, а австрийской, и таких ожидалось как минимум еще две, а то и... он даже не хотел думать о худшем.

Вопреки здравому смыслу, Андрей то и дело воображал себе всякую всячину: представлял свежий хлеб, только что вынутый из печи, завернутый в белый, с ярко-красными ромбами и крестами по краям, рушник; видел парное молоко, галушки со сметаной, горячий жирный борщ, тоже красный и густой; потом откуда-то выплывали карие глаза крепкой селянки в белой блузе с красной же вышивкой.

Он вспоминал, как незадолго до войны в их маленьком зауральском поселке мать со звучным именем Мила-Людмила пекла хлеб, как она быстрыми чеканными движениями рубила капусту и ловко утрамбовывала крошево в деревянной кадушке, как он, крепкий шестнадцатилетний парень, возвращался с братьями с поля, его мышцы гудели от работы, и тогда казалось, что он был готов съесть целого теленка.

— Матушка, опять бурьян рубишь? — всю зелень и овощи он называл бурьяном.

Она вскидывала на него такие родные синие глаза, улыбалась и тут же опускала их, молча продолжая шинковать крепкий кочан.

Даже сейчас, в этой земляной норе, ему помстился запах свежей капусты. Он приподнялся — но тут же понял, что это тянет прелой сырой листвой и мокрой глиной. Андрей не голодал — товарищи оставили ему почти всю тушенку, сало и сухари.

Были даже сушки из груши-дички, которые сам насушил на отдыхе у костра августовскими ночами. Тогда их маленький отряд особого назначения стоял у реки Стырь, на украинской земле. Сушки можно было заваривать как чай, а можно было есть как конфеты.

В действительности он не так уж часто думал о еде — словно и в мыслях был парализован. Больная нога ограничивала его подвижность, и точно так же ограничено было его сознание, уже впитавшее в себя всю зябкость осенней альпийской ночи и одиночество утра, и тоску долгого вечера, безотрадное ощущение покинутости и физической немощи.

Товарищи должны были вернуться за ним примерно через три дня, выполнив задание.

И вот он, уставший от шока первой боли, от того, как мучительно доставали пулю, от перевязки и осознания себя раненым, уже лежал на ворохе сухих листьев и еловых веток в расширенной звериной норе под откосом пологого склона. Вход в нору засыпали землей и привалили камнем для маскировки. У противоположного края вверху пробили для Андрея небольшую дверь-окно.

Он начал ждать, когда за ним придут, почти с первой минуты своего одиночества. В этом постоянном ожидании прошли первые сутки, потом протянулись еще один день и еще одна ночь. Над ямой, где-то наверху, на склоне, кто-то каждую ночь хрустел ветками; он догадывался, что это звери. Но близко подойти они не решались — видимо, интуитивно не желали познакомиться с его автоматом, чуя ружейную смазку и сгоревший порох.

Пару раз, когда хруст веток раздавался в угрожающей близи, Андрей нащупывал рукой единственную гранату. Но шума без лишнего повода он поднимать не хотел, помня слова Валентиныча: «Ты должен раствориться в лесу — быть тише воды, ниже травы». Поэтому Андрей не разжигал костра, чтобы не привлечь внимания дымом. Дважды в сутки он с большим трудом выбирался из своего логова по нужде, настороженно ловя лесные звуки и в то же время отпуская в себе чувство условной кратковременной свободы от заточения. Он полной грудью вдыхал ароматы осени, мысленно сливался с уходящими на горную гряду рядами деревьев, скользя глазами к той линии, где гора переходила в небо, и замирал в позе, позволявшей не чувствовать раненую ногу. Он наслаждался ощущениями открытого пространства, видами лесных гористых далей, кожей чувствуя свет, обступивший его со всех сторон. Он обтекал взглядом рельефы наваленной под деревьями, скрученной и покоричневевшей листвы. Разрешив себе пятнадцать минут такого отдыха, Андрей опять полз к своей норе, стараясь переваливаться по выступающим камням и не сильно ворошить ковер из листвы, потом медленно совершал погружение в полутьму, где все сгущалось — сырость, запахи, пространство и, как ему казалось, время.

«Что может чувствовать человек, похороненный заживо?» — эта мысль в первые сутки его одиночества назойливо сверлила мозг, обдавая душу холодящим неверием в свое спасение. Ему казалось, что сейчас он, будто подвешенный за раненую ногу, болтается на хлипкой веревке над пропастью — и чтобы чудо спасения совершилось, должно сложиться в одну цепь сразу множество благоприятных обстоятельств: если, выполняя задание, выживет его группа, если за ним вернутся, если найдут, если не решатся бросить его вот так... Но нет, они не способны на такое предательство... Если он дождется своих без приключений, если враг не найдет его раньше...

«Вот и могила моя», — он гнал от себя эту фразу, начинавшую все отчетливее звучать внутри него ближе к вечеру вторых суток и притягивающую другие, не менее мрачные: «Я — как раненый волк в волчьей яме»; «Они не вернутся»; «Они изменят маршрут»; «Нарвутся на немцев или попадут на минное поле»; «Они задержатся на неделю или на две, загнанные в ловушку или вынужденные идти в обход, а когда за ним придут — будет уже поздно...». Но потом он вспоминал серые, слегка прищуренные глаза командира и немного успокаивался: «Не-ет, Валентиныч за версту почует недоброе — хоть зондеркоманду, хоть патруль, хоть мину, искусно замаскированную в жухлой листве. И все у него всегда возвращались — вернутся живыми и на этот раз. Только дождаться. Главное — дождаться».

Образ командира перекрывал поднимавшуюся было в его душе волну паники и даже, казалось, утихомиривал боль в ноге. Тогда Андрей засыпал.

На вторые сутки к вечеру он ощутил необъяснимое беспокойство. Усилилась боль в ноге; ему даже показалось, что он чувствует какой-то не совсем обычный жар — липкий и тяжелый, распирающий изнутри, сдавливающий виски.

Раньше наступления ночи, против воли, начал впадать в дрему. Одновременно пытался выползти из ее засасывающей трясины, но на него неотвратимо надвигался какой-то другой, особый сон — как казалось, опасный и смертельный. Только тянущая, пекущая боль возвращала ему сознание — но возвращался он снова в сон. Погружаясь в свою боль, Андрей хотел очнуться, пошевелить рукой или хотя бы повалиться на бок, чтобы вытащить себя из мутной дремы — но тело его будто сковало невидимыми цепями, в то время как сознание в панике металось так, что было уже трудно дышать. И вот, прямо в этом парализующем сне, его вдруг прошиб холодный пот, и жар отступил. Казалось, все его тело обдало ледяным движением воздуха, даже волосы на голове зашевелились — огромным усилием воли удалось открыть слипшиеся веки, и тут он увидел их.

У противоположной стены стояли двое — маленького роста, они были похожи на гномов. Он чувствовал, что они сердятся, необъяснимо понимая это по их беззвучным жестам недовольства. По лицу Андрея продолжал течь сквознячок. Он не мог понять, как они помещаются в его низкой пещере, не мог себе объяснить их появление, но явственно ощущал, что его присутствие раздражает их.

С неимоверным трудом, наконец, вскинув голову к спасительному «окну», Андрей пытался нащупать глазами свою дыру в небо. На фоне черноты горной альпийской ночи она была практически незаметна, но вот он увидел две едва заметные светящиеся точки и, ликуя, понял, что это звезды: «Нашел!»

Звезды были его спасительным якорем с самого детства — с тех времен, когда в ночном, лишь угадывая по редким знакомым звукам, где пасутся стреноженные кони, он ложился у почти погасшего костра и, немного отползая от спящих мальчишек, смотрел в бездонный черно-синий купол, в его усыпанную мириадами мерцающих точек чарующую бесконечность, наполненную смыслом и несущую какое-то важное послание. Много ночей своего детства он провел, пытаясь разгадать небесные знаки. Как опытный мореход, проплывал руслами знакомых созвездий, силился разглядеть самые маленькие и незаметные точки, которые кроме него никто не видел.

Как-то мать сказала ему, что с неба смотрят глаза его деда с бабкой. И Андрей, еще будучи мальчишкой, пытался выбрать, какие же из звезд — самые родные для него. Иногда он был уверен, что видит именно их, иногда — вообще ничего не мог разглядеть сквозь туман и облака. Порой они светили как-то по-другому, и тогда он выбирал себе новые яркие точки. Мерцая, они распускались в его воображении как диковинные небесные цветы.

Но любые звезды он всегда считал своими хранителями, чем-то добрым и неизменным — тем, что держит на себе весь свет и бездонный темный океан ночного неба. Вот и сейчас, когда точки звезд замерцали в дыре, он вспомнил своего деда — дедушку Федю. А когда перевел взгляд на то место, где только что были гномы, увидел в темной стене лишь едва заметные тающие тени.

«Господи! — Андрей схватился за крестик, зашитый в левом кармане гимнастерки, — Неужели я тронулся умом? Кто они? Показалось?» Он

боялся всматриваться в окружающую темноту, но глаза помимо его воли обшаривали скудное пространство. Он не знал, ползти ли ему наружу или оставаться в норе, не знал, где найти себе убежище.

Через какое-то время, обессиленный от явившейся жути, он кое-как заснул, прижимая оловянный крестик правой рукой.

Утро выдалось по обыкновению серым, но ветер утих и дождик уютно шуршал по лесному ковру. Андрей, преодолевая себя, подполз к дыре, подтянулся на руках и высунулся из норы. Ему показалось, что вдали он слышит залпы орудий. Почти не дыша, он вслушивался и вглядывался во все стороны, но ничего не уловив наверняка, выбросил тело на сырую листву и долго лежал, глядя в свинцовое небо, затянутое серебристо-серой паутиной, и ловил ртом пыльцу из дождевых капель. Вчера там, в небе, мерцали светлые точки, спасшие его от гномов, от отчаяния и сумасшествия. Сегодня верхушки гор утопали в густом тумане и на помощь вечерних звезд рассчитывать не приходилось.

Он подтащился к замаскированной с вечера пустой банке из-под тушенки, на дне которой скопилось немного дождевой воды. Вода была еще и во фляге, поэтому Андрей опрокинул содержимое жестянки в сложенную ковшом ладонь и умыл лицо. «Третий день», — подумал он. И беспокойство снова зашевелилось в нем, отдавая болью в ноге.

Спустившись в нору, он позавтракал холодной тушенкой, сухарями и сушками и, открыв вещмешок, достал из него миниатюрные, не больше ладони, походные шахматы. Разложив их на земле под световым пятном, начал партию, мысленно беседуя с Алексеем Петровичем — фельдшером из Бердичева, постоянным партнером по любимой игре.

Шахматы на время отвлекли Андрея от боли и тревоги. Но после обеда он вернулся в ставшее за эти три дня привычным тревожное состояние. И вдруг услышал, а скорее почувствовал, как кто-то или что-то подкрадывается к нему, продвигаясь по лесу. Он чуть высунул голову из норы и понял, что не ошибся. На этот раз звуки и ощущения были вполне реальными, он не спал.

Раздался глухой крик напуганной птицы, послышался хруст веток. У Андрея упало сердце: «Живым не сдамся!» Рука потянулась к гранате, всегда лежащей рядом. Впрочем, их, воздушных десантников из отряда особого назначения, подготовленных для диверсий в тылу врага, в плен и так не брали. Обнаружив наколку на руке в виде «крылышек», фрицы убивали парней на месте, считая их особо опасными.

«Вот и все... А может, не заметят...»

Хруст и шорохи приближались. Андрей запоздало глянул на свою зияющую дыру — эх, надо было замаскировать ее как следует... Но поздно. Он отполз к дальней стене и замер в отчаянном ожидании, пока не услышал глуховатый голос командира:

— Андрюшка, живой?

В голове взорвался и разлетелся цветным фейерверком пушечный залп...

Андрей не сразу смог зашевелить губами, и вот они с трудом разомкнулись:

— Валентиныч...

Он не смог справиться с собой, по лицу потекли слезы. Слова застревали в горле, он только улыбался, смущенно сжимая губы. А Валентиныч с Жориком и Костиком, двумя худолицыми сероглазыми братьями, уже тащили его из норы. На земле они молча обняли полулежащего и обсыпанного прелой листвой Андрея, и только тогда он со всей силой почувствовал, как не хватало ему в эти три дня живого человеческого тепла, прикосновений огрубевших рук, звуков знакомых голосов и, главное — самой настоящей уверенной радости от того, что все невероятным образом сложилось, что счастливая звезда его не подвела.

Еще три дня они тащили Андрея лесом на волокуше из еловых веток. Сначала он пытался идти сам, опираясь на плечи Жоры и Кости, и даже прошел несколько километров, пока нога не распухла и не начала болеть совсем уж нестерпимо. Пришлось снова лечь на волокушу.

К вечеру третьего дня они вышли к «точке», где их ждал транспортник Ли-2.

Когда в ночи они летели к Украине, Андрей бредил. Позже ребята рассказывали ему, что он все время просил показать ему небо.

В госпитале, как ему и мечталось, действительно было тепло и сухо. Только не пахло ни борщом, ни галушками — тем, кто мог есть сам, давали щи и кашу, а вместо симпатичных сестричек дежурила сухая, согбенная, но на редкость черноволосая старуха Анна, которую все называли «бабой Нюсей». Когда Андрея привезли из операционной, она озабоченно вздохнула, но потом, блеснув карими глазами, улыбнулась:

— Хорошо, нога на месте осталась, не отпилил ее тебе наш Горыныч.

Андрей медленно приходил в себя. Слова бабы Нюси звенели и громыхали в его голове. Он закрывал глаза, и ему мерещился летящий по небу карликовый Горыныч с тремя головами.

— На, попей вот.

Баба Нюся подошла и протянула ему граненый стакан с водой. Андрей с трудом взял стакан в руки, посмотрел сквозь стекло на множащееся во всех гранях отражение старухиного лица, а потом, со ставшим для него привычным усилием повернул голову на бок. Он словно прилип к койке и уже не слышал голоса бабы Нюси, продолжающей что-то говорить про «Горыныча». Из кровати, прямо с подушки, через окно, сквозь сетку ветвей опавшего клена ему было видно светлеющее небо с еще угадывающимися на нем точками звезд.

***

«Мне кажется, так это было», — за три дня до родов говорила она Марии.

И потом еще часто возвращалась мыслями к той истории о дедушке — к истории, подробностей которой никто не знал и уже не узнает.

Ей не хватало воздуха после родов еще дня три. Она не могла вставать без опоры, не могла пройти десятка неспешных шагов без одышки, не могла есть, сразу начиная задыхаться. Но рядом мирно сопел носиком крохотный младенец с голубыми глазами и льняным чубчиком, от-

личающийся редкостным спокойствием, деловитостью и деликатностью одновременно. Ей казалось совершенно невероятным сочетание всех этих качеств.

Он был невозмутим, когда в роддоме отключили отопление и все сознательно мыслящие пациенты впали в панику; он безропотно лежал, как солдатик, там, куда его положили, не сдвигаясь с места даже на миллиметр; он послушно давал себя запеленать и всегда точно знал, чего хочет. Но самым невероятным был цвет его глаз: густой, муаровый, насыщенный — темно-голубой — как цвет дождевых облаков, хранящий память об осеннем небе Австрии, о раненом русском солдате, пролежавшем три дня в земляной яме, о дождливом сумраке и о звездах, смотрящих на всех, кто их хочет увидеть.

***

Девятого мая они с малышом лежали в ее любимой комнате с небесно-голубыми в серебряную искорку обоями. Он проснулся и заворочался, зачмокав губами. Пришло время кормления, и она устроилась поудобнее.

— Сейчас, малышок, я расскажу тебе одну историю...

Национальные литературы народов
Поволжья, Урала, Северо-Запада
и Алтая

ПРОЗА

РКАИЛ ЗАЙДУЛЛА

Ркаил Рафаилович Зайдуллин родился в 1962 г. в деревне Чичканы в ЧАССР. Член Союза писателей РТ. В общей сложности Зайдулла автор двадцати книг стихов, поэм, рассказов, исторических повестей, пьес, детской прозы и публицистики. Народный поэт Татарстана, заслуженный деятель искусств РТ. Лауреат Государственной премии РТ имени Г. Тукая, Республиканской премии имени М. Джалиля. Член национального совета «Милли шура» Всемирного конгресса татар. Член Совета по культуре и искусству при президенте РТ. В 2021 г. Зайдулла был избран председателем Союза писателей РТ.

Назира

Я уловил в серых глазах женщины-врача искру интереса. Она бросила на меня лишь один быстрый взгляд. Затем, покопавшись в бумагах, наваленных кипой на столе, небрежно сказала: — Приходите завтра к восьми утра. Ни пить, ни есть нельзя. Нужно еще раз проверить вашу кровь.

Я почувствовал холодок в сердце. В горле застрял комок. На спине выступил холодный пот.

— А этот анализ что... плохой?

— Нужно проверить еще раз! — сухо ответила она. — Будьте здоровы.

Я ушел. Да уж, хотелось бы оказаться здоровым, но у здорового человека, наверное, анализы бывают нормальные с первого раза. Хотя и врачи частенько ошибаются. Завтра видно будет, рано ещё вешать нос...

Когда я выходил из поликлиники, накрапывал дождь. Под ногами — каша из снега с песком. А ведь сейчас январь! Только вчера по телевизору какой-то батюшка, одетый в черное, к радости всей страны пообещал, что вот-вот ударят крещенские морозы. Что ж, времена сейчас такие, что священнослужителям все верят. Может, правда через несколько дней наступит обещанное. Обычно московская погода так и приходит в Казань — с небольшим опозданием.

Конечно, если ты здоров, то и в зимних дождях для тебя есть своя прелесть. Но я сейчас не очень хорошо соображаю. Должен был свернуть к Центральному парку и выйти на автобусную остановку, а почему-то двинулся вниз по улице Вишневского. Уходя, окинул взглядом серое пятиэтажное здание поликлиники. Когда мы были студентами, там на нижнем этаже располагался ресторан «Таң», а верхние были отданы под гостиницу для приезжающих в город сельских тружеников. В те времена мы были завсегдатаями на этом первом этаже. Тогда за сущие копейки там можно было наесться до отвала.

Опускалась темнота, она щипала глаза и норовила заползти в мозг; я чувствовал затылком, что небосвод опускается все ниже, словно вот-вот раздавит меня; но он не сможет упасть совсем, ведь существует горизонт, который держит его, хоть этого и не видно здесь, в городе. Вдоль каменного забора, скрывавшего за собой элитную в советские времена больницу и больничный сад, я дошел до улицы Шмидта и повернул налево. Давно

здесь не был. Снег с дождём размазывал по лицу сумерки, но ещё можно было различить окрестности, и мне было ясно: это уже совсем не та улица, какой она была во времена нашей юности. Нет, всю до конца, как ни старались, с лица земли стереть ее не смогли: на том углу был когда-то хлебный магазин. Мы частенько покупали в нем теплые булочки. Они просто таяли во рту, э-эх... Назира эту улицу особенно любила. Летними вечерами мы ходили здесь, вдыхая сладкий аромат цветущих старых лип. Улица была спокойной и безлюдной, утопающей в зелени. На ней не было тогда ни одного каменного дома, только деревянные. Правда, хватало и двухэтажных, вот у них нижний этаж обычно каменный. Они смотрелись солидно, крепко сидели на своих местах. Возле этих домов сердце начинало как-то странно биться — они же были здесь ещё в начале двадцатого века... А может, и в девятнадцатом! Казалось, с тех пор улица почти не изменилась. Сохранились даже белые камни, лежащие по обеим сторонам дороги. Наверное, в те времена улица не была мощёной и вдоль канав буйно росла трава. Ее корни еще не иссохли, и сегодня те же травинки продолжают расти и таинственно шепчутся у подножия старых тополей и лип, вставших шеренгой вдоль заборов. Около каждого дома был небольшой фруктовый сад. В этой части города люди дышали свободно. Как хозяева. У некоторых домов сохранился еще красивый орнамент. Это благополучные, зажиточные районы Казани, в царские времена татарами здесь и не пахло, понятное дело. Жили одни важные люди, богатые интеллигенты, помещики, пережидавшие зиму. И до сих пор в некоторые вечера кажется, что их искаженные тени спешат куда-то, стараясь держаться поближе к заборам. Теперь здесь живут совсем другие люди. Строители коммунизма. Они поделили просторные залы на маленькие комнатушки, а дворы застроили сараями из старых досок, чтобы хранить в них дрова и всякий хлам. У некоторых домов не осталось ни ворот, ни заборов — наверное, во время войны или чуть позже их разобрали на дрова.

Мы останавливались около деревянного домика, обшитого досками и покрашенного в желтый цвет. Он притулился рядом с высоким многоэтажным зданием, все его четыре окна и парадная дверь смотрели на улицу. Бесхозную вещь и собака не охраняет, говорят, — дом, когда-то построенный из крепких смолистых сосновых брёвен, сильно сдал, забор практически разрушен, а ворота завалились назад...

Назира любила сидеть на гладкой, отшлифованной временем скамеечке у этих ворот. Прижавшись ко мне... Только теперь я начал понимать ее. Семья, дом, уют... для настоящей женщины это очень важно. Назира и была такой, вот только я тогда еще был не в состоянии этого понять. Я жил как перекати-поле, и любой встречный ветерок уносил меня, куда ему заблагорассудится. И унёс, очень далеко унес от Назиры.

— А ты знаешь, — спросила Назира, когда мы в последний раз сидели с нею на той скамеечке у ворот, — что это за дом?

— Ну, что за дом... — Я повернулся назад. — Когда-то он бесперечь был желтым. — Мы с ней разговаривали, нарочно используя в речи старые, давно позабытые народом слова.

Назира сморщила нос.

— Ха, желтый... Это же дом, который описал Амирхан Еники! Пом-

нишь, Зуфар Сабитов, перед тем как жениться, покупает дом... Это он и есть...

— Да уж, если у тебя есть такой дом, то можно и жениться.

Назира улыбнулась. Не знаю, может быть, на ее лицо легла синяя вечерняя тень, но мне ее улыбка показалась вымученной. Да, если смотреть из нынешних времен, можно назвать ее и безнадежной. В душе она уже попрощалась со мной. Я и сам знаю: во мне не хватает надежности, основательности. Ничего нет из того, что необходимо для нормальной жизни. В этом отношении Назира, конечно, ничем не отличалась от других девушек. Что она будет делать с моим туманным будущим? Из надежды не построишь крышу над головой. А фундамента нет, и не похоже, что появится. Она скоро закончит учебу, ей уже двадцать два года — девичий век очень короток... Через неделю получит диплом юриста. Ее пошлют работать в какой-нибудь райцентр. А я кто? До защиты диплома не допустили, на работу никто брать не собирается. Жить негде, в карманах ветер... А самое грустное, что и в голове ветер. Зуфар Сабитов... Назире нужен такой, как он, — надежный, основательный человек. Она хочет быть счастливой. Я попрощаюсь с нею, пожелав ей удачи. Тихонечко тронется поезд, будет крапать мелкий дождик, в вагонном окне в последний раз покажется ее мокрое лицо...

— Назира... Назира... — я сжал ее за плечи. — Почему ты не пошла к нам на филологию? Зачем решила стать юристом? — Как будто дело было в этом!

— Мама... не разрешила. Сказала, не совершай моей ошибки. Она же сама окончила ваш факультет.

— Назира... Назира... Само твое имя звучит, как литературный термин...

— Да, в средние века в восточной поэзии это была очень распространённая форма. — Назира невесело рассмеялась. Она юрист, всему дает точные определения. — Назира — это когда за основу своего произведения берут произведение другого автора или пишут своё в форме ответа на чужое...

— Или своему произведению придают новые смыс... Назира прервала меня:

— В любом случае оно не первое! — У неё была такая привычка — обрывать на полуслове. Назира резко встала и снова окинула взглядом старый дом. — Пойдем! Пора возвращаться.

Мы пошли к узкому мосту, перекинутому через овраг. По дну оврага проложена железная дорога и ходят поезда. А сразу за ним — общежитие Назиры.

...Я остановился на этом мосту и посмотрел вниз. Уже темно, ничего не видно. Ветер усилился. Снег вперемешку с дождем бьет мне в лицо, но я точно знаю: там, внизу, есть железная дорога, она идет далеко-далеко — если захочешь, можно просто двинуться по ней, и она непременно куда-то тебя приведет. Однако в какую бы сторону ты ни ехал, рано или поздно настанет момент, когда нужно выйти из вагона... Как ты счастлив, когда ждёшь на перроне своего поезда! Конечно, в этот момент ты не думаешь ни о каком счастье, да и времени у тебя на это нет. Ты не пытаешься объяснить словами, придумать философское определение этому понятию, зачем? — вон два рельса, идеально подходящие друг другу, тянутся до са-

мого горизонта. Они никогда не разойдутся и никогда не сольются друг с другом, но будут все время рядом — это совершенное единство! Кажется, что так и твоя жизнь, не утратив своего ритма, очень долго будет катиться прямо вперед. Ты пока и подумать не можешь, как это страшно, когда жизненный путь вдруг начинает петлять. А в мире — торжество весны! В один из таких весенних дней, ближе к вечеру, я, окутанный сладким дурманом цветущих лип, явился в ресторан «Таң». И хотя в ту пору попасть вечером в любой ресторан было не так-то просто, здесь тропинка была протоптана, и швейцар — наш человек — поздоровался со мной за руку и впустил меня. Расправив грудь — такое уважение кому попало не оказывают! — я прошел внутрь и повернул налево. Все здесь знакомо, все привычно: у потолка вьется синий дым, а на маленькой сцене, перекрывая звяканье тарелок, вилок и ножей, выступает ансамбль из четырех человек. Вокалист и барабанщик — ассирийцы с густыми черными бородами и кудрявыми шевелюрами, гитарист — мой закадычный друг Рашит (обычно он играл на синтезаторе); саксофонист — еврей Штейнберг, этот бедняга стоит немного в стороне, всем своим видом демонстрируя, что попал сюда случайно.

Когда я вошел, ассириец Каландарян, сложив руки на пузе, пел страстную татарскую песню, бросая слова на головы гудевшего, как пчелиный улей, зала: «Рискуй, рискуй, рискуй, моя нежная!» Три подвыпившие женщины с двумя деревенскими мужиками, не обращая внимания на эту музыку, пытались танцевать под свою мелодию. Я окинул взглядом зал в поисках свободного места. Вон там, кажется, кто-то сидит за столом один? Я окликнул официантку, спешащую с подносом в том направлении:

— Гуля! Добрый вечер, дорогая... Найди мне, пожалуйста, местечко.

Она, грациозно повернув голову, жестом пригласила меня следовать за ней. Человек, сидевший за столом один, не был похож на обывателя. Казалось, он одет просто: немного поношенный голубой лавсановый костюм, белая рубашка в тонкую черную полоску, красный галстук с большим узлом. Большие карие глаза, прямой мясистый нос, широкий лоб... Коротко стриженные волосы, похоже, когда-то были кудрявыми — на затылке торчат непокорные вихры. Лицо одутловатое. Наверное, председатель какого-нибудь колхоза, приехавший в город на семинар... Эти обычно в такие поездки берут с собою мешок денег. Чтобы оторваться как следует вдали от тысячи суетных дел и ворчливой жены. Он смерил меня взглядом и поднес к губам фужер.

— Вы позволите, — сказала Гуля, улыбнувшись дежурной улыбкой, — этот парень присядет здесь?

Голос у него оказался густым, чувствуется, привыкшим к заседаниям:

— Студент?

Мне был знаком этот голос, я где-то его уже слышал. Но мне было неохота копаться в памяти, меня захватил этот навязчивый мотивчик, теперь не смогу от него отделаться по меньшей мере неделю: «Рискуй, рискуй, рискуй, моя нежная!»

— Студент, кто же еще, — подтвердила его догадку официантка.

— Пусть садится! — он сделал приглашающий жест, разрешая мне, оборванцу, сесть за стол. Только в этот момент я понял, что он довольно сильно пьян. — Принесите еще один графин, — приказал он Гуле. — Студенту

какого-нибудь мяса... Кебаб... Жаркое из утки... в апельсиновом соусе... Ле оранж...

Девушка ему подыграла:

— Будет исполнено, император!

Через некоторое время она принесла две котлеты с картофельным пюре, салат и чай. Графин с коньяком поставила ровно в центре стола, а пустую рюмку проворно подтолкнула в мою сторону.

— Спасибо, сестренка, — сказал ей этот «джентльмен» и словно невзначай коснулся ее пониже поясницы.

Да уж, это не простой человек... Глядя на радостное лицо Гули, легко догадаться, что в ее кармане осели богатые чаевые. Крутой дядя! Того и гляди споёт: «Колхоз — море, а я корабль: плаваю от души!»

— Любишь яичницу? — спросил он неожиданно.

— Очень! — сказал я, отправляя в рот порцию картофельного пюре.

— Правильно делаешь... Яичницу! — крикнул он Гуле. — Когда был студентом, тоже любил, — он протянул мне рюмку, чтобы чокнуться. — А теперь вот видеть не могу. Давай, за знакомство...

Я не возражал. И хотя мы не успели ещё как следует познакомиться, коньяк выпили вполне дружески.

— На каком факультете учишься?

— Филология!

— Татарская, что ли?

— Да.

Он, растрогавшись, протянул мне руку:

— Дай пять, коллега!

Я не удивился. Наше отделение готовит специалистов широкого профиля. Среди них полно и председателей колхоза. Этот дядя наверняка из таких. Вот он воздел руки к потолку и с горящими глазами начал читать стихи:

Если сможешь — пойми меня!
Не поймешь, так дело твое,
Но я должен сегодня с молодостью проститься!

Он перекричал даже выступление ансамбля. Сидящие вокруг люди, отложив ложки и вилки, повернулись к нам. Голос «председателя» окреп и стал напоминать бурную горную реку. Где же я это слышал? В деревне, что ли? Каландарян прекратил петь, и весь зал, затаив дыхание, слушал моего соседа.

Я взбегу на горы, в царство молний,
А если люди подумают: «Сумасшедший», то пусть думают!

Передо мной и правда возник озорной пацан с сияющим лицом, стремящийся куда-то к вершинам, увлёкший энергией размашистых строчек всю разношерстную публику ресторана. Но разве это энергия слов? Половина сидящих в зале даже не понимает, о чем он говорит. Это его голос околдовал нас всех... Стоило ему умолкнуть, как со всех сторон раздались бурные аплодисменты. Дядя слегка поклонился, словно знаменитый артист, знающий себе цену.

— Ну, чьи это стихи? — спросил он меня.

Мне пришло в голову, что это могли бы быть и его собственные стихи. Люди, работающие на земле, часто бывают романтиками, вот и этого потянуло в царство молний...

— Отличное стихотворение! — поспешил подольститься к нему я. — Вы сами написали? Дядя был хороший человек. Широкой ладонью он стер с лица издевательское выражение:

— Эх ты, студент! Ты, оказывается, совсем темный. Ты вообще о каких-нибудь татарских поэтах, кроме Тукая и Джалиля, слышал?

Я глотнул воды из фужера. Я вспомнил, чьи это стихи. Я не раз сидел с их автором Равилем Файзуллиным за одним столом! И мне хотелось высказать все в лицо этому глупцу... Но прикусил язык. «Председатель» платил за еду и выпивку, так мог ли я выпендриваться? В такой ситуации и сам Файзуллин, каким бы он ни был поэтом-борцом, наверное, смолчал бы. Этот дядя один имел сегодня моральное право здесь выступать! А мы — поколение, приученное к конформизму даже в ресторане.

— Не-е-ет! Ты не мог этого понять — ты, студент! Бестолочь...

— Зульфат... — сказал я безразлично, пряча торжество внутри.

Дядя посмотрел на меня с интересом, видно, решил, что уж не совсем пропащий я человек.

— Кто твой самый любимый поэт? — спросил он, сощурив глаза.

Я хотел сбить его с ног:

— Хуан Рамон Хименес!

— Хорошо, — сказал он, не моргнув глазом, — Антонио Мачадо был о нем высокого мнения. — Потом, хитро улыбнувшись, он зажег сигарету. — Знаешь испанский?

— Читал по-русски, в переводе... — Я не решился соврать. Кто его знает, может, он в университете выучил испанский, хотя до сих пор я не встречал ни одного студента, свободно владевшего иностранным языком. — А вы знаете?

— Так, немного, — сказал он спокойно. — В университете немецкий учил. А после итальянского испанский учится легко.

Вот тебе и деревенский неуч! Про испанский после итальянского, как про водку после пива рассуждает.

— А посевная закончилась уже? — Я хотел сменить тему.

— Такими вещами интересуется моя жена. Ей нравится возиться с садом. Я, конечно, немного помогаю. Вот сегодня побелил стволы яблонь.

— А разве вы не из деревни? — сказал я с изумлением.

Он закинул назад крупную голову и расхохотался так громко, что мне показалось, в ближайшем к нам окне зазвенело стекло.

— Понятно! Это же ресторан для председателей колхоза. Ты уж обрадовался, думал, подцепил на крючок какого-то деревенского тихоню. — Он достал из кармана большой клетчатый платок и вытер выступившие на глаза слезы. — Да уж, мы такие, тихони, не герои, явно!.. — Кажется, это был камень в мой огород. — Не переживай, я тоже был студентом, поэтому и вижу вас насквозь. А так, да, я родился в деревне. В оренбургской степи.

Жаль, мне тогда не хватило ума спросить, кто он, как его зовут. Позднее я много раз жалел об этом, но было уже поздно кусать локти.

Уже близилась полночь, когда мы собрались расходиться. На улице было тихо. Тогда не было такого, как сейчас: день ли, ночь ли, шумят машины, непрерывно несутся одна за одной. И время текло медленнее. Всегда находилась пара минут, чтобы нормально попрощаться.

Перед тем как войти в студенческий городок, мы постояли на мосту через овраг, проводили абаканский поезд, спешащий в Сибирь. Пока он, гудя, стремительно мчался внизу, узкий мостик дрожал всем телом, и казалось, что он вот-вот ринется вслед, в неведомую даль, позабыв о своем долге — соединять две стороны оврага. Вихрь, поднятый составом, взволновал и кусты сирени — по всей вселенной расплескался сиреневый запах, а где-то неподалеку, словно спохватившись, чего это он молчит в такой прекрасный весенний вечер, истово зашёлся в трелях соловей.

Наверное, поезда ходили на восток и запад с одинаковой частотой, но сейчас почему-то вспоминаются только те, которые шли в Сибирь. В те края они отправляются налегке, опьяненные собственной отвагой — несутся и волнуют кровь, дразнят нас сибирскими просторами и возможностями. А поездов на запад, в Москву, я вспомнить не могу.

— Она там жила, — сказал, прервав мои размышления, тот дядя из ресторана.

— Кто? — неосторожно спросил я.

— Назиля...

Там, куда он показал рукой, ярко горели окна желтого трехэтажного здания. Кто же спит в это время... Здание старое, построенное еще в сталинскую эпоху, поэтому стены толстые и крепкие, а потолки высокие. Тогда если уж строили, то на века. И это общежитие, видимо, строилось специально для аспирантов и молодых ученых. Ну и, понятное дело, некоторые комнаты там доставались тем, кто занимался не столько учебой, сколько «общественной работой». Этих уж с младых ногтей воспитывали в особых условиях.

Не успели мы пройти десяти-пятнадцати шагов, как это здание выросло перед нами, разрывая желтизной синие весенние сумерки.

Я чувствую, что дядя очень волнуется — чуть не споткнулся, переходя дорогу к общежитию, подошел к третьему окну слева и остановился. Окно было тёмным. Не зная, что мне делать, я тоже встал рядом с ним, испытывая чувство неловкости. Таинственным человеком оказался этот дядя... И что он собирается делать? Я уже понял, что там, за этим окном, когда-то жил дорогой ему человек. Наверное, любимая девушка. И кажется, эта история любви закончилась трагически. А если нет, разве это может быть настоящая любовь?!

Я сейчас думаю, что это было влияние весны. Загадочным образом в этой весенней ночи в сознании этого человека смешались глубокие чувства и времена. Он поднес к губам ладони, сложенные рупором, и закричал:

— Назиля-а!

Ну, такого от мудрого, пожилого человека — ему было уже за сорок! — я не ожидал. Я не успел никуда сбежать, как раздался снова этот тоскующий крик, и его эхо разнеслось по дворам, отражаясь от окон:

— Назиля-а!

В этот момент в комнате загорелся свет, и к окну приникла девушка с

распущенными волосами. Да она же ходит со мною вместе на лёгкую атлетику! Дважды в неделю по часу мы с нею вместе бегаем в старой церкви, которую превратили в спортивный зал. Девушка высокая, даже, кажется, немного выше меня. Вот только имени её не помню. По-моему, она учится на юридическом факультете; может, из-за того, что выглядит такой рослой, я и не решился с нею познакомиться... Ну и вообще, у нас так много девчонок, что со всеми не перезнакомишься. Знакомлюсь только с теми, с кем учимся вместе.

Этот дядя, когда увидел девушку, вообще как будто с ума сошел — ринулся к окну с криком: «Моя Назиля-а!» Еле успел его схватить от греха подальше. Девушка как будто даже не удивилась всей этой сумятице, помахала рукой и пропала из виду. В ту же секунду и свет в окне погас.

Дядя, положив голову мне на плечо, разрыдался в голос. Я похлопал его по спине, пытаясь утешить, мол, не убивайся так, всякое случается... А что случается? — этого мне было не понять в те времена.

Выйдя на улицу Кутуя, мы очень долго ждали такси. Наконец появился дребезжащий «Москвич». Из окна машины высунулась хмурая физиономия с трехдневной щетиной:

— Куда надо?

— На Гарифьянова! — Дядя уже вполне успокоился.

Перед тем как сесть в машину, он вытер лицо и нос клетчатым носовым платком и неловко попытался оправдаться:

— Веришь ли, та девушка была очень похожа на Назилю. Прямо вылитая! Веришь?

— Верю! — А чего бы не верить, в жизни всякое случается. Теперь уже и я точно знаю: после сорока кажется, что все девчонки красивы одинаково...

— Спасибо! — дядя сжал мне руку. — Ты хороший парень.

На следующий день я поехал на занятия в университет. Подхожу к остановке Абжалилова, а там стоит та самая девушка! Может быть, и на меня повлияла весна — я смело направился в ее сторону, помахал ей и крикнул:

— Привет!

Она посмотрела на меня с изумлением.

— Вы... — начала было она, а потом рассмеялась так, словно зазвенели серебряные колокольчики (прошу прощения у искушённого читателя за это банальное сравнение). — С кем это ты был ночью? — Я очень обрадовался, что она заговорила со мной так по-свойски, и покраснел.

— Не знаю... Нет, знаю... Я с ним только вчера познакомился... Он прощался...

— С тобой? — снова зазвенели колокольчики.

— Со своей молодостью...

— О-о, если так, дело серьезное.

— Да уж, не шутки.

— А почему он прощался около моего окна?

— Кажется, там когда-то жила его любимая. Ее звали Назиля...

Девушка внезапно изменилась в лице, словно на нее быстро накинули вуаль серьезности. Она побледнела. С ее губ слетели слова, которые я едва разобрал:

— Мою маму звали Назиля...

Я вздрогнул от внезапной догадки. И девушка ее подтвердила!

— Когда мама была студенткой, она жила в той же самой комнате. — Переведя дыхание, девушка спросила: — Кто он, тот человек?

Я пожал плечами:

— Я не знаю.

Это была правда. Мы ведь с тем дядей так и не познакомились по-людски. И начало вчерашней встречи, и ее продолжение были похожи на отрывок текста из случайно найденной древней рукописи. Вроде и понятно, о чем, но кто написал и когда — неизвестно.

— Вы с ним больше не увидитесь?

— Нет, мы случайно встретились...

Подошел троллейбус. Он, как обычно, был битком набит пассажирами, все торопились на занятия; мы с трудом протиснулись в угол. Девушка оказалась тесно ко мне прижатой.

— Я — Назира... — Ее тонкие теплые пальцы нашли мою ладонь. — Ты уже пропустил два занятия, физрук жутко ругался. Сказал, если так продолжится, будем исключать...

— Да. Завтра прибегу.

— Прибегай! — засмеялась Назира.

— А что ты делаешь сегодня вечером? — спросил я, собрав всю свою смелость. — Может, сходим в кино? В «Мире» начали показывать отличную комедию. Снимали наши вместе с финнами. «За спичками». Говорят, ужасно смешно. Леонов, Вицин...

— Да, это же Гайдай! У него не смешно не бывает. А думаешь, билеты будут?

— Найдем! — похвастался я.

Увлекшись беседой, мы чуть не пропустили Ленинский садик — только когда троллейбус почти опустел, мы поняли, что приехали, и поспешили к дверям.

— Ты правда не знаешь вчерашнего дядю? — спросила она. Перед тем как идти на занятие, мы немного посидели на скамейке у памятника Ульянову. Юристы учились в здании с колоннами. — Я же думала, это ты кричишь. Мне послышалось «Назира»... Если бы я знала...

Если бы она знала, что кричит тот человек, и если бы она услышала имя своей матери, то выбежала бы к нам в ту ночь...

Когда мы с нею настолько сблизились, что стали делиться сокровенным, она как-то призналась мне:

— Я вообще не помню своего отца. И мама про него ничего не рассказывала. Сейчас бы я не отстала от нее, пока не расскажет, но... — Ее мать умерла десять лет назад от сердечного приступа. Вырастила Назиру бабушка.

— И бабушка ничего не говорит? Она же должна что-то знать о своём зяте.

— Ничего не знает. Может, у меня вообще не было отца...

— Без отца ребенок родиться не может, — сказал я, напустив на себя философско-задумчивый вид. — Если только в будущем не придумают какого-нибудь другого способа.

На лице у Назиры выступили красные пятна.

— Не делай вид, что не понимаешь! Я — ребенок, который родился от блуда, понял? От блуда! — И она, не попрощавшись, убежала к узкому мосту.

Но я был не в том возрасте, чтобы понимать трагедию этой молодой девушки, оставшейся круглой сиротой, одной во всей вселенной. Даже когда сам вошел уже в солидный возраст и остался без родителей в силу естественных причин, чувство горькой утраты нет-нет, да и сжимает сердце. А если теряешь мать и отца, когда ты еще ребенок, когда подросток? Правду говорят: горе другого человека может почувствовать только тот, кто сам прошел через него... И я, оторопев от этой неожиданной истерики Назиры, медленно пошёл к своему общежитию, охваченный чувством вины. Та девятиэтажка, в которой нас поселили, тоже была недалеко: повернуть направо и перейти дорогу.

В моей памяти осталась картина пустого вокзала, когда провожал ее в район.

— Я больше не увижу тебя, — сказала она грустно.

— Не говори глупостей, наш Татарстан теперь совсем маленький. — Она выглядела такой расстроенной, что я невольно отвел взгляд. — Здесь все знают друг друга. Ты поезжай, устройся там, и я приеду тебя проведать. Ты, наверное, примешь меня уже в собственном кабинете, в прокуратуре. — И добавил с улыбочкой: — Форма тебе пойдет... Тебе вообще любая одежда идет... — Я обнял ее.

— Не утешай меня, — сказала она, осторожно меня отстранив. — Я ведь чувствую, что это наша последняя встреча.

Поезд тронулся. Нет, в тот момент я ничего не почувствовал. Это теперь сердце готово выпрыгнуть из груди. Почему я не крикнул ей: «Останься!» Ладно, теперь-то какой толк от сожалений... Ее уже нет. И меня нет.

Снежный дождь усилился. Я перешел по мосту на ту сторону, пошёл к давно выцветшему трехэтажному зданию общежития. Рядом с ним нет уже ни сирени, ни серебристых ив. На земле большими грудами лежат бетонные сваи; кажется, здесь собираются что-то строить. Конечно, в наше время такая дорогая земля не может пустовать.

Вот оно, третье окошко слева. Форточка распахнута, оттуда доносится незнакомая мне музыка.

— Назира-а! — закричал я. Мне захотелось поверить, что в мире существует волшебство. — Назира!

За занавеской в энергичном танце двигались тени. Общежитие колыхнулось, словно собиралось улететь в неизвестном направлении.

— Моя Назира-а... — Я подобрался ближе.

Внезапно занавеска приподнялась и за стеклом показалась девушка. Ее волосы водопадом сбегали по плечам. Она увидела меня, улыбнулась и помахала рукой...

И все-таки волшебство существует! Нет никаких сомнений, это была она! Сама Назира подошла к окну, чтобы попрощаться со мной. Сквозь годы до меня донёсся густой голос того дяди из ресторана: «Я очнулся и понял, ясно понял! Я снова не смог попрощаться со своей молодостью...»

Перевод Алёны Каримовой

МАРАТ КАБИР

Марат Рафилович Кабиров родился в 1970 г. в селе Чуракаево Актанышского района ТАССР. Член Союза писателей России. Заслуженный деятель искусств РТ. Автор нескольких сборников стихотворений, текстов многих песен. Написал около двух сотен рассказов, несколько десятков повестей и романов. Лауреат премии имени И. Юзеева.

Сердце

Увидев, что он вышел из машины, народ на мгновение замер. Потом все как один ринулись в его сторону. Но, видимо, испугавшись жестких взглядов охранников, остановились и уже со своих мест устремили на него обожающие глаза. Он улыбнулся. Он знал, что его любят. Безграничная любовь исходила и от его улыбки, когда он громко приветствовал собравшихся:

— Здравствуйте! Как поживаете?!

Толпа, как будто только этого и ждала, ответила дружным гулом. Слов было не разобрать, но это и неважно. Гул демонстрировал настроение собравшихся. А настроение у них сегодня было хорошее. То, что они соскучились по своему кумиру, было ясно как божий день.

Прибывшие не спеша и не останавливаясь проложили дорогу сквозь людскую толчею и прошли в комнату, заранее для них подготовленную. Провожатые ушли, оставив у дверей их сумки.

— Через полчаса начнем, — предупредил организатор сегодняшней встречи. — Желаю вам успехов!

Они остались в комнате вдвоем с помощником. Здесь можно было не улыбаться и не выглядеть счастливым. Как только посторонние покинули помещение, он снова вернулся в своё прежнее состояние и застыл, уставившись в одну точку.

— Плохо мне... — прошептал он.

Ему никто не ответил. Помощник был поглощен подготовкой к предстоящему выступлению: выкладывал всё необходимое на большой стол посреди комнаты.

Что делать?

Человек не мог прийти к решению. Состояние было тяжелым, а способа облегчить его не находилось.

Он опустился в кресло и замер. Закрыл глаза. Обычно так он попадал в мир, наполненный ярким светом, в ушах начинала звучать прекрасная нежная музыка. Освобождаясь от мирской суеты, людского горя, ощущал, как из космоса на него нисходило какое-то волшебное чувство и все его существо наполнялось светом, теплом, музыкой, а сердце билось так сильно, что не умещалось в груди... Так было раньше. Сегодня, закрыв глаза, он попал в абсолютно серый мир. По небу плыли тяжелые серые тучи, а земля была покрыта пожухлой от сильной жары уродливой травой. Растущие то там, то тут деревья были черны, как от удара молнии. Ветви напоминали судьбы с поломанными крыльями. В своё время он исправил

много таких изуродованных судеб. Людских судеб. А в этот раз... Знать бы...

Он сильнее зажмурился, стараясь избавиться от этих виде ний, проникнуть в глубь волшебного мира, из которого черпал силы. И действительно, почувствовал, что продвинулся глубже. Однако мрачное небо и выжженная земля последовали за ним. Серые тучи, опускаясь всё ниже и ниже, превратились в черные, а потом подняли душераздирающий шум. Оказалось, что это вовсе не тучи, а сбившиеся в большой ком во роны. Звуки, которые раньше казались шумом, превратились в крики голодных хищников, требующих мертвечины.

В этом темном мире он был один среди во ронов, круживших над его головой.

— Время подходит... Люди ждут... — прозвучало над ухом, и он, вздрогнув от неожиданности, открыл глаза.

Какое-то время он находился в ступоре, потрясенный тем, что во роны разговаривают на человеческом языке. Только потом вспомнил, где сейчас находится.

— Время подходит, — повторил организатор встречи. — Люди ждут. Наверно, вам пора готовиться...

Придя в себя, он пригладил волосы и попытался улыбнуться. Но улыбка не получилась, глаза оставались печальными, а страх и озабоченность не рассеивались.

— Мне страшно, — прошептал он, словно ища поддержки, — страшно... Организатор громко расхохотался. Он почувствовал холод в этом смехе.

— Не впервой же! Ха-ха-ха... Если уж ты боишься, то каково другим мастерам!

Организатор был прав. Не впервой. До этого дня он уже тысячи раз выходил к народу и по своему желанию управлял ими. Некоторые люди были, словно часовые механизмы, которые он разбирал до последнего винтика и вновь собирал, очистив от горя и болезней, заставлял жить по-новому.

Да. Организатор прав: рядом с ним другие не в счёт. Другие не стоят и тени его. И они сами это знают. Знают и завидуют, желают, чтобы он исчез. Можно подумать, что с его исчезновением у теней прибавится силы и мастерства... У теней... Но сегодня он сам в их положении, — нет, в ещё более плачевном. Потому что все знают об их способностях и не ждут большего. А от великих ждут многого. Особенно от него!

— Я сегодня не могу, — вздохнул он. — Скажи людям...

— Что им сказать?

— Скажи, что я в тяжелом состоянии, выступление не состоится...

— В каком ты состоянии, они только что видели сами!

— Ну не знаю... Скажи что-нибудь... Только я сегодня выйти к ним не могу...

Организатор разозлился. Казалось, что сейчас он начнёт кричать, брызгая слюной. Но произошло другое: со светлой лаской он обнял мастера и погладил по спине.

— Понимаю... — прошептал он. — Представляю, как тебе плохо. Будь

на твоём месте другой, я бы и просить не стал... Но ты! Ты ведь не обычный человек. Ты все можешь.

Он не ожидал этого, поэтому на мгновение растерялся. Освободившись из дружелюбных объятий, он осмотрелся: всё было готово. И одежда, и поднос... И люди, сидевшие в зале и уже нетерпеливо хлопавшие...

Он посмотрел на организатора. Это был неплохой человек. Самый обычный. И его желание провести сегодняшнюю встречу было естественным. Во-первых, на этом он заработает, во-вторых, поднимется его авторитет... В-третьих... В-третьих, этот человек, как и многие другие, был трусом. Для него выйти в зал и сказать народу, ожидающему зрелища: «Сегодняшняя встреча не состоится. Потому что...» — было равносильно смерти.

Однако он что-то очень правильное сказал... «Ты все можешь». Это, разумеется, один из способов психологического давления. Но в этом есть правда...

«Ты все можешь». Он сам сегодня в глубокой печали и так же, как и сидящий в зале народ, нуждается в очищении, утешении и много ещё в чём. Но ведь он не такой, как все...

— Ладно... — сказал он и закрыл глаза... Снова попал в мир во́ронов. Вернувшись в реальность и стараясь казаться решительным, повторил: — Ладно. Готовьтесь.

***

Вы когда-нибудь видели растрескавшуюся от долгого ожидания дождя землю? Неделями, месяцами она мучается без воды и в конце концов начинает трескаться. Мы ждали его точно так же. Если он долго не приезжал, то душе чего-то не хватало. Она засыхала. И казалось, что жизнь дает трещину. Без него и жизнь не жизнь...

Я ждал этого дня, считая минуты. А прошлый год... Сейчас расскажу про прошлый год... К несчастью, прямо перед его приездом я попал в больницу. Меня должны были прооперировать. Операция!.. Хы, а я сбежал из больницы и пришел на встречу с ним. Удивительно?! Ничего удивительного, потому что ни один доктор, ни одна больница не могут дать мне то, что даёт он. И знаете что... Операция мне после этого не понадобилась... Оказалось, что опухоль в желудке рассосалась сама по себе. Вот это на самом деле удивительно, правда ведь?!. Вот это и есть — ОН!

Кажется, я уже не могу жить без его книг. Даже не представляю, что бы я делал, если бы жил в другое время или в другой стране. Я прочёл его книги все до одной. И не только. Я нахожу и прочитываю его статьи, напечатанные в газетах и журналах. Чем они меня привлекают? Не знаю... не могу сказать... они ни на чьи не похожи. Какие-то другие... не знаю, не могу объяснить... Я просто люблю... А на встречу... Чтобы увидеть САМОГО... Конечно, ждал... Этот день казался мне важным этапом моей жизни...

Если бы сказали, что встречи не будет? После того как видел его? Видел и слышал, как он сказал: «Как поживаете?» Да вы чё... Вот представьте, что вы голодны... не ели целую неделю, месяц... Вас приводят в дорогой ресторан и после показа самых изысканных блюд говорят: «Извините, сегодня мы вас кормить не будем»... Что вы будете делать?

Что, раз кормить сегодня не будут, то повернётесь и пойдете домой? Как это «при чем здесь голод»?.. При том! Мы тоже были голодные. Мы нуждались во встрече с ним. Вы когда-нибудь слышали, что ярость голодного страшна? Вот так. Вроде его еще называют духовной пищей. Не получив пищи, мы не могли уйти, понимаете?..

Тук-тук-тук-тук...

***

Он молча с восхищением смотрел на сердце, бьющееся у него на ладони. Это было большое сердце. У других людей сердце бывает маленькое, им самим его не хватает. А его было одним на весь мир. И чувства в этом сердце тоже были не сравнимы с чувствами обычных людей. В этом сердце кипела жизнь, вся красота и полнота существования были сконцентрированы в нём, а главное — это сердце было способно вобрать в себя страдания миллионов людей, превратить их страдания в радость и вернуть ее людям. Это было волшебное сердце. Но сегодня оно было намного меньше, чем обычно.

— Оно сегодня совсем маленькое... — прошептал помощник, тоже заметив это изменение. — Зря вы согласились...

Он улыбнулся:

— Обратной дороги уже нет...

— Что, если его не хватит? — ужаснулся помощник. — Если вы...

— Не волнуйся, дорогой... — Он уже решил. Теперь нельзя колебаться. Вперед и только вперед.

— Принеси нож.

Помощник вздрогнул. Даже поняв, о чём его просят, не сдвинулся с места.

— Дай нож!

— Ладно, — в руках помощника, как по мановению волшебной палочки, появился нож, — возьмите...

Он положил своё сердце на поднос, лежащий перед ним, и взялся за нож.

— Мне страшно, — прошептал помощник. — Всегда боялся... Казалось, что сердце ваше не вернется в прежнее состояние...

— И ты каждый раз ошибался, не правда ли? — он улыбнулся. — Это волшебное сердце!

–Да...

Помощник хотел еще что-то сказать, но внезапно остолбенел. Лезвие ножа коснулось сердца и в мгновение ока разрезало его пополам. Рука, державшая нож, сместила одну половинку на край подноса, а вторую начала крошить, будто лапшу.

Помощник некоторое время стоял в оцепенении, затем взглянул в лицо резавшему:

— Больно?

Но у того на лице не было никакого страдания. Напротив, какое-то удовлетворение, наслаждение, которое обычно сияет на лицах победителей. Со стороны казалось, что этот человек счастлив оттого, что кромсает своё сердце, оттого что он может это делать.

— Болит... — он улыбнулся, а голос его больше походил на стон. — Еще как болит...

Помощник уставился на него, намереваясь втянуть его боль в себя, но, поняв, что пользы от этого не будет, решил хотя бы разговором облегчить его состояние:

— Если больно, то зачем...

— А мне за это платят... И немало... — В голосе уже не было страдания.

— Но...

Он улыбнулся. Конечно, помощник не поверил. Он и сам в это не верил. Он не врал — за это очень хорошо платят. И этот ответ предназначался людям, привыкшим всё взвешивать на рыночных весах. А на самом деле... Даже если бы не платили ни копейки, он всё равно занимался бы этим.

Почему?

На этот вопрос одним словом ответить невозможно. Наверное, на него вообще невозможно ответить правильно. Во-первых, он помогает другим. Собирает их печали, страдания, страхи. Освобождает душу от зла и даёт жизненную силу. Это уже большое дело! Это волшебство, которое не купишь ни за какие деньги, не измеришь ни на каких весах...

Сама возможность быть полезным людям, живущим с тобой в одном мире, в одну эпоху, — восхитительна! Ради этого можно вытерпеть боль... Во-вторых, ему нравится, что его любят. А его действительно любят! Некоторые даже поклоняются ему. Забывая о себе, живут его жизнью... В-третьих... В-третьих, в-четвёртых, в-пятых, он не может объяснить. Он и сам не совсем понимает. Ему дано волшебное сердце... Сокровище, которого у других нет и не может быть... И поэтому он живёт своей жизнью, по своим меркам... жизнью, которой ни у кого не будет и не может быть... Его радости и горести не такие, как у других...

Вдруг он остановился, почувствовав, что помощник смотрит на него с каким-то странным напряжением.

— Что?

— Хочу вашу боль забрать...

Он улыбнулся. Безмерная радость с большой любовью. От его улыбки мелко нарезанные кусочки сердца на подносе засветились ещё сильнее. И лицо его стало лучистым и приветливым.

— Спасибо...

Помощник, понимая, что не заслужил благодарности, смутился:

— Только мне это оказалось не по силам...

— Знаю... — Он взял в руки половину сердца и отодвинул поднос.

— Откуда вы знаете?

Правую руку он поднёс к груди и раскрыл ладонь. Сердце несколько раз стукнуло и исчезло.

Левая сторона груди всколыхнулась, словно в озеро бросили камушек.

— Она не уместится в тебе...

Он попытался улыбнуться, чтобы смягчить свои слова. Но улыбка не получилась. Он понял это по сильно озабоченному лицу помощника. Закрыл глаза... Те же во́роны... Нет... Здесь тоже ничего не изменилось...

— Может, сегодня не надо... — прошептал помощник. — Я сам скажу народу. Только он уже принял окончательное решение:

— Когда начинаем?

Помощник некоторое время колебался:

— Может, на самом деле...

— Когда начинаем?

— Уже пора.

— Ты готов?

Помощник кивнул.

— Пошли!

Помощник привычными движениями потянулся за костюмами... Через несколько мгновений они были готовы.

— Будь возле занавеса, далеко не уходи... — сказал он помощнику и, взяв поднос с кусочками сердца, шагнул на сцену.

***

Он вышел на сцену, и зал взорвался аплодисментами... Мы действительно соскучились по нему. Конечно, мы и книги его читаем с интересом, и смотрим фильмы, снятые по его произведениям. Но живая встреча... Это большое счастье... это ни с чем не сравнимо... Только при встрече с ним во всей полноте понимаешь, что такое духовная пища. Мы не могли насмотреться на него... А его слова... в каждом слове был глубокий смысл, сила, которая даёт энергию жизни. Даже сам голос... Если слушать его, не понимая слов, всё равно получаешь большое наслаждение! Он наш! Мы любим его! Я считал минуты, секунды до начала представления... а когда началось... Когда увидел его на сцене... Вдобавок сидел я в первом ряду... Сидел, впитывая каждое его движение, взгляд, вдох...

Каждое движение было волшебным, каждая клеточка тела танцевала. Ну надо же уметь так танцевать! Это было восхитительно! Ни с чем не сравнимое наслаждение!

По всему залу разлилась мелодия... Удивительная, светлая, волшебная мелодия... Мы закачались на её волнах... Я плакал... совсем недавно я похоронил мать... и это горе, и вообще все мои жизненные трудности вновь прошли перед глазами, и я плакал... и после мне стало легко... Через какое-то время я почувствовал себя новорождённым. Я счастлив, и сделал меня счастливым ОН! Первый раз в жизни я смеялся от души! Вот юморист так юморист! Я смеялся, забыв обо всех своих печалях и мучениях. И знаете... Я по-настоящему почувствовал облегчение и очищение... До этого я всегда о чём-то думал, не мог освободиться от проблем... Да все мы такие... Всё время нам что-то нужно, всё время куда-то бежим... и забываем о многом интересном в жизни. Забываем, что есть улыбки... А ведь человек от животного отличается и тем, что может улыбаться... Он мне вернул улыбку. Он снова сделал меня человеком...

***

— Добрый вечер, дорогие друзья!

Зал взорвался аплодисментами. Взгляды устремились на сцену. Он уже привык к этим взглядам. Но сегодня было немного страшно. В этих горя-

щих взглядах, предвкушавших удовольствия и требовавших удовлетворить свои надежды, он увидел также голод и угрозу. На мгновение он почувствовал себя овечкой, попавшей в стаю волков.

Но этим мыслям нельзя было поддаваться. Он прекрасно знает, чего они от него ждут, и у него есть силы на исполнение их желаний.

У него есть силы...

Он взглянул на поднос в своих руках. Конечно, сердце в порядке. Каждая клеточка его способна творить чудо. Только сегодня сердце небольшое. Может быть, причиной этому тревога, терзавшая все его существо. Как знать... Сердце... Хватит ли его на всех? Должно хватить! Надо сделать так, чтобы хватило...

Кончиками пальцев он взял с подноса горсточку и бросил в зал. Кусочки сердца поднялись вверх, растворились в воздухе и колдовскими волнами разошлись по залу. Он прекрасно знал, какой силой обладают эти волны, и поэтому улыбнулся, отбросив недавние сомнения. Они захватили зрителей: каждого подчинили себе, растворили в себе и превратили в такую же волшебную волну. Одни начали безудержно смеяться, другие — безутешно плакать, а кто-то впал в глубокую задумчивость. Волны были одни и те же, но люди — разные, и каждый принимал и переживал их как мог. Общим было глубокое удовлетворение на лицах и безграничный восторг в глазах.

Он тоже восхищался и был рад, что не отменил сегодняшнее выступление. Если бы не вышел на сцену, скольких людей лишил бы он такого блаженства! Да, он поступил правильно... Эти люди были дороги ему. Он понимал, что делает для них доброе дело, даёт им жизненную силу. Он расширял их мир, открывал ворота блаженства: напоминал, что за пределами каждодневной рутины, дрязг и раздоров, забот о пропитании тоже существует жизнь. И поэтому эти люди в какой-то степени его дети, а он им вроде матери — ведь он тоже даёт им жизнь... А детей нельзя не любить... Потому что в них частичка тебя... В этих людях тоже была его частичка. Эти люди дороги ему, как кусочки собственного сердца. Он взял с подноса ещё одну горсточку и снова бросил в зал...

Люди приняли это с восторгом. Кто-то смеялся, кто-то плакал, кто-то кричал от полноты чувств... Всем было хорошо...

Он тоже почувствовал себя счастливым. И на самом деле был счастлив. Разве бывает большее счастье, чем дарить радость любящим тебя людям?..

Не бывает...

Люди счастливы...

Только их горести и печали не исчезают бесследно — они накапливаются в его душе. Беды, выпавшие на долю тысяч людей, он вынужден переживать в одиночку, и это мучительно даже для него.

Чтобы вынести эти муки, ему нужна любовь этих людей или нужно хотя бы видеть их счастливыми.

Пока они счастливы...

Но он хорошо понимал, что это состояние не продлится долго. Поднос опустел... Он бросил в зал последнюю горсточку... Все его существо было подчинено одному желанию. Хотя он и понимал невозможность этого, но всей душой ждал чуда. Ему казалось, что за время выступления

его сердце немного отдохнуло и, возможно, вернулось в своё обычное состояние.

Зал в эйфории. У него оставалось немного времени. Он подал знак помощнику, стоящему за занавесом. Тот, как будто только и ждал этого, подкатил к сцене маленький столик и протянул мастеру внезапно появившийся в его руке нож.

— Может, не надо? — прошептал помощник, покрываясь холодным потом. — Я сейчас выйду к ним и скажу...

— Погоди...

Он поднёс правую руку к груди. И, всем существом ожидая чуда, раскрыл ладонь. На ней билось сердце. Но никакого чуда не произошло: это по-прежнему была половинка.

— Что же нам делать? — простонал он, глядя на помощника. — Время поджимает...

— Ничего не поделаешь, — сказал помощник, поправляя свой костюм. — Я сейчас выйду и скажу им... Заканчиваем.

Он снова взглянул на сердце, прикидывая, можно ли отрезать ещё кусочек. Но это было невозможно: кроме собранных у людей страданий, в нём не было ничего. А если хоть капля страданий попадёт в зал... Нет... Если попадёт хотя бы одна тысячная доля капли, то от чёрного горя народ превратится в уголь... На мгновенье он представил зал. Обуглившиеся лица... Мальчишки, превратившиеся в стариков... И по его телу пробежали мурашки...

— О господи... — он вложил сердце на место. — Что же делать-то?

— Заканчиваем встречу. Я выхожу...

Он успел ухватить за локоть устремившегося к зрителям помощника:

— Ладно... Только я сам... — и шагнул на сцену.

Волна, вызванная последней горсточкой, уже улеглась. Зрители вернулись из волшебного мира в своё обычное состояние. Но всё же они достаточно изменились — исчезли их голодные взгляды, все лица выражают удовлетворение, восхищение и любовь. С его появлением вновь зазвучали аплодисменты. Люди хлопали долго.

— Спасибо вам, дорогие мои!

Его слова утонули в новой вспышке аплодисментов. Очень неудобно было заканчивать выступление в такой момент. А что делать...

— На этом я заканчиваю нашу сегодняшнюю встречу. Желаю вам всего хорошего... Но ему не дали договорить:

— А мы хотим ещё! — выкрикнул кто-то из зала.

— Мы не насытились! — подхватил другой.

— Мы заплатили!

Зал охватило недовольство.

Прятавшиеся до поры до времени в самых дальних уголках человеческого сердца злость, ненависть, жадность, зависть и ещё тысячи тщательно скрываемых чувств чёрной волной устремились на сцену. Он пошатнулся...

— Продолжай! — крикнули из зала. — Мы заплатили!

В горле стоял ком, на глаза навернулись слёзы. Такого исхода он никак не ожидал. Была надежда, что они войдут в его положение, по крайней мере, постараются понять. Всё разбилось вдребезги... От чужих людей

можно стерпеть и унижения, и обиды, и оскорбления, от них и не ждёшь ничего хорошего, а жестокость любимых, любящих тебя соплеменников терзает душу, словно тупой нож.

Он снова пробежал глазами по залу. Люди, которые несколько минут назад выражали безмерное восхищение, сейчас похожи на голодных волков. Ему показалось даже, что он увидел оскаленные клыки. Насколько красивы и привлекательны были эти люди в состоянии восторга, настолько же уродливы и отвратительны они стали в своём недовольстве. Тем временем на сцену выскочил помощник и, стараясь его защитить своим телом от враждебных взглядов и ядовитых слов, закричал:

— Успокойтесь, бессовестные! Ему действительно очень плохо... Он не только пел, танцевал и рассказывал вам удивительные истории... он раздал вам кусочки своего сердца... Он оживил своими чувствами ваши мёртвые сердца и засохшие души...

Голос удалялся... Вдруг он как будто что-то понял...

***

Да... Всё было именно так... И этому не стоит удивляться...

Он собрал их горести, печали, страдания. Рассеял темноту их душ, превратив в яркий свет.

Он раздал им свет. И ждал, что люди останутся чистыми и благородными.

Но на этом далеко не уедешь: свет, взятый со стороны, тут же рассеивается. Чтобы свет сохранился, в душе каждого человека должно быть своё солнце, пусть маленькое, пусть с кончик ногтя, но оно должно быть. Если его нет, то никакие искорки света не помогут.

У этих людей не было своего солнца. И поэтому они нуждались в свете и чувствах, приходящих со стороны. Собирая их, они на какое-то время чувствовали себя очищенными, просветлёнными, видели красоту жизни. Да... В эти мгновения они действительно жили...

Но через некоторое время чужой свет рассеивался. И они снова превращались в живых мертвецов. Испытывали жажду, засыхали... И снова вынуждены были искать источник света. Если вдуматься, они на самом деле были живыми мертвецами. Мёртвые особи, живущие в могильной темноте, в затхлой действительности. Ни окрыляющих успехов, ни обжигающих сердце ошибок, ни прошлого, о котором можно вспомнить, ни волнующего будущего... Не имея своей, они живут жизнями других: вдохновляются чувствами певцов, разговаривают книжными словами, печалятся или радуются вместе с героями сериалов... Находят вкус в «пережёвывании» поступков других. Любое действие, дело, занятие личности, живущей своей жизнью, — пища для этих голодных душ.

А он был личностью. Яркой личностью.

Для этих людей он был лучом, искоркой света. Он был их солнцем. По крайней мере, он сам так думал. Впрочем, думать так ему было приятно. Это давало ощущение собственного величия и превосходства. Даритель света и радости... Конечно, ему за это прилично платят... Но даже если бы не платили ни копейки, он всё равно занимался бы этим делом. Потому что нет ничего лучше, чем видеть других счастливыми.

Раньше он думал именно так...

Но сейчас всё это выглядело иначе. Он никакое не солнце и не наполненная святостью персона иной природы. Он всего лишь пища.

И разбрасывание со сцены кусочков своего сердца ничем не отличается от кромсания своей голени на куски и забрасывания их в вольер с волками.

Это безумие. Но никто не считает это безумием, потому что каждый знает: пища не может быть ни глупой, ни умной. Он тоже был питательной и вкусной пищей. Драгоценной пищей.

Увидев оскаленные физиономии сидящих в зале, он ещё раз убедился в этом. Зубы, готовые грызть и жевать тебя. Взгляды голодных волков. Рычание, визги, крики. И тут он пожалел своего помощника. Человека, собиравшегося отобрать их пищу, это племя не простит ни за что...

Таких не прощают. Он хорошо это знал. Когда-то он тоже был молод. Стремительной яркой звездой ворвался он в сферу людей, занимающихся этим делом. И люди, позабыв о других звёздах, повернулись в его сторону. А коллеги превратились в безжалостных конкурентов. Они сплетничали, вставляли палки в колёса при каждом удобном случае. Многие из них уже в преклонном возрасте, но до сих пор злятся на него. Много тех, кто не отвечает на его приветствия... Раньше он не понимал это. «Я никому не причинил зла, почему они так поступают?» — думал он. Теперь понимает: он отнял их пищу... Люди в зале и сами в какой-то мере были его пищей.

Он питался их темнотой, невежеством и безжизненностью. Их убогость вскармливала его гордыню. Вот они — бедняжки, своей беспечностью, завистью, алчностью, ревностью и ещё бог знает чем погасившие солнце в своих душах, превратившиеся в животных в человечьем обличии. Их много, не сосчитать. А вот я — единственный, как солнце. Конечно, всё это было правдой.

Он на самом деле был единственный. И на самом деле был похож на солнце. Но чтобы понять ценность солнца, нужна тьма...

Такие мысли никогда раньше ему в голову не приходили. Или были только в подсознании. А может, поводом для них стала чёрная волна, окутавшая зал.

И всё же он был прав. Пусть не совсем... Пусть под воздействием тёмной волны... Это неважно... Только теперь он был свободен от той красивой сказки, которую придумал сам. Сладкие заблуждения исчезли, осталась горькая правда. Это было мучительно.

— Вы не видите, что с ним?! — крикнул помощник. — Среди вас есть врач? Он улыбнулся...

— Врач уже не нужен... — прошептал он обессиленными губами. И посмотрел в зал, словно хотел в последний раз увидеть тех, кто сопровождал его полжизни. Но не увидел ни зала, ни людей. По небу плыли серые облака, землю покрывала выжженная трава. Он лежал на спине... Рядом, громко крича, дрались какие-то птицы. Он приподнял голову, пытаясь понять, что происходит. Во́роны... Вороны с остервенением раздирали кусок мяса. Сердце... Он сначала увидел своё сердце в вороньих клювах, а уже потом ощутил сильнейшую боль в груди. Из какой-то части мозга

просочилась слабая мысль: «Пища... Духовная пища... — И совсем уже неуместное в этот момент: — Стервятники духа...»

***

Мы любили его и были на все готовы ради него... Мы так соскучились по нему. А он... Так мало рассказывал и вдруг объявил, что встреча подошла к концу... ну так ведь не делают... Ты его ждёшь, считая недели, дни, а он... Конечно, мы немного рассердились... Да, и я тоже кричал... Мы все кричали...

Зачем кричали? Не знаю... Во-первых, разозлились... Во-вторых... Скажем, если бы это был другой танцор, мы бы так не поступили... Он ведь и так уже больше часа танцевал... Если бы был другой танцор, мы бы посчитали, что так и должно быть, и разошлись. А он... Я так думаю... В наших криках нет вины. Они показывают, насколько сильно мы соскучились, как мы его любили. Мы ведь не говорили ему: хватит, утомил. Мы кричали, чтобы он продолжал танцевать...

Очень хорошо. Разве это не справедливо?! Раз не хотел для нас петь, пусть ни для кого не поёт! Ой, простите, пожалуйста... Не знаю, что сказать, не знаю... Я до сих пор его простить не могу. Интересная ситуация. И люблю, и простить не могу.

Я по-прежнему читаю его книги. Читаю и плачу. Душу охватывают ни с чем не сравнимые чувства. Сердце переполняется. Попробуй сдержи слёзы! Жалко, что его нет. Совсем молодым ушёл от нас. Видимо, и на том свете хорошие люди очень нужны.

Перевод Талии Шарафиевой

МАРИНА ПАРЕНСКАЯ

Марина Викторовна Паренская — член Союза писателей России. Автор книг рассказов «Соседи» и «Новые соседи», книг сказок и рассказов для детей «Электрический мальчик» и «С любовью, кот Серёжа». Лауреат литературных премий имени Бориса Шаховского и «Чистое небо».

Башурочкина молитва

Перед тем как отправиться на СВО, Серёга по настоянию бабушки покрестился. В крестильне были три молодые пары с младенцами, он единственный взрослый мужик среди них. Он стеснялся, но батюшка смотрел на него дружелюбно, и слова после крещения сказал добрые и правильные. — Вот и слава Богу, слава Богу, — приговаривала бабушка, — главное сделали. Теперь мне и отпускать тебя не страшно.

На самом деле ей, конечно, было страшно. Они были друг у друга одни: Серёга и баба Шура, Шурочка, которую все так называли со времён её молодости за малый рост и лёгкий характер. А он стал называть Башурочка, соединив бабкин статус и уменьшительное имя. Мужа своего она похоронила рано. А Серёга с пяти лет жил у неё, фактически брошенный матерью, Башурочкиной невесткой. Серёгин отец, как говорила ему, маленькому, бабка, сгорел от водки. Нет, это она говорила позже, когда сын действительно «сгорел», а Серёге уже было лет десять. Но он почему-то даже тогда воспринимал этот факт буквально, прямо был уверен, что отец облил себя водкой, а потом чиркнул спичкой — и погиб. Вообще, отец умер где-то на Севере: пытался устроить свою непутёвую жизнь, да так в снегах и остался. Башурочка летала спустя какое-то время навестить могилу, переживала, что далеко, лишний раз не придёшь повидаться. Серёга и эти сибирские сугробы представлял по-своему, а в действительности всё было куда проще и страшнее: пьяный отец замёрз на улице, не дойдя до барака, и похоронили его, безымянного, в общей могиле для бездомных. Но он понял всё, когда повзрослел. Башурочка вроде и не скрывала от него ничего, но берегла мальчишку от ненужных переживаний. Когда-то, рассказывала бабушка, была у него хорошая семья, потом отец стал пить, и мать с ним разошлась, а когда решила устроить свою жизнь с кем-то другим, сына отвезла к свекрови. Тут Башурочкин относительно спокойный тон сменялся горькой интонацией, в чём-то даже нарочитой, со слезой. Про начало новой Серёгиной жизни она любила рассказывать именно с этого момента.

— Такой ты махонький да худенький был, в чём душа. Я энтой говорю: «Ты парнишку совсем не кормила, что ли?» Слушать даже не стала, что она мне в ответ. Иди, говорю, устраивай себе счастье, а мы с мальчишечкой как-нибудь без вас проживём. Марта, умница, тебя выкормила. Ты после её молока прямо как на дрожжах начал расти, справным стал. Через полгода энта тебя бы не узнала. Да она и не хотела знать.

Свою неприязнь к невестке Башурочка выражала пренебрежительным словом «эта», на местном диалекте «энта». Сына тоже иногда так называ-

ла. В основном, когда рассказывала, как он связался с «энтой», загубившей его жизнь. А в Серёге души не чаяла. В последние годы Башурочка работала охранником в школе. Школа-девятилетка, маленькая, всего 60 человек, село вдалеке от цивилизации, до райцентра ехать час, до областной столицы и того дольше, от кого ребятню охранять, непонятно. И Башурочка была и за уборщицу, и за вахтёра, и конфликты ребячьи улаживала, и пятерых учителей успокаивала, если случались какие-то нелады в семье. В школе-то всё было благополучно. Ещё раньше Башурочка в колхозном клубе кино показывала. Серёга долго был уверен, что она работает артисткой. Башурочка любила пересказывать киношные диалоги, поочерёдно выступая за разных героев, мастерски исполняла песни из фильмов, и, десять раз слышанные Серёгой, они начинали звучать по-новому, никогда не надоедали ему. Конечно, и все фильмы он пересмотрел, Башурочка всегда пускала на любой сеанс его вместе с друзьями.

Но настоящая слава настигла Башурочку, когда колхоз, отчаянно сопротивляясь, всё же прекратил существование, и надо было как-то выживать на его обломках. Молодёжь потянулась в город да в чужие края, а Башурочка взвалила на свои плечи руководство клубом и не сдавалась до тех пор, пока клуб не отрезали от электричества и газа. Она отчаянно боролась за сельскую культуру, ездила в райцентр и в область, встречалась с разными руководителями. И хотя клуб спасти не удалось, беспокойная Башурочкина натура заставляла её и дальше вмешиваться в решение каких-то проблем, помимо клуба. Она, например, сумела отстоять баню, которую местные власти пытались дважды закрыть, и даже выбила деньги на ремонт. Башурочкины усилия находили отражение на страницах районки, а однажды о ней написала даже областная газета. Журналисты увидели в ней героиню нового времени и писали красивые слова про гражданское общество. Башурочка хранила газетные вырезки и при случае застенчиво хвасталась своей популярностью. Но не злоупотребляла этим.

Серёга сызмальства привык к бабкиной активности и под её крылом рос таким же бесстрашным и готовым драться за правое дело. Странное дело: всё, что происходило с ним до пяти лет, до появления в его жизни Башурочки, он словно забыл. Башурочка подарила ему то, что заполняло его от края до края, когда вообще не помнишь, что когда-то было плохо, и не думаешь, что всё хорошее может закончиться. С чего бы вдруг? В его жизни при Башурочке бывало всякое: и двойки, и драки «до первой крови», и серьёзные разбирательства у директора школы, но любой тяжкий разговор или драка всегда завершались Башурочкиными увещеваниями и утешениями. Она ругала, объясняла, восстанавливала справедливость в сложном мальчишеском мире, соединяла, казалось, навсегда разрушенные отношения и неизменно любила внука. И он, конечно, любил её. Из училища, в котором Серёга учился слесарному делу, он мчался домой на выходные, как угорелый: скучал по Башурочке, по родному дому. А она, бывая в райцентре, непременно заходила к нему в общежитие, привозила самодельные коржики и молоко, налитое в бутылку из-под «Колы». На втором году обучения молока уже не привозила: продала корову, не осилила её содержания. Серёга не стеснялся приобнять бабушку при всех, поцеловать на прощание в сморщенную щёку. — Ну хватит, хва-

тит, — отворачивала повлажневшие глаза Башурочка. — Ты прямо как энтот, он тоже был такой прилипчивый.

Речь, видимо, шла о Серёгином отце, о котором говорила она нечасто. Но по тому, как смотрела на внука, он понимал, что она вспоминает сына.

После училища парень недолго поработал слесарем в частной фирме, потом, отслужив в армии, туда же и вернулся, радуясь, что фирма всё ещё жива. Начал неплохо зарабатывать, купил подержанную машину и на ней однажды привёз Башурочку в кафе. Кафе было больше похоже на столовую, только что в интерьер добавили новомодный штрих: убранное бумажными цветами зеркало. Но еда была вкусная, Башурочке понравилась, она даже винца пригубила и была счастлива.

А тут подоспел 2022 год.

Решение Серёги подписать контракт Башурочка приняла без слёз и уговоров. Об одном попросила: покреститься. В последние годы она сама стала ходить в церковь, добираясь до райцентра на маршрутке, если внук не мог её подвезти, и даже иногда пела в маленьком церковном хоре. А до этого вроде не была замечена в такой привязанности к Богу.

— Всегда молилась. Ну да, про себя, времена-то какие были: о Боге громко не говорили. Жалею, что тебя ещё в детстве не покрестила, всё некогда было, всё общие интересы отстаивала.

Помолчав, Башурочка сказала с непередаваемой нежностью:

— А он ждал...

Кто? — не сразу понял Серёга.

— Отец наш небесный. Защитит и поможет всегда.

Искренние Башурочкины молитвы касались и непутёвой невестки, о которой она ничего не знала с самого Серёгиного детства, и сгинувшего вдали от дома сына, но горячее всего благодарила она Господа за Серёгу, появление которого в собственной жизни двадцать семь лет назад вдруг стала принимать как чудо.

После крещения подала внуку маленькую металлическую, потускневшую от времени иконку Спасителя, которая стояла у изголовья её кровати: «Он твоя защита теперь. Пусть всегда будет с тобой! Он деда моего, твоего прапрадеда, спас на той войне. И тебя спасёт. Я молиться об этом буду, Он не откажет».

Серёгу рассмешило это «Он не откажет». Так Башурочка говорила, когда возвращалась из райцентра после встречи с каким-нибудь начальником, которого убеждала помочь в решении очередной проблемы. Но Башурочка была серьёзна как никогда:

— Буду, буду просить за тебя. Мне без тебя никак нельзя, мой родной...

Спустя несколько месяцев боец с позывным «Слесарь» был тяжело ранен, но уцелел в страшном бою. Чудом было, что пуля, которая метила в сердце, застряла в иконе, вложенной в бронежилет. Хирург сказал: «Повезло». Серёга тоже считал, что повезло, но точно знал, кому обязан жизнью.

ТАУКЕН ЯЙТЫНОВ

Яйтынов Таукен Тазымаевич — публицист, фольклорист, алкышчы-благопожелатель. Родился в 1951 году в селе Кокоря Кош-Агачского района Горно-Алтайской автономной области Алтайского края. Окончил Горно-Алтайский государственный педагогический институт, Новосибирскую высшую партийную школу. Автор сборников «Жемчужина Алтая», «Сокровенный Алтай», «Таланты Чуйской колыбели». Почётный гражданин Республики Алтай, заслуженный работник культуры РФ, член Союза журналистов России, член Союза писателей России. Носитель и эксперт алтайской обрядовой культуры. Живёт в г. Горно-Алтайске.

Бадма — борец и силач Чуйской земли

Однажды в год Зайца, золотисто-коричневой осенью мне довелось побывать в урочище «Кам-Тытту-кем», что в переводе означает «Урочище лиственниц шамана», где фонтаном бьёт целебный источник аржан суу. Заметно, что люди приезжают сюда довольно часто. «Желающих полечиться целебной водой много, наверняка есть большая польза от этих источников», — подумал я. Мои спутники, отдохнув вместе со мной и поклонившись целебному источнику, отбыли домой.

С древних времён Чуйская земля славится не только своей красивой природой, водами, травами и зверьём, но и главным — благородными людьми. Они благословляли и поклонялись той волшебной земле, соблюдали традиции и обычаи своих предков. На этот раз нам посчастливилось побывать на летней стоянке пастбище «Кам-тытту-кем», где жил и работал чабаном простой труженик по имени Бадма Синдинов. По словам одного старожила, на этой самой летней стоянке Бадма-силач поднял серый камень треугольной формы и перекинул его через осёдланную лошадь. Это было чудо, живая историческая правда...

Раньше в Чуйской долине проводились различные спортивные состязания: бег на длинные и короткие дистанции, поднятие камня, стрельба из лука, метание булавы, конные скачки. Но особый интерес к борьбе «кӱреш». Богатыри из Чуйской долины боролись между собой, к ним приезжали борцы из соседней Монголии, Китая и Тана-Тувы. Часто побеждали местные борцы, такие как Саадак, Кабырга, Бултай, Садак-Чындый, Темир-Бука.

Наш Бадма был не только силачом, поднимавшим и кидавшим камни, но и искусным мастером борьбы «кӱреш». Был он среднего роста, крепкого телосложения, вёрткий, гибкий, удалой, а его мышцы играли ликами солнечных лучей.

Об одном случае с восхищением вспоминали земляки. В тот раз гости из Монголии пожаловали со стороны высокого перевала Согонолу. Остроконечные головные уборы всадников особенно топорщились на ветру. Впереди длинного каравана ехал знаменитый силач Чаган Чон-Батор. Новость быстро облетела здешние места:

— Чон-Батор едет! Чон-Батор едет!

Знатные зайсаны Кош-Агача и Улагана всполошились. По урочищам спешно отправили гонцов:

«Всем силачам без промедления явиться в местечко Эки-Ару и Эки-Терек». Надо было сообща выбрать самого достойного борца, который мог бы составить конкуренцию монгольскому силачу. Непростой гость этот Чон-Батор. Великий борец! Обе стороны ещё накануне договорились состязаться на большой поляне Кок-Ёргё (Бирюзовый дворец).

Лучи солнца едва коснулись вершины Башту-Боры, как монголы шумной толпой двинулись к условленному месту. Много народу собралось в ложбине Эки-Терек ранним утром. Все с нетерпением ждали появления Чаган-Чон-Батора. Не успели старики выкурить трубку, как со всех сторон раздались громкие крики: «Едут! Едут!» Каждый старался первым увидеть прославленного монгольского борца.

— Ох и трудно же будет одолеть Чон-Батора, — говорили люди. — А наказать надо бы его. Больно уж он распоясался.

Понимающие толк в борьбе аилчане подсказывали: «Эй-эй! Акыр-акыр! У Кабырга сил побольше. Пусть он борется. А Саадак где? Или он испугался иноземца?»

Из дальнего ряда раздался голос:

— Табунщик Бадма хочет испытать свою силу. Секунданты Чон-Батора усмехнулись:

— Побеждённого земля поднимет. Если не боится, пусть выходит на круг. Только больно будет падать. Ха-ха-ха!

Аилчане одобрительно закивали головами:

— Бадма, мать-земля наделила тебя другим крепким телом. Расправься с ним, как со щенком.

Хи-хи-хи.

Удар конко-колокольчика возвестил о начале схватки. Борцы бросились друг на друга.

Там, где хватал Чон-Батор, оставались кровавые ссадины. Руки его были крепкие. Плечи широкие. Могучая фигура его напоминала сказочного великана. Под стать ему был Бадма. Мощный и сильный алып крепко стоял на ногах. Но победителем сегодня назовут только одного из них. Чон-Батор боролся грубо. Рана, которую он нанёс Бадме, стала кровоточить. Но это только раззадорило алтайского богатыря. Аилчане, все до единого, были охвачены восторгом и страстью состязания. На поляне словно бодались два разъярённых быка. Борцы то сходились, то расходились.

— Умей подсекать, — раздавались голоса.

«Силой такого соперника не одолеть, — думал Бадма. — Правильно подсказывают. Надо брать хитростью».

Борцы уже выбились из сил. Устали. Стали ошибаться. И вот Чон-Батор попадается на уловку. Бадма, схватив своего соперника за правую руку, резким движением проводит подсечку. Чон-Батор, потеряв равновесие, грузно упал. Но алтайский борец не успел закрепить успех: через мгновение Чон-Батор стоял на ногах. Однако это был уже не прежний уверенный в себе соперник.

Инициативой завладел Бадма. Не успел монгольский борец опомнить-

ся, тут же последовал бросок через себя. Чон-Батор остался лежать на земле.

Это был поединок двух равных соперников. Победителем вышел Бадма.

Аилчане, подбрасывая вверх своего героя, радостно кричали: «Молодец! Кулук! Не подкачал!

Честь и слава нашему алып-баатыру!»

Чаган Чон-Батор, признав своё поражение, на прощание только и сказал:

— Встретимся в следующее лето...

Жители долины Эре-Чуй низко кланялись, благословляли своего алыпа, а остальные силачи, стоящие рядом, подняли его на руки и три раза по солнцу обошли всех сидящих вокруг и громко кричали: «Эрдин эри!» (достойный мужчина), «Настоящий сын Чуйской долины, всегда оставайся непобедимым, Бадма!», «Ты прославил Чуйскую долину, весь наш Алтай и свой народ!»

И певцы, окружив его, тут же начали петь ему задорные песни, играть на комусе-варгане, восхваляя его. И в этих просторах Чуйской долины эхом отзывались их светлые песни. А горы и звёзды слушали их до утра.

В каком году, в каком тысячелетии появились мифы и легенды? Мы точно не знаем. Молчат древние курганы. Но кай о богатырях, о подвигах, о любви, о доброте и преданности, о предательстве и коварстве звучит до сих пор в горах Алтая. Новые кайчи-сказители, как и в старину, воспевают ратные подвиги алтайских чудо-богатырей. Их зовут Бадма, Ирбизек, Карчага, Алып-Манаш, Козын-Эркеш, Эр-Самыр, Боодой-Коо, Кан-Сулатай, Алтын-Эргек и другие.

АЙГИЗ БАЙМУХАМЕТОВ

Айгиз Гиззатович Баймухаметов (1988) родился в Башкортостане. Председатель Союза писателей Башкортостана (с 2022 года), главный редактор республиканского молодёжного журнала «Шонкар». В государственных театрах Башкортостана, Татарстана, Казахстана, Кыргызстана, Тывы, Бурятии, Калмыкии поставлены спектакли по мотивам повести «Не оставляй, мама!». По этому же произведению в Казахстане и Башкортостане сняты полнометражные художественные фильмы. Лауреат Государственной республиканской молодёжной премии имени Шайхзады Бабича (2015), заслуженный работник культуры Республики Башкортостан (2020), кавалер ордена Салавата Юлаева (2024), лауреат Государственной премии имени Салавата Юлаева (2025).

Мечта

(из цикла «Детдомовские рассказы»)

Плач... Чей-то безутешный плач послышался совсем рядом, из соседней комнаты! Сердце сжалось и замерло. Что же могло случиться? Мы мгновенно сорвались с места и гурьбой вбежали в комнату.

На краю кровати, обняв хилыми ручонками коленки и низко опустив голову, сидел Рустам. В детдоме он живёт только второй год. Учится в пятом классе. В его выразительных карих глазах всегда отражается какая-то невероятная тоска... Я ни разу не видел его улыбки!

— Рустам, что произошло? Почему ты плачешь? — Мы наперебой старались как-то успокоить мальчика.

— Ну! Может, кто-то ударил тебя?

Рустам сильно всхлипывал, щуплое тело сотрясалось от глубоких рыданий, которые уже довели его до изнеможения, но остановиться он никак не мог.

— Кто тебя побил? Скажи мне, сейчас я ему самому бока поколочу! — Мальчик постарше достал из кармана конфету и протянул её Рустаму. Но тот был безутешен.

В этот момент дверь широко распахнулась, и в комнату ворвалась наша воспитательница Райфа-апа:

— Что за шум! Я что, караулить вас должна? Ни на минуту невозможно отлучиться — готовы поубивать друг друга! У меня что, домашних дел нет? Вон, коровы орут в три глотки! Свои дети заброшены, пока я тут чужих воспитываю!

Воспитательница еле сдерживалась, чтобы не надавать нам всем своими ручищами по щекам, взгляд её метал стрелы.

Ну! У кого-то руки чешутся? Что, на тех, кто младше и слабее, теперь у вас сил хватило?

— Нет, мы его не трогали!

Райфа-апа быстро прошла на середину комнаты и твёрдым каблуком громко топнула по полу.

— Не врите! Ни с того ни с сего зачем ему так рыдать?

— Мы сами услышали плач и пришли сюда. Рустам здесь был один. А что произошло — мы не знаем.

Рустам по характеру замкнутый ребёнок. С первых дней в детдоме он словно воды в рот набрал, ни слова не произносит. Даже на вопросы «как зовут», «откуда ты» совсем не отвечает, только низко опускает голову или делает вид, что не слышит. Ребята шептались между собой, что, наверно, он немного не в себе, а может, и вовсе глухонемой. Вскоре всё стало понятно: воспитатель рассказала о нём.

Однажды в холодный буранный день, возле мусорного контейнера, дворник обнаружил свёрток, из которого издавались еле слышные звуки. Как же он был поражён, обнаружив в этом свёртке живого младенца. Документов при нём никаких не было. Сначала ребёнка определили в Дом малютки, затем уже в приют. Когда пришла пора идти в школу, его перевели в детский дом. Как ни старались, но имя ребёнка мы так и не смогли узнать. А ведь к нему нужно было как-то обращаться. «Вроде бы его Рустамом зовут», — сказал кто-то из нас, будто сделав большое открытие для всех. С тех пор и стали называть вновь прибывшего мальчика Рустамом. Он даже стал реагировать на это имя. Через месяц Рустам уже разговаривал, хотя вначале ограничивался краткими «да» и «нет».

Вскоре из города прислали личные документы, и он уже смог посещать школу. Однако по этим документам выяснилось, что мальчика зовут Буранов Ильнур. Это имя ему дали в честь обнаружившего его дворника, который спас ему жизнь. А фамилию навеял буран, который мёл в тот холодный зимний день... В детдоме его продолжили называть Рустамом, так как все уже успели привыкнуть к этому имени.

Однажды с ним произошла необычная история... После каждого обеда Рустам начал куда-то пропадать. Появлялся он примерно через час, и при этом у него было хорошее настроение. Вскоре его отлучения участились, и мне захотелось узнать, куда же он ходит. Я решил проследить за ним.

Вот Рустам вышел из детдома и сразу направился к березняку, что виднелся позади здания. Я тихонько шёл за ним следом, стараясь оставаться незамеченным.

Когда мы зашли вглубь леса, мальчик остановился и вдруг, обняв беленькую стройную берёзку, стал что-то быстро и прерывисто шептать. Какие слова в этот момент произносил Рустам, услышать было невозможно. Он делился с деревом своей сокровенной тайной. Периодически он поднимал глаза к небу и улыбался. Иногда по-детски утирал ладошками льющиеся по щекам слёзы. Мне не хотелось нарушать его откровение, и я решил удалиться. Но тут Рустам заметил меня. Он вздрогнул от неожиданности, выражение лица поменялось.

— Вы не говорите об этом никому, пожалуйста. Я впервые слышал речь Рустама.

— Хорошо, никому не скажу. А что ты делаешь здесь один, в лесу?

— Я боюсь говорить в детдоме о том, что думаю. — Рустам чувствовал себя неловко. У него задрожали губы, и в голосе прозвучали нотки вины. — Если я расскажу кому-нибудь свои тайны, он может разболтать всем вокруг, и меня будут дразнить. А вот эта берёзка — мой верный друг.

Она меня никогда не предаст. Ей я могу рассказать всё, что хранится в моём сердце. Я не знаю почему, но только в лесу я себя чувствую свободно и легко. Здесь я могу помечтать, даже представить своё будущее.

— А какова она, твоя мечта? — поинтересовался я осторожно.

— Знаешь, ага, я мечтаю, когда вырасту — стать больши-и-и-им человеком. — Глаза Рустама заискрились, в них заиграла жизнь. — Вот иду я по уфимским улицам, в руках у меня чёрный портфель, одет в красивый костюм, белоснежная рубашка, даже галстук есть, а уж ботинки как ослепительно сверкают!

Рустам при этих словах даже приосанился: он воочию переживал свою мечту, ощущал себя в эти минуты деловым человеком, руководителем.

— Те, кто знает меня — останавливаются, здороваются. А я радуюсь и продолжаю свой путь. И нет в этот час на земле человека счастливее меня! Дома ждёт меня моя семья: моя любимая жена и ребёнок...

В этот момент Рустам запнулся и вновь разрыдался.

— Ну, не плачь! Всё будет так, как ты захочешь, ведь у тебя впереди вся жизнь! — Я старался подобрать слова, чтобы успокоить его.

— Да, оно, конечно, верно... Но если мои дети станут допытываться, где их бабушка и дедушка, что я им отвечу?

У меня не было слов. Я хорошо понимал его, но чем я мог ему помочь? Вот уже много лет прошло с тех пор, как не стало моих родителей. И всё же мне показалось, что Рустам намного счастливее меня. У него оставалась надежда. Говорят, что его родители живы, только никак не могут найти своего сына. Однажды они обязательно встретятся!

— Ильяс-ага, я верю, что меня заберут из детдома! И моя вера всегда со мной! — Лицо мальчика просветлело. — Надо просто немного потерпеть.

— Конечно! Такого умного мальчика, как ты, здесь точно не оставят!

— Как вы думаете, когда приедут за мной? А вдруг я в это время буду в летнем лагере? Тогда им придётся долго меня разыскивать. А маме будет очень тяжело, если она меня сразу не увидит. — Теперь мальчик говорил более свободно. — Я очень давно не произносил слово «мама». Уже стал забывать, как оно звучит. Вот когда прихожу сюда, к берёзке, я проговариваю эти дорогие слова: «мама», «папа». Какие же это красивые слова, да, ага? — Рустам посмотрел на меня своими карими, полными слёз глазами. Потом тихо произнёс: «Мама! Папа! Я люблю вас!»

Моё сердце словно огнём прожгло. И хотя я был намного старше Рустама, теперь уже сам не смог сдержать слёз.

— Пожалуйста, никому не говори об этом, — попросил меня Рустам.

— Хорошо, не скажу...

Мы не спеша направились в сторону детдома.

Рустам, сидевший сейчас на краю кровати, понемногу успокаивался. Мы не торопимся уходить, пока не узнаем причину этих бурных слёз. Воспитательница тоже оставалась с нами. Рустам поднял голову, рукавом утёр покрасневшие глаза и взглянул на нас.

— Ыжди, ыжди... — он пытался сквозь всхлипывания что-то сказать, но заплакал ещё громче.

Мы застыли в удивлении.

— Ну хватит, успокойся уже! Хочешь, подарю тебе свою новую бейсболку. — Одноклассник натянул Рустаму на голову свою бейсболку, подаренную родственниками. Кто-то подал ему стакан с водой. Сделав несколько глотков, Рустам вроде бы затих. Через некоторое время всё прояснилось:

— Я всегда смотрю по телевизору передачу «Жди меня», ещё ни одну не пропустил, — Рустам говорил немного обиженным голосом. — Ну почему люди всегда кого-то ищут и обязательно находят. Вот и сегодня мама нашла своего сына. Она так крепко прижала его к себе! Я жду, что меня тоже будут искать по телевизору! Жду! Но никого нет... Неужели я совсем никому не нужен?! Наверно, не нужен...

В комнате воцарилось молчание.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Зиганшин Камиль Фарухшинович родился 15 марта 1950 года в п. Кандры Туймазинского района БАССР. Детство и юность прошли на Дальнем Востоке. После окончания политехнического института по специальности «радиоинженер» с 1973 года живет в городе Уфа. Народный писатель Республики Башкортостан, заслуженный работник культуры Башкортостана и России. Лауреат премии Президента России в области литературы, госпремии имени Салавата Юлаева и около 20 премий Союза писателей России. Член Президентского совета по русскому языку и языкам народов России.

Хождение к Студёному морю

Отрывок из романа

...Ещё не видно чумов, а о том, что скоро стойбище, Корней догадался по полупрозрачному облачку от дыхания большого стада. Через некоторое время слух уловил и издаваемые оленями звуки: хорканье, похожее на храп; щёлканье копыт, стук рогов, колышущихся над шерстистой массой.

Заиндевевшие животные, чтобы согреться, сбились в плотную кучу и уморительно выплясывали на снегу. При этом крайние время от времени протискивались в центр стада, где заметно теплее.

Сквозь висевшее над ними облако пара проступали верхушки чумов со скрещёнными кончиками жердей. Поднимающийся из них дым мраморными столбами подпирал небосвод.

Обойдя стадо, Корней направился к тесно стоящим жилищам, обложенным понизу снегом — своего рода завалинка.

Несмотря на мороз, румянощёкая ребятня на улице. В меховых комбинезонах с капюшонами и разрезом сзади (если захочется в туалет, то надо только присесть) они напоминали медвежат. У самых маленьких рукава наглухо зашиты — чтобы снег не попадал. Дети с любопытством разглядывали пришельца. Они впервые видели такого большого бородатого человека.

Скитника тут же взяли в кольцо звонкоголосые оленогонные собаки. На их лай из ближнего чума вышел немолодой, полноватый эвенк в богато расшитой кухлянке с дочерна загорелым, скуластым лицом, толстыми отвислыми губами. Глядя сквозь щёлочки глаз, он произнёс:

— Дорова! Пришёл! — и протянул Корнею руку: — Алдункан.

— Корней.

— Вижу, далеко ходи. Отдыхать надо. Чай пить, что видел, говорить.

Сказал он это с такой простодушной улыбкой, что сразу, несмотря на несколько отталкивающую внешность, расположил к себе.

Откинув оленью шкуру, заменяющую дверь, эвенк пропустил гостя вперёд. В чуме было до того дымно, что скитнику пришлось пригнуться — внизу дыма было меньше. На поперечинах коптились пластины мяса.

В центре, под дымовым отверстием, — очаг-костёр, обложенный для сохранения тепла и предотвращения пожара речными валунами. Над ним

горизонтальная жердь с чёрным от сажи чайником. В очаге чадили два толстых полена. На плоских камнях котелки разных размеров. Вдоль стен кожаные мешки, очевидно, с провизией, свёрнутые постели, алюминиевая и берестяная посуда. В глубине громоздился меховой полог для сна.

В чуме было холодно. Алдункан что-то недовольно буркнул пожилой женщине в потёртой дошке и, положив на чуть тлеющие угли сучья, передвинул чайник к огню. Как только дрова запылали в полную силу, скопившийся дым на глазах стал вытягиваться из жилища через отверстие, где скрещивались жерди каркаса. В верхней части они были чёрными, а в нижней, отполированные до блеска спинами и руками, — коричневыми.

Миловидная проворная девушка в ровдужных шароварах поставила на низенький столик миски с вкусно пахнущим вяленым мясом, копчёными оленьими языками. Затем принесла охапку поленьев и скрылась в левой половине, частично прикрытой замызганным куском пёстрого ситца. Корней, стянув с бороды и усов намёрзшие сосульки, сел на указанное хозяином место, застеленное шкурой белого оленя, поджав под себя ноги, чем сразу расположил эвенка.

Когда мужчины перекусили, Алдункан достал из матерчатого мешочка две хорошо отмятые кожаные полоски; одну подал Корнею, а второй вытер руки сам. Хозяйка тем временем уже налила чай, настоянный на листьях брусники, в большие эмалированные кружки. Что интересно, Алдункан пил не из кружки, а из блюдечка, держа его на кончиках пальцев. Было видно, что такой способ чаепития доставляет ему большее удовольствие.

Выпив то ли четыре, то ли пять кружек, эвенк откинулся на высокие подушки. Отдышавшись и оттерев пот со лба, вынул из расшитого голенища торбасов длинную костяную трубку, а из-за пазухи — кисет. Набив дожелта прокуренным пальцем в обрезок латунной гильзы табак, прикурил от горящей веточки и с наслаждением затянулся:

— Хорошо, когда есть мясо и табак... Теперь говори, откуда и куда ведёт твоя тропа без оленей, без нарты? — произнёс он, пуская дым колечками.

Едко запахло самосадом. Корнею это было крайне неприятно, но деваться некуда. А вот кисловатого запаха выделанных шкур он почти не замечал.

— Я с Алдана. На пароходе шли на Индигирку. Из-за ранних морозов пришлось встать на зимовку неподалёку от устья вашей речки. Пришёл к вам по поручению капитана. Для зимовки нам необходимы мясо и меховая одежда, — проговорил он специально на эвенкийском, чем окончательно покорил Алдункана.

— Где по-нашему говорить учился?

— У меня мама эвенкийка. Я много жил в стойбище у своего деда.

— Однако мало похож на нас, — эвенк пыхнул трубкой. — На что менять хочешь?

— Сахар есть, крупа есть, сгущёнка.

— Табак надо — пропадаю без него.

— На пароходе всё есть.

— А спирт есть?

— И спирт есть.

— Это хорошо, — сразу оживился Алдункан. При этом его лицо приняло блаженное выражение.

— Я должен крепко думать. Олень — наш вездеход. Олень — одежда, дом, постель, еда. Оленя нет — эвенк помирай. Олень — большая работа.

— Знаю, знаю, — закивал Корней, наливая в кружку спирт. — Помогал деду за стадом смотреть.

От волков, росомах охранял, даже больных лечил.

— Хорошо твоему деду. Мне трудно — помогать некому. Дочь в улусе на почте. Сыновья в интернате. Зачем эвенку интернат? А им нравится. Не хотят в тайге жить. Хотят в интернате. Какая польза? Эвенку надо учиться читать следы на снегу, а не на бумаге. Наша школа — тайга, а не интернат.

Разволновавшийся оленевод курил трубку за трубкой. В чуме слоился табачный дым.

— Я умру, кто после нас оленей смотри? — продолжал он. — Кто нарты делай? Кто шкура мягкий делай? Кто малица шей? Интернат не учит.

— Так не отдавайте детей. Мы вот не отдаём, сами учим.

— А нам улус говорит: не дашь — детей совсем заберём.

Разговор прервал дружный лай собак. Послышались радостные крики и бряканье ботала.

Алдункан с Корнеем вышли посмотреть, что происходит.

К стойбищу приближались, пощёлкивая копытами, олени. Впереди стада небольшой караван. Это ещё одна семья возвращалась с дальнего кочевья на зимовку. Глава семейства, облачённый в кухлянку, украшенную цветными вставками, восседал на крупном учуге с достоинством коренного жителя севера. За ним деловито вышагивал, с ямочками на щеках и приплюснутым носиком, мальчуган лет девяти. Своего оленя он вёл за поводной ремень. Ещё двое помладше сидели верхом. Четвёртый, совсем маленький, в люльке, притянутой ремнями к оленю, словно боковой вьюк. Сам малыш в меховом мешке. Этого оленя ведёт мать.

Следом — соединённые длинными сыромятными ремнями олени, навьюченные кожаными и брезентовыми сумами. В них весь скарб: постели, котлы, инструмент. В жёстких берестяных коробах — то, что может разбиться. На грузовых нартах нюки и жерди из стволов молодых лиственниц — остов чума. И дом, и скарб — всё с собой!

Уклад жизни кочевников не меняется с незапамятных времён. Их быт — пример оптимального хозяйства. В нём только самое необходимое для жизни. При этом не скажешь, что они в чём-то стеснены.

С оленя глава семейства не слез, а сполз — мышцы застыли от мороза и долгой езды. Какое-то время он, кряхтя, сгибал, разгибал спину, растирал ноги. Размявшись, стянул меховые, на вязках, рукавицы и занялся оленями. Ослабив подпругу, снимал спаренные вьюки и, ласково похлопав оленя по заиндевелому заду, отправлял его к стаду.

Чум собирали сообща. Очистив от снега площадку, составили шесты пирамидой, перехватили их сверху арканом и, протянув его конец в наветренную сторону, привязали к стволу лиственницы, чтобы чум не

опрокинуло при сильном ветре. Готовый остов обложили внахлёст нюками — оленьими шкурами и туго перетянули несколькими рядами верёвок. Малец старался не отставать от старших: распаковывал вместе с матерью и соседскими женщинами нюки и подносил их к каркасу. Корнею мальчуган напомнил его самого в детстве.

Через час коническое жилище было готово. Осталось развести огонь, прогреть нутро и установить меховой полог для сна. Этим занялись уже женщины, а мужчины собрались для общего чаепития и обмена новостями в чуме Алдункана — только в нём могли все разместиться.

Вновь прибывший жаловался:

— Геологи собак бросили. Они много оленей давили. Олень собак не боится — близко подпускает.

— Чего смотрел? Чего не стрелял?

— Дел много, не успевал, — промычал тот с набитым ртом.

— Знаю твои дела. Главное — поесть, полежать.

— Хорошо, хорошо. Не ругайся.

Хозяйка уже несколько раз костяными щипчиками подправляла скрученные из мха фитили жирников, а люди всё не расходились.

После очередной кружки чая Корней вышел опорожнить мочевой пузырь.

Пройдя мимо оленей, усердно копытивших снежный покров, он с облегчением выпустил парящую струю. Две важенки тут же подбежали и стали, тыкаясь волосатыми носами, жадно хватать пожелтевшие комочки. Только тут Корней сообразил, чего ради они сопровождали его от самого чума. Как же он мог забыть! Ведь в юности сам много раз в стойбище деда подманивал оленей комком снега, пропитанным мочой.

Корнею хотелось подольше подышать свежим, без тошнотворного табачного дыма, воздухом, но морозные иглы, больно пощипывая лицо, заставили вернуться в тепло.

Опустошив очередной чайник, люди, наконец, стали разбредаться. Когда чум опустел, уставший Алдункан подсел к Корнею:

— Завтра моя очередь смотреть за стадом. Поможешь?

— С удовольствием.

Оленевод критически глянул на его суконную куртку:

— Замёрзнешь! Встанем, одену.

Утром, пока искали подходящую Корнею малицу, совсем рассвело. Пошёл снег. Мохнатые снежинки кружили в воздухе, как бабочки: взлетали, опускались, гоняясь друг за дружкой.

Алдункан закинул на плечо берданку, подозвал свистом двух небольших остромордых лаек и, встав на окамусованные лыжи, зашагал, вспахивая рыхлый снег, в сторону белеющей мари. Корнею на голицах и в непривычной меховой одежде, чтобы не отстать, приходилось то и дело прибавлять шаг.

Олени копытили ягель не на мари, как предполагал Корней, а в ложбине, в двух километрах от стойбища.

— Алдункан, зачем так далеко пасёте? Марь ведь ближе.

— Ты своя башка думай. Тут скоро снега много будет. Как олень будет ягель брать? На мари всегда ветер — снега мало. Тогда там пасти будем.

От пощёлкивания копыт оленей, неутомимо разгребавших снег, в ложбине стоял ровный гул.

— Хитрый немножко, — тихо засмеялся Алдункан, показывая на молодого оленя. — Сам не хочет копать. Ходит, ищет, где другие копали.

Быки паслись в стороне. Сбросив рога, они стали безоружны перед важенками. Те, пользуясь этим, подходили к упорно трудившемуся хору и прогоняли его от только что разрытой лунки.

Корней обратил внимание Алдункана, что несколько оленей заметно прихрамывают.

— Знаю, знаю. Копытка! Уже три пропало. Резать надо, — сокрушался он.

— Зачем резать? Лечить надо. Иначе совсем без оленей останетесь.

— Как лечить, не знаем. Раньше такой беда не было.

— Я вас научу. Это несложно.

При осмотре одного из быков скитник обнаружил в межкопытной щели гнойные выделения и язвы на венчике над копытом — в самом деле копытка. Следовало срочно принимать меры, иначе зараза может перекинуться на всё стадо.

Всех больных оленей перегнали в загон рядом со стойбищем. Землю предварительно очистили от снега. Вооружившись острым ножом, Корней вскрывал опухоли, очищал поражённые места от гноя, удалял омертвевшие ткани (у одного даже пришлось ампутировать часть копыта). Очищенные участки протирал тряпкой, смоченной спиртом. Всё это время вокруг Корнея вертелся малец, так впечатливший его при установке чума.

— Малыш, как тебя зовут?

— Я не малыш. Я Вова, — поправил тот, не вынимая пальца изо рта. — Что это вы делаете?

— Видишь возле копыт язвы и гнойники? Если их не удалить, олень умрёт. Да ещё других заразит.

— Я тоже хочу оленей лечить. Научите меня?

— Хорошо, давай смотри и запоминай.

Три дня скитник со старательным помощником каждые четыре часа обрабатывали ноги оленей коричневатым взваром из волокон, которые соскребали с внутренней стороны еловой коры. После чего накладывали дегтярную повязку.

Пока Корней занимался оленями, Алдункан из рыбьей кожи сварил клей и окамусовал его лыжи. Поскольку лосиного камуса в стойбище ни у кого не было, использовал шкуры с голени оленей. Теперь Корнею не страшны крутые склоны: жёсткий волос камуса не позволит лыжам съехать назад.

На третий день после полудня загудела пурга. При сильных порывах чум начинал жалобно скрипеть. Ветер забрасывал через верхнее отверстие снег и загонял дым обратно в чум. Спасаясь от него, все забрались в меховой полог — самое важное и оберегаемое место в чуме. По сути, это большой, многоместный спальный мешок, натянутый на каркас прямоугольной формы метра два в ширину, три в длину и полтора в высоту. Прежде чем залезать, следует тщательно стряхнуть с одежды снег. Он для полога беда. Воздух в нём и без того влажный от дыхания людей.

Полог — единственное место в чуме, где всегда тепло. Конечно, тесновато и потолок низкий — не встанешь, зато можно раздеться до нижнего белья. Но основной недостаток — то, что из-за малого объёма и отсутствия вентиляции в душной, спёртой атмосфере полога через пару часов становится тяжело дышать и начинает кисло пахнуть повлажневшими шкурами.

Масляный светильник к утру из-за нехватки кислорода уже едва светит. Ещё одно неудобство — оленья шерсть лезет и прилипает к лицу и рукам. А в сильные морозы в нём не только спят, но и едят.

Освещается полог светильником — каменной плошкой, заполненной жиром. Роль фитиля исполняет прядка из плотно скрученного мха, горящая тусклым, но ровным пламенем. Женщины так искусно заправляют их, что они совершенно не чадят и дают на удивление приличный жар. Корнею в детстве приходилось спать в пологе у деда в стойбище. Тогда он не замечал всех этих неудобств. Сейчас же дышал с трудом, ощущая не только нехватку кислорода, но и высокую влажность, обволакивающую тело. Однако сейчас не до капризов — альтернативы не было: в самом чуме, как только догорали дрова, становилось так же холодно, как и снаружи, разве что ветер не гуляет.

АЛЕКСАНДР ШЕБЫРЕВ

Шебырев Александр Васильевич родился в 1960 году в селе Пожег Усть-Куломского района Коми АССР. Окончил экономический факультет Сыктывкарского государственного университета. В настоящее время директор краеведческого музея, хранитель музея Тима Веня в Помоздинской школе им. В. Т. Чисталева. На многие произведения Александра Шебырева сложены песни. Член Союза писателей России. Лауреат литературного республиканского конкурса «Эзысь борд». Живёт в с. Помоздино.

Вопреки Омару

В избушке старика Матвея Илья с Андреем очутились, как говорится, не думая, не гадая. Так уж получилось. Отправились дружки на выходные помахать удочкой на речушку Рытыввож, да оказались... на речушке Ан. Что-то с самого начала не склеилось... Роман, конечно, во всём виноват! Не поехал с ними, вежливо отказался, бродяга...

Уже проезжая через понтонный мост через Эжву, заметили, на столько она вздулась. Если уж Эжва такая, что на Рытыввоже? Море-океан? Какая тут рыбалка?

Но вышел в дорогу — значит, вышел. Не возвращаться же назад? Засмеют. Да и в сто раз лучше провести выходные возле костра, с друзьями о том о сём поговорить.

Друг... Не поехал с ними третий дружок, Роман! Сам насчёт рыбалки идею подкинул, и сам же в последний момент передумал. Дочь, говорит, впервые будущего зятя из города везёт, как не остаться... Жена, говорит, по затылку стучит. Конечно, причина уважительная. Такое не каждый день бывает. Да и дочь обидится! Поняли Илья и Андрей друга, но для виду всё-таки обиделись.

С малых лет дружат втроем. Редко так бывает, но ещё случается... Сами удивляются: как, говорят, друг друга терпим? Конечно, всякое бывало... И спорили, и дрались. Но вот до сих пор не расстались. Можно сказать, с детского сада. В школу вместе бегали. Потом как-то играючи в вузы поступили, даже сами не заметили. Илья окончил пединститут, Андрей — лесной, Роман — индустриальный. И все трое вернулись в родное село. Не затянула их городская привольная жизнь.

Не зацепили шустрые городские девицы. Тянула, тянула ребят красота верховьев Эжвы... Не отпустила, не освободила. Приехали, женились, семьями обзавелись.

Работают. Илья — в школе, Андрей — в лесхозе, Роман — в леспромхозе. Уважаемые люди. Уже и седина на висках появилась... Но соберутся вместе — как дети малые! Может, оттого что помнят друг друга с детства? А сельчане зовут их Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович. Пусть они не обижаются.

Илья — Илья Муромец, Андрей — Добрыня Никитич. А Роман — Алёша Попович. Илья и Андрей мужички крепкие, косая сажень в плечах, а

вот Роман пожиже... Но вот именно он — главарь! Его слово всегда последнее. Почему так бывает? А кто его знает... Какой-то внутренней силой берёт Роман. Его и слушаются. Жаль, что сегодня не поехал... Придётся «главарить» Илье. Андрей — самый добрый, вечно улыбающийся, вечно стесняющийся. А вот жена у него боевая. Побаиваются её даже немножко Роман с Ильёй, вежливо и почтительно при ней разговаривают, Елизаветой Ивановной величают!

...Выехали засветло на «жигулёнке» Ильи. До избушки старого Емели можно добраться. А вот дальше — головная боль... До Рытыввожа вёрст пять по буреломам да по болотам. А ещё этот дождь... Льёт и льёт. Дурацкая погода! В середине июня — и такое наказанье. Будто другого времени у неё нет. Конечно, настроение на нуле. Какая рыбалка? Не по себе Илье. Да и Андреево лицо счастьем не озарено.

Добрались наконец до Емелиной избушки. Полдень. А дождь — не перестаёт... Первым тишину нарушил Андрей, даром самый стеснительный.

— Э-э-э, — говорит, — какого чёрта мы в лес потащимся? Камикадзе мы, что ли? До трусов промокнем! Да и какой хариус по такой воде? Мутная, чёрная, прям как в половодье! Нам что, больше всех надо? Давай здесь определимся, вольными туристами побудем! Ночь пройдёт — не заметим. В рюкзаках спиртное есть, нам хватит. Еды девать некуда. Штук пять рыбных и мясных консервов прихватил...

— Опять прихватил? — накинулся на друга Илья. — Сколько раз тебе говорили: в лес консервы не брать! Не будет улова! Был бы здесь Роман, убил на месте! Молись, что нет его...

— Ага, — улыбается во весь рот Андрей. — Я виноват, я... Всегда я. Уже неделю дождь хлещет, а консервы-то я только сегодня в рюкзачок кинул. Грамотный вроде, а каждому чиху веришь. Не было б консервов, что бы ели? Твой хариус, который в Рытыввоже плавает?

— Да ладно, проехали, — смирился Илья. — Остаёмся — значит, остаёмся. Тогда так: тебе — вода, мне — дрова. На улице нечего костёр разводить. В избушке печку затопим. Ты всё ещё здесь? Хватай ведро и...

Не впервой. Каждый знает, что делать. Скоро и печка затрещала, и чайник закипел, на печке с плитой недолго. Решили два друга сначала «бич-пакетом» перекусить. Шесть секунд, — и горячее варево готово.

Огурцы, помидоры, яйца есть. Осталось только запотевшую водочку поднять... Тогда и предложил Андрей:

— Слышь, — говорит Илье, — а может, к деду Матвею смотаемся? Знамо, в избушке он. Хоть на нормальную речку поглядим, на Ан-ю. А что здесь? Лес густой да ручеёк крохотный. Соскучился по речке Ан... Да и старика давно не видели. Любо ему будет, в радость...

— Ты как будто мысли мои читаешь, — заулыбался во все тридцать два зуба Илья. — Сам ведь хотел предложить...

— Чего не предложил?

— Да вот... Вдруг, думаю, устал ты... от сиденья в машине.

— Ладно, умник, не язви, — нахмурился Андрей. — Ты раньше меня выдыхаешься! Поехали! Но по сто грамм опрокинем, коль уж стол накрыли. На ГАИ, надеюсь, не выскочим. А попадёмся, — моё дело сторона. Ты за рулём...

— Др-у-уг... — покачал головой Илья. — Если у меня будут проблемы, так толку от тебя ноль.

— Чтоб у тебя были проблемы, надо очень постараться, — улыбается Андрей. — Сам кому хочешь проблемы создашь!

...Но сказано — сделано. Перенесли друзья свой нехитрый скарб в машину да и тронулись. До речушки Ан — тридцать вёрст с гаком. Что это для машины? Ерунда.

После стакана водки и жизнь стала лучше, и жить стало веселей: езжай да пой...

Не заметили, как до места доехали. Летние лесные дороги, построенные тогдашним «Комилеспромом», и сейчас как шоссе. Умели делать! Не сегодняшнее тяп-ляп. Андрей поёт, Илья что-то подпевает тоже... Но лучше бы не пел... Ему давно медведь на уши наступил. Подъехали к речке Ан да и ахнули: что случилось с маленькой лесной речкой? Раненым зверем ревёт-крутится... Море, не река. Скоро из берегов выйдет.

И это — середина июня? Даже не верится... Но это ладно. А вот избушка Матвея — на другом берегу. Как-то надо ещё переправиться. В сухую погоду тапочек не замочишь, аккурат напротив дома мель. А сейчас воды, пожалуй, по грудь. Одно хорошо — не холодно, как осенью. Можно и вплавь.

— Колокольчик не заморозишь? — гогочет Илья. — Жена живьём съест!

— Самого чтоб не съела... — бурчит Андрей. — Давай, слон, лезь в воду! Я покараулю. Кровь в жилах застынет, за трусы вытащу.

— Ага, — ухмыляется Илья. — Вытащишь ты! Столкнёшь куда поглубже...

Разделись друзья до трусов. Первым в воду полез Илья. За ним, боязливо, — Андрей. Бредут...

Вода даже не холодная. Даже удивительно: тёплое половодье...

Надо запомнить. Внукам потом рассказать.

Дважды пришлось туда-сюда переходить. За раз всё барахло не смогли перенести. А до Матвеевой избушки — двадцать метров, вон на пригорке стоит. Вот дома ли хозяин? Что-то дымком не пахнет... Жаль, если нет дома.

С дедом Матвеем легко вечерять. Не замечаешь, как время летит. Обо всём расскажет словоохотливый человек: что видел, что слышал... Мужики частенько здесь бывают. Просто так, отдохнуть. Уважают люди Матвея...

Он практически всю свою жизнь прожил здесь, в лесной избушке на берегу речки Ан. Ведь и семья есть, и дети, внуки. В одном селе с Ильёй и Андреем живут. Матвей семью не обижает, но вот тянет человека лес, что тут скажешь! Как вышел на пенсию, а работал он лесничим, в первую голову возле Ан маленькую избушку поставил. «Фазенду», как сам говорит. И почти всё время тут проводит. Родня, конечно, по первости взбудоражилась, перед людьми, говорят, совестно, но потом отошли. Новая шерсть, говорят, не вырастет, у лешака. Лес, говорят, ему ещё во время работы и женой, и невестой был.

Тронулся умом, ничего не поделаешь...

А Матвею всё одно. Пусть болтают чего ни попадя. Языки без костей,

ему всё равно. Иной раз и впрямь устаёшь от людей... То ли дело природа! Никто на шее не висит, никто жизни не учит. Светлеешь мыслями и душой. Что-то очень важное понимаешь...

И радостно. И дыхание от радости спирает. И весь мир хочется обнять, пожалеть...

— Дед Матвей! Дед Матвей! — подходя к дому, стали орать Илья с Андреем. Но никто из дома не выходит. Загрустили друзья. Кинули всё барахло в сени, зашли в дом. А там — тепло! Печку недавно топили. На плите чайник шумит, в котелке что-то есть...

— Дома, дома старый лешак, — радуется Илья. — Вышел куда-то. Придёт...

— Ау, дед Матвей! — опять кричат друзья. — Быстрее приходи, обнесём!

— Чем это вы меня обнесёте? — неожиданно из-за угла появился хозяин, как из-под земли вырос.

Аж вздрогнули Андрей с Ильёй.

— Напугал, дед Матвей, — улыбается Илья. — Как леший... Не слышно, не видно...

— Леший и есть, — улыбается в ответ тот. — Не городской, чай. Ваше плесканье сразу услышал. Посмотрел, как вы реку переходили. Делать вам нечего, в половодье таскаетесь! Дома не сидится, что ль? Вот прогоню вас, будете знать...

Илья с Андреем чуть не поперхнулись: чего это с дедом Матвеем? Неужто и впрямь гонит?

— Кхе-кхе... Испугались, лешаки? — продолжает дед Матвей, а глаза хитрющие. — Шуткую... Старею, вот и бурчу. Молодости вашей завидую. Рад, что приехали, вместе всё веселей. Чегой-то давно не показывались. Подождите чуток, из муравейника трёхлитровочку вытащу, бражкой вас угощу.

— Да есть у нас с собой, дед Матвей, — подал голос Андрей.

— Знаю, — улыбается старик. — С пустыми руками приехали бы — точно выгнал. Чего здесь делать на трезвую голову, коль рыбалки нет? Время ведь как-то убить надо! С бутылкой как-то веселей. А рыбой с вами поделюсь, так и быть. Старые запасы имеются...

Полегчало на душе у друзей. Не зря, значит, приехали... С дедом Матвеем не соскучишься. А дождь, окаянный, всё льёт не переставая. Хорошо бы возле костра посидеть, да муторно.

Потому в избушке расположились. Тепло, сухо. Благодать! Хоть до трусов разденься, чтобы уж ничего не мешало. И стол от еды ломится. Дед Матвей рыбу солёную достал, бруснику печёную... Откуда-то даже лосятины сушёной принёс: жуйте, мол... Да и самим друзьям было что на стол поставить, всякой всячины из рюкзаков подоставали. Да и про спиртное не забыли. Вон сверкают на окне.

Как хорошо в лесной избушке! Скудна жизнь мужика, кто этого не понимает: не надо никуда спешить, не нужно голову всякой дребеденью забивать... Много веков назад так же сидели в своих избушках прадеды. Жизнь изменилась, а лесная избушка осталась.

Да и дальше будет жить, покуда последнее дерево не вырубят в лесу.

А дальше что? Дальше — конец. После того как рухнет последняя лесная избушка, рухнет и уклад коми жизни. Страх берёт... А в избушке идёт разговор... Неторопливо, тихонечко, как вода течёт... Больше говорит дед Матвей, друзья слушают. Вторую бутылку уже заканчивают, уже хорошие. Но до бражки Матвея пока не дошли. Знают: после водки крепкую бражку глотнёшь — уложит. Для этого, что ли, сюда пришли. Упиться и дома можно.

А здесь — лес, здесь серьёзный, степенный разговор... Внезапно дед Матвей спросил:

— Где же ваш третий дружок, Роман? Илья-богатырь здесь, Алёшу Поповича вижу, но чегой-то Добрыни Никитича не видать! Потеряли, что ль, по пути? Или на том берегу остался, перейти побоялся?

— Да не поехал с нами, — отмахивается захмелевший Илья. — Друг называется. Предал. Променял на жену да на зятя!

— Как это? — не понял дед Матвей.

Но после рассказа Ильи старик сказал:

— Ну и правильно сделал.

— Как? — вскинулся Илья. Согласно ему кивал и Андрей. — Как правильно? Для мужика друг — это главная ценность! Не каждый настоящего друга имеет. Но если уж повстречал — жизнь за него отдашь!

— Жизнь отда-а-ашь... — передразнил Илью дед Матвей. От внимательного взгляда не ускользнуло бы, как посуровело его лицо, сузились глаза. — За словами прячетесь... Легко так. Только вот жизнь — совсем другое дело. Ладно, слушайте... Расскажу вам притчу. А может, и слышали уже...

Жили-были четыре друга. Люди по характеру разные, но хорошие друзья. Некоторые, как ты, Илья, во хмелю, тоже кулаками себя по груди стучали: крепче нашей дружбы, мол, на свете нет! Жизнь, мол, друг за друга отдадим, коль надобность будет. И вот однажды ночью к одному из них другой стучится. Выйди, мол.

Тот вышел. Видит: стоит его друг, бледный. В руках мешок. А из мешка кровь капает. И говорит: вот, мол, человека убил, голову отрезал. В этом мешке — голова... Сгоряча получилось — на жене застал... Не выдержал, голова перестала соображать... Очнулся — труп. Что же делать? Может, поможешь труп спрятать?

Тут побледнел хозяин дома. Надо, говорит, в милицию идти, с повинной... А у меня жена, детки малые... Помогу — и меня посадят за соучастие.

Ничего не ответил тот, с мешком, развернулся и пошёл. Пришёл ко второму. Рассказал, что и как. И второй друг побледнел. Помогу, мол, но, ради Христа, не говори никому, что ты меня видел! Сидеть не хочу. У меня ребёнок маленький, жена...

Опять ничего не сказал человек с мешком, повернулся и к третьему другу пошёл. Постучался. Рассказал всё. Друг спрашивает: «Сколько времени прошло с убийства?» «С полчаса», — отвечает пришедший. «И ты полчаса где-то шляешься, нет чтоб сразу ко мне! — крикнул третий друг. — Подожди, лопату и лом прихвачу!»

И тогда человек с мешком встал перед ним на колени: прости, говорит,

ради Христа. Проверить я решил вас, друзей моих... «А в мешке что? — спрашивает тот. — И кровь откуда?» «Да козу зарезал...» — отвечает.

...В избушке воцарилась мёртвая тишина. Илья уставился в окно. Андрей, опустив глаза, чешет голову.

А дед Матвей, прищурившись, смотрит на друзей.

— Страшно... — нарушил тишину Илья. — Нельзя так.

— Чего нельзя? — спрашивает дед Матвей.

— Нельзя так друга проверять! — сорвался на фальцет Андрей.

— А словами бросаться, дружбой хвастаться... Можно? За словами и дел не видно...

— Дед Матвей, а не ты ли козью голову в мешок засовывал? — вдруг ожил Андрей.

— Нет, — улыбается старик. — Не приведи Господь... Да и друзей-то у меня немного было. Может, один... Да и тот уже в сырой земле...

Как-то стало легче от этих слов.

— И всё же настоящая дружба есть! — гнёт своё Илья. — Не знаю, как я бы повёл себя, увидев тот окровавленный мешок. Но сам так проверять друга не хочу. Во всём есть грань, за которую не переступают... Это... Это неуважение к другу. Унижение...

— Слова, слова... — бормочет дед Матвей.

— Ну и что, что слова? — не унимается Илья. — Пусть слова! Друга потерять легко, а вот найти! Я верю, что наша дружба — настоящая! По этому поводу у нас даже свой тост есть. Называется «вопреки Омару!» Давайте выпьем за это!

— Странный тост, однако, — удивляется старик. — Семьдесят лет живу, не слышал...

— Всего в жизни и ты не знаешь, — уже веселится Илья. — Сейчас расскажу. В далёкие времена жил персидский философ Омар Хайям. Сегодняшние и иранцы, и азербайджанцы считают его своим земляком, никак поделить не могут. Очень глубокие мысли можно найти в произведениях Омара! Но не нравится мне одно его высказывание. Он говорит, что настоящей дружбы между людьми не бывает. Как так? А мы, наша троица? Всё это ложь? Обман? Я не хочу в это верить... Жизнь потускнеет, жилы порвутся... Поэтому я при каждой встрече поднимаю тост «вопреки Омару». И сейчас хочу поднять!

— Давай, ежели так... — усмехается дед Матвей. — Было бы что выпить, а тост всегда найдётся.

Пусть будет по-вашему! Всё от человека...

Чокнулись, выпили. Дед Матвей включил свой старенький радиоприёмник «Океан». Мировой аппарат! Весь земной шар ловит. Почему сегодня не умеют делать так?

Из приёмника полилась мягкая, восточная музыка, потом слова:

В этой жизни безумной не будь дураком!
Полагаться не смей ты на тех, кто кругом.
Оглянись на ближайшего друга, —
Он, возможно, окажется злейшим врагом...

В избушке даже воздух стал напряжённым.

— Он? — полушёпотом удивлённо спросил старик.

— Он, Омар... — ошеломлённо ответил Илья.

— Правильные слова, — пробурчал дед Матвей. — Видно, понимает в жизни философ... — немного помолчал, а потом добавил: — Но тяжело жить... так-то... — и вдруг почти прокричал: — Есть дружба в жизни, чёрт побери! Где-то да есть! А как же по-другому? Враги, что ли, мы друг другу? Зачем тогда и жить? Держитесь за человека, помогайте ему... Всё легче. Но словами не бросайтесь, за слова не прячьтесь... Друг, он далеко и близко, высоко и низко, он есть и его нет. Приходит, когда тебе худо, уходит, когда всё хорошо... Даже ведь не знаешь, кто есть твой друг... Но он есть! Должен быть! И одно знайте: на хорошее — хорошее, на плохое — плохое. Если сам помогать стремишься, и друг будет. А если только требуешь от других — последний сбежит... Ложитесь спать, утро почти...

...Тихо в избушке. Похрапывают мужики, третий сон видят. Снится Илье, что что-то важное пытается сказать ему друг Роман... А в руках держит томик Омара Хайяма. Не прав Омар, не прав... Я с тобой! Ты со мной! И Андрей — с нами, и дед Матвей. Все с нами...

...Когда утром Илья разлепил глаза, увидел... сидящего за столом Романа, его сияющие глаза.

— Ты? Ты! — задыхаясь, словно не хватало воздуха, выдохнул Илья. — Откуда же ты упал?

— Откуда надо, оттуда и упал. Зятя посмотрел одним глазком, и хватит. Нечего дома сидеть. Соскучился по вам, чертякам. По следам машины и нашёл. В Рытыввоже не остались, — значит, на речку Ан, к деду Матвею, лыжи навострили. И вот я здесь... Опохмелитесь хоть, черти полосатые! Знаю ведь: никакой культуры пития!

...Мудрыми глазами поглядывает дед Матвей. Сонные, но довольные глаза у Ильи с Андреем. И где-то в бездонном, голубом небе летает дух великого Омара. Конечно, чешет голову. Конечно, он не прав... Хотя, может, и наоборот.

Перевод Нины Обрезковой

АНАТОЛИЙ ПОДОЛЬСКИЙ

Анатолий Анатольевич Подольский родился в деревне Подольская Никольского района Вологодской области. Учился в Мурманском государственном педагогическом институте, затем перевёлся в Марийский политехнический институт в Йошкар-Оле. Автор трёх книг прозы и шести поэтических сборников. Член Союза писателей России с 2006 года, заслуженный работник культуры Республики Марий Эл, лауреат Государственной премии Республики Марий Эл. С 2020 года — член Общественного совета при министерстве культуры Республики Марий Эл. Живёт в г. Йошкар-Оле, регулярно бывая на своей малой родине — в Никольском районе Вологодской области.

Портфель капитана

История эта произошла в городе Мурманске в начале шестидесятых годов прошлого века. Этот заполярный город в то время отстраивался практически заново, так как многие деревянные здания довоенной постройки были уничтожены во время бомбёжек немецкими самолётами. Уже тогда были оформлены все контуры широкой центральной улицы города — Ленинского проспекта — и знаковой архитектурной изюминки — площади Пяти углов. В Мурманске появились рестораны, расположенные не в деревянных зданиях, а в красивых солидных домах из кирпича. Рестораны в этом заполярном городе всегда были посещаемыми местами. Там любили проводить свободное время военные и гражданские, офицеры и моряки. Названия ресторанов звучали гордо и соответствовали северному портовому городу: «Арктика», «Дары моря», «Якорь», «Полярные зори», «Огни Мурманска». После каждого рейса матросы, мичманы и капитаны засиживались в питейных заведениях. Это было неким ритуалом.

Виноградов Леонид Сидорович, капитан рыболовецкого судна «Сибирь», чаще всего посещал «Арктику». Этот ресторан находился в центре города, недалеко от кинотеатра «Родина», а территорию между «Арктикой» и «Родиной» горожане любовно называли «стометровкой». В этой части Мурманска любило гулять большинство жителей города. Здесь была заасфальтирована не только проезжая часть улицы, но и тротуары.

Леонид во время Великой Отечественной войны служил на кораблях Северного флота, участвовал в морских сражениях и специальных операциях, дослужился до звания капитан-лейтенанта в должности первого помощника капитана. Два эсминца, на которых воевал молодой офицер, были подбиты — один вражеской подлодкой, другой прямым попаданием авиабомбы, сброшенной немецким самолётом-штурмовиком. Оба раза после команды капитана «Все за борт!» Виноградов оказывался в холодных водах Баренцева моря. Команда «Все за борт!» подавалась, когда становилось очевидным, что корабль пойдёт ко дну. Леонид во время боевой тревоги, согласно распорядку, находился в капитанской рубке и успевал прыгнуть за борт. Но многие его боевые товарищи, такие же молодые парни, не успевали подняться из машинного отделения, расположенного во

чреве корабля, и гибли вместе с эсминцем. Самый страшный момент для Леонида был, когда на объятом пламенем эсминце «Стремительный» (вражеская бомба угодила в корму корабля, и он начал крениться на бок) капитан эсминца, видя, что его помощник после команды «Все за борт!» не бросился из рубки, крикнул уже лично Виноградову: «Покинуть корабль!»

— А вы? — прокричал в ответ лейтенант.

— Немедленно за борт!

Леонид прыгнул за борт. Через несколько минут его подняли на борт шлюпки. Это экипаж другого нашего корабля спасал выживших моряков с эсминца. Сам «Стремительный» уже ушёл на дно. Леонид, вспоминая этот момент, отчётливо понимал, что его командир, капитан эсминца, не покинул корабль, а продолжал до конца подавать в рупор громкой связи команду «Все за борт!», надеясь, что кто-то из моряков, находящихся внизу, в трюме и машинном отделении, услышит и успеет подняться на палубу и прыгнуть в воду.

После войны Виноградов ещё несколько лет служил в военном флоте, а потом его признали негодным к военной службе, хотя у него не было ни одного ранения. Ему, уже капитану 2-го ранга, был оставлен кортик и дарственный пистолет, вручённый за выполнение особо важного задания в мирное время. Кроме того, отставной капитан имел право ношения военной формы со всеми знаками отличия. Конечно, заслуженному морскому офицеру могли подыскать место в тыловых службах на берегу, но Леонид Сидорович не захотел: он любил море. Так бывший военный моряк стал капитаном рыболовецкого судна «Сибирь» Мурманского порта и уже два года ловил рыбу в суровых северных морях.

В этот день Леонид не спеша шёл по улицам Мурманска. Он был в бушлате и фуражке с кокардой. Брюки были тщательно выглажены, а ботинки начищены до блеска. Это был его стиль, он всегда одевался подчёркнуто строго и опрятно, как и положено морскому офицеру, пусть и в отставке. Сегодня он получил в банке зарплату на всю команду «Сибири» и нёс её в небольшом чемодане, можно сказать, чемоданчике. Он объявил команде, что зарплату выдаст всем завтра на судне, а потому сегодня никуда не спешил. Жена Оля до вечера будет на работе, а сын Бронислав — на занятиях в спортивной секции, куда регулярно ходит после школьных уроков.

Леонид остановился перед рестораном «Арктика» и решил зайти. Вечер ещё не скоро, в ресторане в это время всегда найдутся свободные столики, а потому можно спокойно посидеть, выпить граммов сто пятьдесят водки и закусить. Мужчина зашёл в здание, снял бушлат, передал его женщине в гардеробной, поправил морской китель (военного образца, но без погон) и зашёл в просторный зал. Он выбрал свободный стол у окна, поставил у него, рядом с широким подоконником, чемодан и сел на стул. Потрогал чемоданчик ногой и подвинул его ещё ближе к столу. Скатерть на столе была длинной и свисала, но полностью чемодан она не закрывала. Да это и не особо беспокоило капитана. Он не собирался здесь находиться долго. Это сейчас в ресторане всего несколько посетителей, тихо и уютно, а вечером все столики будут заняты, весёлые гости будут не только пить и закусывать, но и танцевать под музыку местного ансамбля.

Зал наполнится табачным дымом и типичным ресторанным шумом, который почему-то так привлекателен для жителей заполярного города. Перед входом образуется очередь, и швейцар будет запускать ровно столько желающих попасть внутрь ресторана, сколько из заведения вышло.

Леонид сделал заказ официантке и снова, сейчас уже случайно, задел ногой чемоданчик с деньгами. Чемоданчик этот он приобрёл во время войны у одного американского моряка. Тогда английские и американские корабли, военные и торговые, часто стояли в порту Мурманска, иностранные моряки бывали в городе и даже общались со своими русскими коллегами. Иногда происходил обмен личными вещами. Советские моряки приобретали у англичан и американцев зажигалки и фонарики, те, в свою очередь, с радостью брали у наших моряков наручные часы и кожаные перчатки. Тогда и выменял капитан-лейтенант Виноградов этот небольшой с виду, но вместительный и элегантный чемоданчик у одного американского штурмана.

Чемодан имел два отделения, одно из которых закрывалось на молнию. Кроме того, внутри него были карманчики для мелких вещей. Чемоданчик открывался простым нажатием на две специальные клавиши, а при необходимости мог закрываться и открываться маленьким ключом. Петли саквояжа были сделаны из нержавеющей стали, такими же были и кольца, на которых крепилась ручка чемоданчика. Одним словом, чемодан хоть и был неновым, но оставался весьма удобным и очень подходил к морской форме Виноградова. Сын Бронислав, когда был маленьким, как-то сказал, что это не чемодан, а большой портфель, хотя сходства с портфелем Леонид не находил, однако с этого момента чемодан получил имя — «портфель капитана». Но до той поры, когда чемоданчик получил такое звание, много чего произошло в жизни его хозяина.

Во время войны, когда корабли приходили в порт после боевых заданий, офицеры и матросы получали возможность сойти на берег. У Леонида была тогда подруга Фая, очень красивая девушка, которая жила на окраине Мурманска в деревянном двухэтажном доме. В двухкомнатной квартире Фая жила с мамой. У них до войны была полная семья: мать, отец, дочь и сын, но в начале войны отец увёз маленького сына на Алтай к родственникам, а вернуться в Мурманск уже не смог. Так они и жили всю войну: Фая с мамой — в Мурманске, отец с сыном — на Алтае.

Когда Леонид получал увольнение на сутки или несколько часов, то почти всегда приходил к Фае и даже оставался ночевать, если такая возможность предоставлялась. С продуктами для гражданского населения в городе тогда были большие проблемы, и молодой офицер, отправляясь на свидание к Фае, всегда клал в чемоданчик офицерский паёк, а также буханку хлеба и банку сгущённого молока. Эти встречи молодых людей были полны любви и особой нежности, ведь каждый раз они расставались, не зная, увидятся ли снова. Однажды, когда Леонид возвращался от Фаи на свой корабль, началась бомбёжка. В таких случаях предписывалось переждать авианалёт в бомбоубежище или в другом безопасном месте. Но офицер, надеясь, что воздушный налёт скоро закончится, просто прижался к стене большого кирпичного дома. Когда он стоял, наблюдая пикирование немецких самолётов и огненный шлейф от стрельбы наших

зениток, то вдруг вспомнил, что оставил у Фаи свой чемодан. Он тут же решил вернуться за ним и стремглав перебежал улицу. Страшный грохот заставил его обернуться: стена дома, у которой он только что стоял, рухнула от взрыва попавшей в здание бомбы. Если бы он задержался там ещё на несколько секунд, то был бы погребён под обломками кирпичей. Прибежав к Фае, он схватил чемоданчик, который стал его нечаянным спасителем, и помчался в порт.

История этой страстной любви во время войны закончилась прозаично. Однажды в конце войны ему никто не открыл дверь в квартиру Фаи. Соседи рассказали, что Фая с мамой уехали на Алтай. К тому времени уже было восстановлено регулярное пассажирское железнодорожное сообщение. После войны морской офицер вызывал интерес у женщин и молодых девушек, но боль от непредсказуемой разлуки с любимой сделала своё дело. Леонид стал ходоком. Он с лёгкостью знакомился с представительницами женского пола, но так же легко с ними расставался. Однажды, когда вернувшийся из похода Леонид шёл в офицерское общежитие, держа в руках свой чемоданчик, он повстречал знакомую девушку. Знакомой её можно было назвать очень условно, он даже имени её вспомнить не мог, но они разговорились, посмеялись, девушка, ослепительно и заманчиво улыбаясь, неожиданно спросила:

— Что, капитан, слабо отметить со мной окончание похода? Можно морскому волку время с дамой провести по-взрослому? У моей тётки комната свободная имеется.

Когда на следующий день Леонид проснулся, то даже не мог вспомнить, сколько они выпили с Алей. В комнате валялись пустые бутылки, на столе стояли тарелки с остатками закусок. Но Алки не было. Впрочем, Виноградов уже сомневался, что это её настоящее имя. Тётка оказалась совсем не тёткой. Хозяйка квартиры объяснила, что девушка ей платит, когда приходит с мужчинами.

Офицер уже собрался уходить, но не смог найти свой чемодан. Проверил бумажник: денег там убавилось наполовину. В голове сразу туман рассеялся. Алка чемоданчик увела и часть денег.

Мужчина был ужасно зол, но понял, что скандалом ничего не исправишь. В милицию тоже решил не обращаться, репутация дороже. Он протянул хозяйке ассигнацию и сказал:

— Чемодан надо вернуть.

— А я при чём? Это ваше дело, молодое. Я ничего не знаю. Может, ты его в другом месте оставил? Бумажник твой и документы, кажись, на месте. А если денег меньше стало, так вы меня в магазин не один раз посылали.

Виноградов понимал, что Алка не взяла все деньги, побоявшись, что её будет искать милиция.

А из-за чемоданчика офицер под страхом позора скандал затевать не станет.

Мужчина достал из бумажника ещё одну ассигнацию и протянул женщине:

— Чемодан надо вернуть. Содержимое можете оставить, но чемодан верните.

— Сиди здесь. Приду скоро.

Хозяйка вернулась с чемоданом, в котором остались некоторые личные вещи моряка.

После того случая Леонид стал более разборчив в связях и придирчив к женщинам. А когда повстречал Олю, и вовсе оставил холостяцкие замашки и привычки.

Сейчас, сидя за столом ресторана, вспоминал, что даже когда он первый раз встретился с Олей, чемоданчик, будущий «портфель капитана», был при нём.

Знакомство с Олей произошло не без приключений. Однажды он поездом возвращался в Мурманск из служебной командировки. На пригородной станции под названием Кола в его вагон вошла симпатичная девушка. Она села напротив Леонида, и вдруг её ноги упёрлись в его чемоданчик.

— А нельзя ваши вещи положить, где они должны быть: на верхнюю полку или вниз, под сиденье?

— Извините, я уже приготовился к выходу. Скоро Мурманск.

В это время по вагону проходил мужчина в форме железнодорожника и проверял билеты. Девушка показала ему не билет, как все, а какое-то удостоверение. Мужчина кивнул и пошёл дальше.

— Вы работаете в милиции? — спросил Леонид.

— Нет, я работаю на железнодорожной станции. Удостоверение наше даёт право на бесплатный проезд.

Виноградов обратил внимание на чёткий, поставленный голос девушки:

— У вас такой голос! Можно сказать, командный. Вам руководителем надо быть или лектором.

— Я всё это совмещаю. Что вы всё обо мне? Расскажите лучше о себе.

— Давайте сначала познакомимся. Меня зовут Леонид.

— Оля.

— Вам очень идёт это имя.

Леонида девушка явно заинтересовала, рассказчиком он был неплохим, и за то непродолжительное время, пока они ехали до Мурманска, он успел рассказать ей несколько морских баек и занимательных историй.

Когда поезд прибыл на вокзал Мурманска, офицер решил проводить Олю и договориться с ней о встрече. Но при выходе из вагона одна старушка попросила Леонида помочь вынести на перрон её вещи, и пока он с ними возился, Оля уже ушла. Офицер кинулся на привокзальную площадь, надеясь догнать девушку, но её нигде не было.

Прошло несколько дней. Леонида не покидали мысли о девушке: «Надо её найти. Но как?»

Леонид вспомнил: Оля говорила, что она работает на железнодорожной станции. И он поехал на вокзал. Зашёл к начальнику вокзала и рассказал, что ищет девушку, но, кроме имени, о ней ничего не знает. Начальник вокзала, седой пожилой мужчина, объяснил Леониду:

— Как тебе поможешь? Вижу, ты боевой офицер, и рад бы помочь! У нас здесь не только вокзал, но и товарные станции, и везде девушки и молодые женщины работают. Если фамилию узнаешь, приходи, найдём твою Олю.

— И всё-таки Виноградов сделал попытку найти Олю. Несколько раз он приходил на товарную станцию, ходил по огромной территории, заполненной складами и контейнерами, надеясь встретить там Олю, приезжал на железнодорожный вокзал и всматривался в лица девушек, сходивших с поезда. Но всё оказалось напрасным.

Корабль, на котором служил Виноградов, стоял в доке на плановом ремонте, свободное время у офицерского состава было, и Леонид принял предложение одного сослуживца поехать к нему в гости в Колу. Они поехали на служебном портовом автобусе, вышли на конечной остановке, в Коле, недалеко от местного кладбища и многочисленных железнодорожных путей, над которыми возвышался металлический мост. Сослуживец недавно женился и переехал из офицерского общежития в квартиру жены в деревянном двухэтажном доме. Служебное жильё, которое полагалось семейным офицерам, он ещё не успел получить. Офицеры уже подходили к подъезду, как со стороны железнодорожных путей раздался звонкий голос:

— Пятый, пятый, на четвёртый путь подаю грузовой состав. Леонид замер на месте:

— Это Оля! Это она! Это её голос!

А из репродукторов, над многочисленными железнодорожными путями, продолжал звучать женский голос:

— Пятый, пятый, принимай состав. Леонид успел сказать приятелю:

— Мне надо. Потом увидимся. Мне очень надо, — и побежал в сторону железнодорожных путей.

Увидел группу рабочих-железнодорожников и спросил:

— Девушка, которая по громкой связи подаёт команды, Оля, как её фамилия?

— Сильвановская. Она у нас одна такая на весь Мурманск и Колу, — ответил один из рабочих.

— А где мне её найти? Откуда она говорит?

— Так вон административное здание. Там наверху диспетчерская. Она там.

Когда Леонид вошёл в диспетчерскую и увидел удивлённые, но откровенно радостные глаза Оли, он понял, что это его судьба. Девушка сидела на деревянном стуле перед приборной доской, на которой были расположены десятки тумблеров, смотрела на Леонида, ничего не говоря, и только улыбалась. Потом наконец промолвила непривычно тихим для себя голосом:

— Нашёл?! Ты меня искал?

— Я уже не надеялся, что найду. Наверное, Бог всё-таки есть.

Через два часа, когда у Оли закончилась смена и они гуляли по улицам небольшого городка, офицер спросил девушку:

— Почему ты тогда сразу ушла, когда поезд прибыл в Мурманск?

— Мне показалось, ты такой весь из себя. Офицер, девушек, наверное, у тебя не счесть. А я простая девчонка, не ровня тебе.

— Если я много говорил при первой встрече, это не значит, что я несерьёзный, скорее наоборот.

Вот увидишь.

Леонид и в самом деле очень красиво ухаживал за Олей, стараясь завоевать её сердце, не зная, что девушка с первой встречи была покорена им и сама переживала, что может потерять его. Шло время. Леонид души не чаял в своей Оле, но отношения у них оставались чисто романтическими. Однажды, когда он провожал её до дома, Оля вдруг сказала:

— Мне кажется, что однажды ты уйдёшь и не вернёшься ко мне.

— Мне скоро в плавание. Вернусь — сделаю тебе предложение, чтобы не переживала. Я так долго не женился, потому что знал: встречу ту, которую буду любить всю жизнь.

Так они стали мужем и женой.

Чуть больше часа находился в ресторане Леонид, он уже собирался уходить, как вдруг к его столу подошли двое знакомых, с одним из которых Виноградов служил во время войны на одном корабле.

— Какая встреча! — сказал бывший сослуживец, и они обнялись.

Морская дружба дорогого стоит, и мужчины были рады этой нечаянной встрече. Сидели за столом, разговаривали, вспоминали, кто выжил, кого уже нет, и, как полагается, выпивали. Выпили много. Зал ресторана уже был полностью заполнен. Звучала музыка, нетрезвые пары танцевали в центре зала. Когда объявили дамский танец, Леонида пригласила жгучая брюнетка с вьющимися волосами, в красном платье. Она игриво улыбалась и довольно откровенно прижималась всем телом к мужчине. Когда капитан вернулся к приятелям, один из них сказал:

— Ты, Леонид Сидорович, не увлекайся этой особой. Это Верка Офицерша. У неё репутация шалавы, а Офицершей её прозвали, потому что с офицерами романы крутит, не без выгоды, конечно. Тебя, видишь, в клиента очередного определила, хотя ты и не в военной форме. Но хороша девка! Кто не знает, голову можно потерять.

— Мне никто, кроме Оли, не нужен. Отгулял я своё. А молодых женщин в этом заведении действительно много.

— Это так называемые охотницы. Они приходят специально знакомиться с мужчинами. Одно время в рестораны города перестали пускать женщин, если они приходили не в сопровождении мужчин. Но от этой затеи пришлось отказаться, так как поток посетителей сразу убавился. Какое веселье без женского пола?

И снова мужчины переключились в разговорах своих на другие темы. Так они сидели за столом, уставленным бутылками и тарелками с едой, до закрытия ресторана. Леонид так много выпил, что в конце вечера совсем забыл о чемоданчике. Ресторан стал закрываться, нетрезвые друзья покинули заведение, попрощались, и каждый пошёл домой.

Утром следующего дня капитан проснулся, вспомнил вчерашний вечер и пришёл в ужас: он потерял чемодан, а значит, деньги для команды судна. Он оставил его в «Арктике», а может, ещё где. Моряк был человеком опытным и знал, что за хищение государственных средств в крупном размере ему грозило несколько лет заключения. И позор! Лучше застрелиться. Он достал из закрытого на ключ специального отделения в шкафу дарственный пистолет, вынул из кобуры. «Сейчас надену парадную форму, напишу записку жене и — пулю в висок. Закончилось моё везенье. Только что написать Оле и Брониславу? А команда? Все подумают, что я струсил,

испугался. Нет, это на крайний случай. Надо идти сдаваться в милицию».

Леонид не стал надевать парадную форму: «Не буду позорить офицерские погоны». Написал записку жене, выпил последние, как он считал, сто граммов водки, выкурил папироску и пошёл в отделение милиции. Пистолет он взял с собой: «Надо в милиции сдать, всё равно заберут. А так сам». Но по дороге решил всё-таки заглянуть в «Арктику» и спросить, может, видел кто из официантов, кто забрал его чемоданчик. Швейцар неохотно впустил капитана в зал: ресторан открывался в 11:00, а потому был ещё закрыт. Леонид подошёл к столику, за которым вчера сидел со своими приятелями. Каково же было его удивление: «портфель капитана» стоял на месте. Моряк бросился открывать его, деньги были внутри.

Через неделю после счастливого завершения этой истории капитан рассказывал друзьям:

— Всю войну прошёл и не поседел, а здесь за несколько часов все виски белыми стали.

С той поры прошло около шестидесяти лет. На месте старого ресторана «Арктика» стоит красивое новое здание, но на первом этаже работает ресторан с тем же названием. Автор этого рассказа несколько лет назад посетил Мурманск и побывал в этом ресторане. Прежде чем зайти в это интересное заведение, я долго стоял перед входом, смотрел на окна ресторана и вспоминал своего отца Подольского Анатолия Александровича, военного моряка Северного флота, участника Великой Отечественной войны, который и поведал мне эту историю.

ВЕРА БРЫНДИНА

Вера Ивановна Брындина — мокшанская писательница. Родилась в 1979 году в деревне Пичеполонга Атюрьевского района Республики Мордовия. Окончила Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва по специальности «журналистика». Автор книг стихов, рассказов и сказок. Член Союза журналистов России и Союза писателей России. Лауреат литературной премии главы Республики Мордовия для молодых авторов. Живёт в Саранске.

Встреча

Татьяна Михайловна стояла на ступеньках вокзала и ждала, когда придёт её поезд. Пять минут, которые раньше она бы и не заметила, сегодня тянулись вечностью. Если бы у неё были крылья, давно бы полетела в родные края, в село Келу, где не бывала почти девятнадцать лет. Как же она скучала по тем берущим за душу местам! Сейчас прошлась бы босиком по ручью за их домом и смыла бы всю многолетнюю усталость в его чистой прохладной воде. Нет, она не ругала городскую жизнь, но можно ли её сравнить с деревенским уютом и спокойствием! Конечно, нет. Все её мысли в эти дни были только о родном крае. Она представляла, как войдёт в родительский дом, как обнимет свою сестру Настю, как потом они будут вспоминать за столом о нелёгком, но счастливом детстве. От этих мыслей сердце женщины сжалось, и она не сразу заметила, как появился длинный зелёный состав, который увезёт её далеко, на родину.

Два дня и две ночи длилось путешествие Татьяны Михайловны. Проезжала очень красивые места. За окном виднелись широкие поля, цветущие луга, высокие скалы, большие реки, но сердце мокшанки ждало другого: перед глазами стояла та красота, которую она видела в детстве...

Вот она уже едет на автобусе, до села осталось около двух километров. Смотрит в окно и удивляется. Всё для неё как будто новое.

А вот и село показалось.

— Господи! — не выдержала Татьяна Михайловна. — Да оно утопает в лесу! Ой, как же всё изменилось!

И действительно, изменилось. На том месте, где раньше гудели комбайны, теперь растут молодые ели, а пастухи пасут деревенское стадо. А грибов! Сколько их там! Люди целыми корзинами носят, наверное...

Облик села теперь другой. Только одна улица, которую люди называют Большой, асфальтирована, остальные заросли травой. По ним давно уже не ездят тракторы и машины, да и пешком некому пройтись: опустело село, люди уехали в города, остались только старики. Посмотришь на пустой дом — сердце защемит: дворы в крапиве, окна выбиты... А ведь когда-то здесь кипела жизнь. Ныне дома печальны, будто плачут по своим хозяевам.

На автобусной остановке Татьяну Михайловну встретил сын её сестры Миша, который всегда писал ей письма. Бабушка Настя с помощью пал-

ки вышла на улицу и прислонилась к забору у своего дома. Видела она плохо, поэтому не сразу узнала идущих к ней.

— Мама, что стоишь, неужели сестру свою не узнаёшь? — услышала бабушка Настя голос сына и отчего-то задрожала. На Татьяну Михайловну нахлынуло волнение, даже слова не могла сказать. Обняла свою сестру и тихо заплакала. Как же долго ждали они этой встречи, сколько всего хотелось рассказать друг другу...

— Ну что ж, пойдёмте в дом, — пригласила бабушка Настя сестру. Но та не спешила входить. Татьяна Михайловна сняла тапочки и босиком ступила на мягкую траву. Потом подошла к старой иве и обняла её, как человека.

— Всё ещё жива, не засохла, а ведь сколько лет уже этому дереву! — сказала она своим близким. Действительно, ива была очень старой. Посажена ещё до войны. Отец постарался!

В соседнем доме жил дед Кузьма. Он много раз пытался срубить дерево, но бабушка Настя не позволила этого сделать. «Не трогай, — говорила, — это память о нашем дорогом человеке».

— Теперь мы часто сидим под ивой. Летом она защищает нас от жары и зноя, — сказала бабушка Настя.

— А по праздникам здесь собирается вся родня! — добавил Миша.

Татьяне Михайловне было приятно это слышать. Она села на скамейку под ивой и глубоко вздохнула. Со стороны леса дул чистый воздух с медовым ароматом, от которого на сердце у мокшанки стало легче и спокойнее.

Невестка бабушки Насти в это время собирала на стол. Даже на улице пахло горячими пирогами из печи, от которых гостья уже не могла отказаться.

Вечером Татьяна Михайловна пошла купаться на речку. Вода была тёплой и такой чистой, что видны были рыбки на дне. Долго она была в воде, а когда вышла, почувствовала себя заново родившейся. Сердце женщины было наполнено радостью. Встреча с родными местами подарила ей настоящую жизненную силу.

Перевод автора

АНАТОЛИЙ ГАНЧИН

Ганчин Анатолий Дмитриевич — эрзянский писатель. Родился в 1953 г. в селе Кульмино Чамзинского района Республики Мордовия. Окончил филологический факультет Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева. Автор нескольких сборников юмористических произведений. Член Союза писателей России с 2011 г. Заслуженный работник СМИ (2013). Работает редактором отдела эрзянского литературно-художественного и общественно-политического журнала «Сятко» («Искра»). Живёт в Саранске.

Найдут вину

Дед Фёдор Прокошин пришёл к другу Семёну Пантелкину. А тот будто в воду канул, даже жена не могла сказать, где он. Первый ввек не любил надоедать женскому полу. Потому и не стал задерживаться в доме друга, вышел на улицу, прошёл в сад, там присел на скамеечку, что напротив сарайчика, дверь которой была открыта. Дед Фёдор не стал заглядывать вовнутрь, не любил эти дела — огород чужой. Утро было ясное. Золотистое солнце будто полностью оголилось; такая рань, а уже пекло. Птички, знать, ещё не допев свои песни, голосили, будто соревнуясь между собой.

Дед Фёдор покачал головой, из кармана вытащил «стратегические запасы», начал закручивать «козью ножку». После первой затяжки он некоторое время держал дым во рту, потом, набрав больше воздуха в лёгкие, с силой выдохнул.

— Попался, чертёнок! Я найду на тебя управу, покажу, как глумиться над стариком!..

Неожиданная ругань побеспокоила деда Фёдора, ему даже показалось: это его-то и касается. Дабы не попасть под горячую руку хозяина, он «козью ножку» носком сапога вдавил в землю. Сам вскочил с места, смотрит, в какую сторону рвануть, чтобы за этими горячими словами какое-либо ручное приспособление, типа палки, не проехалось по его спине. Видит, дружок ковыль-ковыль перешагнул через порожек сарая, держа в вытянутой руке капкан, в котором вниз головой моталась мышь.

— Ах ты, тварь!.. Вот я тебе!.. — зароптал дед Семён, сам хлоп рукавицей мышке по головке. Та «пи-и-ик, пи-и-ик» тонким голосочком жалобно пищит.

— «Пек, пек» (больно), говоришь? Подожди... сейчас... — опять начал ругать нарушителя спокойствия старик, тут вдруг осенило его — увидел во весь рот смеющегося друга.

— Ты это чего над божьей тварью издеваешься? — туда-сюда поводил челюстями старик Фёдор.

— У-у-у, бесёнок, я не только поиздеваюсь, вон о яблоню ка-а-ак тресну, туда ей и дорога будет. Если бы ты знал, сколько она убытка мне принесла. Почти неделю за ней гонялся, сегодня наконец поймал. У-у-ух!..

С этими словами дед Семён руку отдёрнул, приготовился живность треснуть о дерево.

— Э-ей-ей! Подожди... Знаешь, что теперь за это будет тебе? — Дед Фёдор сам сразу не сообразил, откуда такое взбрело в голову. Одно ясно было: хотел пошутить.

Второму руку словно морозом ударило — ни туда, ни сюда. Тишина. Только мышь жалобно пищит.

— Антиресно, как это понимать? — наконец дед Семён подходящие слова нашёл. — Что, вот из-за этой твари меня накажут?

— А то как! Чай, слышал про новые законы, которые те стряпают, — дед Фёдор палец ткнул в небо.

— Кто, Бог?.. — ушёл в глубокое раздумье дед Семён.

— Ну-у... какой тебе Бог, эти... Тьфу, как их там?.. Ну-у, эти, которые за нас все решают? — До красноты трёт свой затылок старик Фёдор.

— Дюма, что ли? — пришёл к нужной мысли дед Семён.

— Во-во, она самая, — всей пятернёй дёрнул себя за шею дружок.

— И потом что?.. — дед Семён, наконец, опустил руку с мышкой вниз.

— Э-э, ты знаешь, указ такой: если этих тварей будешь уничтожать в трезвом уме, ох и под строгие законы подлетишь, даже вот за эти попадёшь, — дед Фёдор скрестил пальцы перед носом друга.

— Как это так? — онемел на миг обидчик мышки.

— Так вот... придут к тебе домой, наденут на руки путы — и-и-эх в холодные края. Там леса бескрайние, до самой смертушки Ванька туда — Ванька сюда деревья валить придётся. И-гы-гы, — заржал наставник, следом ещё крепче выдал: — Пока там будешь куковать, твоя Настасья дружка себе найдёт. Вон, Хромой Илья всех одиноких бабок обошёл. Недаром беззубая Катерина шепелявит, мол, если помрёт Илья, золотой столб мы, бабки, установим над его гробом...

— Ты что, правду говоришь? — рассматривая мышку, спросил дед Семён.

— Тьфу с тобой! А то как. Чай, телевизор смотришь, о чём-либо другом те говорят разве? Только об одном и думают, как защитить этих бесят. О простых смертных, каковы мы с тобой, даже не вспоминают. Сытыми или голодными ложимся, это их не беспокоит. — Кажется, дед Фёдор и вправду завёлся, даже плюнул через левое плечо.

Дед Семён, заметив, что друг запнулся, словно малое дите, вскрикнул:

— Подожди, кажется, ты не туда гнёшь! Откуда они, те, будут знать, как да что я сделал с ней.

А? — сам опять поднял мышку до уровня глаз.

— Тьфу, ну ты смотри, словно пустая баба... — На некоторое время дед Фёдор запнулся, потом, будто что-то вспомнив, бросил: — Это, по небу летающие «телеги» для чего, они вон: положи на землю иголку, говорят, даже её заприметят-найдут. Вот так.

— Эх, вон оно как... Тогда чёрт с ней, с этой тварью. Ещё страдать из-за неё. — Тут дед Семён освободил зажатую в капкан лапку живности, со всей силы шикнул подошвой старого сапога о землю.

Чертёнок, как назвали мышку старики, почуяв свободу, волоча за собою раненую лапку, вновь направилась в сторону погреба.

Дед Фёдор, начав шутить, совсем не ожидал, что так глубоко втянется в словесную карусель, сам даже поверил этому. В то же время и впрямь

в голове промелькнула такая мысль: «Кто знает, может, и вправду такие законы придумали в стране. О чём другом им думать ещё?»

Друзья далее не стали свои мозги ворошить по этому поводу, под яблонями прошли к забору, сели на скамейку, которая стояла в тени кустарников вишни.

ВЯЧЕСЛАВ АР-СЕРГИ

Вячеслав Ар-Серги родился 5 апреля 1962 года в д. Новая Казмаска Завьяловского района Удмуртской Республики. По основному образованию — филолог (Удмуртский государственный университет, 1984). Поэт, прозаик, переводчик, драматург и киносценарист. Автор более полусотни книг поэзии и прозы, а также ряда пьес и киносценариев. Пишет на удмуртском и русском языках. Народный писатель Удмуртской Республики (2003). Член Союза писателей СССР (ныне СП РФ) с 1989 года. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Антона Дельвига (Москва, 2014), Государственной премии Удмуртской Республики (Ижевск, 2023), Всероссийской литературной премии имени А. Б. Чаковского «Гипертекст» (Москва, 2024), Международной литературной премии имени Фазиля Искандера (2026) и др. Почётный гражданин Завьяловского района Удмуртской Республики (2020). Живёт и работает в городе Ижевске (РФ).

Дорога на Шурдошур

...А так-то эта махонькая деревенечка официально, то есть по-русски, называлась Беты, но удмурты испокон веков знали, что это Шурдошур, то есть «опасная, стремительная река». И вправду, деревенька та располагалась меж увалистых оврагов, по днищам которых стремительно текли бойкие ручьи и речоночки — прямо в Казмаску-реку, а там далее — Позюм, оттуда в Ижевскую реку — Оӵ, и потом, конечно же, попадали в саму Каму. То есть доходили туда, куда следовало. А Кама — это ведь не только река, это же материнская колыбель и самого духа удмуртского, старинного, широкого и глубокого, как и сама Кама-река.

Но нет, не о Шурдошуре сегодня мы будем рассказывать, хотя и о нём не забудем. А поговорим, помянем словечком добрым, пусть и неказистым, об Оксиннюшке свет-Корниловне, которую на селе все знали просто и по делу — Кормил Окщиння. Окщинь-апай, стало быть, тётушка Аксинья. Скажем сразу, что не имела она ни семьи своей, ни дома какого-нибудь, но происходила из крепкого и достойного рода — Шостак выжы из воршудного клана Чудья-Шудья. И потому назвать её побирушкой — язык не повернётся. И жила Окщинь-апай посменно то в одном, то в другом чужом доме. У дальних и недальних родичей своих, у нас тоже. А старушечкой Окщинь-апай была очень чистоплотной: любила париться в бане и всегда носила при себе потрёпанную зубную щёточку, завёрнутую вместе с нехитрым её скарбом в чистенький старинный платок. На платке там, в уголочке, говорят, было что-то написано ещё дореволюционными буковками — с ятями, но врать не буду, я не видал той сердечной записи, именного приветствия ей к какому-то празднику. Но недавно Якшур-кенак, наша соседка напротив, и обсказывала мне: мол, платок тот Окщинь-апай дарил ещё суженый её, который не вернулся с войны — кол тому Гитлеру в глотку! Тьфу, тьфу, не к ночи он, лешак, будь помянут...

Окщинь-апай, как я её помню, во всех временах была бойкой, быстрой

и на шаг, и на язык — никто бы не обозвал её «божьим одуванчиком». Воробышком — да. Подобно воробьишке нашему, она никогда не унывала, ревниво присматривала за своим хозяйством — а живала она в домах числом с дюжину, а то и чуть поменьше. Всё и вся знала в тех домах, но лишнего о том не болтала, за это её и ценили. Но перемыть косточки подвернувшемуся под её остренький язык человечку — это уж было её милое дело. Помню, помню её задушевные шёпоты с придыханием с моей матушкой — да упокоится её душа безгрешная с миром. В смысле, у матушки моей — Дыды, да и по пути доброе слово и Окщинь-апай... Садились они у большого зева горящей русской печки, на кухне, и зимами, бывало, долго пили чай с душицей и парой-другой ложек старого медка — жёлтого, уже закристаллизировавшегося в заветном сундучке в кеносе, куда нам, ребятне, «сюрес-овол» то есть пути не было... И разговор их тёк ручейком заветным, а то и половодьем весенним. Притом обе они то пришёптывали — в нужных местах, то цокали языками и быстро-быстро убирали с колен несуществующие мусоринки — резким движением или задумчивым поглаживанием. Мне очень нравилось смотреть на их беседы милые. Благо в такие минуты они не гоняли меня с разными поручениями и вообще не шпыняли друг друга, не лили елея на голоса свои. Благоприятно — меня не замечали. И вскорости плошка с мёдом со стола как-то незаметно оказывалась у меня.

А на работу Окщинь-апай никогда не сетовала — всегда трудилась вровень с хозяйками, а по вечерам тут же садилась прясть, а то и подштопать носочки у хозяйских детей — ах! горят ведь они у них, прям-таки огнём содомским...

За обеденный стол Окщинь-апай тоже садили вровень с семьёй, но она чаще всего находила отговорки и тихонько снедала в закуточке кухонном. Присядет как воробейчик — с лёту, и тёк-тёк-тёк... Зато в баню шла она по-мужски, чуть ли не в первый жар. И помню я её — после бани, раскраснённо и разомлённо сидящую у печного тёплого бока, и чему-то своему светло улыбающуюся — поди, самому сердечно-заветному.

А сказать, что у Окщинь-апай характер был ангельский... Нет, никто этого не сказал бы и не скажет, да и я вот не скажу — с какого рожна врать-то? Она бесстрашно приструнивала даже разошедшихся после получки мужичков, роящихся у сельмага. Удивительно, но те послушно слушали её, кивали, глуповато улыбались, но домой пока не шли, игнорируя на то ценные указания строгой Окщинь-апай. Тогда она смачно плевалась в их сторону и спешила по своим делам — недосуг, мол, ей тут с неработью разной воду толочь... Мужики дружно хохотали ей вслед, и никто не обижался — всё шло по получкиному сценарию, в которую обязательно входил и нагоняй от персоны известной, от самой Окщинь-апай.

А бывало и такое, что Окщинь-апай прямо-таки вдрызг рассорится со своей текущей сменной хозяйкой — с той, у которой ныне проживала. Уходила она в таких случаях громогласно, на виду — громко стукая створками калиток. Нате вам! А может, просто она не успевала захлопнуть дверцу, а ветер-подлец и грохал ею... Месяц-два, а то и три, даже и с полгода товарки в таких случаях не разговаривали, но выведывали друг о друге всё

досконально. У колонки с водой, в сельмаге, а то и просто встретив кого-то по дорожке... В конце концов «неприятели» мирились и с год жили своим образом — душа в душу. А потом — снова... Жизнь прожить — не поле ведь перейти. А тут надо и село всё пройти, и повстречаться, и задушевно поссориться, а после этого долго читать в себе слова, что, увы, не были сказаны в нужное время этой дамке. Да, жизнь продолжалась. И всё же она была — скажем скромно, неплохой. Окщинь-апай особо и не слушали, но знали, что она здесь, рядом. И это знание придавало свой добрый, сложенный уют всем нашим деревенским будням, и нечастым праздникам тоже.

Вся посезонная и повседневная одежда с обувью находилась у Окщинь-апай там, куда была положена. По домам хозяек, привечавших её. Ясное дело, что ни одна тряпичка из её худобы никогда не терялась и не выбрасывалась — всё было прибрано, заштопано, выстирано и починено. Увидит поздней осенью Окщинь-апай журавлей на небе и сразу всплеснёт руками: «Чай, пора уж к Сенька-кышно идти — у неё моё пальто-зыбын, у неё и жемпер мой тёплый». С тем она и спешит к Сенька-кышно, к Сенькиной жене — Семёнихе, а та тоже изумится, издалека узнав её подпрыгивающую походку: «Остэ, ява! батюшки-светы! Да ведь, стало быть, и зима на носу!» И так же и весной, и летом, и осенью. Право слово, наверное, Окщинь-апай и крутила для нашей деревни тот самый маховик, что сезоны годовые сменяет. А может, и нет, но приятно думать, что усилиями маленькой удмуртской старушечки-непоседы задували тёплые весенние ветра, чернели бороздами широкие поля, а осенью рдели в палисадниках кисти багряных калин. Нам, ребятне, так думать было проще, да и позабавнее. А что занимательно, то и наше. Интересно было и то, что весь нехитрый скарб Окщинь-апай, каждая вещичка по отдельности, были все помечены её родовым пусом — тамгой. Где-то просто химическим карандашиком, а где-то и вытканы чёрными нитками суровыми... Тот старинный пус был сходен, я тут недавно и восхитился, с фирменным знаком автомобиля «Ситроен», но концы двух угольников были направлены не вверх, а направо. Вот такой он и был — наш родовой знак, воршудный пус и семейная тамга. Такой тамгой, хорошо помню, и наш отец ещё метил в лесу ели и сосны, выписанные им к порубке в районном лесничестве. Такие тамги, говорят, прижигали и на собственную скотину — на ушки коровьи и овечьи, на бока свинячьи, но я этого уже не видывал. Да и не об этом сейчас наша речь идёт...

У Окщинь-апай были свои заветные, ещё поди с царских времён, иголки — чтобы зашить что-то, подштопать кое-где. Каюсь, иной раз мы, детвора, и запрятывали её заветную суконную кошель с иголками — извергался вулкан! Она могла разнести и сам дом наш по брёвнышкам, отчаянно чехвостя при этом всех и вся словесами смачными, солёными, да иной раз и такими, которые не пишут на страницах хороших, бумажных. Ух было весело! Всей семьёй мы бросались на поиски того заветного кошелька. Помогали и дворовые собаки, и запечные вальяжные коты, и тревожно кудахтали курочки, блеяла отарка овец, мычали коровы с телятами, обеспокоенно хрюкали свиньи — всем было ужасно неуютно от факта пропажи такой заветнейшей вещи! Не дай Бог на кого подумают

вором... Но потом как-то непонятно пропажа обнаруживалась на полати, притороченной к самой занавеси булавкой.

— Ах! и булавочка моя нашлась! — радовалась Окщинь-апай, умильно вытирая влажные глаза свои, покрасневшие и от справедливого гнева тоже. Та булавка молча отдавалась Окщинь-апай как компенсация за тревоги её. А ведь и иголки, и булавки в те поры в селе нашем были в своей ещё цене, то есть немаленькой. Дорожили ими, стало быть. Потому что всё ведь делалось нашими, своими мастерами, да из хорошего, нашего материала-металла. И цену этот обиходный инструмент имел законную, признанную и покупателем. Вещи служили долго, из поколения в поколение. И по делу, и по памяти светлой и благодарной. Не зря та же Окщинь-апай предпочитала наших времён иголкам свои, ещё с царских времён. Наверное, по наследству от матери своей получила, а если не от матери — то, конечно же, от человека доброго, своего. А что ещё у неё было в кошеле — «пуйы» — её заветном? Того мы не знаем. Говорят, фотография чья-то солдатская. Но мало кто, наверное, её и видал. Однозначно, мы — нет...

К нам, «пичи калыклы» — «малому народу» — Окщинь-апай относилась покровительственно, но с понятной опаской и настороженностью. Дружить с нами не спешила, но — не выдавала. Особенно не нравилось ей всё наше вооружение: рогатки с камнями-галькой, луки со стрелами, всевозможные поджиги и пугачи... А уж от карбидных бутылок наших она ретировалась очень быстро, неотвратимо и уверенно. Но и не преминув прочитать нам свою нотацию: мол, это вас, голубчики, до добра не доведёт... Да, иногда она была и права. Но слова её вспоминались только уже в приёмной районной поликлиники, а по снятию бинтов с увечий и ушибов — забывались.

А так... мы любили коротать с нею время, оставленные родителями под её присмотр. Вечером Окщинь-апай готовила себе спальное место. Оно заключалось в длинной скамье у печи, к скамье ставились в ряд три-четыре простых стула, а на них стелился древний матрац. Поверх матраца накрывались старые, чистые простыни и красное, тёплое байковое одеяло — вот так и спала наша Окщинь-апай. И заметьте, не храпела. Впрочем, в точности не знаю — мы всегда засыпали раньше неё. А перед сном Окщинь-апай рассказывала нам разные разности. В особенности нам нравились её воспоминания о юных её годах — доброй матушке и строгом отце... Каждый раз её воспоминания были разными. То у ней отец был лысый, а потом она говорила о его буйной чёрной гриве на голове. То он был маленького росточка, то великан. Мы уже тогда понимали, что она просто всё придумывает от себя, но было интересно. В особенности тогда, когда она начинала нам говорить про водяных, деревенских ведьм, шайтанов и прочую нечисть. Мы чуть не визжали со страху, чуть не пускали в трусы, но на улицу одни уже не шли, боялись. И по малой нужде выходили на вечерний двор только скопом, а потом — шмыг! — домой. А Окщинь-апай только подсмеивалась над нами: «Ой! нас так же в детстве стращали!»

Наш пёс Полкан, породы уральской, чусовой лайки, беззлобно облаивал спешащую мимо него Окщинь-апай и любил потолкаться о неё. Да так, что иной раз старушка и упадёт на землю, грозя кулачком: ах ты не-

годник Локан! Пёс понимал, что вместо его законного имени он обозван Локаном — лоханью — и делано страшно сердился. Прыгал, громко лаял. Это тут же меняло настроение Окщинь-апай, и она быстро выуживала из кармашка припасённый ею именно для такого случая сухарик и толкала его в Полканью пасть. Стороны тут же мирились и радостно обнимались, но Окщинь-апай прохлаждаться «с этим пустобрёхом» было недосуг...

А вот по первому снегу Окщинь-апай традиционно собиралась в Шурдошур, Беты. Мы слышали, что там у неё живёт какая-то дальняя родня. Ей-пра, запамятовал его или её имя... Окщинь-апай начинала фатально-торжественно готовиться в дальнюю путь-дорогу. Как ей добраться до Шурдошура? В её понимании — только пешком. Четыре или пять вёрст, отделяющих Шурдошур от нашего села, в такие поры превращались чуть ли не в сто пятьдесят или даже пятьсот километров. Ведь Окщинь-апай, считай что и не покидала родного села за всю свою жизнь. Лишь один раз уводили её отсюда — в городскую тюрьму, на допрос по какому-то местному делу — во время войны ещё. Иной раз и вспоминая об этом, Окщинь-апай только отмахивалась: «За что, спрашиваете, — да не знаю я! И тогда не знала, и посейчас не вем... Что ни спросит начальство — отвечала только по-нашему, по-удмуртски. На меня страшно ругались, ружьём над головой стреляли, пугали, а затем и выпнули на улицу... Дураде вотянская! Иду, а Иж-завод, город — большой да страшный, кругом чужие всё люди — в галипе штанах, а я и спросить-то дорогу домой не могу — русского языка ить не знала. Ладно, какой-то старый татарин-заготовитель на телеге своей, по пути, вывез меня за город. В сторону дома. Оттуда уж я — всё пешком. Бабай-то, видно, поторговывал с нашими и мал-мала балакал по удмуртски. Спасибо ему — тау...»

Теперь уже все в селе знали, что вскорости наша Окщинь-апай поднимется в дорогу на Шурдошур. Это событие уже обсуждалось в больших гаражах местного хозяйства, было тщательно обговорено в хлебной очереди магазина, не оставили его стороной и на роднике, и на уличных колонках с питьевой водой. Даже сам Кит-агай — дядюшка Тит, самый возрастной человек у нас на селе, говорят, промолвил своей довольно ещё подвижной, даже шустрой, жёнке за обедом: «Дай Бог — Остэ, Инмаре! И да не просквозит северный ветер нашу путницу. И да будут быстры и сухи её валенки. Пришла пора»... А что за пора пришла — какая, к чему... — он не уточнил. Знающие — знают. Воистину, как говорят удмурты: аркан хорош длинный, а речь — короткая.

И снова все окрестные хозяюшки, товарки и кумушки, узнавали о подробностях прошлогоднего гостеванья Окщинь-апай у шурдошурских родственников. Конечно, там были перепечи — прямо из печки, с пылу и с жару. Они задорно шкворчали на сковородах перед огнём в русской печи, хозяйка своим неутомимым чапельником ловко поворачивала сковороды, чтобы перепечи выпекались со всех сторон, вкруговую — равномерно. А из чего были перепечи? Да ясное дело, грибные. Но были и мясные, конечно. А ещё они ели там табани с зыретом — упорхни, душа, во облацех! А зырет-подлива был самое то — белый да навaристый, не густой и не жидкий. А самогонка-то там вообще — весела и хлестка, игрива и задориста, как рекрут. Но больше пары стопок там её и не пьют, народ

работящий, цену времени знает и попусту его, типа на макмыр-похмелье, не тратит. А в бане у них, чудное дело, хлещутся пихтовыми вениками. Конечно, нет от них такой неги, как от берёзовых, но — всё же, всё же запах хороший, ароматный, лесной и здоровый. Милые чудаки шурдошурские... У них даже телята все рождались с белыми пятнами на лбах, а лошади у них все каурые да пегие, саврасых нет... Всё это обсказывалось самой Окщинь-апай задушевным голосом в течение считай что и пары недель. Её слушали. Иной раз будто бы и не особо слушая, но — чутко.

И вот в середине декабря Окщинь-апай вышла на свою путь-дорожку. Её проводила до нашей околицы целая стая отпущенных погулять собак. Да помахали вслед ей наши хозяюшки — сама Окщинь-апай и не увидела этого. Она шла в Шурдошур! Проведать родню, а попутно — и мир посмотреть. Значит, вышла она рано утром — дойдёт до Шурдошура к обеду. Вечером — банька. Переночует там, с утра поможет по хозяйству родичам чем сможет и что будет надо. А после обеда — снова в дорогу, теперь обратную. Надо будет возвращаться в родную, стало быть, деревню... Этот план рассказывался самой Окщинь-апай многократно, подробно и каждый раз встречал у односельчан полное понимание и поддержку. Мол, так и надо, чего лишнего мельтешить-то? Сейчас ведь не гостят уже по три ночи, как в прежние времена. Надо делать всё как надо, по удмуртским традициям, но при полном уважении ко времени — само собой разумеется, как хозяйскому, так и своему.

А возвращаться из гостей — милое дело. Когда ты обласкан словом добрым, помыт в баньке, накормлен и напоен, да ещё и твои плечи тянут лямки пузатой котомки, наполненной гостинцами, то и сама жизнь прекрасна и весела. Главное, что не пуста. Есть в ней всё то, что человека наполняет понятной самодостаточностью, слегка разведённой тёплым, добрым чаем совершенно простимой толики и добродушного тщеславия — вот всё-де и хорошо у меня! То бишь не зря работал, жил и мечтал — как ни крути, а так ведь получается... Вот с такими, наверное, и мыслями, а может, и совсем другими, на второй день уж возвращалась Окщинь-апай в родное село. Её полностью поддерживал и буран, вскоре разыгравшийся не на шутку — участливо толкал в спину. А с таким спутником, хошь — не хошь, и шагалось вёртче.

А буран в те поры в наших краях был ещё тот! Одно слово — буран. Он выл волком, царапался рысью, подметал всё снежное лисицыным хвостом и люто матерился, подобно только что похмелившемуся трактористу Семше. Полдороги тот буран помогал Окщинь-апай, а на середине дороги её обиделся: что же ты в другую сторону пошла-то, кумушка? Не по моей ты линии пошла! Не друг я теперя тебе! И закружил, завихрил мелкой снежной крупой всю дорогу перед старушечкой нашей, а вскоре она и потеряла её. Долго стояла Окщинь-апай на ветру студёном, а потом чуть присела за сугробик от стужи продувной и накрыла собой заветную котомочку. Что же теперь делать-то? Ясное дело — молиться. Всем удмуртским богам — Инмару и другим, а потом и Христа не забыть. «А может, это и моё время пришло — идти туда, откуда не возвращаются. Уплыть вниз по реке...» — вдруг подумала она. И вместе с этим сама и удивилась: а эта мысль, оказывается, и не страшна, только вот печальна что-то... Захотелось плакать,

но Окщинь-апай удержалась: слёзы выстудит ветер и глаза заболеют. Нет, боль в глазах — это сейчас совсем не к месту. Так подумала, наверное, она и не стала плакать. Надо терпеть, авось и спасенье придёт, решила она и легла грудью на свою котомку, прижавшись к ней и вся...

И в назначенное время Окщинь-апай в село не вернулась.

...Уже в сумерках ехал по той занесённой полевой дороге старенький, дребезжащий и пыхтящий надсадным чёрным дымом, гусеничный трактор «ДТ-75» и тащил за собой громоздкие сани с погруженной на них жилой будкой. В кабине трактора сидели два тракториста, мужики из соседнего русского села с весёлым названием Лягушино. Хотя местные прямо с пеной у рта утверждали, что их деревня называется Укромные Ключи, но им мало кто верил. Лягушино — это привычно, как-то по-домашнему и повеселее слышится. После поворота уже в сторону их деревни вдруг заприметилось на дороге что-то тёмное. Волк? И не убегает ведь, едрёна корень!

Короче — оборзел вконец! Ах, нет с собою винтаря, да и просто бы дробовичка...

— Да не волк это, Гендя. Человек это! На снегу лежит! — вдруг выкрикнул Антип. Он помоложе, и глаз у него позорче.

Споро подъехали. Осветили фарой. Вот и лицо теперь видно у того человека.

— Старушка это, — сказал молодой, — без понятия — живая или неживая уже...

— А я вот её и знаю, кто это! Это бобылка из удмуртской деревни. У ней с юных лет ни кола ни двора. Жениха её, говорят, убили в войну... Живёт у своих, то тут, то там. Но из роду она хорошего. И сама вся аккуратная. Правильная старушка.

— Господи Иисусе! — Молодой дёрнул дверцу. — Чего ей не сидится...

— Негде, наверное. Ах! жива бы осталась! Богородица, спаси и борони! — и пожилой выпрыгнул на снег.

А наша Окщинь-апай просто спала на своей котомке — притомилась, стало быть, сердешная. И снился ей летний сенокос, где с мил-дружком своим они сгребали душистое сено. Молодая и весёлая. Чирикали птицы кругом, где-то журчал родничок... Ах, баско-то как да умильно, Господи-светы!

— Апай-тётушка, вставайте! — Затормошили за плечо. — Жива ли ты, душа-кума?

А Окщинь-апай, хоть и проснулась уж с трудом, но молчала — русский язык она знала плохо. А сквозь сон она и вовсе решила, что её снова тащат в тюрьму, на допрос. «Буду молчать!» — решила она. А русские трактористы, не слыша её голоса, легко подняли её и бережно понесли в саночную будку. Здесь во время больших снегов перевозят и школяров до школы, и доярок на фермы и обратно — в просторной будке раскаляется печь «буржуйка», проваренная из двухсотлитровой железной бочки. Труба над нею выведена вверх, вон дымит-то как! И — тепло! Сюда и положили на боковую лавочку Окщинь-апай. Котомку её большую — рядом, в ноги.

— Повезём её к своим, к удмуртам, — сказал пожилой тракторист, — коль такое дело тут...

И трактор развернулся назад, рванул и закашлял басовито — надо помочь человекам! Коль успелось — оживить, а если не успели — проводить... И поехал трактор в удмуртское село большое. В темень вечернюю, зимне-раннюю. А буран незаметно так и ушёл ведь — совесть, поди-тко, заела его душу метельную. Спрятался, наверное, за лес и любуется теперь звёздочками на небе. Егозливыми да яркими, красивыми да гонористыми — как девицами на выданье. Вот и такие бывают у нас звёздочки — в декабрях-то...

А Окщинь-апай, как только трактор двинулся, тут же встала на ноги и — к окну. Пораскинув мозгами своими, она обо всём и догадалась. Смекалистая была. И трактор этот гусеничный она узнала: лягушинский, второй бригады. И мужиков на тракторе вспомнила, видала их в своей сельповской очереди. После получки. Нормальные вроде мужики, как все, дай Бог им здоровья. Вот подобрали по дороге и домой подвозят. Молодцы, ей-пра! Надо их угостить — отблагодарить... Святое дело.

И вот пригрохотал тот трактор прямо к правлению. А там, ясное дело, никого уж нет, лишь электролампочки горят. В коридоре, в сенях да на крыльце. Решили постучаться в соседний дом. А там Ващлей живёт. Мужик — водила справный и строгий, но не сухарь, с понятием мужик. Вышел он, выслушал лягушинских трактористов — шапку снял, повесил голову. Мол, показывайте уж. Пошли к тракторной будке, открыли дверь, а там Окщинь-апай! Стоит, руки растопырила, улыбается во весь рот — эдакая фря!

— Ойдо, мужики, ойдо! Угошшу! — приглашает она остолбеневших мужиков внутрь будки. А там на столе — кружок домашней кровяной колбаски, шматец копчёного сала, малые баночки с соленьями и вареньями. А посередине — бутылец с чистейшей, как слеза, самогоночкой. Без никакой-такой мути, во как!

— Только вот, Ващлей кудо, у нас тут хлеба нет. Будь другом, принеси. А? — попросила Окщинь-апай. А Ващлея второй раз и просить не надо — мигом сбегал! Говорю же, с понятием мужик!

Ах! хорошо же тогда посидели. Песни пели — удмуртские, русские, да и всякие. Потому что вскорости подошёл к ним, зашёл в будку электрик Витька Ток — мужик шебутной и свойский, бывший моряк-тихоокеанец. Да не один ведь зашёл, а с гармонью своей тульской. Говорит, из гостей иду — у Петра Заречного сын вернулся из армии. Хорошо! Молодец Петров сын — тут же налили за его здоровье. Солдат на Руси — Божий человек!

Если думаете, что потом наши друзья так и одни сидели в тёплой тракторной будке, то вы немного ошибаетесь. Пришли ещё друзья, да все не с пустыми руками. Среди других тостов самым востребованным оказался: «За второе рождение Окщинь-апай! Ура!» И Окщинь-апай, совсем не любительница спиртного-веселящего, тоже ведь пригубила из чаши круговой. Неплохо так пригубила — хотя, ясное дело, только для сугреву. Молодец такая!

В конце ещё добавим, что русских, понятное дело, что чумазых и довольных, трактористов увели в ближайший же удмуртский дом, уложили там спать, утром разбудили и торжественно проводили их домой — с

гостинцами, конечно. Окщинь-апай ещё и помахала им вслед своим платочком.

...Ах, и снова половодья сменили, смыли годы житейные. О дороге на Шурдошур наше село начинало говорить в начале декабря, так сказать, как о знаковом событии — всё это, конечно же, слушала и слышала сама Окщинь-апай. С доброй улыбкой и даже с видом некоторой избранности от такой вот планиды своей, но всё это — без гордыни, конечно. Хоть бы и лёгонькой, но тут всё же вовсе лишней и ненужной, знамо дело... И снова она ходила в Шурдошур. Тихо и мирно, торжественно и важно — при всём своём абсолютно скромном, простеньком обличье.

А потом ей не к кому стало ходить в Шурдошур — старые родичи поумирали, а вскоре и той деревни не стало. После этого и сама Окщинь-апай уж и недолго, кажется, прожила. Провожая её, Кит-агай — а он всё ещё был жив — сказал:

— У каждого из нас своя дорога в свой Шурдошур. Божья она, значитца...

АЛЛА ИШТИМИРОВА-ПОСОХОВА

Алла Романовна Иштимирова-Посохова — потомок мансийского рода Ялпус махум. Член Союза писателей России (2025), член Союза театральных деятелей России (2017). Автор ряда проектов, направленных на сохранение и популяризацию культуры обских угров. Живёт в Ханты-Мансийске.

Ялпус Махум

Я играла во дворе. Черёмуха цвела. Заскрипела калитка.

— Дедка! — бросилась я навстречу к дедушке.

— Па́ща о́лэн, мань а́ги. Паща олэн. Здравствуй, моя маленькая девочка, — приговаривал дед, хлопая меня по спине, пока я была у него на руках.

Моего деда, Костина Павла Тарасовича, вся родня называла «дедка» — и взрослые, и дети. Дедка был добрый, любил шутить. Бывало, притихнем детворой, играя в домино, и вдруг откуда ни возьмись — ушанка! Прямо в доминошки! Те разлетались по ковру, а мы уже неслись к двери с криком: «Дедка!» Затем по очереди здоровались: дедка протягивал указательный палец, а палец был необычным — коротыш без ногтя, и каждый из нас, зажимая его в своём кулачке, тряс его вверх-вниз. Кто из соседских детей впервые видел палец-обрубыш, пугались, но потом, глядя на нас, всё же присоединялись к приветствию. Позднее, подростком, я узнала, при каких обстоятельствах дедка лишился полпальца, а пока были маленькие, верили его словам: «В носу ковырялся, вот и палец сломался».

Как-то дедка сказал:

— Поедешь со мной в Я́лпус?

— А что это такое?

— Город такой, — отвечает, а сам хитро улыбается: — Священный.

Мне лет пять. В городах не бывала. Да ещё — священный. Наверно, там красивые дома с огромными колокольчиками — по телевизору видела. Хочу.

Дня через три поехали. На лодке. Пока ехали, всё ждала: вот сейчас заедем за поворот, и откроется вид города — много-много красивых домов будет с крышами, похожими на шапку Аладдина. Но за очередным поворотом — опять лес. В какой-то момент мы остановились. Лодку качало из стороны в сторону. Дедка возился с мотором. Я спросила, когда мы приедем. Он сразу не ответил, закончил дела с мотором, а затем, вытерев руки грязной тряпкой, присел рядом, раскрыл мою ладошку и, указав на одну из линий, сказал:

— Вот это — Обь, мы сейчас по ней плывём, а Полноват вот тут остался — видишь эту крапинку?

А нам вот сюда надо — тут наш Ялпус.

Стало понятно, что мы проехали только полпути.

Я уснула. Дедка разбудил, когда уже причалили к берегу. — Приехали, — говорит. — Вылезай.

Оглянулась — вокруг один лес.

— А где город? Ты говорил, мы в город едем! — возмутилась я. Мы шли по тропинке, и я ревела:

— Ты меня обманул!

Дошли до избушки. «Всего один дом? Таким город не бывает!» — дулась я. Потом, сидя на табуретке, пока дедка доставал продукты из рюкзака, требовала, чтобы он отвёз меня обратно.

Мы попили чай, а после я вышла во двор. Двора как такового не было — ни палисадников, ни забора — просто поляна, а вокруг лес. И мы вдвоём. Оказалось, что за избой ещё одна избушка стоит, только поменьше, и очень старая. Там никто не живёт. Дедка сказал, чтобы я туда не заходила. А когда я уже набегалась и накачалась на качелях, захотелось порисовать. Попросила карандаш и листок. Дедка усмехнулся:

— Откуда тут, в лесу, карандаши?

Затем поднял вверх свой фирменный палец:

— У тебя всегда есть с собой карандаш, — а потом добавил, указав на свою ладонь, — и лист. Рисуй пальцем прямо на ладошке. Смотри, — он раскрыл мою ладонь, — у тебя уже есть рисунки: вот веточка берёзы, а это гора... А это — Обь и Иртыш — видишь, две линии соединились? Это наши главные реки, они соединяются.

— А кто нарисовал эти рисунки?

— Как кто? Я́лпус ма́хум, ма́нщи ма́хум. Предки твои нарисовали, когда ты маленькая была.

Просто не помнишь, спала, наверно. Ты тоже можешь что-нибудь нарисовать.

И я сидела на кровати, пальцем водила по линиям на ладони. Разглядела на ней много маленьких крестиков, затем увидела ёлочку... Рисовала и задавала вопросы: «А что такое Ялпус махум? А зачем они рисовали? А они всем рисуют?»

Таращ Ойка

— Акв, ки́ты, ху́рум, ни́ла, ат, — загибает дедка один за другим мои пальцы. — Повтори: акв.

— один, киты — два, хурум — три... Сколько пальцев у тебя на руке — столько твой прадедушка языков знал... Давай, учи язык — ма́нщи ла́тын. А то — что ты за манси такая?

Со временем я узнала, что прадедушка Та́раш о́йка — Тарас-мужчина — мог изъясняться на пяти языках: мансийском, хантыйском, русском, коми и ненецком. Его не стало за два года до моего рождения. Тарас обладал сверхъестественными способностями, и он был хранителем Я́ныг кол — Большого дома в Ялпус. Того самого, в который, когда я была маленькая, не разрешалось заходить. В этом доме проводились песнопения и пляски в честь Духа-покровителя — Ко́нсынг о́йки — Когтистого старика. Медведя.

— Медведь, — рассказывали родственники, когда я уже была постарше, — один из сыновей То́рума — Бога. Дух Медведя — Консынг ойка —

обитает на горе, что находится напротив дедова дома — на противоположном берегу Оби. Мужчины едут туда, на гору, приносят ему еду — лошадь, оленя, овечку или петуха, общаются с ним, задабривают его, просят о здоровье, благодарят за хорошее. А потом возвращаются на этот берег, в деревню. Сейчас тут остались Яныг кол и дом Тараса, а раньше здесь много домов было: и магазин, и коровник, и даже изба-читальня. За поселением закрепилось название «Вежа́кары» — что в переводе с языка коми означает «Священный город». А до того, как образовалась деревня, стояло несколько рыбацких избушек, и место это манси называли по-своему «Я́лпус», а жителей величали «Я́лпус ма́хум». Молитвы в Большом доме сорок девять дней пелись. Этот дом в 1912 году был построен силами ближайших рыбацких поселений, на его месте, говорят, другой стоял. Много людей сюда приезжало. Поэтому Таращ ойка и мог изъясняться на разных языках — он нёс ответственность за подготовку и проведение обряда, разных гостей встречал.

Тарас Костин родился в 1902 году. В юности ослеп. Его отец хотел женить сына на косоглазой Марье из Тугия́н — только такая могла захотеть за слепого замуж пойти. Но Тарас помнил о девушке с косами до земли, Лизе из Не́ремово — как-то заходил к Семёну Тыманову, там и встретил его дочь. Запомнился звук колокольчиков, вплетённых в её косы, — он отражал ритм походки: лёгкая, шустрая. Не хотел Таращ ойка жениться на Марье, попросил брата, чтобы тот свозил его в Неремово — может, Лиза согласится выйти за него. Согласилась. Григорий негодовал: с родителями Марьи уже была договорённость. Но деваться некуда — помог Тарасу устроиться в доме-пятистенке, единственном в поселении: в одной стороне постройки была изба-читальня, в другой поселились Тарас с Лизой. Позднее, выкупив сруб у рыбака Партанова, построили свою избушку. По сей день стоит. Там и живём, когда приезжаем в Вежакары.

Тарас хоть и был незрячим, ловко справлялся с делами. Изготавливал музыкальные инструменты и другую атрибутику к обрядам, помогал жене по хозяйству. Мама рассказывала:

«Мне лет шесть-семь — дед Тарас у печи сидит, курит, на огонь смотрит, а я крадусь к столу, чтобы ещё одну баранку взять, и слышу осуждающее: “Паааа...” Я никак не могла понять: он же слепой — как он видит, кто мимо него проходит? Обманывает, наверно, что слепой. И почему называет Пая? Ведь моё имя — Фая».

Я тоже, помню, удивлялась, когда дедка сказал:

— По этой тропинке твой прадедушка ходил. А теперь ты ходишь. Прадед сверху смотрит на тебя и радуется.

— Как он смотрит на меня, ведь ты говорил, он был слепым?

— Мой отец хоть и был незрячим, да много чего видел. И сейчас видит. Всё видит... Предки не умирают — они превращаются в птичек, пчёлок или бабочек и летают среди нас, — дедка, как всегда, хитро улыбался, а я не понимала: шутит он или правду говорит.

Тарас Григорьевич на протяжении восемнадцати лет был проводником между людьми и Духом-покровителем Священного городка. Даже когда деревня опустела — колхоз прекратил работу, и все вежакарцы уехали в село Чема́ши, — он остался на родине предков. Жена Лиза умерла, какое-

то время он один жил, потом женился на женщине-ханты из Мулигорта. В 1977 году последний раз провели Большой Медвежий праздник. Перед смертью Тараща ойка сказал жене:

— Меня не станет на следующее утро после Первомая. До кладбища по реке далеко, распутица.

Ты не пугайся. Положи меня в сенях на скамейки и жди, когда лёд тронется.

Родные рассказывали со слов очевидцев, которые шли на ледоколе мимо Вежакар: «Смотрим: женщина на берегу бежит, отчаянно машет платком, неподалёку костры горят. Мы остановились, спустили лодку... Она попросила сообщить в Полноватe детям Тараса о его смерти». Это было седьмого мая. Похоронили в День Победы.

Люди священного города

Дедка был хранителем Яныг кол, как и его отец, на протяжении восемнадцати лет. Разные люди приезжали на обряд, пока он жил в Вежакарах, большие люди приезжали — писатели, учёные, журналисты... Один-два дня мероприятие проводилось. Потом Яныг кол стал приходить в непригодное состояние, с родственниками задумали постройку нового. А дом Тараса по сей день стоит. Дедки не стало в 1996 году.

Сейчас в Вежакарах никто не живёт. Редко, но приезжаем — не только родня, но и жители других поселений. Мужчины на гору уезжают — общаться с Духом-покровителем, и когда с того берега, с горы, слышен крик мужчин, женщинам сигнал: обряд завершён. В новом Большом доме уже накрыт стол, в углу — сундук, а в нём платки, ткани, монеты... За разговорами часто произносят имена Тараса Григорьевича, Павла Тарасовича.

Теперь Варвара Тарасовна, сестра дедки, старшая в роду и хранительница Яныг кол. Она не раз рассказывала нам, молодым, о предках рода Костиных: «Педо́т прожил сто с небольшим лет, из них сорок лет — с 1890-го по 1930-й год — был хранителем Яныг кол. Сильный, говорят, шаман был. Затем Харати́нья — она сразу после Семёна, сына Педота, стала хранительницей, так как в те годы мужчин на войну забрали. Её в народе называли Шу́кун э́ква — Чугун-женщина, значит... То ли потому, что шибко смуглая была, то ли потому, что носила чёрную одежду. А может, из-за тяжёлого характера».

До сих пор нет-нет да и пошутит баба Варя над внуками: «Ты так загорела — ну прямо Шукун эква!», «Вредная, как Шукун эква!»

Бывает, вздохнёт: «Умру — вы хоть дом отца не забывайте, Яныг кол не забрасывайте».

— Загибай пальчики, — скажу я через много лет своей пятилетней дочери Лизе. — Акв — Педот ойка, киты — Шукун эква, хурум — Тараща ойка, нила — Паша ойка, ат — Вара эква. Это твои предки. Это Маленький дом оберегающие люди, Большой дом оберегающие люди. Это Ялпус махум, манщи махум. Помни о них.

— Мама, на моей ладошке есть гора, как в Вежакарах!

— Предки нарисовали. Твой Дом и твой Торум — всегда с тобой.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ

Павлов Сергей Лукиянович родился 18 июня 1955 года. Член Союза писателей России с 1997 года. Народный писатель и заслуженный работник культуры Чувашской Республики, председатель правления Чувашского регионального отделения Союза писателей России.

Листочек золотой

Для юной художницы нет лучшей поры, чем золотая осень. Но скоротечны солнечные дни, нужно поторопиться, чтобы запечатлеть волшебную красу. Вот и спешит Василиса в полюбившуюся рощу, накинув через плечо этюдник. Место от автобусной остановки совсем недалеко, за несколько дней девушка протоптала от неё свою тропинку.

Установить треногу, прикрепить ватман, разложить карандаши — дело нехитрое. Сложнее остановить взгляд на какой-нибудь веточке: каждая манит к себе. Листочки словно щебечут, привлекая внимание... Иногда теряют терпение, покидают родные места и слетают как можно ближе к девушке. Вот один из них оказался проворнее других, приземлился прямо под носом, на этюдник. Василиса приподняла его за черешок, поднесла к солнцу, разглядела со всех сторон и снова положила.

Золотом сияет кленовый лист, манит неповторимой красотой. Разве перепутаешь его с другими?! Наверное, всех красок не хватит, чтобы передать природное волшебство. Почему бы не запечатлеть его? Может, на сегодня этим и ограничиться?

Девушка вытащила из пристёгнутой спереди маленькой сумочки смартфон, глянула на время, затем торопливо сунула телефон обратно и начала выводить первые штришки. Нет, не будущей картиной озабочена она, пока нужно набросать детали, важно запечатлеть уходящую натуру... Никто не торопит, но всё же время ограничено: от домашних хлопот никто не освобождал, до возвращения матери с работы надо успеть навести дома порядок. Послушен Василисе этюдник, складывается быстро, и золотой листочек прячется в нём.

Остановка почти рядом. Только дошла девушка, распахнулись двери автобуса, словно ждавшего её. Пассажиров пока немного, выбирай любое место. Пройдя в первую половину, Василиса уселась на сиденье с правого ряда, этюдник положила на колени и, вытащив смартфон, приступила листать привычные страницы. Противоположное сиденье пустует, свободно и соседнее место, так что ей никто не мешает. А водитель автобуса знает своё дело, гонит машину по привычному маршруту, лишь на остановках замедляет ход и останавливается ненадолго.

От неожиданного толчка дёрнулся этюдник. Василиса резко приподняла глаза: напротив расположилась совсем немолодая женщина лет семидесяти, а то и больше.

Девушка вновь уткнулась в смартфон. Лишь изредка, чтобы не проехать свою остановку, поглядывает в окно.

Женщина, не обращая внимания на окружающих, уселась посередине

сиденья, к его спинке слева и справа прислонила по авоське. Освободив руки, из кармана вязаной кофты вынула простенький телефон, каким пользуются теперь уже далеко не все пожилые.

«Наверное, из деревни или с дачи», — подумала Василиса, заметив провисшие из одной авоськи пучки укропа и петрушки. Не успела вновь уткнуться в свой смартфон, как на весь автобус зазвонил телефон женщины. «Ну, деревенщина, нельзя было убрать звук», — сердито фыркнула про себя Василиса.

Мало того что телефон словно ударил по ушам, женщина закричала на весь автобус: — Алёша, ты? Алёша! Не слышу...

Пассажиры разом повернулись к ней. Никто не успел промолвить ни слова, женщина, переложив телефон из правой руки в левую и плотно прижав к уху, продолжила ещё громче:

— Алло! Алло! Это я, Алёша!.. Почему молчишь?..

— Простите, это не Алексей, — донёсся вдруг из трубки нерешительный девичий голос. Исчез на время, затем продолжился: — Из военкомата я... Нина Васильевна, вы? Секретарь я... — Запнулась девушка, похоже, выбирая слова.

Насторожилась женщина, ухватилась за кончик цветастого платка и поднесла его к задрожавшим губам. Вскинула голову к потолку автобуса и судорожно начала креститься. Губы дрожат и неразборчиво шепчут...

— Нина Васильевна... — тревожно доносится до всех из её телефона уже узнаваемый голос секретаря. — Вы, пожалуйста, послушайте... Мне сообщить вам надо... Мне спросить у вас нужно...

— Подождите, — подвинулись ближе несколько человек, — не мошенники ли? Кто будет звонить к вечеру из военкомата? Что-то не так...

Василиса насторожилась. Действительно, не развод ли? Распоясалось телефонное жульё... Однако голос из трубки мигом прервал сомнения:

— Нина Васильевна, мне велено узнать... Скажите, куда привезти Алексея? В деревню или в городе оставить... Вы же мать Алексея Софронова...

— Как привезти? Он же... — застонала женщина, затряслась всем телом, выронила телефон и руками закрыла лицо...

Телефон упал на сиденье, но Василиса, быстро вскочив, схватила его и не дала соскользнуть на пол. Не заметила, как нажала на кнопку и прервала связь.

— Валидол, валидол! — засуетились пассажиры.

— Может, автобус остановить? — проронил мужчина.

Перед Василисой впервые в жизни предстала такая страшная картина. На следующей остановке ей остаться бы, но растерялась она и не знает, что делать. Вдобавок чужой телефон в руке, и он снова зазвенел. Девушка машинально нажала кнопку и включила его.

— Нина Васильевна, вы не ответили. Так куда же везти?

Слышали все, а ответа не последовало. Не до какого-то секретаря убитой горем женщине. То она заглушает своим рыданием всё, то начинает шептать:

— Нет-нет, не может быть... Жив мой Алёша, жив... Не верю...

Стоящая рядом женщина силком сунула ей в руку таблетку, заставила

положить её под язык, одновременно утешала как могла. А телефон в руке Василисы всё не умолкает:

— Нина Васильевна, как мне быть? Пожалуйста, ответьте...

В глазах у всех растерянность и сочувствие, а у женщины на устах одно:

— Жив Алёша, жив... Не говорите ничего... Жив он...

Молчат все, лишь телефон в вытянутой руке Василисы не знает жалости, больнее и больнее ранит сердца:

— Примите наши соболезнования... Крепитесь... Как же нам быть?

— Не знаю... дайте доехать... дайте спросить... — из последних сил выговаривает женщина.

— Хорошо, позвоню позже. Пожалуйста, телефон держите при себе, — слышится в ответ. Женщина не видит никого, не слышит ничего.

Невдомёк посторонним, почему из военкомата вышли на мать, начинают обсуждать:

— Зачем старушке звонить? И её ведь убьют.

— Жены, что ль, нет?

— В военкомате понимают уж, — вмешивается мужской голос. — В бумагах, видимо, её имя.

— Интересно, контрактник или мобилизованный?

— Не всё ли равно, нет сына, и всё. Представьте себя на её месте...

Василисе не до разговора взрослых, ей бы кому-нибудь передать телефон и сойти с автобуса. Но как осмелиться? Попыталась протянуть трубку хозяйке, а та лишь головой качает. Похоже, не осталось у женщины сил рыдать, еле-еле всхлипывает, непрерывно протирает глаза.

Женщина вдруг встала, взяла авоську и двинулась к выходу. Уже все поняли, что она мать солдата, звать её Ниной Васильевной, и сын её Алексей погиб в далёкой жестокой войне. Люди словно чувствовали перед ней свою вину, молча освобождая путь, пятились назад и вздыхали.

Кроме Василисы, никто не заметил, что женщина забыла другую авоську. Девушка схватила её, сунула в неё телефон, освобождая руку, чтобы взять этюдник, и поплелась за незнакомкой.

Сиротливо, как бабка и внучка, постояли на остановке, не проронив ни слова. Прохожие с недоумением оглядывались на них. Наконец, словно проснувшись из глубокого сна, Нина Васильевна направилась к переходу. Василиса шла сзади и молчала.

Так они оказались на другой стороне дороги, углубились в жилой квартал и подошли к девятиэтажному панельному дому. Женщина произнесла единственное слово:

— Сюда.

Поднялись на второй этаж. Сначала, увидев в длинном коридоре с двух сторон семь-восемь одинаковых дверей, Василиса подумала, что пришли в общежитие. Зайдя в последнюю из них, поняла, что это «гостинка»: прямо за входом с правой стороны кухонька, огороженная сверху наполовину стеклом, слева туалет с душем, а впереди комната с большим окном. Догадалась она потому, что именно такую квартирку снимают приезжие из других городов ее однокурсники.

Нина Васильевна прислонила авоську к стенке кухни. Не успела вы-

прямиться, прискакал пушистый котёнок. И сразу бросился к авоське с зеленью.

— Проголодался небось, — жалостливо взглянула Нина Васильевна на него. — Ах, Пушок, Пушок, теперь мы...

Боль, которая накопилась по пути от остановки до дома, сквозь слёзы вылилась наружу.

Маленькая квартира наполнилась горем и печалью...

Василиса поставила этюдник, отодвинула его чуть в сторону, чтоб не мешал.

Прислонив авоську рядом с другой, вытащила из неё телефон и застыла, не зная, как поступать. Нина Васильевна, чуть успокоившись, оглянулась по сторонам, удивлённо приподняла брови, как будто впервые увидела незнакомку:

— Как тебя звать?

— Василиса, — не мешкая, ответила девушка.

— Налей-ка ему молочка, в холодильнике вроде было. Чашка вон там, у стола. Согрей чуть-чуть... — попросила хозяйка как близкого человека.

Услышав, как гостья открывает дверцу холодильника, котёнок мигом подскочил к ней. Неотрывно следил за каждым движением девушки, пока та колдовала у плиты. Не стал ждать, когда она всё перельёт из маленькой кастрюли в чашку, наполовину засунул нос в миску и начал шумно лакать.

— Вон ты какой шустрый, — заметила Василиса, но до котёнка не дотронулась.

Нина Васильевна зашаркала в переднюю комнату, медленно присела к столу и уставилась в окно.

Котёнок вычищал чашку, не обращая внимания ни на кого. Лишь затем, облизываясь, подбежал к хозяйке и подпрыгнул на её колени. Как верный дружок, смотрел в глаза женщине в ожидании ласки.

— Ох, Пушок, Пушок, как нам теперь жить? — зарыдала вновь женщина. — Нету теперь нашего Алёшки, нет его... Не вернётся уже к нам...

Василиса, не зная, как себя вести, подошла ближе, чуть постояв, присела рядом и положила телефон Нины Васильевны на стол. Она ещё не пришла в себя, не находила нужных слов. А котёнок уже перескочил на неё и, приподняв нос, начал карабкаться к лицу, словно в знак благодарности хотел поцеловать нежданную гостью. Девушка отвернулась и легонько оттолкнула мордашку. Не понял, видать, Пушок, не соскочил на пол, принялся принюхиваться к одежде чужого человека.

— Ох, Пушок, Пушок... — сквозь слёзы шептала Нина Васильевна вновь.

Словно гром средь ясного дня, затарахтел на столе телефон. Нина Васильевна вздрогнула, протянула руку и застыла, растерянно взглянула на Василису. В комнате повисла тишина, но ненадолго: через пару-тройку секунд её нарушил повторный телефонный звонок.

Василиса несмело взяла со стола телефон, включила его, нажав нужную клавишу, и поднесла к хозяйке. Она догадывалась, откуда могли позвонить, и не ошиблась.

— Нина Васильевна, снова из военкомата, — уже настойчивее звучал голос в трубке. — Ну скажите же, куда нам...

Лишь одно слово проронила женщина:

— В деревню...

— А там куда? — усердствовала военкоматская секретарша.

— Домой к нам, ключ у крёстного Алёши, они рядом живут... Мы как-нибудь приедем, — собрав силы, проговорила хозяйка.

Засуетилась Нина Васильевна, оставив телефон на столе, подошла к комоду, что стоял рядом с диваном, вытащила наполовину верхний ящик и из него достала большой блокнот. Вернувшись к столу, начала его листать. Найдя нужную запись, обратилась к Василисе:

— Вот, позвони-ка... Дядя Алёши, уже дома, наверно... Он разбирается...

Набрав номер, не успела девушка услышать ответ, женщина вырвала телефон из её руки:

— Приезжай-ка, срочно, родню позови... Алёша... — Она выговорить снова захлебнулась слезами.

Пушок уже отошёл от них, нашёл себе занятие — принялся вновь щипать зелень из авоськи.

Для Василисы будто время остановилось. Она не осмеливалась оставить одинокую женщину в горе, но не умела и утешить. Всё чаще и чаще оглядывалась на входную дверь.

Вдруг взгляд девушки упал на котёнка:

— А его куда? С собою возьмёте?

— Ой, Пушок... — хлопнула себя ладошкой по бедру Нина Васильевна. — А я-то про тебя забыла... Как быть-то?

— Может, мне его на время взять, — неожиданно вылетело из уст Василисы. Необдуманно получилось, инстинктивно.

Женщина словно насторожилась, застыла: взять и отдать в чужие руки, пусть даже на время, чуть ли не члена семьи? Тем более незнакомой девчонке. А вдруг случится что-нибудь?

Появление двух мужчин перебило её мысли. Нина Васильевна со слезами бросилась в их объятия. Василиса встала со стула и собралась уйти.

— Ну, я пойду, — сказала, не дождавшись ответа про котёнка.

— А Пушок? — неожиданно остановила Нина Васильевна. Вопрос повис в воздухе. Василиса молчала.

— Передумала, что ль? Пушка бросаешь? — словно упрекнула хозяйка.

— Вы же не ответили, — поспешила оправдаться девушка.

— Ой, совсем не соображаю, — словно извинилась Нина Васильевна. Нерешительно добавила:

— Если можешь... Подержи у себя два-три дня...

Василиса лишь кивнула. Хозяйка заторопилась — направилась к шифоньеру, оттуда вытащила хозяйственную сумку не первой свежести.

Котёнка с трудом запихнули в сумку: он брыкался, царапался, мяукал. Василиса ещё не догадывалась, какую ношу она взвалила на себя и как непросто будет с ней в дороге.

— Не забудь вернуть... — услышала она голос хозяйки вслед. Этюдник остался там же, куда его поставила юная художница.

***

Мать Василисы Анфиса Макаровна привыкла к тому, что её после работы, как правило, дома встречает дочь. Но на этот раз, к большому удивлению, вышло всё наоборот.

— Что случилось? — бросилась мать навстречу, как только открылась дверь. Увидев мятую хозяйственную сумку и услышав оттуда мяуканье, тут же отпрянула: — А это что? Где нашла? Зачем притащила?

— Не нашла я, хозяйка дала, — поспешила ответить Василиса.

— Какая хозяйка? Кто там у тебя?

— Котёнок... — нерешительно ответила дочь.

— Чего-о? Этого ещё нам не хватало... С каких это пор тебя потянуло к кошкам? Сейчас же отнеси туда, где взяла.

— Нет, не могу... Я на время взяла...

— А нельзя было мне позвонить?

— Нет, нельзя было, потому что они спешили.

— Кто спешил?

— Хозяйка...

— Куда торопилась?

— На похороны...

Анфиса Макаровна от неожиданного слова сникла: почувствовала, что поторопилась со своими неуместными расспросами. Не знала, что сказать дальше. Её решительность моментально превратилась в сомнение.

В коридоре воцарилась тишина. Молчали обе, мать и дочь. И тут же напомнил о себе котёнок — начал царапаться и мяукать.

Василиса почувствовала, что настроение матери меняется, поняла, что её уже не надо уговаривать. Перестала сомневаться, что поступила правильно:

— Мам, ты же всегда на моей стороне.

— Конечно, конечно... — ответила мать.

— Тогда выпущу его, — с плеча начала снимать сумку дочь. — Оба замучились. Покормить бы ещё.

— Погоди, постой. Прежде чем выпустить... — замешкалась Анфиса Макаровна. — Сначала помыть бы.

— Хорошо, — кивнула Василиса. На лице промелькнула улыбка.

Увидев протянутые к себе руки Анфисы Макаровны, Пушок прижался ко дну сумки. Пока его доставали из неё, сопротивлялся изо всех сил и царапался как мог. А когда оказался в душе под струёй воды, весь дом заполнился его непрерывным визгом. Несмотря на упорное сопротивление котёнка, мать справилась одна. Лишь когда понадобилось высушить, дочь укутала его махровым полотенцем. Но Пушок и её не пожалел, оставил на девичьей ручонке несколько своих автографов.

— Видишь, каково в жизни: ты делаешь добро, а тебе показывают клыки, — многозначительно усмехнулась Анфиса Макаровна.

Оказавшись на полу, котёнок встряхнул с себя оставшиеся капельки воды и побежал на кухню.

— Всё же хочешь кушать, — последовала за ней Василиса.

Из холодильника достала бутылку молока и, перелив частично в маленькую кастрюльку, поставила греть на газовую плиту. Тем временем мать подбирала подходящую посуду.

— Может, дать ему твою пиалу? — полушутя спросила она.

— Пожалуйста, пожалуйста, — не стала возражать дочь.

Вскоре обе с умилением наблюдали за тем, как Пушок уплетает угощенье. Не до людских хлопот и забот ему, окружённому вниманием.

***

Нелёгкий вечер выдался как для Пушка, так и для новых его хозяев. Осталось смастерить постель котёнку и уложить. Но у него свои порядки, не привык жить по команде. Как только мать с дочерью присели к столу, он вскочил на колени Василисе и стал принюхиваться, тихо мурлыча про себя.

— Не знаю, что скажет нам папа. Одобрит ли?

— А ты, мам, всё вали на меня, уж точно против не будет, — зная, как её любит отец, смелеет Василиса.

— Так уж и быть, балует он тебя, — словно ревнуя, оглядывает мать дочку. — А пока его нет, расскажи-ка ты мне всё подряд с начала до конца.

Глубоко вздохнула девушка: казалось, она успокоилась и позабыла о прошедшем, а теперь снова нужно вернуться туда, где столкнулась с людской трагедией. Непонятное для матери волнение охватило дочь, задрожали её губы, заморгали глаза, вот-вот хлынут слёзы... Заметила это Анфиса Макаровна и поспешила успокоить:

— Ладно, не сейчас. Может, лучше поужинаем. Я сама всё приготовлю, видать, ты сегодня умаялась.

— Мам, не хочу кушать, совсем нет желания. И настроение не то... Знаешь, что я сегодня видела? — дрожащим голосом быстро проговорила Василиса.

— Что? — насторожилась Анфиса Макаровна. — Что видела?

— Войну... — прошептала дочь.

— Какую ещё войну? — не поняла мать.

— Мам, ты что?.. Будто не знаешь... — холодно взглянула девушка.

— Ну да... Женщина заметила свою неосторожность, но снова допустила оплошность: — А ты при чём?

— Мама! Это ты не при чём, а я... — Василиса зарыдала и задрожала всем телом, да так, что даже котёнок испугался и спрыгнул с уютного места.

Анфиса Макаровна вскочила со своего стула, бросилась к дочери, начала её утешать, обнимая за плечи:

— Доченька, прости, не так выразилась. Прости, пожалуйста, растерялась я...

Василиса прижалась головой к матери, обняла её за талию и, всхлипывая, сама начала просить прощения:

— Извини, мам, я не хотела... Я не удержалась...

Анфиса Макаровна присела и начала гладить дочь по волосам. Пока Василиса не успокоилась, она не проронила ни слова. Котёнок бродил вокруг них, ничего не понимая.

Девушка наконец встала, обняла мать и ещё раз извинилась. Затем направилась в ванную.

Долго умывалась, то и дело заглядывая в зеркало, настраивая себя на разговор.

Уже не надо было её уговаривать, задавать вопросы. Чужая боль больше не умещалась в её юной душе, она вырывалась наружу. И, вернувшись к матери, Василиса выложила всё, что накопилось с того самого телефонного звонка из военкомата.

***

С пополнением в семье жизнь Василисы сразу же поменялась. Всё навалилось на неё. Теперь ей надо не только наводить чистоту дома, но и вовремя кормить Пушка, прибираться за ним, а перед сном мыть. С этим она справляется.

Отец Василисы словно и не заметил котёнка. Не до него: после второй смены с завода возвращается усталый, быстренько перекусит и завалится спать. Для разговоров с домашними не остаётся ни сил, ни времени, всё приходится откладывать на выходные. Да и выходные когда есть, а когда одно название: постоянно отвлекают неожиданными звонками.

Мать заметила, что дочь с появлением дома питомца начала меняться: меньше времени стала уделять телефону. Раньше на телевизор внимания не обращала, а теперь садится рядом смотреть «Новости». Прежде, казалось, её ничуть не волновали события в далёкой Украине, а тут вдруг у неё появился интерес к ним.

Историю, случившуюся в автобусе, девушка поведала в художественном училище. Для неё открылось немало неожиданного: у одногруппников, оказываются, есть знакомые, которые с первых дней специальной военной операции добровольно отправились воевать; у некоторых там побывали близкие, даже получили ордена и медали; у кого-то среди родни есть погибшие...

Василиса ждёт, когда вернётся в город Нина Васильевна. Прождала двое суток, на третий день собралась к ней. Конечно, и этюдник понадобился ей, но больше всего хочет свидеться с несчастной женщиной, утешить её, помочь чем, если нужно. Разве можно оставлять человека одного в таком горе?

Сообщила она утром матери о намерении отправиться по знакомому адресу, та тоже забеспокоилась:

— Может, вместе пойдём? Вдруг моя помощь какая-нибудь нужна...

— Подожди, мам, схожу-ка, разузнаю всё. Тогда, пожалуй, решим, — нерешительно ответила дочь.

— Ну, если так, хотя бы гостинцев возьми. Я приготовлю, — не стала возражать Анфиса Макаровна.

***

За короткое время Пушок почувствовал себя полноправным членом семьи, если не хозяином.

Каждого провожает и встречает у входной двери, живёт вольготно, сытно, в чистоте.

Вот собралась Василиса уйти. И котёнок тут как тут.

— Ну, что скажешь, дружок? Хочешь узнать, куда я собралась? Съезжу-

ка вначале одна, разведаю, а там решим, — присев, девушка погладила своего дружка. Ласково погрозила пальчиком: — Только не хулигань тут у меня.

Сев в автобус и пристроившись у окна, Василиса не стала сразу же, как всегда, доставать смартфон. Начала присматриваться к мелькающему снаружи миру. К её удивлению, она раньше как будто не замечала этой красоты: те же деревья, что в лесу, тот же золотой осенний наряд, в поисках которого она регулярно спешит за город... Нужная ей натура рядом, не ленись только, будь внимательнее. Важно только всё видеть и чувствовать!

Увлёкшись, девушка на время перестала думать о предстоящей встрече. Автобус словно мчался быстрее, чем прежде, она чуть не проехала мимо нужной остановки.

Прежние радужные мысли покинули её, как только Василиса вышла на улицу. Перейдя дорогу и пройдя немного, она в нерешительности замедлила ход: не понимала, что ждёт, не знала, какой разговор предстоит. То и дело смотрела на пакет с гостинцами от матери: к месту всё это или нет?

Поднявшись на второй этаж, девушка остановилась, прислушалась. Постояв немного, направилась к знакомой двери, где ждала неизвестность. Она подбирала нужные слова, с которых бы начать разговор, но ничто путное не приходило на ум. Так и дошла до конца коридора, не придя к чему-то определённому.

Василиса подняла руку, чтобы нажать на кнопку звонка, но не успела: из неплотно закрытой двери просачивался узкий луч света. «Забыла запереть? Иль вышла куда?..» — насторожилась она. Стала приоткрывать дверь, и послышался приглушённый голос:

— Кто там?

Всё обернулось совсем не так, как предполагала девушка. Растерялась она, не зная, как ответить.

— Проходите, проходите... — Безразличием повеяло изнутри.

Василисе почудилось, что хозяйка приближается. Не стала она дожидаться, легонько приоткрыла дверь: действительно, Нина Васильевна совсем рядом, в чёрном платке, в той же кофте, в чём её увидела Василиса в первый раз, в тех же туфлях.

— А, это ты, — проронила она, как показалось девушке, так же равнодушно, как и до этого. — Пушка принесла?

— Да нет. Сначала решила разузнать... — на полуслове остановилась Василиса.

— А-а, мы вот только приехали, — отвернулась хозяйка и поплелась назад.

Воцарилась тишина. Девушка стояла в дверях и не знала, что говорить. Женщина тоже молчала. Василиса вспомнила про пакет с гостинцами и прошла вперёд.

— Вот, мама передала, — добавила на ходу.

— Зачем? — удивлённо взглянула Нина Васильевна. — Мне уже ничего не надо... Кроме Алёши...

— Нехотя протянула руку и взяла гостинцы.

Василиса краем глаза увидела, что в передней на столе горит свеча, стоит стакан, который прикрыт краюхой хлеба, и лежит какая-то книга.

— Тогда я пойду, — сказала она.

Нина Васильевна лишь головой кивнула. Сухо добавила:

— Ладно, только Пушка принеси.

Василиса сделала шаг к этюднику, взяла его и молча открыла дверь. Попрощавшись, оглянулась: женщина стояла совсем недалеко, резко похудевшая и постаревшая, будто от пакета в руке совсем сгорбилась. Девушка уже не сомневалась, что перед ней стоит действительно старушка. Но резко сгорбилась она совсем не под тяжестью пакета и не из-за своего возраста...

Всю обратную дорогу подавленное настроение не покидало девушку. Вечером, встретив мать, поспешила поделиться со своим разочарованием:

— Даже не предложила присесть. Забыла она мою доброту. Про котёнка вовсе ничего не спросила.

— Ох, доченька, ты всё же ещё ребёнок. Не спеши судить, — обняв дочь, вздохнула Анфиса Макаровна. — Представь на её месте меня, будто я вдруг тебя потеряла...

— Мам, не смей так говорить, — дочь ладошкой прикрыла рот матери. — Никогда!

Слышишь? Я всегда буду рядом.

— Мы все хотим, чтоб наши дети не оставляли нас одних... — Мать обняла дочь, чтобы спрятать заблестевшую в глазах слезу.

Василисе казалось, что никто и никогда не вырвет её из тёплых и надёжных рук.

***

Василиса уверена, что на самом деле мать её давно не считает ребёнком, а так называет просто любя. И отношения между ними давно доверительные, прислушиваются к мнениям и советам друг друга. Потому, когда Анфиса Макаровна предложила подождать ещё пару дней, прежде чем отнести котёнка хозяйке, дочь не стала возражать и даже предложила:

— Может, оставим у себя?

— Ты что, — без раздумья прервала мать. — У убитой горем женщины отобрать ещё одну близкую душу? Пусть пока порадует нас ещё чуть-чуть и... Ты же у нас взрослый человек, всё понимаешь. Так ведь?

Как не согласиться с матерью?

Василиса, конечно, хотела бы оставить Пушка на больший срок. Даже готова пропускать занятия, чтобы бывать с ним. Но настроение своё регулировать умеет и снова собралась на своё полюбившееся место — в золотую рощу на натуру.

Вокруг те же деревья и кусты, та же пленительная красота, никто не мешает, но не ладится работа: на холсте всё выглядит бездушно; одна задумка перечёркивает другую; невозможно сконцентрироваться ни на чём. В мыслях Василиса всё возвращается к Пушку, к тому, что вот-вот с ним нужно расстаться...

Ладно, чему быть, того не миновать, — успокаивает сама себя.

По пути домой созревает твёрдое решение: «Если не сегодня, так завтра обязательно верну...» Открылась дверь, и Пушок летит к ней. Секунда — уже на руках.

— Ух ты, озорник мой! Соскучился? Сейчас, сейчас... Мы перевернём с тобой весь дом. А ну, беги...

Котёнок прыгает на пол, девушка, топая ногами, словно гонится за ним. Пушок забегает за диван: нет его. Но вот выглядывает мордашка и ждёт, когда начнут догонять... Всё заканчивается неожиданно — оба оказываются на диване, моська снова в ласковых руках... И так который день. Неужели сегодня-завтра прервётся эта забава? Кто больше потеряет — котёнок или девушка?

***

Пушок почуял неладное сразу, как только начали его запихивать в знакомую хозяйственную сумку. Всю дорогу сопротивлялся. В автобусе недовольные постоянно оборачивались к ним.

Василиса устала, но ни разу не остановилась для отдыха. Дойдя до адресата и зайдя в квартиру, сумку сразу же поставила на пол и поспешила открыть её. Пушок пулей выскочил на свободу. Начал бегать и шарить по всем углам, затем подбежал к Нине Васильевне.

— Наверно, ищет Алёшу. Это же он притащил его с улицы. Нашёл где-то бездомного. Он всех жалел. И котят, и щенков... Любил всех... Иди ко мне, — наклонилась женщина к котёнку, приподняла, поднесла к лицу и тихо начала говорить с ним. Затем отпустила его и повернулась к гостье:
— Спасибо, доченька, выручила, а то не знаю, как... Всё так получилось...

Василисе показалось, что женщина с предыдущего раза немного изменилась и с ней общается охотнее. Сама всё следила за котёнком. И вдруг спохватилась:

— Ой, у меня же для вас кое-что есть, мама передала. — Вернулась к сумке, из него вытащила тугой свёрток с исцарапанной обёрткой и на ходу протянула хозяйке. — Возьмите, пожалуйста. Играючи погрозила котёнку: — Ну ты, моська, что натворил? Тебе тоже захотелось? Совсем не подумала, когда положила.

— Опять? Не надо мне ничего... У меня всё есть... Вот им надо помогать, друзьям Алёши, — куда-то в сторону указала женщина. — Им надо помогать... Как звать-то тебя, совсем позабыла?

— Василиса я. Вы Васильевна, а я Василиса, — попыталась девушка слегка разрядить напряжение.

— Хорошо, спасибо тебе, доченька, и матери спасибо. Откуда вы такие добрые нашлись? — Перекрестилась хозяйка.

Василиса промолчала.

— Пройди вперёд, посидим немного, — пригласила Нина Васильевна гостью.

Девушка разулась, прошла в переднюю, присела к столу. На столе всё так же, как и в прошлый раз: в середине на тарелке горящая свеча, рядом на четверть наполненный стакан, на нём краюха хлеба. Чуть в стороне лежит книжка. «Псалтирь», — прочитала про себя Василиса.

Гостья чувствовала себя не совсем уютно. Выручал Пушок. Пока пили чай, девушка то и дело обращалась к нему. Чаще, чем с гостьей, общалась с ним и хозяйка. Женщинам ещё предстояло привыкать друг к другу.

На прощание Василиса внесла в память смартфона телефонный номер

Нины Васильевны, а в ее блокнот записала свой. Несколько раз повторила:

— Вы, пожалуйста, звоните, если что, непременно звоните. И ещё скажите, чем вам помочь?

Родители мои обязательно помогут, сами просили узнать.

— Миленькая, спасибо, не утруждайте себя. Я ж сказала, не мне надо помогать, а солдатам. Теперь уж точно знаю. Мне-то зачем? — всё качала головой женщина. — Лучше сама приходи, буду рада. Мы с Пушком будем ждать.

— Приду, обязательно приду. С Пушком играть приеду, — улыбнулась Василиса. Ей показалось, что в ответ и на лице Нины Васильевны впервые с их знакомства появилась лёгкая улыбка.

***

Перед сном дочь огорошила Анфису Макаровна вопросом:

— Мама, почему нашего папу не мобилизовали?

— Его? — растерялась мать от неожиданности. — Ты серьёзно спрашиваешь? Сказать правду?

— Конечно, правду. А что, вы мне когда-нибудь врали?

— Нет, не врали.

— Тогда скажи. Не принимайте до сих пор меня за маленькую.

— Хорошо, скажу сколько могу. Лучше бы он сам ответил. Не хочешь дождаться, когда вернётся с ночной смены?

— Сейчас же хочу узнать. В группе зашёл разговор о войне, и мне пришлось промолчать: не смогла о своих ничего сказать.

— Доченька, не надо ничего придумывать, наш папа тоже при деле. Он работает на военном заводе, редкий специалист. У него бронь. В три смены пашет. Даже за прошлый год отпуск взять не может. Еле-еле выпросила недельку, чтоб во время твоих каникул съездить на юг.

— На юг? — Вдруг вспыхнула дочь. — На юг? Сейчас, когда идёт война? Что люди скажут? Нет уж, без меня! А если есть лишние деньги, отправьте их нашим воинам.

— Прости, но мы думали, что... Ещё окончательно не решено. Все вместе втроём обсудим. Против твоей воли разве пойдём? — словно вину почувствовала Анфиса Макаровна. — Может, ты права...

Мать про себя признала: да, за считаные дни дочь изменилась, в её поведении произошло что-то серьёзное. «Вот, оказывается, как выглядят совершеннолетие», — подумала молча. И как всегда, не скрывая материнскую любовь, подошла первая и обняла Василису. Им сейчас нужны не слова, важно доверять друг другу.

***

Василиса скучает по Пушку. Всё собиралась к нему, но отвлекали непредвиденные хлопоты. Да и начатую картину никак не завершит, застопорилась работа. Не лучше ли расслабиться, развлечься с Пушком? Может быть, и Нина Васильевна устала ждать? Всё, решено, больше не будет откладывать поездку.

Позвонила матери и сообщила о своём желании. Анфиса Макаровна

тотчас одобрила решение дочери и посоветовала из холодильника взять для котёнка рыбные консервы, а для хозяйки приготовить какой-нибудь продуктовый набор.

Василисе в чужом районе всё уже хорошо знакомо, предыдущие опасения выветрились. Но перед входной дверью всё же постояла, набираясь смелости, и только потом нажала на кнопку. Раньше хозяйки в дверях появился котёнок. Василиса бросилась к нему и, лишь взяв его в руки, поздоровалась с хозяйкой. Перешагнув порог квартиры, отпустила Пушка, скинула из-за спины маленький рюкзачок, спешно вытащила из него консервную банку, легко открыла её благодаря специальному приспособлению в крышке и поставила на пол недалеко от входа. Котёнок, не задумываясь, бросился к угощению.

Нина Васильевна не смогла скрыть радости, громко заговорила: — Он, наверное, тебя ждал, всё к двери бегал...

Вдруг словно споткнулась, замолчала. Чуть погодя прошептала неуверенно: — Может, и Алёшу ждал...

Застыли обе. Неловкую ситуацию нарушила Нина Васильевна:

— Да что это я... Проходи, пожалуйста. Обувку не снимай, не снимай, тут у меня всё по-стариковски.

Василиса огляделась вокруг и заметила:

— Зря скромничаете, у вас полная чистота.

Девушка не поддалась на уговоры, разулась, затем вытащила гостинцы. Предложила хозяйке:

— Я и на Пушка рассчитала, уберите, пожалуйста, в холодильник.

— Ну что же вы в неловкое положение меня ставите? Я ж пенсию получаю, и огород у меня в деревне. Зачем? — Из стороны в сторону покачала женщина головой. — Самой-то в ответ нечего давать.

— Не надо, мы от души. Пока можем поделиться, — по-взрослому ответила девушка. Так, переговариваясь, дошли до стола. Хозяйка засуетилась:

— Ты присядь-ка, присядь, я сейчас чайник поставлю. Мне ж тебя надо отблагодарить. Как я тебя ждала...

Василиса сразу же обратила внимание на несколько фотографий, разбросанных на столе. Чуть с краю лежал приоткрытый на первых листах фотоальбом. Девушка без слов поняла: сын.

— Ты сядь, полистай, — заметила Нина Васильевна. — Приходят люди, им показываю. Иногда сама себя утешаю... Всё, что осталось от него...

Василиса подвинула стул ближе к столу, присела. Вначале внимательно изучила лежащие на столе фото мужчины средних лет в военной форме. Затем не спеша стала листать фотоальбом. Перед ней словно мелькала хроника жизни неизвестного ей героя. Не заметила девушка, как Нина Васильевна оказалась позади неё. Она смотрела через плечо и словно боялась дышать.

— А семьи не было, что ль, у него? — осмелилась спросить Василиса. Давно её волновало, почему из военкомата про сына сообщили матери, а не жене.

— Была семья, и дети были, мальчик с девочкой. Но что-то не заладилось у них. Видать, маловато зарабатывал. Квартиру им оставил, купил

вот эту «гостинку», меня силком сюда переманил. Опасалась, что вдвоём тесновато будет, так он после войны обещал другую квартиру купить. Вот и езжу теперь из города в деревню, из деревни в город. Добровольно ведь он ушёл. На мои уговоры отвечал: «Как ученикам в глаза смотреть, если на уроках им про патриотизм говорю, а сам отсиживаюсь в тылу?» Он же учителем был, говорят, хорошим учителем был...

Василиса слушала прерывистую речь женщины и спиной чувствовала, что та еле-еле сдерживает слёзы. Теперь ей показалось, что задала свой вопрос не к месту, и решила впредь больше слушать. Но получилось совсем не так, как хотела.

Успела девушка перелистнуть ещё пару страниц фотоальбома, как из него выскользнул листочек клёна — осенний, золотистый, просохший насквозь, величиной с ладонь взрослого мужчины.

— Ой, — послышалось сзади, — осторожно! Он же единственный сумел сохраниться? Это же Алёша, Алёша заложил... Он природу с детства любил, гербарии делал... А сколько мне букетов из осенних листьев подарил! Красно-жёлтые листья всё на окна приклеивал... Ой! Дай-ка мне его. Не урони...

Растерялась Василиса, испугалась, застыла в нерешительности...

— Давай-ка сама... — На плечо Василисы легла рука Нины Васильевны. Женщина неспешно обошла гостью, осторожно взяла со стола кленовый лист и отошла к углу, где располагалась иконка. Девушка не сразу поняла, что происходит. А когда повернулась в сторону хозяйки, её взору открылась библейская картина: на ладонях женщины лежал золотистый кленовый лист, она то наклонялась к нему, то поднимала голову к иконке и шептала:

— Сыночек мой, листочек золотой... Неужели оторвали тебя от меня? Как же так?.. Нет, не оторвали! Со мной ты, родненький, с нами. Не умер ты, не умрёшь... Чувствую, ты рядом. Я слышу тебя... Ты смотришь на меня и, наверно, видишь... Я жду тебя...

Женщина то отдалялась, превращаясь в белую фигуру, то приближалась, снова становясь матерью погибшего солдата. Удалялся и приближался вместе с ней её шёпот...

Василису осенило: «Вот это картина! Как же я до сих пор не могла понять?.. Вот она, жизнь...» Но тут же закралось сомнение: «Смогу ли? Как же передать боль матери, как перенести на холст?.. Эх, вернулся бы сейчас её сын...»

Девушка закрыла глаза, представляя свою будущую картину. Просматривалась каждая деталь, угадывался каждый штрих... Совсем по-другому виделись ей сейчас листья, деревья и всё остальное вокруг... Вот он какой, оказывается, мир! Непросто его понять, познать и тем более изобразить юному художнику.

Василиса снова услышала голос Нины Васильевны. Женщина опять оказалась рядом и словно умоляла:

— Доченька, извини, не случилось ли со мной что? Не схожу ли я с ума?.. Потрогай-ка голову, не заболела ли? И положи, пожалуйста, листочек на прежнее место...

Но не протянула она девушке золотистый кленовый лист. Замолчала,

чуть постояла, обошла гостью и осторожно опустила его с ладоней на стол. Тихо попросила:

— Пожалуйста, будь осторожнее с ним...

На газовой плите закипел чайник. Нина Васильевна, крестясь, направилась за ним. Девушка посмотрела ей вслед и снова повернулась туда, где совсем недавно мать общалась с сыном.

Василиса вновь закрыла глаза. Перед её взором ожил солдат с фотографий. Показалось, что он близок, совсем близок... Будто мчится на невидимых крыльях... Распахнулось окно — и он влетает на всех парах. На всю округу звучит уверенный голос Алёши: «Мама, вернулся твой золотой листочек! Мы победили!»

Национальные литературы народов
Дальнего Востока, Восточной Сибири
и Забайкалья

ПРОЗА

Член Союза писателей России. Уроженка и жительница Забайкалья. Юрист, в прошлом работала в правоохранительной и судебной системе. Автор нескольких сборников деревенской прозы, в том числе: «На мореокияне», «Вот так и живём», «Солнцем поцелованные». Лауреат Национальной литературной премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина в номинации «Проза» за 2017 год. Автор сценария художественного фильма «Солнцем поцелованные», реж. Н. Гадомский — 2019 г. Фильм — лауреат специальной премии Забайкальского международного кинофестиваля, в прокате под названием «Возвращение с фронта».

Апостол Пётр... Филиппыч

— От придумали! От придумали! Об чём бы ни говорили, всё про эту корону! — Филиппыч сердито сплюнул, и, бросив пульт в угол диванчика, пошёл на кухню, к жене.

— Ворону? Опеть прилетела? — супруга, давно слегка глуховатая, что-то увлечённо намешивала в тазике, наверное, опять гоношила тесто.

— Сама ты ворона, Господи, прости... — беззлобно буркнул Филиппыч.

— Со своей Ниной Георгиевной душа в душу прожил уже почти шестьдесят годков. И сам не Ален Делон, и её менять на «годом посвежее», уже и резона не было. А если серьёзно, то из этих годков, считай, все шестьдесят и ждала его из рейсов. Если знала, что вернётся поздно, не спала, пока свет его фар не мазанёт своей яркой кистью по окошкам избы. Покуда ворота раскрывает, да машину в ограду загоняет, она уж и чайник сгоношит. Чудом откуда-то горячее спроворит, на стол ставит. Волшебница, да и только Нинуха его родненькая. К нему всю жизнь уважительно: «Петро» да «Батька», как ребятишки звали. Ребятишки уж сами давно батьки, живут отдельно, а они с Георгиевной теперь сами себе, радуют друг дружку. Ворона-то, к слову, была у них знакомая. Считай, каждый день прилетит в огород, кругами ходит вокруг собачьей миски. Потом ковыляет в край огорода. Старый пёс Верный, возмущенный покушением на его корм, идёт за вороной потихоньку. Потом, не утерпев, как пацан, мчится и гонит воровку до края огорода. Ворона, неожиданно легко взлетев, возвращается по воздуху к чашке и уворовывает что-то оттуда, пока уставший Верный плетётся обратно, свесив набок язык.

— Дак чо ворона-то? — старушка домесила тесто и уже сноровисто лепила какие-то лепёшки, раскладывая их любовно на металлическом листике, затейливо шлёпнув в серединку каждой ложку голубицы.

— Корона, говорю. Всё про эту болезнь в телевизоре-то. Голова кругом! Бывало, концерт какой, Кубанский хор, к примеру, или картину какую дельную покажут. Я б щас «Дальнобойщиков» ещё раз поглядел.

— Вот ты на дальнобой-то не насмотрелся на работе... Неужто всё ишо охота? — жалеючи, как на ребёнка несмышлёного, смотрит на него Нина. — Дома чистенько, валенки тёплые, мёрзнуть нужды нету. Што вот тебя куда-то тянет-то?

— Молчи ты. «Тёёёпленько»! Чо бы понимала? Там только в гараж зайдёшь, такой дух родной. А уж если в кабину сел, да дорогу увидел, дак петь охота. Конечно, поездил бы ишо, да начальству видней. Опасаются, чтобы «кондратий» по дороге не схватил, — невесело улыбнулся Филиппыч.

Нина Георгиевна понимающе кивнула головой. У Филиппыча уже второй десяток лет стоит кардиостимулятор. Рейсы свои давно откатал с лихвой, после пенсии ещё две пятилетки проездил. Частник сильно не спрашивает паспорт, лишь бы все водительские категории были. У молодых пижонов по нынешним временам новая тачка, да не первая, а категория водительская одна, да и то порой «левая», купленная. И зовёт их старик чаще «водятлы». Звание «шофер» заслужить надо. Вот и с ним не спешили расставаться, тянули, уголёк в комхоз возил.

Руки у Филиппыча, как пиджак с орденскими колодками у ветерана, всё выдают. Чёрные руки у него. Сколько уж лет, как на отдыхе, а въевшийся мазут не отошёл у ногтей. Да и разбитые пальцы никуда не спрячешь. В общем, две почерневших пятерни, каждая из которых спокойно закрывает полностью кепочку-восьмиклинку — подтверждение пролетарско-водительского прошлого.

— Пока кулебяки твои пекутся, пойду, курево прикуплю, да на почте сканвордов прихвачу.

— Маску не забудь.

— Да есть у меня в кармане, вот только нужна она мне, как собаке пятая нога, — снова буркнул дед и подался из дома, сминая в кулак давно валявшуюся в кармане куртки несвежую марлю с веревочками.

На почте было многолюдно: выдавали пенсию. Под подбородками у каждого голубела медицинская повязка. Филиппыча уважительно пропустили без очереди. Взяв сканворд, подался в магазин. Прикупив сигарет и продуктишек, шёл к дому, основательно уминая огромными валенками свежеподсыпанный нынешней ночью снег. Воробьи, распушив пёрышки, грелись на ветках возле домов, деловито сновали синички, разведав места, где нежадные хозяева разложили крошки и сало. Снег вкусно поскрипывал, искрился в свете яркого солнца. На каждой штакетине красовалась кокетливая белая шапочка. И звонкий этот хруст из-под валенок как-то незаметно бодрил старика. Старался он ступать почётче, будто в этот день ему вести деревенский парадный строй. Даже вечно ноющие коленки не так сегодня донимали.

Войдя в дом, откашлялся, демонстративно вынул и снова сложил маску в карман. Помыв руки, присел за стол, где отпыхивались вкусным парком лепёшки. Разломив самую румяную, окунул её в сметану, а сверху ещё щедро мазанул ложечкой с мёдом. Георгиевна довольно улыбалась, глядя на него. На полу посиживал толстый рыжий кот, и самое странное, выражения лиц старика и кота были похожи. И Нину Георгиевну это умиляло.

Утром следующего дня Филиппыч закашлял. Даже не оборачиваясь и не подходя близко, Нина Георгиевна услышала в этом кашле что-то чужое. Так, пожалуй, сам её дед своим чутким ухом слышал в двигателе чужеродный звук. Прокурив всю жизнь, он кашлял практически каждый

день. Но эти звуки она знала, как свои пять пальцев, отличая и утренний кашель, и вечерний по тональности. Сегодняшний утренний ей не понравился. Уже к обеду поднялась температура.

По сотовому Георгиевна вызвала «скорую» и деда молниеносно увезли. «Снеговики» в белых одеждах стремительно надавали ей рекомендаций, залезли острыми палочками в нос и рот, выдали таблетки дезраствора, которым она должна промыть всё в доме. О результатах её анализов пообещали доложить и упёрли деда в неизвестном направлении.

Георгиевна сунулась было намывать полы, но потом испуганно бросила это дело. Осторожно поставила ведро и швабру за печку, подошла к иконам и стала молиться. Со слезами попросив Николу-батюшку заступиться за Филиппыча, послать Ангела-хранителя в боль-ницу, села за телефон, звонить сыну:

— Саня, сынок! Деда в город увезли с ковидлой. Не, со мной всё нормально. Нет тем-пературы. И кашля нет. Да нормально, говорю. Ума тоже нет. Не успели увезти, а я взялась полы мыть. Приказали с хлоркой. Дура-дурой. Чо дура-то? За покойником только вслед моют. Тьфу ты, — бабка неожиданно всхлипнула. — Не, сынок! Не приезжай. Это я так, на себя злюсь. Конешно, худо будет, позвоню. А ты там доследи, куда его положили-то. Сотовый у него с собой.

Филиппович через часок был уже в приемнике областной больницы. Всю дорогу, чтобы отвлечься от накатывающей головной боли, слушал движок УАЗика, на котором его везли и тихонько ругался. УАЗик по техническому состоянию был примерно равен ему, с кардиостимулятором и изношенной ходовкой. Но находящихся в брякающем нутре пятерых «ковидников» УАЗ исправно довёз в больницу.

В вестибюле приёмного покоя сидел народ: примерно половина дедовой деревни по численности. Кто-то сидел безучастно, дожидаясь, пока позовут. Какая-то женщина в сером пуховике нервно ходила возле скамеек, беспрестанно звонила друзьям, но на неё ворчали, чтобы не нагнетала обстановку. Тучный мужик ходил, тяжело дыша, от окошечка к окошечку, добивался, скандалил и всё равно сидел потом, возмущался, одышливо кашлял, задевая соседей. Старая бурятка в синем атласном дыгыле, устав, видимо, сидеть на металлической дырчатой скамейке, опустилась на пол, где по периметру проходила толстая батарея отопления. Там и сидела с непроницаемым лицом, прижавшись спиной к теплу. Мимо носились «снеговики» в защитных противоковидных костюмах, по одному, по два уводили людей из очереди куда-то в чрево больницы.

Филиппович посиживал молча. В рейсах приходилось и подольше сидеть без дела, точнее стоять. На заснеженных перевалах всякое бывало. Растележится «Фрэд-американец», соберёт пробку на перевале. По шесть, а то и больше часов как-то было, стояли.

Тех, кто здесь наводил суету, не одобрял. Бабская затея. А скандалят больше мужики.

И дураку было понятно, что врачам сложно справиться с такой толпой в одночасье.

Но плохо было только, что дедов организм, кажется, сдавал. И, глядя

на тех, кто ещё не уведен медиками, Филиппыч вдруг понял, что он может не дождаться своей очереди. Старый потому что.

Вначале его мелко трясло, так что зуб на зуб не попадал. И он с завистью смотрел на бурятку, сползшую на пол, так как на полу у батареи было точно теплей. Но понимал, что оттуда он со своей температурой и скрипучими коленками без помощи не встанет.

А ждать, когда его поднимут, стыдно. Да и бурятка, сидевшая там, вдруг повалилась на бок и попросту легла возле этой трубы. То ли спать захотела, то ли было ей так плохо, что хотелось прилечь неважно где.

Филиппыч унял дрожь, поплотнее обхватив себя руками. Кашель, до этого не столь частый, вдруг стал трепать с такой силой, будто внутри у деда ожил какой-то старый мотоциклишка, который никак не хотел завестись. Чёртов «движок» то совсем уже заводился, то вдруг начинал перебоить, и тело деда трясло так, будто ехал он по грунтовке на конной телеге. Отчётливо вспомнилась вдруг эта повозка. Едет он с матерью за деревню. Маленький совсем, лет, пожалуй, шести. Трясёт нещадно, а ему хочется спать. И хоть брошено на телегу накошенное сено, всё равно трясёт и трясёт. И очень хочется пить воды, которая лежит у матери в котомке. Но она не останавливается, а всё погоняет и погоняет коня.

«Не спи, Петя, не спи, — просит его мать, — скоро, совсем скоро приедем». Странная она, как будто ей совсем не жарко, — думает Петька и тянется к ней рукой, чтоб тихонько вы-тянуть из-под ноги котомку с водой. Мать оглядывается и вдруг Петька видит, что никакая это не мать, а «сугроб» с какими-то бумажками.

— Цыдыпова где? Где Цыдыпова? — допытывается «сугроб» у Филипповича. А он, сомлевший от какого-то банного жара, заполонившего теперь приёмный покой, и сказать ничего не может. Потому что не может понять, куда делась мать, телега с сеном, на которую он хотел прилечь. Становится совсем уж жарко, но понимает, что нужно помочь этой старой бурятке, показать, где она лежит. И потянувшись показать, сваливается туда же, к ней, понимая, что не так уж там и плохо, возле батареи...

Очнулся Филиппыч утром следующего дня, когда подошедший «сугроб» ставил ему капельницу.

Мотоцикл, который жил теперь внутри его сухого нескладного тела, так и не заводился, но периодически пробовал это сделать, и тогда кашель сотрясал Петра Филиппыча так, что казалось, даже голова оторвётся. Всеми силами старался он тогда придержать иглу, чтобы не выскочила из вены.

Коротко отзвонился жене: «Приняли, лечут. Как ты? Ну, и слава Богу. Пока не звони». Полдня таскали по кабинетам. Делали снимки, анализы. Уложили, «привязали» к капельнице. К удивлению старика, палата оказалась двухместной. А он боялся, что будет со всей компанией из вестибюля, включая бурятку. Завалился там, на глазах у всех, стыдоба. Приступами кашля мучился кто-то, кто лежал справа. Лица его толком не было видно из-за тумбочки.

От кашля у Филиппыча, а может и не от кашля, а вообще от этой проклятой «ковидлы» страшно болела голова. Она казалась перезревшим арбузом, который уже не в силах сдер-живать стихию созревшей мякоти и

вот-вот лопнет. Дня четыре старик жил в каком-то странном полусне, то пропадая в какую-то яму, то появляясь на свет божий: благо лежал у окна и свет этот видел. Пока при памяти, пару раз отзвонился сыну: — Жив, лечат.

Тот, что справа, в перерывах между приступами кашля пожаловался:

— Однако, помру я.

— С чего это ты взял?

— Давление у меня, вес лишний. Это фактор риска. Сразу доктора сказали.

— Кем работаешь, что сразу поверил?

— Специалист я, из городской администрации.

— Оно и видать, специалист! Сколь лет-то тебе? Сорока нет? Где это ты наслушался, что помирать положено! Сразу видно, не шофёр! Мне приказу такого не было, например, от старухи — помирать. Чо прикажет, то и делаю, — пытался балагурить Филиппыч, — я, можеть, ишо в баню с ей мечтаю сходить.

Тот, что с фактором риска, больше не отвечал. Переждав очередной приступ кашля, Филиппыч в сердцах сказал ему:

— Значить, ты просто ссыкливый, при чём тут давление.

Наутро, когда ему капали очередную поллитру в уже одеревеневшую руку, возле мужика с давлением засуетились «сугробы». Головная боль в висках бухала каменным молотом по чугунной наковальне. Петру было не до соседа. Когда капельницу унесли, он с удивлением обнаружил, что и соседа тоже нет.

— Перевели? — уточнил у медсестры, принесшей очередную порцию лекарств.

— Умер...

Пётр Филиппыч примолк. Чугунная наковальня в голове снова загудела с удвоенной силой, а сам он полетел куда-то вниз. Очнувшись, со страху зажмурил глаза: рядом с кроватью ходил... Бог. Такой, каким он привык видеть его на картинках: с бородкой, с усами, длинными волосами и с большим крестом на груди. Глядя на Филиппыча, Бог молился. Старик закрыл глаза, вспомнил, что даже не попрощался со своей Ниной и безутешно заплакал. Кашель неожиданно прекратился, стихла боль в голове, и понял он, что умер, не поцеловав своей старухи на прощание. Было от этого горько.

— Батюшка! Ложитесь, я вам капельницу поставлю, — вдруг прозвучало где-то рядом.

Филиппыч открыл глаза и скосил направо. «Сугроб» прихватил за руку «Бога», уложил его в свободную кровать, а потом подкатил к нему капельницу.

— В жизни не был так рад попу, как щас, — проскрипел Филиппыч. — Но я тебе точно напенделяю, как ходить начну! Ты пашто меня так пужаешь-то? Я думал, меня уж на том свете Бог встречает. Реву лежу, что старуху напоследок не потискал.

После капельницы Филиппыча слегка отпустило. Хотя, если верить медсестрам, а под «сугробами» прятались медсестры, что было хорошо заметно по приятным округлостям спереди и сзади, так вот, если верить

медсестрам, капельниц Филиппыч получил уже семь штук. Он встал и попробовал пройтись по палате.

Штормит, будто по балде баллонником дали, — выставил он себе диагноз. Потихоньку, придерживаясь за головки кроватей, прошёлся по палате. «Бог» лежал бледный, закрыв глаза. На лбу вдруг выступила обильная испарина, а тело его стала трясти неукротимая дрожь.

— Это! Кто-нибудь там! — Филиппыч на худых заплетающихся ногах подался к двери, боясь, что не успеет. Не понравился ему батюшкин видок. Высунув лицо в коридор, он дозвался пробегающую мимо сестру. Та, едва бросив взгляд на батюшку, стремглав убежала. Вернулись втроём. Выдернув капельницу, стали колоть уколы. Филиппыч при-тих: без него тут суматоха, а он ещё, не ровен час, в обморок брякнется.

— Почему вы не сказали, что у вас аллергия на какие-то препараты? — сурово пытал батюшку старший «снеговик». А если бы сосед ваш не успел, вы бы и умерли.

— На всё воля Божия, — слабо проговорил тот.

— Нету такой воли, без спросу умирать, — буркнул Филиппыч. Потом потихоньку про-шествовал к своей кровати и, ровно складной метр, сложился там, натянув до подбородка одеяло. Происшествие с «Богом» — обнаружение его у собственного изголовья, а потом служба ангелом-хранителем уже у батюшкиной постели вымотали старика. Неожиданно для себя он уснул и почти не кашлял.

Следующий день мало отличался от предыдущего. Разве что у Филиппыча вдруг прибавилось хлопот с батюшкой. Испугавшись реакции на капельницу накануне, старый водитель стал присматривать за новым соседом. Годами тот был, конечно, моложе, а вот здоровье-то подкачало. А может, дело и не в здоровье. Судя по всему, он смирился с неминуемой смертью. Поэтому в те часы, когда кашель хоть немного, но успокаивался, он, закрыв глаза, безучастно лежал на кровати, не двигаясь и пугая Филиппыча.

— Божественный? Ты не молчи там! Говори чо-нибудь, — просил Пётр Филиппович.

— Какой я божественный... Грешник убогий, — не открывая глаз, отвечал батюшка.

— Грешник, говоришь. Не закатывай тогда глаза, да не пугай меня. У меня батарейка, сердце слабое. А ты пугаешь. Раз грешник, надо жить, я слышал, у вас не полагается без исповеди уходить. Грехи, поди, тяжкие?

Батюшка долго молчал, Филиппыч завозился, и тот ответил:

— Уныние — тяжкий грех.

— Воот! А ты полёживаешь, унылый. Открывай глаза, рассказывай мне што-нить. Тебе сколь лет?

— Немного за сорок, — нехотя ответил священник. — Уже пожил. Как вас зовут-то?

— Чо? Пожил он! Ты в два раза меня моложе. А нюни распустил! Даже меня подняли на ноги! Тебя там твои старухи в церкви ждут. Меня одна моя, да и то я переживаю. А тебя — целый табун. Да ты вперёд меня домой полетишь, только ряса будет заворачи-ваться. — Филиппыч разошёлся не на шутку. — Петром меня зовут, Петром Филиппычем. И я не я буду, если тебя на ноги не поставлю, или я не Пётр.

— Апостол? — первый раз улыбнулся батюшка.

— Сам ты апостол. Я — шофёр. Вот до тебя на этой кровати мужик лежал. Почти твой ровесник. Толстый такой. Начальник какой-то, я не запомнил. Не успел лечь, сразу заныл:

«Помру я. У меня давление высокое». И што ты думаешь? Помер ведь!

Батюшка приподнялся и заинтересованно посмотрел на Филиппыча.

— Помер! Потому што задачу себе поставил: помереть. И ты туда же: Воля Божия. Ка-ая воля, если эти остолопы не спросили, на что у тебя аллергия?

— Это и есть Воля Божия.

— Это у нас ещё легко болезнь протекает. Кислородную маску не дают, как другим, на полусоток. В реанимацию не волокут. Вставать, ходить чуть-чуть можно. Щас, капельницу снимут, гулять с тобой пойдем. Я тебе покажу кое-что, — доверительно произнёс старый водитель, который в моменты, когда отступали кашель и боль, совершал разведвылазки в пределах допустимых маршрутов.

После капельницы, несмотря на сопротивление батюшки, старик прихватил его под локоток и подался из палаты в коридор, где потихоньку слонялись те, кого «корона» отпуска-ла. Двери палат в коридор были распахнуты. Филиппыч прокуренным пальцем показывал вправо:

— Видишь, старухи вокруг стола сидят, чай третий раз пьют? Вот... Чо побледнел? Мутит? От вида еды? Нормально. Скоро сам запросишь есть. Дальше пошли. Во, видишь, слева четырехместка? Клали туда самых молодых. Троих вынесли! А почему? А потому што крылышки опустили: всё, мол. А старухи чо? А старухи спорят, когда правильно рассаду садить, в феврале или в марте. Разницу сечёшь, отче?

В палате Филиппыч заставил батюшку лечь на живот и делать дыхательные упражне-ния, которые им показал врач на обходе.

— Полагаю, достаточно, — устало сказал батюшка.

Ты посмотри на него, полагает он. Ты по сколь минут кажин день молишься?

— Часами. При чём тут это?

— При том, батюшка! Это сильнее молитвы. Разработаешь лёгкие, будешь молиться и петь, что вам там полагается. Нет — сипеть будешь, и то коротко. Спишут тебя с поста. А позанимаешься, помолись-ка, отче, за наших девчат. Ох, и мучаются они с нами. Сомле-ли там в этих маскхалатах, в масках, в очках. Бедняжки...

Вспотевший, обессиленный священник упал лицом в подушку, но потом, откашляв-шись, снова занялся дыхательными упражнениями.

— Пётр, а сам-то почему... не занимаешься? — через силу прохрипел своему физмучи-телю.

— А мне бы курнуть. Это б дело, конечно. А попыхтеть — я ещё попыхчу. Разведаю, где бы курнуть можно, терпеть уже сил никаких нет. Старухе позвоню, а потом пойду в разведку.

Сарделькоподобным своим пальцем сноровисто набрал номер телефона и, отвернув-шись к окну, произнёс:

— Нинок! Ты как там без меня? Дрова не таскай помногу, по два-три полешка, ладно? В магазин не ходи, харчи всё одно свои, всё есть. Не,

долго не буду, тоскливо тут. Бабы бравые? Есть, куда им деваться. Бурятка одна особо приглянулась, бравенькая, так бы и бросился бы на неё! Нин, конечно, шучу. Только курить охота. Ладно, не ворчи.

Довольный, прицепил «сотик» на зарядку и чему-то улыбнулся в окно.

— Вот так, отче! Нина меня дома ждёт. Некогда залёживаться. Всем ливером чую, — скоро выпишут! Есть захотел, а это великое дело!

И впрямь, утром следующего дня Филиппыча предупредили о предстоящей выписке. Сводили на снимки. Правда, через часик забежала очередной шуршащий «сугроб» и стала пытать, где его документы.

— Моё дело шоферское — куда путевку выписали, там и лежу. А накладные мои где-то у вас.

«Накладные» никак не могли отыскать. К поискам присоединился сам Филиппыч. Пришёл довольный:

— Чо ты думаешь, батюшка? Мои документы сразу при поступлении забросили в кабинет, где мёртвых списывают. По возрасту решили, что залечат, и для облегчения работы все документы старичья в мертвецкий кабинет, — рассмеялся он, сверкнув стальными зубами с правой стороны. — Не на того напоролись! А тебя, батюшка, на снимок тоже требуют. Иди бодренько. Выше клюв, победа будет за нами!

Выпытав у батюшки, что показал снимок, старик успокоился. Хоть и медленно, но у батюшки тоже шло на улучшение. Старый шофер записал номер сотового своего «Бога», сделал ему напоследок строгое внушение относительно уныния и, помявшись неловко, заговорщицким шёпотом спросил:

— Ты мне, отче, скажи, как мне бабку в рай пристроить? Чо сделать, штобы попала в хорошие условия, а? Не сейчас, конечно. А на перспективу? Я-то точно попаду в ад. Ругался, курил, выпивал, знамо дело. Собак брошенных подбирал, правда. Голодных кормил, когда подвозил.

А она у меня — чистый ангел. А там, можа, какая тонкость есть, раз, — сделаешь это и в раю? Жалко будет, если она в преисподнюю. Она ж, такая. Как тебе сказать... Э... не поймешь ты, батюшка... Да она меня и не бросит, поди. Скажет, меня к Петру моему. Чума!

Пока, батюшка... Помолись потом за неё, да и за меня, если случай такой выпадет.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Национальные литературы народов Северного Кавказа, юга России и Крыма. Поэзия
Адам АХМАТУКАЕВ 10
Асламбек ТУГУЗОВ 11
Шарип ЦУРУЕВ 13
Исхак МАШБАШ 14
Аминат АБДУЛМАНАПОВА 16
Багаутдин АДЖИЕВ 17
Марина АХМЕДОВА 18
Арбен КАРДАШ 20
Фейзудин НАГИЕВ 21
Баху-Меседу РАСУЛОВА 23
Тамила ХУРШИДОВА 25
Малика САГОВА 26
Анатолий БИЦУЕВ 27
Аскар ДОДУЕВ 28
Танзиля ЗУМАКУЛОВА 29
Татьяна БАДАКОВА 31
Эрдни КАНКАЕВ 32
Зухра БУЛГАРОВА 33
Лариса ШЕБЗУХОВА 34
Лидия ВДОВЧЕНКО 36
Николай ЗИНОВЬЕВ 37
Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО 39
Олег СЕЛЕДЦОВ 40
Сейран СУЛЕЙМАН 41
Елена АЛЬМАЛИБРЕ 42
Ольга ГУБАРЕВА 43
Виктория МОЖАЕВА 44
Ирина САЗОНОВА 46
Анжелика САЛТАНОВА 47
Дмитрий ХАНИН 48
Залина БАСИЕВА 49
Владимир БУТЕНКО 50

Национальные литературы народов Поволжья, Урала, Северо-Запада России и Алтая. Поэзия
Радиф ГАТАШ 52
Ляис ЗУЛЬКАРНАЙ 53
Булат ИБРАГИМ 55
Зиннур МАНСУРОВ 57
Юлдуз МИННУЛЛИНА 58

Равиль ФАЙЗУЛЛИН 59
Ренат ХАРИС 60
Луиза ЯНСУАР 62
Николай ЧЕРНОВ 64
Юрий ЩЕРБАКОВ 65
Лили АКПЫЖАЕВА-ТЯГНИЦКАЯ 66
Качканак БАГЫРОВ 67
Бронтой БЕДЮРОВ 68
Лариса АБДУЛЛИНА 69
Тамара ГАНИЕВА 71
Юмабика ИЛЬЯСОВА 72
Тамара ИСКАНДАРИЯ 73
Хасан НАЗАР 74
Хисматулла ЮЛДАШЕВ 75
Олег МОШНИКОВ 77
Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН 79
Любовь АНУФРИЕВА 80
Елена АФАНАСЬЕВА 81
Алёна ЕЛЬЦОВА 83
Надежда МИРОШНИЧЕНКО 84
Андрей ПОПОВ 85
Анастасия СУКГОЕВА 87
Алёна ШОМЫСОВА 88
Светлана ГРИГОРЬЕВА-СОТО 89
Геннадий ОЯР 90
Анатолий ТИМИРКАЕВ 91
Татьяна МОКШАНОВА 92
Дмитрий ТАГАНОВ 94
Сергей МАТВЕЕВ 95
Владимир МИХАЙЛОВ 97
Анатолий ПЕРЕВОЗЧИКОВ 98
Татьяна ЧЕРНОВА 99
Алла ИШТИМИРОВА-ПОСОХОВА 101
Василий КОШКИН-КЕРВЕНЬ 103
Юрий СЕМЕНДЕР 105
Валери ТУРГАЙ 106

Национальные литературы народов Дальнего Востока, Восточной Сибири и Забайкалья. Поэзия

Амгалан БУДАЕВ 108
Есугей СЫНДУЕВ 109
Сергей ДОРЖИЕВ 111
Саргылана ГОЛЬДЕРОВА-САРГЫ КУО 113
Наталья ХАРЛАМПЬЕВА 115
Николай КУУЛАР 117
Мэнги ООРЖАК 119
Игорь МАМЫШЕВ 120
Зоя НЕНЛЮМКИНА 121

Национальные литературы народов Северного Кавказа, юга России и Крыма. Проза

Бийке КУЛУНЧАКОВА ... 124
Шахвелед ШАХМАРДАНОВ ... 130
Хаваш НАКОСТОЕВ ... 138
Мадина ХАКУАШЕВА ... 142
Елена ОЛЬЗЕЕВА ... 152
Иса КАПАЕВ ... 154
Юрий ВАСИН ... 163
Владимир СОРОКИН ... 167
Ольга ЛОЗБЕНЕВА ... 181
Александр МОЖАЕВ ... 184
Сергей ХУГАЕВ ... 190
Ирина КАЛУС ... 202

Национальные литературы народов Поволжья, Урала, Северо-Запада и Алтая. Проза

Ркаил ЗАЙДУЛЛА ... 212
Марат КАБИР ... 222
Марина ПАРЕНСКАЯ ... 233
Таукен ЯЙТЫНОВ ... 236
Айгиз БАЙМУХАМЕТОВ ... 239
Камиль ЗИГАНШИН ... 243
Александр ШЕБЫРЕВ ... 249
Анатолий ПОДОЛЬСКИЙ ... 256
Вера БРЫНДИНА ... 264
Анатолий ГАНЧИН ... 266
Вячеслав АР-СЕРГИ ... 269
Алла ИШТИМИРОВА-ПОСОХОВА ... 278
Сергей ПАВЛОВ ... 282

Национальные литературы народов Дальнего Востока, Восточной Сибири и Забайкалья. Проза

Елена ЧУБЕНКО ... 298

Союз писателей России

Альманах современной литературы народов России

Составители А.Н. Андреев, М.Г. Халилов

Подписано в печать 18.10.2026 г. Формат 70*100/16.
Гарнитура Таймс. Печ. л. 19,5.
Тираж 1000 экз.

АНО Редакция журнала «Москва»
119002, Москва, Арбат, 20
Тел. +7 495 691 7110, 495 691 8391
priem@moskvam.ru www.moskvam.ru
ВКонтакте https://vk.com/moskva_magazine
Одноклассники https://ok.ru/group/60690496159795
Telegram https://t.me/moskvajournal
Яндекс Дзен https://zen.yandex.ru/moskvam